

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Омский государственный технический университет

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
Исторический архив Омской области

УПРАВЛЕНИЕ ФСБ РОССИИ ПО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РФ
Омский автобронетанковый инженерный институт

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной памяти историка отечественных спецслужб
Александра Михайловича Плеханова
и 105-летию образования ВЧК
(Омск, 19–20 октября 2022 г.)

Омск
Издательство ОмГТУ
2022

УДК 351.746:94(470)«20»
ББК 63.3(2)522-36
Д39

Редакционная коллегия:

Сушко Алексей Владимирович, д-р ист. наук, профессор (главный редактор);
Петин Дмитрий Игоревич, канд. ист. наук, доцент (ответственный редактор);
Стельмак Максим Максимович, канд. ист. наук;
Федотова Ирина Владимировна

Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 19–20 окт. 2022 г.), посвящ. памяти историка отеч. спецслужб А. М. Плеханова и 105-летию образования ВЧК / М-во образования и науки Рос. Федерации, Ом. гос. техн. ун-т ; М-во культуры Ом. обл., Ист. архив Ом. обл. ; УФСБ России по Ом. обл. [и др.] ; редкол.: А. В. Сушко (гл. ред.), Д. И. Петин (отв. ред.) [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2022. – 264 с. : ил.

ISBN 978-5-8149-3535-9

В сборник вошли материалы, освещающие различные аспекты деятельности отечественных спецслужб в контексте военно-политической и общественной жизни России в XX в.

Издание адресовано историкам, архивистам, музейным сотрудникам, преподавателям, докторантам, аспирантам, магистрантам и студентам учебных заведений высшего и среднего профессионального образования, журналистам и краеведам.

УДК 351.746:94(470)«20»
ББК 63.3(2)522-36

ISBN 978-5-8149-3535-9

© ОмГТУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	6
Бакшт Д. А. К вопросу о мемуарах М. С. Коммисарова	10
Бандурин С. Г. Офицеры и курсанты Московского военно-технического училища войск НКВД имени В. Р. Менжинского на исторических парадах 1945 г.	15
Бахарев Д. В., Суханова А. Н. «Профессионалы на механизированных работах»: к истории секретных постановлений о концлагерях ОГПУ для уголовников-рецидивистов	21
Блиев В. Р., Сушко А. В., Попов С. А. «Стараться ухватиться за благовидный предлог для начала военных действий в выгодных условиях...»: к описанию плана диверсий против СССР мишаньской японской военной миссии 1935 г.....	29
Бурцев Г. А. Восприятие опричного войска в контексте преемственности спецслужб в современных отечественных СМИ.....	35
Веригин С. Г. Нелегальные каналы заброски финских агентов в СССР в 1920–1930-е гг	38
Гермизеева В. В. Общественно-политические настроения в Степном крае в 1914–1916 гг. в обзорах Омского жандармского управления	43
Гребенкин А. Н. Организация охраны железнодорожных поездов Николая II в годы Первой мировой войны.....	52
Гуларян А. Б., Мхитарян С. Ф., Третьяков О. В. Становление органов ВЧК в Орловской губернии. 1918–1921 гг.....	60
Журавлев Е. Н. Формирование органов военной цензуры на территории Туркестанской Республики. 1919–1920 гг.....	67
Зданович А. А. К вопросу о достижении внезапности в период подготовки к Курской стратегической оборонительной операции.....	73
Иванов В. А. Боевые операции разведгрупп 51-й армии 4-го Украинского фронта совместно с подпольщиками Северного Крыма в 1943–1944 гг	80

Кашин В. В. Выявление агентурного источника в Ставке А. В. Колчака, или Атрибуция исторического документа	87
Кокоулин В. Г. Сталинские репрессии и спецслужбы в политике исторической памяти советской и постсоветской России.....	97
Край К. И. Польская научная литература о современных спецслужбах России	105
Кротова М. В. Двойные агенты среди эмиграции в Маньчжурии в 1930-е гг.: к вопросу о личности И.А. Михайлова	112
Куваев Д. В., Соколенко А. В. Организация розыска пособников гитлеровской Германии на Тихоокеанском флоте в годы Второй мировой войны	120
Кулешов Д. С. Борьба советских органов безопасности с подрывной деятельностью японских спецслужб на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг	128
Кулинок С. В. Подготовка немецкой агентуры из числа евреев на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.....	133
Малюченко Д. А. Деятельность военной контрразведки на Ораниенбаумском плацдарме в начальный период Великой Отечественной войны.....	138
Мамонтова М. А. Проблема формирования представлений о деятельности отечественных спецслужб на страницах учебной литературы	145
Махнанова И. А. Борис Пантелеймонов и ГРУ: тайна фактов и документов.....	151
Озерова О. А. К вопросу о работе советских силовых структур в Западной Сибири (1928–1930).....	156
Олейник С. А. К вопросу о некоторых проблемах работы с кадрами в НКВД–МГБ СССР в 1945–1950 гг.....	161
Папков С. А. Кадры ОГПУ–НКВД на пути к Большому террору	165
Петин Д. И. Проект создания органа разведки при штабе Восточно-Сибирской советской армии	172

Плеханов А. А. Ф. Э. Держинский в научном наследии доктора исторических наук, профессора А. М. Плеханова	179
Позднякова А. С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918–1919 гг.)	186
Полуэктов И. Б., Тумшис М. А. Борис Бак: «...лучше всего может быть использован в органах Г.П.У.»	193
Стельмак М. М. «Непрерывное агентурное освещение деятельности общества “Просвещение” продолжается»: о мерах жандармерии против омских социал-демократов (1914 г.).....	200
Стельмак М. М., Сушко А. В. «Расстрел врагов революции»: к вопросу о карательной политике советского государства в отношении бывших белогвардейцев в Омске в 1920 г	208
Сушко А. В. К вопросу об образе военного контрразведчика периода Великой Отечественной войны в историческом сознании современных россиян	216
Теунов М. К. О некоторых аспектах деятельности органов ОГПУ в отношении мусульманского духовенства в 1920-е гг. (на примере Кабардино-Балкарской автономной области)	223
Федотова И. В. Белая эмиграция против СССР: мнение практиков разведки РККА в конце 1920-х гг	228
Ченцов А. С. Характеристика оперативной обстановки на территории Восточной Пруссии в январе – июне 1945 г. в документах войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта.....	238
Шабельникова Н. А. Документы отечественных архивов как основной источник в изучении деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД по борьбе с бандитизмом на Дальнем Востоке России	245
Шекшеев А. П. «Железом и кровью» решались «великие вопросы» современности. Деятельность чекистов в Енисейской Сибири (1920–1933 гг.)	251

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АУМВД – архив Управления МВД

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

БРЭМ – Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи

БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика

ВАГШ ВС РФ – Военная Академия Генерального штаба Вооруженных Сил РФ

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков

ВМБ – военно-морская база

ВМФ – Военно-Морской Флот

ВССА – Восточно-Сибирская Советская армия

ВЦИК – Всероссийский Центральный исполнительный комитет

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

ГААО – Государственный архив Амурской области

ГАБО – Государственный архив Брянской области

ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАОО – Государственный архив Орловской области

ГАПК – Государственный архив Приморского края

ГАРК – Государственный архив Республики Крым

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

ГИАОО – (Государственный) Исторический архив Омской области

ГМПИР – Государственный музей политической истории России

ГПУ – Главное политическое управление

ГРУ – Главное разведывательное управление

ГУМЗ – Главное управление мест заключения

ГУЛАГ – Главное управление лагерей

Д. – дело

ДВР – Дальневосточная республика

ДВК – Дальневосточный край

ДТО – дорожно-транспортный отдел

ЗАГС – запись актов гражданского состояния

ИНО – иностранный отдел

ИТ(К/Л) – исправительно-трудовая колония / лагерь

ИУР – Ижорский укрепленный район

КБФ – Краснознаменный Балтийский Флот

КГБ – Комитет государственной безопасности

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

Л. – лист

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

МВД – Министерство внутренних дел

МВТУ войск НКВД – Московское военно-техническое училище войск НКВД

МГБ – Министерство государственной безопасности

МКУ «АГМ» – муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска»

НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности

НКВД – Народный комиссариат по иностранным делам

НКО – Народный комиссариат обороны

НКФ – Народный комиссариат финансов

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

НРА – Народно-революционная армия

ОГПУ – Объединенное Главное политическое управление

ОКДВА – Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов

ОКР – отдел контрразведки
ОКПС – Отдельный корпус пограничной стражи
ОО – особый отдел
Оп. – опись
ПНР – Польская Народная Республика
ПП – Полномочное представительство
ПриВО – Приволжский военный округ
РВС(Р) – Революционный военный совет (Республики)
РГАВМФ – Российский государственный архив ВМФ
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГВА – Российский государственный военный архив
РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков
РОВС – Русский общевоинский союз
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация
СВО (СВК) – Средне-Волжская область (край)
СМИ – средства массовой информации
СНК – Совет народных комиссаров
СОГАСПИ – Самарский областной государственный архив социально-политической истории
СОЧ – секретно-оперативная часть
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СТО – Совет Труда и Оборона

США – Соединенные Штаты Америки

ТОФ – Тихоокеанский флот

УК – Уголовный кодекс

УПК – уголовно-процессуальный кодекс

УСЛОН – Управление Соловецких лагерей особого назначения

УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

Ф. – фонд

ФСБ РФ – Федеральная служба безопасности РФ

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ России

ЦК – Центральный комитет

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

ЦПА ФСБ – Центральный пограничный архив ФСБ

ЧОН – части особого назначения

ЯВМ – японская военная миссия

К ВОПРОСУ О МЕМУАРАХ М. С. КОММИСАРОВА

Дмитрий Алексеевич Бакшт¹

¹ СибЮИ МВД России, Красноярск, Россия

¹ baksh@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6136-9983

Аннотация: В докладе рассматривается вопрос о факте существования мемуаров Михаила Степановича Коммисарова (Комиссарова) – достаточно яркой фигуры в истории отечественных спецслужб первой трети XX в. Ставится вопрос об актуальности поисков его автобиографии.

Ключевые слова: исторические источники, мемуары, российские спецслужбы, Отдельный корпус жандармов, Департамент полиции, белоэмиграция.

Постановка проблемы. Изучение биографий деятелей отечественных спецслужб первой трети XX века, которые непосредственно осуществляли оперативную работу, в особенности характерно для исследователей дореволюционного периода времени. При этом в научный оборот либо вводятся их мемуары, либо активно используются в качестве одного из основных источников своих исследований. Достаточно яркая фигура Михаила Степановича Коммисарова (в ином написании – Комиссарова) эпизодически усматривается как в воспоминаниях государственных деятелей [1, 2, С. 29–408; 3, С. 157] и общественно-политических деятелей [4, 5], так и в исследованиях социально-политической истории начала XX в.

В своей служебной деятельности Коммисаров был участником важнейших вех истории России. В самом начале своей карьеры он являлся одним из руководителей секретного отделения по наблюдению за иностранными дипломатическими представительствами во время Русско-японской войны (которое в дальнейшем трансформировало свою деятельность по борьбе с революционерами). На этом поприще жандармский офицер Коммисаров стал фигурантом громкого скандала, связанного с «погромными прокламациями» (печать листовок с призывом погромов на изъятом у революционеров оборудовании в здании Департамента полиции), что стало весной – летом 1906 г. предметом депутатского запроса. В 1906–1909 гг. он проходил службу в столичном охранном отделении (под руководством небезызвестного А. С. Герасимова), в 1909–1915 гг. – в качестве начальника в провинциальных губернских жандармских управлениях Сибири, Урала и Поволжья. В 1915–1916 гг. глава МВД дел полковнику Коммисарову поручил миссию по организации личной охраны царского фаворита Г. Е. Распутина, по окончании которой в 1916 г., он получил пост градоначальника Ростова-на-Дону и чин генерал-майора по легкой артиллерии.

В 1917 г. генерал Коммисаров был одним из тех, кого по распоряжению Временного правительства содержался в Трубецком бастионе Петропавловской

крепости в числе «бывших сановников царского режима». В дальнейшем в среде белоэмигрантов М. С. Коммисаров пользовался репутацией агента советских спецслужб, на что есть косвенные данные [6, С. 114; 7, С. 180]. В связи с этим выявление одного из основных источников по изучению его биографии, – собственных мемуаров – способствовало дальнейшему развитию изучения жизненного пути этого деятеля.

Основная часть. В исторических источниках есть краткие упоминания о намерениях Коммисарова написать мемуары, которые, к слову, связаны, скорее, с угрозами опубликовать факты, нелицеприятные для Департамента полиции. Так, в 1916 г. Департаментом полиции в Ростов-на-Дону прибыл жандармский генерал-майор Петр Ксенофонович Попов с заданием проверить информацию о непристойной деятельности градоначальника Коммисарова. В своем докладе от 27 июля 1916 г. Попов, ссылаясь на начальника ростовского розыскного пункта Александра Федоровича Пожогу, указывает, что Коммисаров заявлял следующее: «Пусть только меня тронут, я выеду за границу и буду писать мои мемуары» [8, Л. 4об.]. Сам Коммисаров на допросе в мае 1917 г., который проводился учрежденной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссией для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств, утверждал о намерении издать свои «заметки» с «охотником за провокаторами» Владимиром Львовичем Бурцевым [9, С. 177].

Весной 1924 г. Коммисаров с супругой Верой Васильевной Коммисаровой переехали в Нью-Йорк, что не осталось незамеченным в среде русской диаспоры эмигрантов [10]. Отметим, что ко времени их прибытия в США местная эмиграция была предупреждена о скандальном генерале. Так, в октябре 1920 г. из Парижа представитель ВСЮР в США генерал-лейтенант Миллер со ссылкой на П. Н. Врангеля сообщал, что Коммисарову «ни содействия, ни доверия оказывать не должно». В 1924 г. бывший депутат III и IV Госдумы, а также бывший член Учредительного собрания барон А. Ф. Мейендорф в своем обзоре на «Записки» директора Департамента полиции С. П. Белецкого для американского научного журнала «Slavic Review» называл Коммисарова «известным жандармским офицером» (англ. «the famous gendarme-officer», «the most experienced opportunist»), ставя его в один ряд с «людьми плохой репутации» (англ. «men of badly stained reputation») [11, P. 651–653]. А. И. Спиридович в своих мемуарах, опубликованных также в 1924 г., открыто обвинил Коммисарова в том, что он находится на службе большевиков [12, С. 108]. В 1928 г. его мемуары издали в СССР под заголовком «Записки жандарма», где это обвинение также было повторено [3, С. 197].

По прибытии в Нью-Йорк Коммисаров дал несколько интервью газете «The New-York Times». Первое, озаглавленное «Новый свет на загадку гибели лорда Китченера», было опубликовано 12 октября 1924 г. Оно было посвящено гибели 5 июня 1916 г. направлявшегося с тайным визитом в Россию военного министра Великобритании Горацио Герберта Китченера в результате подрыва

крейсера «Хэмпшир» заранее установленной немецкой миной. Коммисаровым утверждалось, что вину за происшествие следует возложить на императора Николая II и его супругу [13].

Во втором интервью он рассказывал о Г. Е. Распутине, его влиянии на семью царя и убийстве «фаворита» [14]. При этом себя Коммисаров выставлял одним из активных участников событий, «тенью Распутина», хотя в момент убийства «старца» несколько месяцев был в отставке, никакой роли не играя.

В последнем интервью, посвященном организации погромов в Российской империи, Коммисаров всю ответственность за это возлагал на Вячеслава Плеве, Сергея Витте и великого князя Сергея Александровича, умалчивая о деятельности своего «секретного отделения» [15].

Сообщения об этих «сенсациях» «экс-шефа русской секретной полиции» перепечатывались не только в американской печати, но и в европейской [Напр.: 16]. Ответ на вопрос о том, зачем отставной генерал-майор публиковал ложные воспоминания со страниц влиятельного издания, возможно, кроется в том, что наличие таких дискредитирующих «старый режим» интервью вроде бы ревностного его служителя давало возможность советской пропаганде выставлять «царский режим» в невыгодном свете. Но сообщений из-за рубежа в советской прессе или ссылок на публикации Коммисарова в выходивших в СССР изданиях не выявлено.

Из Нью-Йорка в 1930-е гг. Коммисаров перебрался в Чикаго, где и умер при трагических обстоятельствах. Русская диаспора получила известие о гибели генерала со страниц эмигрантской газеты «Новое русское слово». Сообщалось, что 20 октября 1933 г. Коммисаров попал под трамвай, а через 3 дня был похоронен на кладбище Элливуд. После чего фиксируется попытка Веры Коммисаровой продать рукописи, которые она представляла как мемуары бывшего жандармского офицера, в 1935 г.

Секретным письмом (ныне рассекречено) НКВД СССР от 13 января 1936 г. № 25505/с за подписью заместителя наркома Бориса Спиридоновича Стомонякова в Центральное архивное управление СССР с копией в Отдел печати ЦК ВКП(б) сообщалось, что полномочным представительством в США в НКВД пересланы материалы, которые содержали выдержки в 2,5 страницы из предполагаемых мемуаров Коммисарова и перечень вопросов, которые освещались в них [17, Л. 1]. В полпредство эти материалы переданы вдовой Коммисарова, по словам которой, рукопись перешла к ней по наследству после смерти мужа. В Берлине она вела переговоры о продаже с Марией Федоровной Андреевой, работавшей тогда, по утверждению Веры Коммисаровой, в берлинском советском торговом представительстве, затем обращалась к некоторым американским издательствам и, наконец, в советское дипломатическое представительство в США. В полпредстве не стали обнадеживать генеральскую вдову, поскольку не считали, что в условиях, сложившихся к середине 1930-х гг. в СССР, было бы возможно напечатать мемуары бывшего жандармского офицера.

В НКВД сомневались в подлинности мемуаров, поскольку по перечню вопросов выходило, что рукопись содержит сенсацию, но «кажется странным, что

Коммисарова никак не может продать эти мемуары какому-нибудь буржуазному издательству» [17, Л. 1об.].

Поэтому НКВД просил Центральное архивное управление произвести оценку материалов на предмет подлинности. Резолюция, наложенная на документ 19 октября 1936 г., гласила: «Нет оснований думать, что эти “мемуары” являются ценным арх.[ивным] мат.[ериалом]. Поэтому думаю, что надо отказаться от предложения. 19.10.36.» [17, Л. 1]. Как следствие, рукопись, которую Вера Коммисарова выдавала за мемуары своего покойного мужа, сегодня не находятся на постоянном хранении ни в одном из архивов России, а потому ознакомиться с ней, к сожалению, не представлялось возможным.

Вопрос о том, были ли в распоряжении Веры Коммисаровой подлинные воспоминания ее мужа, остается открытым. Возможно, эмигрантка пыталась извлечь хоть какой-то доход путем создания апокрифа, что было распространено в те годы. А, возможно, рукопись была подлинником, поскольку из знакомства со стенограммой допроса Коммисарова и тремя его интервью, данных американской газете, видно, что бывший генерал не стеснялся ни в искажении фактов, ни в откровенных домыслах. В любом случае, решить указанный вопрос могло бы изучение такой рукописи на предмет авторства, но, вряд ли источник был бы информативным. Скорее, его можно было бы использовать лишь с сопутствующей верификацией фактов из иных источников.

Вместе с тем, результаты более широкого исследования биографии М. С. Коммисарова, издание которого в настоящее время готовится, выявляет, начиная с ноября 1917 г. по 1920 г., значительные лакуны в биографии этого деятеля. Факты, приведенные им в автобиографии (пусть даже и искаженные) дали бы направление к дальнейшему поиску материалов для восполнения исторического жизнеописания.

Результаты исследования. Подводя итоги, отметим. Во-первых, поиск и выявление рукописи возможных мемуаров М. С. Коммисарова является одной из исследовательских задач в изучении истории отечественных спецслужб первой трети XX в и русской эмиграции. Во-вторых, выявлен незначительный объем самостоятельного нарративного материала потенциального мемуариста. А это, в свою очередь, не позволяет сформировать «сборную» автобиографию, но даст возможность провести необходимую историко-лингвистическую экспертизу в случае выявления предполагаемых записок бывшего жандармского офицера. Таким образом, изучение всех сторон биографии этой колоритной личности из истории российских спецслужб пока все еще далеко от полного завершения.

Список источников и литературы:

1 Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 685 с.

2. Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. ст.,

подг. текста и комм. З. И. Перегудовой. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 512 с.

3. Спиридович А. И. Записки жандарма / вст. ст. С. А. Пионтковский. Харьков: Пролетарий, 1928. 264 с.

4. Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания / под ред. А. А. Кизеветтера // Архив русской революции. Т. XXI. Берлин, 1934; Т. XXII. Берлин, 1937.

5. Цинговатов–Корольков И. Организация взаимопомощи енисейской ссылки (по личным воспоминаниям и личным письмам) // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С. 110–120.

6. Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск — Санкт-Петербург: СОЛТИ, 2010. 576 с.

7. Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Советская военная разведка 1917–1934 гг. М.: ВЕЧЕ, 2020. 432 с.

8. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 655.

9. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / ред. П. Е. Щеголева. Т. III. Л.: Гос. изд-во, 1925.

10. Правое дело (Нью-Йорк). 1924. 5 апр. № 88.

11. Iz Zapisok (Grigory Rasputin) by S. P. Beletsky, review by: A. F. Meyendorff // The Slavonic Review. Vol. 2. No. 6 (Mar., 1924). P. 651–653.

12. Спиридович А. И. При царском режиме // Архив русской революции. Т. XV. Берлин, 1924. С. 85–206.

13. The New York Times, 1924, Oct. 12.

14. The New York Times, 1924, Oct. 19.

15. The New York Times, 1924, Nov. 12.

16. L'express du Midi (Paris). 1924, Novembre, 18.

17. ГАРФ. Ф. Р–5325. Оп. 1. Д. 1152.

Для цитирования: Бакшт Д. А. К вопросу о мемуарах М. С. Коммисарова // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 10–14.

Дата поступления статьи: 01.08.2022

Дата одобрения после рецензирования: 25.08.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Бакшт Д. А., 2022

**ОФИЦЕРЫ И КУРСАНТЫ МОСКОВСКОГО
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА ВОЙСК НКВД
ИМЕНИ В. Р. МЕНЖИНСКОГО НА ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРАДАХ 1945 Г.**

Сергей Геннадьевич Бандурин¹

¹ Российский технологический университет, Москва, Россия

¹ bs963@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 8083-6638.

Аннотация: На основе материалов трех ведомственных архивов и газеты «Менжинец» рассматриваются вопросы подготовки и участия парадного расчета Московского военно-технического училища войск НКВД имени В. Р. Менжинского в трех парадах 1945 года на Красной площади, опровергаются отдельные аргументы, изложенные в книге кандидата философских наук В. И. Городинского и искажающие очевидные исторические факты. В годы Великой Отечественной войны высшее военно-политическое руководство страны и войск обеспечения государственной безопасности высоко оценивало вклад пограничных войск в Победу. Мужество и героизм пограничников снижали всенародную любовь и уважение.

Ключевые слова: Победа, парад, менжинцы, пограничные войска, военные училища, офицеры, курсанты, И. В. Сталин, П. А. Артемьев, М. Ф. Горяинов, А. Н. Апполонов, Г. Г. Соколов, В. И. Городинский.

Постановка проблемы. Данная публикация является продолжением тематического цикла [1, 2, 3], призванного усилить историческую аргументацию в отношении политических, литературных, исторических, логических и иных недоразумений, которым нашлось место в книге [4] одиозного в некоторых кругах автора. Стоит заметить, что нашлись люди, которым книга понравилась, вызвав у отдельных из них восторг и небывалую активность, прежде всего, в Интернете. С удовлетворением можно заметить, что дискуссия, которую так желал автор, постепенно тихо сошла на нет и затерялась на просторах Сети, застолбив, однако, за собой там постоянное место прописки в «Википедии» и периодически возобновляясь в рубрике «Обсуждаем книгу В. Городинского» на сайте «Погранец» (<http://www.pogranec.ru/>), где основная целевая аудитория – пограничники и им сочувствующие люди.

Прошедшие с момента издания книги годы, ввиду сильной аргументации оппонентов, свели на нет утверждение автора: «Ни одна МОЯ позиция или факт не были опровергнуты. Не было приведено ни одного документа, способного доказать, что Я в чем-то был не прав» [4, С. 180–181].

Многие моменты были опровергнуты, но не все. Никогда не имея желания опровергать все изложенные автором доводы, при проведении научных исследований непреднамеренно приходится сталкиваться в очередной раз с историческими фактами из пограничной истории, которые автор интерпретировал удивительным образом.

Еще при первом прочтении труда в 2016 г. обратили на себя внимание, наряду с другими, следующие «сенсационные» моменты: «Для меня было важным исследовать ... изменения рейтинга пограничных войск в общей системе Вооружённых Сил СССР по итогам Великой Отечественной войны» [4, С. 334] и «К этому следует добавить, что из трёх парадов на Красной площади, которые проходили в 1941–1945 годах (в т. ч. Парад Победы), пограничники, в отличие от предвоенных лет, ни разу в них участия не принимали. Это также наводит на определённые размышления» [4, С. 336].

Для непосвященных стоит пояснить, что здесь имелось ввиду недоверие высшего военно-политического руководства страны к пограничным войскам НКВД СССР за «провальные» (по мнению историка-ревизиониста) приграничные бои и сражения в июне-июле 1941 г. и, как следствие, «отлучение» пограничников от кремлевских парадов.

Основная часть. Начиная с 1 мая 1933 г., в парадах на Красной площади участвовал личный состав 3-й Школы Пограничной охраны и войск ОГПУ СССР (с марта 1939 г. – Московского военно-технического училища войск НКВД, с июля 1945 г. – Московского военного училища войск НКВД СССР, с сентября 1950 г. – Московского пограничного военного училища МГБ СССР, с апреля 1966 г. – Московского высшего пограничного командного училища КГБ при Совете Министров СССР, с сентября 1993 г. по настоящее время – Московского пограничного института), который представлял на главной площади страны все пограничные войска.

7 ноября 1941 г. училище к параду не привлекалось, так как выполняло боевые задачи по обороне ближних подступов к Москве, противодействуя воздушным десантам и диверсионным группам врага на Дмитровском направлении. С осени 1941 г. до начала 1945 г. училище находилось в эвакуации в Новосибирске, где принимало участие во всех военных парадах гарнизона.

Были ли парады на Красной площади в 1942–1944 гг., судить не берусь, но фонды ЦАМО РФ [5], ЦА ФСБ России [6], ЦПА ФСБ России [7], а также номера газеты «Менжинец» [8–11] Московского военно-технического училища войск НКВД имени В. Р. Менжинского (с июля 1945 г. – Московского военного училища войск НКВД имени Менжинского) за 1941–1946 гг. свидетельствуют, что училище участвовало в парадах на Красной площади: 1 мая 1941 г.; 1 мая, 24 июня и 7 ноября 1945 г.

При работе с документами об участии в парадах возникло справедливое сомнение: училище то войск НКВД, а не пограничное. Скорее всего, парадный расчет был в форме войск НКВД – с традиционным краповым цветом на фуражках, погонах и петлицах. Значит, по все видимости, формально историк-ревизионист прав – не было зеленых фуражек в парадном строю на Красной площади. К тому же тогда в НКВД было только одно пограничное училище – Харьковское пограничное кавалерийское училище, которое еще находилось в эвакуации в Алма-Ате и к парадам не могло быть привлечено.

Архивные материалы свидетельствуют, что в Параде Победы 24 июня 1945 г. от войск и органов обеспечения государственной безопасности (НКВД–

НКГБ) непосредственное участие принял личный состав 2 военных училищ, 2 соединений, 3 полков и 10 оркестров, в форме которых присутствовали краповый и васильковый цвета.

Везде в архивных документах речь шла о парадной форме одежды участников трех парадов 1945 г. от МВТУ войск НКВД имени Менжинского, но точного указания о форме внутренних или пограничных войск не было. Усиливало сомнение и наличие в МВТУ двух основных курсантских отделений – пехотного и связи, выпускники которых по завершении обучения распределялись во внутренние, пограничные, конвойные и другие войска НКВД, а значит, во время обучения должна была присутствовать однообразная формы одежды. Но какая?!

Еще больше расстраивало надвигающееся разочарование, что на юбилейном Параде Победы 24 июня 2020 г. офицеры и курсанты Московского пограничного института ФСБ России прошли в исторической форме образца 1943 г. в зеленых фуражках, с зелеными погонами и петлицами. А каких-либо документальных подтверждений пограничной легитимности на парадах 1945 и 2020 гг. представить никто не мог!

Помог, как часто бывает, случай. Кандидат исторических наук, доцент Владимир Егорович Морихин посоветовал найти экземпляры училищной многотиражной газеты «Менжинец» тех лет, что и было сделано. Подлинные экземпляры издания демонстрируют, что одно из центральных мест в номерах за 1945–1946 гг. занимали передовицы и статьи под авторством начальника училища генерал-майора М. Ф. Горяинова, офицеров и курсантов. В них освещались вопросы подготовки к парадам с анализом положительных и отрицательных моментов, описывались сами парады, а также подводились итоги прохождения парадных расчетов на всех трех парадах 1945 г. Все сомнения развеяла, например, статья курсанта В. Селезнева «Трижды на исторических парадах», в которой было отмечено: «Прошел славный, победоносный 1945 год. Для меня он знаменателен тем, что я трижды участвовал в исторических парадах на Красной площади в Москве: в день 1 Мая, на Параде Победы и в день 28-й годовщины Октября» [8].

Теперь немного статистики. В 1945 г. в газете «Менжинец» 21 материал был посвящен кремлевским парадам, из них параду 1 Мая – 14 материалов в 5 номерах, Параду Победы – 5 материалов в 3 номерах, параду 7 ноября – 2 материала в 2 номерах. Также за 1945 г. было размещено в училищной многотиражке по одному материалу о важности строевой подготовки и строевой прогулке училища по улицам города Бабушкин, и 2 статьи о важности парадов. Итого 46 передовиц, статей и заметок за 1945 г.!

Вернемся к форме одежды на парадах. Именно в номерах газеты «Менжинец» найдены свидетельства о пограничной форме военнослужащих парадного расчета, наряжаемого от МВТУ имени Менжинского. Так, накануне 1 Мая 1945 г. целый номер газеты «Менжинец» был посвящен подготовке первомайского парада на Красной площади. А в передовице этого номера «Все силы подготовке к параду» особо выделялись слова: «Менжинец! Тебе оказано большое доверие. ... На тебе зеленая фуражка. Пограничники, любимцы советского народа,

будут представлены на Красной площади только нашим училищем. Помни об этом и отдай все свои силы подготовке к параду. ... День ото дня курсанты улучшают свою строевую выучку и сплоченность. Это отметили Заместитель Наркома и Начальник Военно-Учебных заведений НКВД» [9].

Итогам участия училища в первомайском параде 1945 г., подготовке к Параду Победы и высокой оценке Верховного Главнокомандующего и руководства НКВД СССР строевой выучки личного состава училища была посвящена редакторская статья «Все силы, все наше внимание подготовке к предстоящему параду» от 6 июня 1945 г. В частности, в ней отмечалось: «На этом историческом параде наше училище отстаивало честь славных пограничных войск НКВД. Командование и товарищ Сталин оказали нам большое доверие. ... Менжинцы могут гордиться и тем, что они оправдали оказанное им доверие. На параде 1 Мая мы заслужили благодарность и похвалу начальника УВУЗ НКВД генерал-лейтенанта тов. Соколова и Заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел генерал-полковника тов. Апполонова. За отличную строевую выработку Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР товарищ Берия приказом от 5 мая объявил благодарность начальнику училища генерал-майору инженерно-артиллерийской службы тов. Горяинову и всем менжинцам, участвовавшим в параде. С 25 мая в училище началась подготовка к предстоящему параду. Мы будем участниками парада победителей! ... Помни, менжинец! Отстаивать честь Красной армии и войск НКВД, честь нашего великого народа – народа победителя, – высокая честь. Помни об этом и отдай все силы, все внимание подготовке к параду. Больше внимания, выше дисциплину, строя, четче равнение, выше шаг!» [10].

Полковник А. Нанакин в статье «Четко выполнять требования устава» (27 сентября 1945 г.) написал: «Наше училище – столичное. Его участие в парадах имеет особое значение. Во-первых, на параде оно представляет собой пограничные войска, и, во-вторых, оно обязано повседневно показывать образцы строевой выучки и подтянутости. ... Строевая подготовка, как одна из основных дисциплин, вырабатывает необходимые волевые качества, внимательность, подтянутость и строгую дисциплинированность» [11].

И еще о «недоверии» высшего военно-политического руководства страны к пограничникам. В приказе по МВТУ войск НКВД имени В. Р. Менжинского № 114 от 3 мая 1945 г. «Об участии училища в первомайском параде 1945 г. на Красной площади» отмечалось: «Благодаря высокой воинской дисциплине, организованности, внешнему виду, высокой строевой выучке, училище вместе с другими пехотными частями за прохождение торжественным маршем от Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза тов. Сталина И. В. получило высокую оценку. ... 1 мая 1945 г. после парада начальник Управления военно-учебных заведений войск НКВД СССР генерал-лейтенант тов. Соколов Г. Г. за хорошее прохождение торжественным маршем, всем участникам парада прислал поздравление» [12, Л. 235].

Приказом по МВТУ войск НКВД имени В. Р. Менжинского № 175 от 10 июля 1945 г. «Об участии училища в Параде Победы» было продублировано

отношение командующего войсками Московского военного округа – начальника гарнизона г. Москвы генерал-полковника П. А. Артемьева от 30 июня за № 028524: «Приказом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса тов. Сталина И. В. от 26 июня 1945 г., Вам и всему личному составу вверенного Вам училища – участникам Парада Победы, за хорошую организованность, слаженность и строевую выучку личного состава училища объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ. Благодарность Верховного Главнокомандующего занести в личное дело каждого участника Парада Победы. ...Высокая оценка Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса тов. Сталина И. В. прохождения торжественным маршем нашего училища на Параде Победы и его благодарность каждому участнику Парада Победы обязывает нас еще больше крепить дисциплину, лучше учиться и нести службу, отдавать свои силы на укрепление могущества нашей социалистической Родины» [13, Л. 69–69об]. Благодарность Верховного Главнокомандующего была занесена в личные дела 16 офицеров и 600 курсантов училища, принявших участие в Параде Победы [14, Л. 142].

Результаты исследования. Ни о каком недоверии высшего военно-политического руководства страны и народа к пограничникам речи никогда не шло, особенно в годы Великой Отечественной войны. Также несостоятельно утверждение, что из трёх парадов на Красной площади, которые проходили в 1941–1945 гг. (в т.ч. Парад Победы), пограничники ни разу в них участия не принимали. Материалы трех архивов (ЦАМО РФ, ЦА ФСБ России и ЦПА ФСБ России) и училищной газеты «Менжинец» свидетельствуют об обратном: парадный расчет Московского военно-технического училища (Московского военного училища) войск НКВД имени В. Р. Менжинского в 1945 г. трижды представлял пограничные войска страны на Красной площади.

Автор благодарит Владимира Егоровича Морихина.

Список источников и литературы:

1 Бандурин С. Г. Карты одни, выводы разные. Или как создаются мифы истории // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. XX Всеросс. науч. конф. (1–2 декабря 2016 г., Москва). М.: Общество изучения отечественных спецслужб, 2017. С. 319–323.

2 Бандурин С. Г., Цветков И. Б. Историографическая культура в работах по пограничной истории // Вестник Пермского научно-исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 1. С. 75–81.

3. Бандурин С. Г. Об одной из попыток изучения пограничной истории // Уроки и выводы, актуальные проблемы и пути их решения: междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию образования пограничных органов (17 мая 2018 г., Москва). М.: Пограничная академия ФСБ России, 2018. С. 95–101.

4. Городинский В. И. Правда истории или мифология? Малоизвестные страницы служебно-боевой деятельности Пограничных войск НКВД СССР в начальный период Великой Отечественной войны. М.: Грифон, 2016. 558 с.

5. ЦАМО РФ. Ф. 57435. Оп. 701786. Д. 1, 2.
6. ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Пор. 32, 2491, 2494, 2495, 2501.
7. ЦПА ФСБ России. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1, 14, 85, 228, 236, 246, 251, 1021, 1031–1033; Ф. 745. Оп. 1. Д. 1034.
8. Менжинец. 1946. 1 янв. № 1 (528).
9. Менжинец. 1945. 26 апреля. № 13 (504).
10. Менжинец. 1945. 6 июня. № 18 (509).
11. Менжинец. 1945. 27 сентября. № 30 (521).
12. ЦПА ФСБ России. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1032.
13. ЦПА ФСБ России. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1033.
14. Исторический формуляр Московского военно-технического училища. Т. 1. 1932–1965 гг. // ЦПА ФСБ России. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1.

Для цитирования: Бандурин С. Г. Офицеры и курсанты Московского военно-технического училища войск НКВД имени В. Р. Менжинского на исторических парадах 1945 г. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 15–20.

Дата поступления статьи: 11.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 12.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Бандурин С. Г., 2022

«ПРОФЕССИОНАЛЫ НА МЕХАНИЗИРОВАННЫХ РАБОТАХ»: К ИСТОРИИ СЕКРЕТНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О КОНЦЛАГЕРЯХ ОГПУ ДЛЯ УГОЛОВНИКОВ-РЕЦИДИВИСТОВ

Дмитрий Вадимович Бахарев¹

¹ Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск,
Россия

¹ demetr79@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2597-2429

Анастасия Николаевна Суханова²

² Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск,
Россия

² suhanovaanastasya@yandex.ru

Аннотация: На рубеже 1920–1930-х гг. произошла трансформация ранне-советской пенитенциарной системы тюремного типа в систему исправительно-трудовых колоний и лагерей. Историкографический анализ этих процессов в значительной степени базируется на работе С. А. Красильникова (1997). В ней впервые были использованы засекреченные ранее архивные документы, характеризующие отдельные этапы междуведомственной борьбы за контроль над местами лишения свободы в 1929–1930-х гг. Ключевым из них, пожалуй, является совместная докладная записка руководства ОГПУ, НКЮ и НКВД в СНК РСФСР от 13 апреля 1929 г. с просьбой о создании новых концентрационных лагерей и направлении туда всех осужденных на срок более 3-х лет. В качестве одного из аргументов в пользу этого решения в записке упоминаются постановления СНК и ВЦИК от 1 февраля 1929 г. и 25 марта 1929 г., но содержание этих нормативных актов, их связь с рассматриваемыми процессами внимания исследователей не привлекли. Статья призвана устранить этот пробел в части анализа текста данных постановлений и связанных с ними других документов, выявления предпосылок их появления, а также оценки их роли в истории зарождения и развития советской лагерной системы.

Ключевые слова: пенитенциарная система, исправительно-трудовые учреждения, спецслужбы, ОГПУ, НКВД, НКЮ.

Постановка проблемы. Становление и развитие советской лагерной системы – один из наиболее исследованных разделов в историографии отечественной правоохранительной сферы в целом и системы мест лишения свободы, в частности. Особо пристальное внимание исследователей уделено событиям рубежа 1920–1930-х гг. – ключевого, поворотного периода в истории развития отечественной пенитенциарии в целом, поскольку именно от него принято вести отсчет существования масштабной лагерной системы содержания заключенных, организации их принудительного труда [1, С. 33–35; 2, С. 161–166; 3,

С. 127–131; 4, Р. 48–54]. Тем не менее, есть ряд событий и документов, которые, несмотря на, казалось бы, уже общепринятую их научную интерпретацию, требуют дополнительного, более детального анализа.

Основная часть. К их числу следует, на наш взгляд, отнести даже тот исторический источник, который уже традиционно рассматривается в качестве отправной точки процесса трансформации существовавшей в СССР системы т.н. «общих» мест заключения (подчиненных, в большинстве случаев, наркоматам внутренних дел союзных республик) в громадный конгломерат исправительно-трудовых лагерей (сначала под эгидой ОГПУ, а затем – НКВД СССР), а именно – докладную записку наркомов юстиции и внутренних дел РСФСР Н. М. Янсона и В. Н. Толмачева, а также зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, направленной в СНК РСФСР 13 апреля 1929 г [5, С. 143–144]. В ней они выступают с инициативой создания концлагерей «по типу Соловецкого, избрав для них район Олонца, Ухты». Необходимость их создания объяснялась так: «В связи с тем, что СНК своим постановлением от 1/II–29 г. и ВЦИК от 25/III–29 г. предложили ОГПУ в качестве единовременной меры изолировать в концлагеря ОГПУ около 8 000 человек: воров, рецидивистов, уголовников, конокрадов и т. п., ныне содержащихся в местах лишения свободы, перед нами стал вопрос о необходимости срочной организации нового концлагеря емкостью примерно 10 000 человек». С учетом данного обстоятельства в записке предлагалось направлять во вновь организуемые лагеря не только представителей вышеозначенной категории заключенных, а «всех лиц, осужденных на срок от 3–х лет и выше», с целью использования их «для колонизации наших северных окраин и разработки имеющихся там природных богатств». В связи с этим емкость лагерей предлагалось увеличить до 30 000 человек [5, С. 144].

До настоящего времени в исторической научной литературе не обсуждались вопросы содержания упомянутых в данной записке постановлений Совнаркома и ВЦИК, предпосылок их появления и, соответственно, роли и значения этих нормативных документов в истории становления советской лагерной системы. Поэтому в данной статье мы попытались устранить этот пробел и представить свое видение существа рассматриваемой проблемы, пусть пока и в самой общей форме.

Как известно, 26 марта 1928 г. ЦИК и СНК РСФСР приняли совместное постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения» [6]. Помимо многочисленных мер, предусмотренных в нем в целях «всемерного улучшения карательной и исправительно-трудовой политики», НКЮ и НКВД поручалось разработать проект закона, «вводящего в Исправительно-трудовой кодекс право соответствующих органов ставить вопрос о необходимости продления сроков или принятия новых мер социальной защиты в отношении лиц, не поддающихся исправлению» [6, С. 417]. Речь в данном случае шла о преступниках-профессионалах и рецидивистах, которые в тот период преобладали среди заключенных, осужденных на краткие сроки. В своем пленарном докладе на I-м Всесоюзном совещании пенитенциарных работников (проходило 15–21 октября 1928 г.) начальник Главного управления местами заключения НКВД

РСФСР Е. Г. Ширвиндт в качестве главной причины большого количества краткосрочных заключенных (и, одновременно, издания постановления от 26.03.1928 г.) прямо указывал на тот факт, что «из 50% краткосрочных половину составляют рецидивисты, в отношении которых должна быть применима совершенно иная система мер социальной защиты» [7, С. 26–27]. «Одной из таких мер, – говорил он, – является, в частности, более длительное лишение свободы в отдаленных местностях или в местах заключения с углубленной, механизированной производственной работой. Определенно установлено, что профессионалы на механических работах лучше работают, чем на кустарных. И если ничего от этого не получится в смысле их личного приспособления, то в смысле создания определенных ценностей они безусловно могут выполнять полезную роль». «Во всяком случае, – заключал Ширвиндт, – я утверждаю, что не удастся добиться реальных результатов, намечаемых постановлением Правительства в отношении краткосрочных, если не будут приняты особые мероприятия по отношению к рецидивистам и профессионалам-преступникам» [7, С. 27].

По докладу начальника ГУМЗ Съездом была принята резолюция, в п. 8 которой говорилось: «...Для профессиональных преступников-рецидивистов вполне выявляется необходимость создания специальных трудовых колоний различного типа в отдаленных местностях, по возможности изолированных по своим географическим особенностям, или проведение длительной изоляции в специальных учреждениях с более углубленной организацией труда, по возможности механизированного. Заключенные в такого рода учреждениях должны быть использованы на работах именно с целью не только приспособления к условиям трудового общежития, но и вовлечения элементов, бывших до того паразитическими, в создание определенных ценностей, которые могли бы служить вкладом в общенародное хозяйство. Труд этой категории в особенности должен иметь задачи возмещения расходов, которые советское государство затрачивает на борьбу с преступностью...» [7, С. 251]. Очевидно, что «специальные учреждения с более углубленной организацией труда» здесь всего лишь эвфемизм, в реалии обозначающий лагерь ОГПУ.

На такой вывод наталкивают факты, свидетельствующие о том, что ОГПУ в рассматриваемый период также сталкивается с серьезной проблемой, касающейся находящегося в его ведении лагерного контингента заключенных, но она была прямо противоположного свойства. Дело в том, что в 1926–1929 гг. этот орган политических репрессий серьезно активизирует свою хозяйственную экспансию в районах дислокации подчиненного ему Соловецкого лагеря особого назначения, в первую очередь, на самих Соловках и в Карело-Мурманском крае [8; 9, С. 88–89]. Но увеличение масштабов экономической деятельности обеспечивалось, прежде всего, за счет экстенсивного использования трудового ресурса заключенных [10, С. 15–16]. А он в этот период (т.е., еще до начала принудительных хлебозаготовок, коллективизации, раскулачивания) был весьма ограничен. Соответственно, уже к 1928 г. ОГПУ вплотную столкнулось с проблемой нехватки рабочих рук в Соловецком лагере, и было вынуждено обращаться с просьбами о предоставлении дополнительных контингентов заклю-

ченных к наркоматам внутренних дел союзных республик. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие документы.

Совершенно секретно. Срочно.

30.VII-1928 г.

Начальнику Управления мест заключения НКВД
РСФСР тов. Ширвиндт.

Управление Соловецких лагерей ОН ОГПУ наличный состав заключенных пополняло до сих пор из числа осужденных органами ОГПУ.

Недостаток рабсилы, грозящий срывом неотложных общесоюзных работ на Севере, выполняемых УСЛОНОм по договорам с государственными учреждениями, вынудило УСЛОН ОГПУ обратиться за пополнением контингента заключенных из числа отбывающих наказание по приговорам органов НКЮ в исправдомах БССР, на что было получено согласие соответствующих органов Республики.

Несмотря на значительное количество пополнения из БССР, УСЛОН в настоящее время переживает значительные осложнения с рабочей силой, поэтому ходатайствует о возможности отправки заключенных в Соловки из исправдомов РСФСР в количестве до 1500 человек со сроками от 3-х лет и выше вполне годных для физической работы.

О последующем просьба уведомить.

Пом. начальника спецотдела при ОГПУ

Гусев

За начальника 3 отделения

Чащин [11, Л. 2].

Руководство ГУМЗ оперативно откликается на эту просьбу:

В[есьма]. срочно. Секретно.

1. Инспекция м/з Ленинградской области
2. Начальнику Вологодского И.Д.
3. " Архангельского "
4. " Ярославского Изолятора
5. " Владимирского "
6. " Костромского И.Д.
7. В дело.

3-го августа 1928 года № С. 614.3708.

В целях разгрузки <...> предлагается отобрать всех физически работоспособных заключенных, коим остается до окончания срока лишения свободы не менее 1¹/₂ лет и кои не могут быть использованы на работах на месте, и передать их для использования на работах в распоряжение уполномоченного Управл. Соловецких лагерей ОГПУ. Расходы, связанные с данной операцией, покрываются за счет ОГПУ.

Список переведенных Вами по сему наряду лиц представьте по их отправке в ГУМЗ.

Зам. Начглавумзака

Корнблитт

Нач. Административно-пенитенциарного отдела

Якубсон [11, Л. 1].

Казалось бы, отправка из ГУМЗ на Соловки заключенных (прежде всего преступников-рецидивистов) отвечала интересам обоих ведомств, но на самом деле эта мера представляла собой не более чем паллиатив. Ведь заключенному из числа профессиональных преступников, освободившемуся из лагеря ОГПУ, ничто не мешало, вновь совершив преступление, опять попасть «на баланс» НКВД. В итоге, эти мероприятия лишь увеличили масштабы того, по меткому замечанию Е. Г. Ширвиндта, «perpetuum mobile» – «бесконечного прохождения через "тюремные ворота" одной и той же, в сущности немногочисленной группы деклассированных рецидивистов-профессионалов» [12, С. 9], но не решая проблемы переполнения общих мест заключения. Возможно, что именно по этой причине Ширвиндт предлагал уже сложившуюся практику передачи заключенных из НКВД в ОГПУ (регламентируемую циркуляром НКВД РСФСР от 2 апреля 1923 г. № 104 [3, С. 56]) оформить законодательным порядком в целях «более длительного лишения свободы» уголовников-рецидивистов.

Таковы, как мы полагаем, побудительные мотивы принятия СНК РСФСР 1 февраля 1929 г. секретного постановления, в котором правительство соглашалось «с предложением Прокурора Республики о ссылке в концлагерь или в отдаленные местности (применительно к административной высылке социально опасных элементов) особо злостных преступников и неисправимых рецидивистов через Особое совещание Коллегии ОГПУ непосредственно по отбытии этими лицами лишения свободы без освобождения из-под стражи [...]» [13, Л. 1]. 25 марта того же года данное постановление рассмотрел Президиум ВЦИК РСФСР, решив: «1. Означенное постановление в основе утвердить, поручив Совнаркому РСФСР установить конкретные признаки социально-опасных элементов, подпадающих под действие этого постановления. 2. Признать, что вышеуказанное постановление должно быть проведено на территории РСФСР в порядке изъятия, как единовременная мера, в отношении определенного списка лиц, который должен быть установлен ОГПУ, НКЮ и НКВД, на основе признаков, которые будут установлены СНК, согласно п. 1 настоящего постановления [...]» [13, Л. 2].

2 апреля 1929 г. Секретариат СНК РСФСР направил в адрес наркома юстиции Янсона (копии – ОГПУ и НКВД) просьбу о срочном внесении на рассмотрение СНК РСФСР соответствующего проекта постановления, определяющего признаки социально-опасных элементов, предварительно согласовав его с ОГПУ и НКВД [13, Л. 3–3об.].

В ответ следует служебная записка руководителей трех указанных ведомств, но в документе отсутствует дата его создания, регистрационный номер и подпись наркома внутренних дел В. Н. Толмачева (также к нему прилагалась машинописная записка следующего содержания: «Справка. Настоящее отно-

шение согласовано с Наркомвнудел тов. Толмачевым. Подпись тов. Толмачева отсутствует ввиду его отъезда из Москвы. Особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ Фельдман. 12 апреля 1929 г.» [13, Л. 6, 4]. Взяв за основу содержание указанной записки, СНК РСФСР принял следующее секретное постановление (протокол Малого СНК № 64 п. 5 от 10 мая 1929 г.): «В развитие п. 1 постановления Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 25 марта 1929 года о ссылке в концлагерь или в отдаленные местности особо злостных преступников и неисправимых рецидивистов, Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляет: 1. Ссылке в концентрационный лагерь или в отдаленные местности (применительно к административной высылке социально-опасных элементов) подлежат лица, осужденные по ст. ст. 74, 104, 155, 162, 165 и 173, 175 ч. 2 и 3 и 166 ст. ст. УК, в отношении коих имеется указание о связи их с преступной средой. 2. Помимо перечисленных категорий преступников, подлежат ссылке содержащиеся в местах заключения по представленным Главным управлением местами заключения Народного комиссариата внутренних дел и Народным комиссариатом юстиции спискам осужденные и по другим статьям уголовного кодекса, если они имеют одну судимость и три привода по подозрению в определенном преступлении, или три судимости на протяжении последних 5 лет» [13, Л. 8].

Наконец, 6 июня 1929 г. СНК СССР принимает постановление с грифом «совершенно секретно» «Об отпуске ОГПУ средств на организацию и содержание концентрационного лагеря в районе Олонца-Ухты», содержащее следующие пункты:

«1. Поручить ОГПУ организовать концентрационный лагерь в районе Олонца-Ухты для изоляции особо социально-опасных элементов (воров, рецидивистов, уголовников, конокрадов и т. п.).

2. Первоначальную емкость означенных лагерей установить в 10.000 чел., с постепенным доведением таковой до 50.000 чел., с использованием этого контингента для разработки природных богатств северных окраин и колонизации этого края.

3. На первоначальную организацию лагерей и содержание заключенных до 1/X–29 г. отпустить ОГПУ за счет резервного фонда СНК СССР 1.200.000 рублей, обязав Союзные республики возместить общесоюзному бюджету в IV квартале суммы, полученные в результате указанного мероприятия экономии по соответствующим республиканским бюджетам.

4. Поручить НКФину и ОГПУ в двухмесячный срок разработать и внести на утверждение Правительства порядок финансирования концентрационного лагеря на последующие годы» [14, Л. 1].

Итак, решение о создании лагерей для уголовников-рецидивистов было принято в законодательном порядке, и для его реализации был разработан механизм межбюджетного финансирования. Но в итоге денежные средства на эти цели так и не были выделены, ввиду категорического отказа руководства НКВД РСФСР компенсировать общесоюзному бюджету сумму, предназначенную для создания нового лагеря. Возможные предпосылки и ход этих событий один из авторов разбирает в своей статье [15].

Результаты исследования. Таким образом, анализ содержания приведенных выше документов в контексте всех известных нам фактов и обстоятельств относительно трансформации раннесоветской системы мест лишения свободы (по преимуществу камерного типа) в систему исправительно-трудовых лагерей, предназначенных для массового использования принудительного труда заключенных, позволяет сделать следующие выводы.

1. Принятые в феврале–марте 1929 г. высшими органами государственной власти РСФСР решения о единовременной передаче в лагеря ОГПУ преступников-рецидивистов после отбытия ими наказания в местах лишения свободы, подчиненных ГУМЗ, стали первым шагом на пути дальнейшего расширения системы лагерей, подчиненной ОГПУ при СНК СССР.

2. Руководство ОГПУ пыталось использовать мероприятия, предусмотренные постановлениями СНК и ВЦИК РСФСР от 1 февраля и 25 марта 1929 г.: 1) для получения дополнительного финансирования (чего в итоге не удалось добиться); 2) в качестве еще одного аргумента в кампании по дискредитации системы управления НКВД подчиненными ему местами заключения, которую уже давно и активно вел НКЮ РСФСР в высших политических кругах СССР; 3) как формальное основание для возбуждения ходатайства о передаче в его ведение всех лишенных свободы на срок более 3-х лет. (последние 2 задачи коалиция ОГПУ–НКЮ успешно осуществила).

3. Для руководства НКВД РСФСР дача согласия на осуществление вышеуказанных мероприятий (а, скорее всего, и определенное их лоббирование) была, по всей видимости, вынужденным шагом, на который оно вряд ли бы пошло в иных, более благоприятных условиях функционирования общих мест заключения. Но в итоге это событие сыграло значимую роль в утрате В. Н. Толмачевым и Е. Г. Ширвиндтом аппаратной инициативы, способствуя переходу «в оборону» от действий «нападающей» стороны в лице Н. М. Янсона и Г. Г. Ягоды. Вслед за этим, как известно, последовали утрата НКВД контроля над контингентом заключенных-большесрочников и, в конечном итоге, ликвидация этого ведомства в 1930 г.

Источник финансирования

Исследование выполнено при финансовой поддержке научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям деятельности вузов партнеров ЮУрГГПУ и ШГПУ в 2022 г. по теме «Трансформационные процессы в пенитенциарной системе РСФСР на рубеже 20–30 гг. XX в.: политико-экономические предпосылки, стратегии реализации и коалиции интересов» (№ 16-454, 23.06.2022 г.).

Список источников и литературы:

1. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953. Архангельск: Поморский ун–т, 2004. 211 с.

2. Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / ИРИ РАН. М.: Наука, 2006. 437 с.
3. Гаранжа С. А. Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917–1934 гг.: дисс... канд. юрид. наук. М., 2012. 228 с.
4. Applebaum A. Gulag: A History. New York: Anchor Books, 2004. 677 p.
5. Красильников С. А. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти // Исторический архив. 1997. № 4. С. 143–144.
6. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР по докладам Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел о карательной политике и состоянии мест заключения // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417–419.
7. Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР: 1-е Всесоюзн. совещание пенитенциарн. деятелей 15–21 окт. 1928 г. М.: ГУМЗ, 1929. 283 с.
8. УСЛОН: его история, цели и задачи // Соловецкие острова. 1930. Вып. 2–3. С. 55–60.
9. Упадышев Н. В. От Соловков к Гулагу: зарождение советской лагерной системы // Отечественная история. 2006. № 6. С. 85–94.
10. Шульгина М. В. История Соловецких лагерей ОГПУ: экономическая деятельность и трудоустройство заключенных (1923–1933 годы). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2013. 24 с.
11. ГАРФ. Ф. Р–1235. Оп. 140. Д. 1123.
12. Ширвиндт Е. За ускорение реформы УК и ИТК // Административный вестник. 1929. № 6–7. С. 8–11.
13. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 40сч. Д. 1946.
14. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 40сч. Д. 2252.
15. Бахарев Д. В. «Нельзя не только обеспечить все потребности мест заключения, вызываемые переполнением, но и кормить заключенных»: междоуведомственные финансовые споры накануне рождения советской лагерной системы (1928–1929 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2022. № 6. С. 98–111.

Для цитирования: Бахарев Д. В., Суханова А. Н. «Профессионалы на механизированных работах»: к истории секретных постановлений о концлагерях ОГПУ для уголовников-рецидивистов // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 21–28.

Дата поступления статьи: 27.07.2022

Дата одобрения после рецензирования: 01.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Бахарев Д. В., Суханова А. Н., 2022

**«СТАРАТЬСЯ УХВАТИТЬСЯ ЗА БЛАГОВИДНЫЙ ПРЕДЛОГ
ДЛЯ НАЧАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ...»:
К ОПИСАНИЮ ПЛАНА ДИВЕРСИЙ ПРОТИВ СССР
МИШАНЬСКОЙ ЯПОНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ 1935 Г.**

Владимир Русланович Блиев¹

Алексей Владимирович Сушко^{1,2}

Сергей Андреевич Попов¹

¹ Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия,

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия;

¹ bliev85@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4485-7515

² alexsushko_1974@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6496-4278

Аннотация: В статье предпринято описание «Плана диверсий против СССР» мишаньской японской военной миссии 1935 г. Отмечается, что японская военная разведка сознательно усиливала напряженность на советско-маньчжурской границе в целях развязывания войны. Показаны методы планируемой диверсионной деятельности против СССР, в том числе и ведение бактериологической войны.

Ключевые слова: спецслужбы, японская военная разведка, советско-японские отношения в 1930-х гг., японские военные миссии.

Постановка проблемы. Общеизвестно, что документы разведывательных и контрразведывательных органов являются важным историческим источником не только для изучения истории специальных служб, опыта оперативной работы и специальной деятельности. Материалы разведки позволяют раскрыть особенности государственной внутренней и внешней военной политики на определенном историческом этапе. В этой связи рассекреченный недавно архивом УФСБ России по Омской области русский перевод «Плана диверсий против СССР» мишаньской японской военной миссии 1935 г. представляет собой пример крайне информативного источника как по характеру деятельности японской военной разведки против СССР в середине 1930-х гг., так и по политической истории данного времени.

Основная часть. С момента создания японской военной разведки современного типа в 1871 г. одним из основных направлений ее деятельности стала работа против российского государства. В ходе оккупации Дальнего Востока в

1919–1922 гг. в Харбине, Владивостоке, Благовещенске, Чите, Якутске и Омске были созданы органы «специальной службы» («токумукикан»). На русском языке органы спецслужбы получили название «миссий» [1, С. 116]. Отечественные исследователи отмечают, что особенностью деятельности японских военных миссий (далее – ЯВМ) являлся широкий круг решаемых задач разведывательного, военно-дипломатического (в части развития и укрепления связей с антибольшевистскими силами) и диверсионного характера [2, С. 80]. После эвакуации японского экспедиционного корпуса за пределы советского Дальнего Востока центральным разведывательным органом и центром разведывательно-подрывной работы против СССР стала Харбинская ЯВМ.

В 1931 г. Маньчжурия была оккупирована японскими войсками, а в 1932 г. было образовано марионеточное государство Маньчжоу-го. С этого же времени Япония резко усиливает разведдеятельность на советском направлении, в частности сеть ЯВМ увеличилась вчетверо [3, С. 157]. Одним из приграничных городов, в котором была развернута ЯВМ, стал уездный центр провинции Биньцзян Мишань. В последствие отделения мишаньской миссии появятся в Баньцзыхэ, Хулине, Лишучжене [4, С. 129], а у г. Кейней будет создана подчиненная ей диверсионно-разведывательная школа [4, С. 110]. Таким образом, мишаньская ЯВМ вела активную работу против СССР и ее документы представляют значительную ценность применительно к изучению военной политики Японии в отношении СССР и деятельности ее спецслужб.

«План диверсий против СССР» посвящён перспективной деятельности японской агентуры, связанных с японцами антисоветских организаций и элементов, и отдельных японских, белоэмигрантских, корейских воинских формированиях на территории Советского Союза (Хабаровский край) и Маньчжурии (в зоне ответственности миссии) в период непосредственной подготовки и начала войны с СССР. Документ датирован 31 июля 1935 г., составлен от имени начальника мишаньской ЯВМ Цудзи Нобутакэ (далее по тексту все имена и названия географических объектов приводятся в транскрипции переводчика «Плана диверсий против СССР», прим. авт.) имеет гриф «совершенно секретно», состоит из четырех пунктов и семи детализированных приложений к ним [5, Л. 1-16].

Во вступительной общей целевой установке документа провозглашается необходимость ведения активных диверсионных операций, чтобы «еще в мирное время заставить советскую сторону стать на колени» и «вести подготовку к нашим диверсионным действиям в военное время, в случае чрезвычайных событий ухватиться за предлог для открытия военных действий», таким образом, облегчив и поставив в «выгодные условия руководство военными операциями в Приморье» [5, Л. 1].

Структурно «План...» состоит из двух частей, каждая из которых делится на пункты. Первая часть «Подготовка к диверсиям военного времени, и диверсионная деятельность мирного времени» состоит из четырех частей:

- «1. Борьба против антияпонских и антиманьчжурских махинаций СССР»;
- «2. Деятельность против Советского Союза»;
- «3. Связь с находящимися в СССР антисоветскими организациями/элементами/ и возбуждение их»;
- «4. Усиление антисоветских организаций, находящихся в Маньчжурии».

Вторая часть «Диверсионная деятельность в военное время» также состоит из четырех частей:

- «1. Борьба против антияпонских и антиманьчжурских махинаций СССР»;
- «2. Возбуждение антисоветских мятежей на советской территории и руководство ими»;
- «3. Вооруженная диверсия в пределах советской территории» (причем предлагается детализация в деятельности «мощных частей» (т.е. отдельных воинских формирований из состава частей японской армии, национальных корейских частей, белоэмигрантских отрядов и дружин самообороны) и «мелких диверсионных частей» (т.е. разведывательно-диверсионных групп в составе 3-5 человек);
- «4. Борьба против вооруженных диверсий в пределах территории Маньжоуго».

Особо ценными представляются приложения к «Плану...», в которых детализируются задачи, состав и источники привлекаемых сил, в том числе связники и агентура на советской территории. К сожалению, время получения оригинала этого документа отечественными органами безопасности не установлено, но по характеру рукописных пометок можно сделать вывод, что с данным переводом осуществлялась скрупулезная работа.

В отечественной исследовательской литературе наблюдается фундаментальное противоречие в характеристике японской военной политики в отношении Советского Союза. В советской историографии общим местом была констатация агрессивности военной политики Японии в начале 1930-х гг., после выхода на границу СССР и провозглашения прояпонского Маньжоуго. В научной литературе приводились ссылки на планы ведения наступательной войны 1932 и 1933 гг., высказывания политических и военных деятелей о желательности и неизбежности войны с Советским Союзом [6, С. 22–28]. В новейших исследованиях на основе использования японских архивных материалов заявляется тезис, что «хотя Советский Союз наращивал группировку войск на востоке страны исключительно в оборонительных целях, военно-политическое руководство Японии считало, что Москва готовится отторгнуть Маньчжурию и помешать реализации континентальной политики Токио» [3, С. 157], т.е. японская сторона выступает как обороняющаяся. Текст «Плана диверсий против СССР» позволяет согласовать обе точки зрения.

В приложении № 7 «План обороны маньчжурской армии» предусматривалась жёсткая позиционная оборона ключевых районов (Янгоули, Хэйцзюйцзы с Хулинем, Фынмишань и Погранзнак № 21) с возможностью проведения «неожиданных налетов мелкими частями» по коммуникациям «наступления противника» [5, Л. 16]. В приложении № 5 «План действия мощных диверсионных частей на территории Советского Союза» в военное время акцент делался на уничтожение (но не захват) коммуникаций (в особенности железнодорожных мостов), аэродромов, складов снабжения и исправительно-трудовых лагерей для дестабилизации обстановки в тылу РККА. О возможности взаимодействия диверсионных групп с частями регулярной армии в боях на территории СССР даже не упоминается. В приложении № 4 «План возбуждения восстаний на советской территории и руководства ими» также акцент сделан на расстройстве тылов РККА в районах Имана и Уссури-Спасска.

С другой стороны, в тексте «Плана диверсий против СССР» дважды звучит тезис, вынесенный в заглавие статьи, причем первый раз он звучит в общей целевой установке: «в случае чрезвычайных событий ухватиться за предлог для открытия военных действий, таким образом облегчить и поставить в выгодные условия руководство военными операциями в Приморье» [5, Л. 1]. Еще в мирное время, с целью «заставить советскую сторону стать на колени» предлагается «производить, соблюдая строжайшую тайну, такие акты, как похищение и убийства важных личностей, поджоги важных объектов, забрасывание ядов (подчеркнуто карандашом в тексте – авт.), разрушение линий связи и прочих сооружений» [5, Л. 2]. Также в приложении № 4 «План возбуждения восстаний на советской территории и руководства ими» отмечается, что для успеха намеченных мероприятий необходимо заранее вооружить отмеченные антисоветские силы и указывается, что «в настоящее время эта работа успешно продвигается вперед» [5, Л. 4]. Таким образом, тезис советской историографии, что «японская военщина сознательно нагнетала напряженность на советско-маньчжурской границе» с целью ускорения начала войны [6, С. 23] получает очередное документальное подтверждение.

Вторая исследовательская проблема, материалы по которой дает «План...», посвящена использованию японской стороной бактериологического оружия. Анализ текста документа показывает, что применение ядов/бактерий рассматривалось японской военной разведкой в 1935 г. как штатный (стандартный) метод борьбы. Кроме приведенной выше общей установки на применение ядов, предполагалось применять яды в «напряженной обстановке» (в период непосредственной угрозы войны) на «важных пунктах ж.[елезнодорожной] в[етки] на Турий Рог». Также командиру дружины самообороны в Наньцзецзы предписывалась создать диверсионный отряд из трех человек, чтобы «разбросать ядовитые вещества в пункте, где находится части ГПУ на берегу Сунгача

напротив Наньцзеци» [5, Л. 15]. Таким образом, стремление использовать бактериологическое оружие являлось не декларацией, а продуманной и проработанной тактикой японской военной разведки применительно ко времени разработки документа. Следовательно, японская сторона сознательно шла на грубое нарушение Женевского протокола от 17 июня 1925 г. «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов, и бактериологических средств». Реальной подготовкой японской военной разведки к применению бактериологического оружия также можно объяснить факты наличия в тексте «Плана диверсий против СССР» тезисов о необходимости противостоять деятельности СССР по «распространению бактерий» в мирное и в военное время [5, Л. 2–3]. Советское правительство, подписывая Женевский протокол 1925 г., особо оговаривало, что будет выполнять свои обязательства по нему только в отношении стран, которые к нему присоединились и реально выполняют запреты, составляющие предмет данного протокола [7]. Желание и готовность к применению бактериологического оружия четко характеризует античеловеческую сущность режима милитаристской Японии, виновного в преступлениях против человечности. К сожалению, из-за противодействия США на Международном военном трибунале для Дальнего Востока в Токио (3 мая 1946 – 12 ноября 1948 г.) данная деятельность не получила надлежащей международно-правовой оценки [8, С. 18, 22]. Тем значимее для нас представляются материалы Хабаровского военного трибунала 1949 г. по делу бывших военнослужащих японской армии по обвинению в подготовке и применении бактериологического оружия.

Также заслуживает упоминания тезис «Плана диверсий против СССР» о том, что ««ЯВМ одновременно является и отделом советников военного министерства /Маньжоуго. – Пер./», что должно позволить «завершить подготовку в мирное время и с наступлением чрезвычайных событий с быстротой молнии провести в жизнь разработанный заранее план» [5, Л. 1].

Результаты исследования. Таким образом, можно констатировать, что рассекреченный перевод «Плана диверсий против СССР» мишаньской японской военной миссии 1935 г. представляет собой весьма информативный источник о характере и методах деятельности японской военной разведки против СССР. Он позволяет детализировать представление о деятельности японских военных миссий и уточнить особенности реализации японской военной политики на Дальнем Востоке в середине 1930-х гг., также он является очередным бесспорным доказательством подготовки к ведению бактериологической войны японскими военными кругами.

Список источников и литературы:

1. Куртинец С. Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 115–125.

2. Полутов А. В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 71–84.
3. Зорихин А. Г. Деятельность органов военной разведки Японии против СССР в 1922–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 154–161
4. Мозохин О. Б. Сталин и Дальний Восток. М.: Вече», 2020. 414 с.
5. Архив УФСБ по Омской области. Ф. 78. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–16.
6. Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989. 271 с.
7. Женевский протокол 1925 года, 17 июня // Дипломатический словарь. Гл. ред. А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский. М., 1948. Электр. версия печатн. публ. на сайте «Документы XX века». URL: <http://doc20vek.ru/node/3511> (дата обращения: 13.09.2022).
8. Тужилин С. В. «Совершённые преступления являются громадным злодеянием против человечества». Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 18–24.

Для цитирования: Блиев В. Р., Сушко А. В., Попов С. А. «Стараться ухватиться за благовидный предлог для начала военных действий в выгодных условиях...»: к описанию плана диверсий против СССР мишаньской японской военной миссии 1935 г. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 29–34.

Дата поступления статьи: 13.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Блиев В. Р., Сушко А. В., С. А. Попов, 2022

ВОСПРИЯТИЕ ОПРИЧНОГО ВОЙСКА В КОНТЕКСТЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СПЕЦСЛУЖБ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

Григорий Александрович Бурцев¹

¹Томский государственный университет, Томск, Россия

¹grigorburtsev@yandex.ru

Аннотация: В работе изучено мнение современных отечественных Интернет-СМИ по вопросу о принадлежности опричного войска к роду специальных служб как предшественника спецслужб Российской империи, Советской России и РФ. Ранее вопрос о принадлежности Опричнины к роду спецслужб и преемственности ставился ограниченно. Основные источники – материалы сетевых СМИ, в том числе государственных. В ходе исследования сравниваются позиции различных изданий и авторов по выдвинутой проблематике. Делается вывод о дискуссионности данной проблемы.

Ключевые слова: спецслужбы, опричное войско, Опричнина, Иван Грозный, Древняя Русь, средства массовой информации

Постановка проблемы. Опричнина – одно из наиболее неоднозначных явлений в истории Российского государства. О значении этого преобразования Ивана IV как в научных кругах, так и в информационной среде ведутся ожесточенные дискуссии. Но следует выделить один аспект, слабо изученный академическими специалистами – принадлежность Опричнины и опричного войска к роду спецслужб. Действительно, устройство и функционирование этого органа в Российском государстве второй половины XVI в. – достаточно сложная проблема. Эта проблема принадлежности, а, соответственно, и отношения к историческому наследию Опричнины, в связи с ростом общего интереса к истории стала подниматься в современных российских СМИ. Этой же проблематикой заинтересовались и политические деятели; так, ныне покойный лидер фракции ЛДПР и депутат Госдумы РФ В. В. Жириновский заявлял в 2020 г. о дате создания Опричнины следующее: «Почему это не сделать датой всех спецслужб России? Им не 103 года, а 455 лет» [1]. Материалы современных СМИ способны стать ценным источником для изучения восприятия в наши дни Опричнины и опричного войска, в том числе – в качестве предшественника спецслужб.

Основная часть. Прежде всего, следует определиться, что в современном русском языке понимается под термином «спецслужба». Исходя из мнения авторов «Словарь новых слов русского языка», спецслужба – организация, выполняющая специальные функции [2, С. 718] – разведывательные, охранные и иные. Это крайне важно, поскольку именно от понимания конкретного термина зависит отношение к нему автора.

Стоит заметить, что СМИ, отражающие взгляд государственных органов на проблему, едины во мнении, что Опричнина – спецслужба. Так, портал

«РИА Новости» цитировал высказывание В. В. Жириновского о значении этой структуры в истории России. Опричнина называется прародительницей современных спецслужб России, из-за чего вносится предложение перенести празднование Дня работника ФСБ на 3 февраля – день объявления Иваном IV о создании Опричнины. Схожее суждение о характере деятельности опричников дало и официальное издание Федерального Собрания РФ «Парламентская газета», приводя определение Опричнины, как «особый тип войск, имевший специальные полномочия» [3], что полностью отражает значение термина «спецслужба». По мнению «Парламентской газеты», функции по охране царя и борьбе с изменой означают принадлежность опричников к роду спецслужб.

Схожие взгляды есть и в иных изданиях, выражающих частную точку зрения. Так, портал «Интелрос» в 2011 г. опубликовал статью «Опричнина в русской истории – воспоминание о будущем или Кто создаст Четвёртый Рим?». Здесь впервые в изучаемых работах более прямо дано сравнение опричников с чекистами. «Рискнёт ли кто-нибудь сказать, что когда в начале 1920-х гг. ЧК переименовали в ГПУ, её отменили?» [4] – так автор объясняет свою теорию о том, что Опричнина не была отменена Иваном IV, а была более аккуратно встроена в систему государственной власти в виде «Государева двора». Здесь уже речь идет о конкретной функции, с помощью которой сравниваются 2 института чрезвычайной власти. И Опричнина, и ВЧК, по мнению автора, были нацелены на решение конкретной проблемы в требуемое время. В какой-то мере эту черту – чрезвычайность – можно считать специальной. В 2011 г. «Коммерсантъ» опубликовал статью президента Фонда прикладных политических исследований «ИНДЕМ» Георгия Сатарова. Из статьи можно сделать вывод, что опричники – «предки» и ОКЖ Российской империи, и ВЧК Советской России [5]. При этом одной из важнейших особенностей для российских спецслужб автор видит отсутствие «секретности». Карательные действия имели основной целью сеять страх. Можно заметить, что тезис о создании Опричнины как органа, решавшего специальные задачи, здесь разворачивается как тезис об открытой репрессивной машине.

Но есть ряд статей, где авторы стараются опровергнуть тезис о принадлежности опричников к спецслужбам. Так, издание «Родина» в 2015 г. выпустило статью [6; сетевая версия – 7], где автор изначально ставит вопрос несколько иначе: для него более важен вопрос, вынесенный в названии – сходны ли НКВД и Опричнина. Можно отметить, что основной функцией спецслужбы, которой можно считать НКВД, автор отмечает проведение массовых репрессий. По этому определению видно, что происходит отход от взятого ранее термина, по которому спецслужба выполняет любые специальные задачи, а не только карательные. Именно поэтому автор не считает Опричнину предшественником НКВД, а, следовательно, и других российских спецслужб.

Результаты исследования. Подводя итоги, можно увидеть, что тема принадлежности опричного войска к роду спецслужб весьма дискуссионная. Авторы на полях рассмотренных изданий высказывают различные точки зрения по данной проблеме; различна и аргументация. Основной спор подменяется с во-

проса «была ли Опричина спецслужбой» на вопрос «какие черты непременно должна иметь спецслужба». При этом важно отметить, что количество источников, где в разном виде поднималась данная тема, ограничено, в отличие, к примеру, от источников в СМИ, показывающих саму Опричину и ее значение. Немного и научных работ, рассматривающих иные функции опричного войска, кроме репрессивных. В этом направлении работа может быть продолжена.

Список источников и литературы:

1. Жириновский предложил приурочить День спецслужб к созданию опричины [Электронный ресурс] // РИА Новости, 04.02.2020. URL: <https://ria.ru/amp/20200204/1564237921.html> (дата обращения: 24.07.2022)
2. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб.: ИЛИ РАН, 1995. 876 с.
3. Почему Иван Грозный ввел опричину? [Электронный ресурс] // Парламентская газета, 03.02.2020. URL: <https://www.pnp.ru/social/pochemu-ivan-groznuu-vvyol-oprichninu.html> (дата обращения: 22.07.2022).
4. Опричина в русской истории – воспоминание о будущем или Кто создаст Четвертый Рим? [Электронный ресурс] // Интелпрос, 27.01.2011. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8282-oprichnina-v-russkoj-istorii-vospominanie-o-budushhem-ili-kto-sozdast-chetvyortyj-rim.html (дата обращения: 23.07.2022).
5. Опричнята: Георгий Сатаров — о национальных особенностях российских спецслужб [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, журнал «Огонек», 07.11.2011. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1809275> (дата обращения: 25.07.2022).
6. Володихин Д. Опричина: НКВД XVI века или Реформа Ивана Грозного? // Родина. 2015. № 3. С. 56–61.
7. Опричина: НКВД XVI века или Реформа Ивана Грозного? [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/03/18/rodina-oprichnina.html> (дата обращения: 22.07.2022).

Для цитирования: Бурцев Г. А. Восприятие опричного войска как спецслужбы в современных отечественных СМИ // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 35–37.

Дата поступления статьи: 01.08.2022

Дата одобрения после рецензирования: 01.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Бурцев Г. А., 2022

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ КАНАЛЫ ЗАБРОСКИ ФИНСКИХ АГЕНТОВ В СССР В 1920–1930-Е ГГ.

Сергей Геннадьевич Веригин¹

¹ Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
¹ verigin@petrsu.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9147-2524

Аннотация: Финские спецслужбы для направления агентуры на территорию СССР в межвоенный период (1920–1930-е гг.) использовали два канала: легальный и нелегальный, причем последний стал основным. В статье освещаются основные направления нелегальной заброски финской агентуры в СССР: Карельский перешеек, Карельское и Мурманское направление. Автор проводит анализ состава финской агентуры и результативность ее деятельности на приграничных советских территориях. Новизна статьи определяется тем, что она подготовлена на основе анализа архивных документов из фондов российских центральных и региональных государственных и ведомственных архивов, большинство из которых впервые введены в научный оборот.

Ключевые слова: советско-финляндские отношения, финские спецслужбы, нелегальные каналы, НКВД, агентура, разведка.

Постановка проблемы. Проблема противостояния советских и финских спецслужб в межвоенный период (1920–1930-е гг.) нашли определенное отражение как в российской [1-3], так и в финляндской историографии [4-6]. Однако некоторые ее аспекты требуют дальнейшего исследования. К ним относятся и вопросы, связанные с нелегальными каналами заброски финской агентуры на территорию СССР в 1920–1930-е гг. Надо отметить, что для советско-финляндских отношений в межвоенный период (1920–1930-е гг.) был характерен дух недоверия и враждебности. Недоверие руководства обеих государств обусловило усиление разведывательной деятельности с целью получения упреждающей информации о противнике посредством заброски агентуры в соседнюю страну. В Финляндии активную разведывательную работу против СССР вели 2 финские спецслужбы — военная разведка Оборонительных сил (ОС) и Центральная сыскная полиция (контрразведка) (ЦСП).

Основная часть. Для направления своей агентуры в СССР финские спецслужбы использовали два канала: легальный и нелегальный. Легально шла заброска разведчиков и агентов в качестве сотрудников дипломатических представительств, туристов и иностранных специалистов. Однако легальный канал не получил широкого распространения. Это было связано с тем, что СССР был практически закрыт для иностранцев. Финская сторона учитывала и то обстоятельство, что в СССР в отношении международного туризма существовал жесткий контрразведывательный режим со стороны НКВД, переходящий в по-

дозрительность. Всех иностранцев и лиц, вернувшихся из-за рубежа, рассматривали как возможных агентов и шпионов империализма.

В этой связи основным каналом проникновения финской агентуры в СССР в 1920-1930-е гг. стала нелегальная переброска через советско-финляндскую границу. Кроме того, предпочтение этому каналу объяснялось еще двумя обстоятельствами: во-первых, до середины 1930-х гг. госграница охранялась слабо, что было связано с ее протяженностью и отсутствием нормальной инженерно-технической системы; во-вторых, забрасываемая агентура хорошо знала не только местность, подлежащую разведке, но и участки границ, где осуществлялась нелегальная переправа, так как агенты, как правило, ранее проживали на этой территории. Они хорошо знали условия жизни, обычаи, местность, многие имели здесь родственные и иные связи.

Для заброски агентуры на территорию СССР финские спецслужбы создавали на финляндско-советской границе «окна». В советской военной разведке эти «окна» назывались как пункты разведывательных переправ (ПРП), через которые советские спецслужбы в свою очередь выводили своих сотрудников и агентуру на Запад. Всего в межвоенный период финские спецслужбы создали на советско-финляндской границе 10 «окон» на трех основных направлениях: Карельский перешеек, Карельское и Мурманское направления. Одним из главных направлений переброски агентуры из Финляндии в СССР стал Карельский перешеек, который тогда входил в состав Выборгской губернии, граничившей с Ленинградской областью СССР. Этот двухсоткилометровый участок государственной границы имел огромное значение для руководства СССР из-за близости границы к Ленинграду – второго по величине города в СССР, безопасность которого необходимо было обеспечить.

Карельский перешеек был насыщен подразделениями финских спецслужб: всего было создано 21 разведотделение (16 – военной разведки и 5 – ЦСП). Такой концентрации мы не найдем ни в каком другом регионе Финляндии. На Карельском направлении действовали Сортавальское и Каянское разведотделения, а на Мурманском – Рованиемское разведотделение.

Каждое разведотделение имело свои «окна», через которые и шла заброска агентуры. Так, по данным штаба 3-го (Петрозаводского) пограничного отряда НКВД за 1935 г. Сортавальским разведотделением на Суоярвском участке было организовано 2 переправы, через которые шла заброска агентуры на территорию Пряжинского и Петровского района Карелии. Главным маршрутом финразведчиков, направлявшихся из Суоярви в Петрозаводск являлся следующий маршрут: Суоярви – Сямозеро – хутор Варис – Виданы – река Шуя – Петрозаводск [7, Л. 71-72].

Значительная часть агентов, проживавших на приграничных территориях, шла на сотрудничество с финскими спецслужбами осознанно. Эти были люди, которые не приняли новую советскую власть и боролись с ней доступными им способами. Но были и те, кто соглашался на сотрудничество из-за материальных соображений, получая за выполнение разведывательных заданий в СССР вознаграждение.

Основной формой оплаты были деньги. Уже в 1920 г. жителю Терийоки П. М. платили за совершённые в СССР разведходки. Один из агентов С. М. в 1926 г. был направлен на разведку в Карелию на полтора месяца. После возвращения 25 июня 1926 г. он получил 6 000 марок. Агенту «Jehin tuori» в 1932 г. за одну разведывательную ходку в СССР платили 1 500–2 000 марок. Осенью 1935 г. Л. В. В. за одну разведходку в Карелию получил 500 финских марок. В 1939 г. начальник Рованиемского разведотделения майор Паарма за одну ходку в СССР выплачивал агентуре двухмесячную зарплату. В том же году начальник Выборгского разведотделения капитан Салокорпи платил агентуре постоянную зарплату [2, С. 174]. Все эти агенты были готовы и дальше выполнять поручения спецслужб за денежное вознаграждение.

Нелегальные каналы заброски финской агентуры на сопредельную территорию имели свои особенности. В первую очередь, это многократное его использование одним и тем же агентом. Наиболее известным из них являлся Антти Пенние, беженец из Северной Ингерманландии. Он был завербован финскими спецслужбами и по заданию финского генштаба в 1920-е гг. совершил свыше 100 разведходов в СССР. Ингерманландское население на ленинградском направлении оказывало ему помощь в разведке. В финской литературе более подробно освещаются две его разведходки в СССР. В октябре 1927 г., находясь с двумя напарниками с разведзаданием в СССР в районе д. Хухти, он был ранен в ходе перестрелки с советскими пограничниками. В июне 1928 г. Пенние с напарником совершил разведходку в Приладожье, перейдя границу в районе Сиркияксаари на участке погранотряда Салми. После выполнения задания вернулся в Финляндию. Советской контрразведке так и не удалось арестовать этого опытного финского агента. Интересно, что, несмотря на прекрасный послужной список, финская тайная полиция не очень доверяла Пенние, в связи с чем вела на него досье за № 10.905 [6, С. 164-166; 5, С. 119].

Советской контрразведке Антти Пенние был известен как Матвей Иванович Пенние. По данным ГПУ он родился в д. Лемболово Куйвуговского района Ленинградской области, служил в Управлении финской пограничной охраны Карельского перешейка, был уполномоченным Ингерманландского комитета по Терийоки. С 1921 г. по 1930 г. неоднократно совершал разведходки в СССР. Не исключено, что именно за активную разведывательную деятельность его брат – М. И. Пенние, проживавший в Ленинградской области, в 1930 г. был выслан из погранполосы [7, Л. 80].

Нелегальный канал активно использовался для заброски агентуры финских спецслужб под видом финских перебежчиков. В 1920–1930 гг. в связи со сложной внутривнутриполитической и экономической обстановкой в Финляндии тысячи финских граждан в поисках лучшей жизни, а также скрываясь от политических репрессий, нелегально бежали в СССР. Так, ЦСП в начале 1930-х гг. под видом перебежчиков ЦСП вывела в соседнюю страну, по крайней мере 6 агентов: «Эйно Хилтунен», «Коскинен Х.», «Лаури Тарвайнен», «Калле Корппи», «Матти Леппянен», «Профессор» он же «Юхо Керянен» и информатора Р. А. Х. [8, Л. 80].

В начале 1930-х гг. в Финляндии значительно активизируется деятельность правых сил, которые при попустительстве, а порой и пособничестве финских спецслужб страны, использовали нелегальные каналы для насильственного выдворения из страны в СССР финских граждан с социалистической и демократической ориентацией, в том числе и депутатов парламента. Так, только в июне 1930 г. через Карельский участок советско-финляндской границы были насильственно выдворены 3 депутата парламента: А. А. Лехто, Э. К. Миреляйнен и Э. И. Табелл [9, Л. 53, 57, 70]. И таких случаев было много, хотя точных данных до сих пор нет.

Нелегальные каналы на советско-финской границе в 1920-1930-е гг. активно использовались и советской стороной, а также левыми силами Финляндии. Это коснулось и проблемы финских беженцев, о которой упоминалось ранее. Прожив определенное время в СССР, многие финские граждане по разным причинам (прежде всего, из-за неудовлетворенности советской действительностью) стали возвращаться домой. По финским данным с 1930 г. по 1935 г. из СССР в Финляндию вернулось 1927 чел. [10, Л. 135]. Необходимо отметить, что некоторые из возвратившихся финских граждан были завербованы советскими спецслужбами.

Нелегальный канал использовался Коммунистической партией Финляндии (КПФ) для направления своих членов на учебу и на всевозможные партийные мероприятия в СССР. Так, по этому каналу в 1934 г. нелегально в СССР прибыл Арво Туоминен – будущий Генеральный секретарь КПФ. Это обстоятельство также учитывалось финскими спецслужбами. Документы показывают, что некоторые представители КПФ, направляемые в СССР, были завербованы финскими правоохранительными органами [11, Л. 5, 88, 108, 140].

По архивным данным к настоящему времени нами установлено, что в межвоенный период по заданию финских спецслужб на приграничную территорию СССР было направлено 326 человек. Эта цифра значительно отличается от данных финских исследователей, которые говорят о 179 агентах [2, С. 235]. На наш взгляд, разница в цифрах объясняется тем, что многие из агентов финских спецслужб годами ходили в Советский Союз, поэтому их фамилии из года в год повторялись.

Результаты исследования. Работа финских спецслужб на территории СССР, разумеется, не оставалась без внимания советской контрразведки, которая провела ряд успешных операций по нейтрализации финской агентуры. Так, только по данным архива Выборгского отдела ЦСП ГПУ – НКВД СССР в 1920–1930-е гг. выявило и арестовало 15 агентов финских спецслужб, действовавших на Карельском перешейке. Некоторых из них удалось перевербовать, и привлечь к сотрудничеству с советскими правоохранительными органами.

Вторая половина 1930-х гг. характеризуется сокращением заброски финской агентуры в СССР. Так, в 1937 г. в СССР было направлено 10 финских агентов, а в 1939-м – только 7 [2, С. 235]. Это было связано как с разоблачением деятельности финских спецслужб, так и с проведением в Советском Союзе репрессивных мер, в ходе которых значительно пострадали источники финских

правоохранительных органов. Ужесточив репрессивные и контрразведывательные меры, советские власти лишили финские спецслужбы базы, на которую они ориентировались при проведении разведывательной работы против СССР.

К осени 1939 г. финская агентурная сеть на Северо-Западе СССР была практически полностью уничтожена советской контрразведкой. Все это и не позволило финской разведке спрогнозировать возможность военных действий СССР против Финляндии в конце ноября 1939 г.

Список источников и литературы:

1. Веригин С., Лайдинен Э. Финский шпионаж и политические репрессии на Северо-Западе России в 1920–1930 гг. // Политический сыск в России: история и современность. СПб, 1997. С. 198–211.

2. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1918–1939). Изд. 3-е, доп. и испр. Выборг, 2019. 304 с.

3. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства 1920–1941. Петрозаводск, 1999. 275 с.

4. Heiskanen Raimo. Saadun tiedon mukaan ... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. Helsinki: Otava OY. 1989. 333 p.

5. Kosonen, Matti, Pohjonen, Juha. Isänmaan portinvartijat. Suomen rajojen vartointi 1918–1994. Helsinki: Otava. 1994. 607 p.

6. Lackman M. Etsivä keskuspoliisi // Turvallisuuspolisi 75 vuotta. Toim. V. Simola, J. Salovaara. Helsinki: Love kirjat KY, 1978. P. 74–77.

7. Архив УФСБ России по Республике Карелия (далее - АУФСБ РФ по РК). Ф. Контрразведывательный отдел. Оп. 1. Д. 27.

8. АУФСБ РФ по РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 22.

9. АУФСБ РФ по РК. Фонд уголовных дел. Д. 1697.

10. Tuura J. W. Työkansan viholliset: Suomalaisten kommunistien toimintaa ja kohtaloita. Porvoo, 1942. 233 s.

11. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 287. Оп. 2. Д. 5.

Для цитирования: Веригин С. Г. Нелегальные каналы заброски финских агентов в СССР в 1920–1930-е гг. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 38–42.

Дата поступления статьи: 14.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Веригин С. Г., 2022

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В СТЕПНОМ КРАЕ В 1914–1916 ГГ. В ОБЗОРАХ ОМСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Виктория Викторовна Гермизеева¹

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ vika-germ@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5643-0650

Аннотация: В статье анализируются изменения общественно-политических настроений населения Степного края на протяжении 1914–1916 гг. В качестве основного источника использованы документы Омского жандармского управления, находящиеся на хранении в Историческом архиве Омской области. Это политические обзоры Степного края, информация о деятельности профессиональных обществ и союзов, различные донесения о беспорядках, об отношении населения в войне, к местной власти, о революционном движении в регионе.

Ключевые слова: Первая мировая война, жандармерия, Омск, Степной край, общественно-политическая жизнь, национальный вопрос.

Постановка проблемы. Общественно-политическая жизнь Российской империи, изучение становления и деятельности полицейских и жандармских учреждений является востребованным направлением в отечественной исторической науке [1–5]. Большой интерес представляет исследование региональной специфики работы российских спецслужб [6–14]. До настоящего времени, несмотря на существующее внимание к данной проблеме, не получила должного освещения тема, связанная с общественно-политической жизнью Степного края в годы Первой мировой войны. Цель настоящей статьи – на основе документов Омского жандармского управления (далее ОмЖУ) проанализировать настроения населения в Степном крае в 1914–1916 гг.

Основная часть. Степное генерал-губернаторство (Степной край) с административным центром в Омске было образовано в 1882 г. в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей (до 1898 г.). Сбор информации о настроениях разных групп населения, деятельность революционных организаций, политический сыск в регионе находились в ведении чинов Омского жандармского управления, Павлодарского и Омского отделений жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги, Омской городской полиции. В статье при анализе общественно-политических настроений мы будем использовать документы ОмЖУ. В своей деятельности омские жандармы собирали сведения разного характера, составляли отчеты о политическом состоянии Степного края, о революционных организациях, о настроениях, царивших среди населения Омска, а также Акмолинской и Семипалатинской областей, вели переписку о создаваемых в регионе профессиональных обществах и союзах, организовывали наблюдение за их членами. Как правило, отчеты и донесения со-

ставлялись в соответствии с рекомендациями Департамента полиции и должны были быть регулярными.

Общественно-политическая жизнь Степного края развивалась под влиянием событий, происходивших в Российской империи. Воздействие на регион оказала революция 1905–1907 гг., активизируя работу полицейских и жандармских учреждений. В политическом обзоре Степного края за 1909–1914 гг. отмечалось, что Омск, являлась промышленным и культурным центром, в разные годы привлекал к себе внимание революционеров, находивших здесь возможность, скрываясь от преследования властей, затеряться среди населения. В связи с этим «революционная подпольная работа в Омске продолжалась и тогда, когда везде в крае наблюдалось полное спокойствие» [15, Л. 1]. Тем не менее, в декабре 1913 г. начальник ОмЖУ Н. Н. Козлов в секретном донесении на имя гражданского губернатора Акмолинской области А. Н. Неверова сообщал, что в Омске и области «какие либо активные революционные выступления не наблюдаются, и не существует никаких революционных организаций», местные крайние элементы заняты преимущественно деятельностью в легальных обществах «Просвещение» и «Самообразование и физическое развитие» с целью их использования для распространения оппозиционных настроений в массах [16, Л. 101].

В обзоре о политическом состоянии Степного края за 1914 г. говорилось лишь об отдельных проявлениях революционного движения в Омске в начале года, в частности, небольшой группой местных социал-демократов весной было организовано 2 собрания с участием незначительного количества рабочих и интеллигенции, а также предпринята попытка провести однодневную первомайскую забастовку, «почти не имевшую успеха». При этом деятельность партий социалистов-революционеров и анархистов в этот период, по данным ОмЖУ, «совершенно не проявлялась» [15, Л. 26]. Первая мировая война оказала серьезное влияние на настроения различных слоев населения. В обзоре отмечалось, что «военные события поглотили интересы всех, вследствие чего всякие партийные начинания во вторую половину 1914 г. совершенно затихли и таким образом розыскная деятельность Управления значительно сократилась» [15, Л. 26об.]. Работа культурно-просветительных организаций в Степном крае по состоянию на 1914 г. была «сколько-нибудь заметна лишь в Омске», где функционировали общества «Просвещение» и «Самообразование и физическое развитие», которым не удалось приобрести политическую окраску [15, Л. 26].

Из Департамента полиции в регион регулярно поступали циркуляры по принятию мер к выяснению лиц и организаций, замеченных в распространении революционных идей, антиправительственных настроений и т.д. Так, в декабре 1915 г. ОмЖУ был получен документ, в котором обращалось внимание на то, что в стране в последнее время среди сельского населения в связи с обстоятельствами военного времени распространяются слухи, волнующие народные массы, создающие нежелательную атмосферу возбуждения, вызывающие «недоверие к начальствующим лицам». В качестве источника подобной информации назывались рассказы прибывающих в сельскую местность нижних чинов, их письма, а также деятельность революционных элементов, стремящихся подорвать

престиж правительственной власти и «создать благоприятную почву для дальнейшей преступной пропаганды» [17, Л. 2]. Подобные циркуляры принимались к сведению и определяли направления для текущей работы чинов ОмЖУ.

В ежемесячных донесениях информации о деятельности политических партий практически не встречается. По состоянию на май 1916 г. начальник ОмЖУ Н. Н. Козлов сообщал в Департамент полиции, что местные социал-демократы «находят, что никакие выступления пока немыслимы – почва неблагоприятна, да и местной администрации побаиваются. А эсеры совершенно не склонны к выступлению: все это простой рабочий народ, труд которого в настоящее время так хорошо оплачивается, что дороговизна жизни на них отзывается в гораздо меньшей степени, чем на чиновниках» [18, Л. 71].

В целом в отчетных документах чаще всего указывалось, что настроение населения Степного края в течение 1914–1916 гг. было «совершенно спокойным». Это была довольно распространенная формулировка, на которую не раз обращали внимание в Департаменте полиции, указывая, что подобная характеристика не может дать точного представления о положении дел на местах. И хотя аналогичные замечания мы встречаем еще в материалах 1911 г., тем не менее, в дальнейшем в отчетных документах особенности изложения остаются без изменений. Так, губернатор А. Н. Неверов в октябре 1913 г. просил начальника ОмЖУ при предоставлении ежемесячных сведений о настроении населения, обратить серьезное внимание на отношение интеллигенции к различным событиям, так как ее роль «остаётся без достаточного выяснения» [16, Л. 104.].

Но подобные рекомендации, как правило, оставались без внимания. Изучение документов учреждения за 1914–1916 гг. наглядно иллюстрирует ситуацию, когда донесения, характеризующие общественно-политическую ситуацию в Степном крае, выглядят как регулярно повторяемые шаблоны. Так, при анализе настроений населения формулировка подобных сообщений практически не менялась и содержала выражения «забастовок не было», «недовольств не наблюдалось» и т.п. Так, по состоянию на февраль 1915 г. обстановка в Омске и Акмолинской области была следующей: «Беспорядков среди крестьянского населения не было, и сведения о распространении ложных и неосновательных слухов, могущих способствовать возникновению в этой среде волнений, не поступало. При объезде области чинами Управления замечено, что прибывшие в селения на поправку раненые своим болезненным видом, а отчасти и разговорами, поселяют некоторое уныние среди населения» [18, Л. 4]. Далее отмечалось, что настроения мусульман спокойные, забастовок не было, открытых проявлений недовольства существующим строем в области не наблюдалось, обращалось внимание на повсеместное сокращение преступлений и хулиганства. Последнее обстоятельство связывалось с прекращением продажи спиртных напитков. При характеристике деятельности местных культурно-просветительских организаций в 1915 г. отмечалось, что их работа в основном была направлена на оказание помощи раненым и больным воинам и семьям, призванных на войну [18, Л. 6]. Кроме того, в документах ОмЖУ получила отражение деятельность съезда представителей городов Западной Сибири, прохо-

дившего в апреле 1915 г. с целью обсуждения вопросов, вызванных войной и ее последствиями [18, Л. 23]. Съезд рассматривался как довольно значимое событие в жизни края.

По состоянию уже на февраль 1916 г. при характеристике общественно-политических настроений за подписью полковника Н. Н. Козлова приводилась следующая информация: «Беспорядков среди крестьянского населения не наблюдалось и сведений о распространении ложных слухов, кои бы могли волновать крестьянское население, не поступало. Разбросок и рассылка по почте прокламаций не было. Киргизское население продолжает быть совершенно спокойным. В минувший февраль нигде никаких попыток к устройству забастовок не было» [17, Л. 8]. Тематика донесений становится более разнообразной с лета 1916 г., что было связано с ростом цен, с возрастанием недовольства по отношению к власти, с беспорядками, возникающими на этой почве в Степном крае.

По закону от 6 июля 1916 г. все инородческое население в возрасте 19–31 лет должно быть реквизировано для работ в тылу действующей армии, что привело к распространению слухов среди киргизов Степного края о том, что их обманывают, берут на работы, а на деле заставят сражаться. Следствием ситуации стали беспорядки, получившие отражение в материалах Омского жандармского управления. В частности, в донесениях представлена информация об избивании киргизами должностных лиц, уничтожении посемейных списков, разгроме канцелярии волостного правления в Петропавловском уезде, о распространяемых слухах о возможных грабежах и уничтожении посевов в русских поселках [17, Л. 34–36]. В результате, еще в мае-июне 1916 г. настроения среди киргизов характеризуются как спокойные [17, Л. 31], после указа 6 июля серьезно изменились. В июле–августе сообщалось, что часть киргизского населения, не желая подчиняться закону, откочевала вглубь степей, устраивая беспорядки [17, Л. 41]. Помощник начальника ОмЖУ Н. К. Бакуринский в донесении от 18 июля 1916 г. отмечал, что вследствие этого указа во многих местностях Семипалатинской области киргизы, находившиеся на сельскохозяйственных работах у местных крестьян, возвратились в свои волости, в связи с чем, хлеб может остаться не убранным с полей. Также имели место случаи, когда при объявлении о призыве в тыл действующей армии, киргизы избивали волостных управителей и старшин, срывали с них должностные знаки. В частности, о подобном случае в Усть-Каменогорском уезде сообщалось в июле 1916 г. В конце июля – начале августа 1916 г. настроение киргизов продолжало оставаться напряженным, в некоторых местностях они лошадьми вытаптывали крестьянские посева [19, Л. 29, 32, 45].

По состоянию на сентябрь 1916 г. по Акмолинской области сообщалось, что по Омскому уезду набор киргизов на тыловые работы идет успешно, по Кокчетавскому уезду слабо, в остальных уездах призыва еще не было, но некоторые киргизские волости Кокчетавского, Атбасарского и Акмолинского уездов «продолжают находиться в оппозиции и вообще не спокойны» [17, Л. 46 об.]. В дальнейшем в Степном крае, по-прежнему имели место беспорядки с участием киргизов, в частности среди изученных материалов ОмЖУ, мы

встречаем о них сведения по состоянию на октябрь–ноябрь 1916 г. В октябре 1916 г. еще присутствовали тревожные настроения среди крестьян, соприкасающихся с киргизскими волостями. В одном из донесений отмечалось, что «непокорные киргизы представляют собой массы, враждебно настроенные против русских властей и вообще против всех русских и продолжают иногда делать нападения на отдельные хутора, грабить и сжигать имущество крестьян» [17, Л. 55]. Месяц спустя в документах ОмЖУ указывалось, что тревожное настроение крестьян, соприкасающихся с киргизским населением «значительно ослабло» [17, Л. 76].

В материалах, характеризующих настроения населения Степного края, в случае если не происходило что либо, требующее повышенного внимания со стороны жандармов и администрации, то информация носила шаблонный характер. Тем интереснее на этом фоне выглядят сведения, требующие оперативного реагирования со стороны ОмЖУ. Например, за июнь 1915 г. мы встречаем сведения о том, что киргизы 5 аула Челкарской волости, Кокчетавского уезда отказались платить подати русскому государству в связи с войной России с Турцией. В документе указывалось, что это произошло под влиянием агитации заезжего турка и нескольких местных киргизов. В связи с данной информацией Кокчетавским уездным начальником было арестовано 12 человек, но затем под арестом остался только турок, так как по заверению участкового крестьянского начальника в ауле царили тишина и порядок, а все дело возникло по причине партийной вражды влиятельных киргизов [18, Л. 27]. Изредка при характеристике настроений населения, мы встречаем данные по отношению к войне. Так, в июле 1915 г. указывалось, что как горожане, так и сельские жители «проявляют живейший интерес к военным событиям и грустят, что нашим войскам приходится временно уступать натиску более сильному своей технической подготовкой врагу» [18, Л. 29]. Не был обойден вниманием вопрос деятельности прессы и характеристике освещаемых изданиями событий. Так, в августе 1915 г. отмечалось, что в настроении местной прессы отмечается значительный сдвиг влево и подчеркивается необходимость в предъявлении к правительству требований, связанных с введением в Сибири земского самоуправления, ответственности министерств, с важностью иметь от Омска представителя в Госдуме [18, Л. 31].

Судя по документам, освещающим настроения населения Акмолинской и Семипалатинской областей, большую часть жителей региона волновала проблема роста цен на товары первой необходимости, что влекло за собой недовольство местной администрацией и властью в целом. В обзорах ОмЖУ эта тенденция начинает отчетливо прослеживаться с лета 1915 г., когда с одной стороны отмечалось, что среди городского и сельского населения нет проявлений недовольства существующим строем, но с другой – обращалось внимание на негативное отношение к ситуации, связанной с возрастающей дороговизной жизни. В ноябре 1915 г. в материалах, касающихся общественно-политической ситуации в крае, отмечалось, что настроение среди интеллигенции в Омске оппозиционное: «все недовольны дороговизной жизни и недовольны правительством, где видят большие недочеты по снабжению армии и в порядках на железных дорогах. Вздорожание жизненных продуктов первой необходимости

продолжается. Сильно сократилась продажа сахара, свечей, ощущается недостаток в топливе. Все это возбуждает сильное неудовольствие населения, тем более что циркулируют слухи о том, что у торговцев есть и сахар, и свечи, но в видах ожидаемого ими повышения цен на эти продукты, они временно укрывают их» [18, Л. 38]. В дальнейшем ситуация все более усугублялась. Начальник ОмЖУ Н. Н. Козлов позднее сообщал в Департамент полиции, что «дороговизна предметов первой необходимости продолжается и пока все принимаемые меры мало оказали влияния на регулирование цен» [18, Л. 71]. В документе отмечалось, что среди населения даже имели место слухи о возможном погроме из-за дороговизны, поэтому были приняты меры – расклеены объявления по Омску о том, что ведется работа по удешевлению продуктов первой необходимости и беспорядки недопустимы, в связи с чем, пока удастся сохранять спокойствие среди населения. Определенную роль в этой ситуации должно было сыграть и то, что местной администрацией были приняты меры к сохранению площади посевов и особенно для того, что поля, призванных на военную службу были засеяны. Для решения данного вопроса на работы привлекли киргизов, беженцев и военнопленных [18, Л. 72].

В апреле 1916 г. полковник Н. Н. Козлов в документе, отправленном в Акмолинское областное правление, объяснял ситуацию, имевшую место несколько недель ранее «дороговизной жизни население огорчено и недовольно, но никакие выступления против торговцев в отчетном марте месяце нигде не наблюдалось» [17, Л. 14]. В отдельных донесениях есть информация о деятельности культурно-просветительских обществ в связи с ростом цен и условиями военного времени. Так, в июле 1916 г. отмечалось, что общество «Просвещение» в мастерской помогает солдаткам, «предоставляя им возможность шить на армию рубахи и белье из бумазеи», таким образом, там работало около 200 женщин, и хорошая работница имела возможность получить до 10 руб. за неделю. Далее сообщалось, что общество решило брать частные заказы по умеренным ценам и удешевить изготовление дамского платья [17, Л. 36, 41].

Среди документов за 1916 г. встречаются донесения о беспорядках на почве роста цен. Начальник Омского отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги сообщал 22 сентября 1916 г., что 21 сентября в 11 ч дня рабочие Омских главных мастерских в количестве 1600 чел. приостановили работы по причине недовольства проектом расценок, объявленных им накануне. Ссылаясь на дороговизну жизни, они предъявили требования: отпускать за деньги дрова по казенной цене, выдавать семьям провизионные билеты, предоставить права на получение сахара наравне с прочими служащими дороги. Экстренное заседание Особого Комитета при Управлении дороги постановило объявить рабочим, что если они не приступят к работам до 23 сентября 1916 г., то они будут уволены, а мастерские закрыты, военнообязанные и запасные нижние чины переданы военным властям для отправления в войска и привлечение к ответственности. В донесении от 24 сентября говорилось уже о том, что беспорядки прекратились, персонал приступил к работам 22 сентября в 10 часов утра. Помощник начальника ОмЖУ Н. К. Бакуринский со-

общал в ноябре 1916 г., что настроения киргизов Семипалатинской области относительно спокойное, но много случаев уклонения инородцев от явки на работы в тыл армии. Также указывалось, что среди русского населения замечается раздражение на купцов, повышающих цены на товары первой необходимости и против властей, не принимающих никаких мер к решению вопроса дороговизны. Настроение среди воинских частей характеризовалось как спокойное, но высказывалось предположение, что прибывающие в отпуск нижние чины распространяют слухи среди населения о неудовлетворительном командном составе, о неудачах на фронте, о подавленном настроении войск, находящихся на позиции [20, Л. 6–6об.].

В донесении от 17 ноября 1916 г. Н. К. Бакуринский на имя начальника ОмЖУ Н. Н. Козлова сообщал, что 7 ноября в Зайсане, в связи с высокими ценами произошли беспорядки, преимущественно женщины – жены, призванных на войну и отдельные горожане произвели разгром некоторых магазинов и растащили товар. Больше никаких подробностей не сообщалось, но отдельно указывалось, что ходят слухи о возможных погромах в других местах, например, в Усть-Каменогорске [20, Л. 14]. Об усугублении положения свидетельствовали и последующие события. Так, на почве дороговизны в Семипалатинске 19 и 20 ноября 1916 г. были разграблены 15 магазинов и 2 мелочные лавки, при чем, как значилось в обзоре ОмЖУ, активное участие здесь принимали также жены, призванных на войну [20, Л. 11]. В донесении от 25 ноября 1916 г. Н. К. Бакуринский обращал внимание на дальнейшее развитие событий, отмечая, что грабежи прекратились, но уцелевшие магазины из опасения беспорядков закрыты. Возникла нужда в товарах первой необходимости. Реакцией властей на данные события стали обыски и аресты лиц, которые воспользовались недовольством населения и приняли участие в беспорядках, планировалось в административном порядке выслать их из области [20, Л. 19]. Определенную обеспокоенность со стороны ОмЖУ вызывало сочувствие, наблюдаемое со стороны нижних чинов 712-й Томской пешей дружины, вызванной для урегулирования ситуации 19–20 ноября в Семипалатинске. В декабре 1916 г. обстановка продолжала быть напряженной, жалобы на дороговизну раздавались все чаще, как и обвинения в адрес местных властей и правительства, так как, по мнению населения, рост цен на основные продукты и товары – следствие их бездействия. В донесениях с мест на имя начальника ОмЖУ Н. Н. Козлова особо обращалось внимание на бедственное положение семей лиц, призванных на войну [20, Л. 37]. По Акмолинской области в декабре 1916 г. ситуация характеризовалась так: «Крестьянское население спокойно, но выражает недовольствие по поводу возрастающей дороговизны, главным образом на мануфактурные товары и обувь. Киргизское население поуспокоилось и, кажется, вполне убедилось, что воевать их не заставят, а реквизируемые рабочие инородческого населения, отправленные в тыл армии на работы, пишут письма, что они имеют хорошие заработки и обставлены во всех отношениях хорошо. Прокламаций и преступных изданий среди населения не распространялось, исключая случай в Петропавловске, где в ночь на 13 декабря было расклеено несколько записок, писанных от руки пе-

чатными буквами «Бей купцов». Своевременно были приняты все меры против возникновения беспорядков, но никаких попыток к беспорядкам даже не было, и торговля всюду нормально продолжалась» [17, Л. 83]. ОмЖУ придавало значение тому, чтобы информация о недовольствах и волнениях среди населения не попадала в газеты.

Результаты исследования. Общественно-политические настроения среди населения Степного края в 1914–1916 гг. находились в тесной взаимосвязи с происходившими в стране событиями. До первой половины 1915 г. они во многом были под влиянием новых явлений в жизни, которые вызывали вполне объяснимый интерес и внимание к участию России в начавшемся мировом конфликте. Но впоследствии в связи с затянувшейся войной в общественно-политической жизни края с лета 1915 г. и далее важнейшими вопросами, волновавшими население и получившими отражение в обзорах ОмЖУ стали дороговизна, призыв киргизов на тыловые работы, недовольство властями всех уровней. В донесениях и обзорах 1916 г. представлена информация о беспорядках, возникавших в связи с ростом цен, сведения о расследованиях политического характера и т.п. Но в рамках дискуссии подчеркнем, что современная историография позволяет судить, что данные источники дают выход на иные аспекты жизни региона в условиях Первой мировой войны – религиозная сфера, жизнь военнопленных [21].

Следует отметить значимость введения в научный оборот источников о работе региональных органов ОКЖ. Эти документы отличаются как содержательностью относительно общей ситуации в регионе, так и в отношении отдельных учреждений, позволяя получить не только более полные представления о месте и роли политического сыска в дореволюционной России, но и о различных аспектах региональной истории.

Список источников и литературы:

1. Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). М.: Росспэн, 2000. 432 с.
2. Лаврёнова А. М. Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной российской историографии // История и архивы. 2019. № 1. С. 30–47.
3. Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб.: Алетейя, 2020. 358 с.
4. Хутарев–Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: Ин-т Гайдара, 2020. 648 с.
5. Перегудова З. И. Полиция и «либерализм» в Российской империи в 1880–1905 гг. // Российская история. 2021. № 2. С. 180–183.
6. Бакшт Д. А. Органы политического сыска в Енисейской губернии в период упадка российской монархии (1880–1917 гг.). Красноярск: КГПУ, 2016. 305 с.

7. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.
8. Бакшт Д. А., Петин Д. И. Заведующий агентурой Российского правительства адмирала Колчака Александр Караулов (1868–1920): к реконструкции биографии // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 366–380.
9. Макарчук С. В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 - февраль 1917 гг.): состояние социал-демократических и непартийных организаций. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. 298 с.
10. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск: ОмГПУ; ИД «Наука», 2008. 612 с.
11. Стельмак М. М. Константин Андреевич Попов и последняя провокация омских жандармов (январь 1917 года) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 8–27.
12. Порхунов Г. А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905-1914 гг.). Омск: ОГПИ, 1993. 194 с.
13. Христофоров В. С. Политический сыск и «мусульманский вопрос» начала XX в.: сбор и оценка информации о мусульманах Степного края // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3. С. 183–190.
14. Христофоров В. С. Степной край в политическом, экономическом и культурном пространстве Российской империи: взгляд российской контрразведки (1914–1917 годы) // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 146–156.
15. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 59.
16. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84.
17. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88.
18. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 652.
19. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 86.
20. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 87.
21. Сушко А. В., Петин Д. И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 78–98.

Для цитирования: Гермизеева В. В. Общественно-политические настроения в Степном крае в 1914–1916 гг. в обзорах Омского жандармского управления // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 43–51.

Дата поступления статьи: 11.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 12.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Гермизеева В. В., 2022

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПОЕЗДОК НИКОЛАЯ II В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Алексей Николаевич Гребенкин¹

¹ Академия Федеральной службы охраны РФ, Орел, Россия

¹ angrebyonkin@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6750-0758

Аннотация: В статье на основе неопубликованных документов из фондов РГИА дана характеристика развития системы охраны Николая II во время его железнодорожных поездок в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу о том, что благодаря согласованной работе руководителей отдельных охранных подразделений удалось успешно решить сложные вопросы, связанные с перевозкой личного состава и необходимых материальных средств, а также организовать противовоздушную оборону императорского поезда.

Ключевые слова: Российская империя, спецслужбы, государственная охрана, Николай II, Первая мировая война, императорские поезда, Собственный Его Императорского Величества Железнодорожный полк.

Постановка проблемы. Охрана железнодорожных поездок российских императоров и членов их семей всегда представляла собой комплекс мероприятий исключительной сложности. К их проведению привлекались как подразделения, подчиненные дворцовому коменданту (в 1881–1894 гг. – Главному начальнику охраны, в 1894–1896 гг. – Дежурному при Е. И. Вел. генералу), так и полицейские структуры, ОКЖ, Министерство путей сообщения, а также воинские части. Анализ форм и методов охраны царских поездов и путей их следования позволяет судить не только о степени защищенности жизни и здоровья императора и его близких во время железнодорожных путешествий, но и об уровне развития института государственной охраны в целом. Особый интерес представляет адаптация системы охраны железнодорожных поездок к чрезвычайным условиям Первой мировой войны, когда Николай II принял на себя обязанности Верховного Главнокомандующего. Опыт успешного решения в сжатые сроки огромного количества сложных задач может быть актуализирован в контексте подготовки масштабных охранных мероприятий силами подразделений ФСО России.

Основная часть. За несколько месяцев до начала войны, в конце 1913 г., был инициирован пересмотр правил охраны императора и членов его семьи во время железнодорожных поездок. Существовавший с 1881 г. порядок предполагал привлечение к охранным мероприятиям большого количества воинских частей, что было крайне неудобно. 7 марта 1914 г. было принято «Положение о мерах охраны Высочайших путешествий по железным дорогам», в соответствии с которым главную роль в охране железнодорожного пути должны были играть чины жандармских полицейских управлений железных дорог. Войскам следовало оказывать им содействие лишь «в подлежащих случаях» [1, С. 4].

После начала Первой мировой войны возникла необходимость в уточнении правил охраны царских поездов. 25 августа 1914 г. исправлявший должность управляющего канцелярией дворцового коменданта полковник Д. И. Ростовцев отметил, что в новом положении об охране железных дорог во время Высочайших путешествий не определены меры обеспечения безопасности императорских поездок в военное время. По мнению Ростовцева, это был «...несомненный пробел, который желательно иметь в виду – в случае пересмотра «Положения об охране» в связи с имеющимися уже пожеланиями 1-го Железнодорожного полка и частей войск» [2, Л. 369].

7 ноября 1914 г. состоялось секретное совещание под председательством начальника канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенанта А. А. Мосолова. На нем присутствовали заведующий хозяйством гофмаршальской части Министерства императорского двора генерал-лейтенант М. М. Аничков, управляющий канцелярией Придворной конюшенной части генерал-майор А. Х. Палеолог, управляющий канцелярией дворцового коменданта действительный статский советник Ф. Ф. фон Каналошый–Лефлер, штаб-офицер для поручений при Императорской Главной квартире флигель-адъютант полковник А. А. Дрентельн, инженер Эртель. Открывая заседание, Мосолов сообщил, что, согласно уведомлению военного министра генерал-адъютанта В. А. Сухомлинова, Николай II выразил намерение в случае открытия военных действий возложить на себя обязанности главнокомандующего. По этой причине министр императорского двора «приказал разработать все соображения на случай могущего быть Высочайшего пребывания при армии» [3, Л. 1]. Мосолов добавил, что при императоре будут находиться как лица, обычно сопровождавшие его в поездках, так и особый начальник штаба (по всей вероятности, им должен был стать военный министр Сухомлинов), чины штаба (примерно 10 генералов и офицеров) и министр иностранных дел с 2–3 своими подчиненными. Постоянную стоянку императорских поездов предполагалось сделать на какой-либо узловой станции, откуда по мере надобности можно было осуществлять поездки на поезде, автомобилях или лошадях. Оценка числа лиц свиты императора делалась как на основании сведений, приведенных в частной беседе Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта генералом от кавалерии Я. Г. Жилинским, так и исторической справки, содержащей характеристику охраны Александра II в действующей армии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Участники совещания пришли к выводу, что для того, чтобы своевременно предоставить военному министерству сведения о количестве и составе поездов, которые необходимо отправить в место пребывания императора, необходимо немедленно определить как число подлежащих командированию лиц, так и количество отправляемого груза, а также разработать правила следования экстренных поездов.

В перечень лиц, которые должны были находиться в императорском поезде, помимо начальника штаба и министра иностранных дел с их подчиненными, вошли: 1) министр императорского двора, 2) командующий Императорской Главной квартирой, 3) дворцовый комендант, 4) управляющий Придворной ко-

нюшенной частью, 5) от 12 до 15 лиц Свиты Е. И. Вел., 6) лейб–медик, 7) заведующий передвижениями (в случае его назначения), 8) заведующий почтово-телеграфными и телефонными сообщениями, 9) чины Императорской Главной квартиры и военно-походной канцелярии, 10) чины канцелярии министра императорского двора, 11) чины управления дворцового коменданта, 12) фельдъегерские офицеры (в 1877 г. их было 6), 13) лицо духовного звания (в 1877 г. был один певчий, а все требы совершались военным духовенством), 14) комнатная прислуга императора (в 1877 г. при нем состояли 3 камердинера и 3 рейткнехта), 15) казаки Собственного Е. И. Вел. конвоя (в 1877 г. Александра II сопровождали ординарец, 2 штаб-трубача и 2 казака), 16) прислуга гофмаршальской части, 17) личная прислуга лиц Свиты. Кроме того, в других поездах или особых помещениях должны были находиться: 18) чины и прислуга Гофмаршальской части с особой палаткой-столовой, 19) чины Придворной конюшенной части и гаража с лошадьми, экипажами, бранкардами (грузовыми экипажами) и автомобилями, 20) походная церковь, 21) команда Собственного Е. И. Вел. Сводного пехотного полка, 22) команда Собственного Е. И. Вел. конвоя, 23) чины Дворцовой полиции, предназначенные для охраны поездов, занятия пропускных постов и охраны мест стоянки экипажей и т.д., 24) чины Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту.

Ввиду того, что Николая II во время его поездок на фронт должно было сопровождать большое количество представителей различных структур, было решено разместить их в двух поездах. При этом в Собственном поезде вагон императрицы и детский вагон должны были быть заменены одним вагоном для лиц Свиты и одним служебным вагоном, «всецело предоставленным начальнику походного штаба и его чинам» [3, Л. 2], а в свитском поезде, где также заменялись два вагона, размещались некоторые лица Свиты и чины управлений. Кроме того, для императорских поездок следовало иметь третий поезд облегченного состава, аналогичный пригородным поездам, который в случае отсутствия вагонов, входивших в состав императорских поездов, можно было бы составить из салонов и классных вагонов.

Дворцовый комендант генерал-майор Свиты Е. И. Вел. В. Н. Воейков принял решение, в соответствии с которым от Собственного Е. И. Вел. Сводного пехотного полка в охрану поезда следовало командировать не более роты, от Собственного Е. И. Вел. конвоя – 2 или 3 сотни по указаниям Императорской квартиры или самого императора, от Дворцовой полиции – максимально сокращенный наряд в составе не более 2 классных чинов, 6-8 чиновников и полицейских надзирателей и 20 городских, от Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, – не более 2 офицеров и 100 агентов-велосипедистов, от 1-го Железнодорожного полка – 1 роту для охраны железнодорожной ставки и путей выездов.

18 июля 1914 г. министр императорского двора генерал-адъютант граф В. Б. Фредерикс уведомил дворцового коменданта В. Н. Воейкова, что Николай II по всеподданнейшему докладу возложил на него по совместительству обязанности коменданта Императорской Главной квартиры. В соответствии со

своей новой должностью Воейков должен был заниматься оборудованием поездов, необходимых для перевозки чинов свиты Николая II и принадлежащего им имущества, обеспечивать своевременное отправление поездов Высочайшего двора к месту назначения, осуществлять общее руководство всеми передвижениями царской Ставки, отдавать распоряжения при выездах Николая II со Ставки и обеспечивать контроль за соблюдением общего порядка на царской Ставке. В этих целях на Ставку было командировано необходимое число чинов полиции и воинских частей. Число сотен Собственного Е. И. Вел. конвоя и рот Собственного Е. И. Вел. Сводного пехотного и железнодорожного полков должен был, как и предполагалось ранее, определить сам Воейков. Было сделано распоряжение о том, чтобы срочно передать Воейкову именные списки командируемых чинов и служащих и сведения о количестве вагонов, необходимых для перемещения гофмаршальской и конюшенной частей. Николай II распорядился предоставить министру иностранных дел и сопровождавшим его лицам отдельный вагон в Свитском поезде, а начальнику штаба Верховного Главнокомандующего – вагон в Собственном поезде.

Количество чинов, командируемых от отдельных подразделений императорской охраны, определяли их непосредственные руководители. Так, начальник Дворцовой полиции полковник Б. А. Герарди составил памятную записку, в соответствии с которой для охраны императорской Ставки требовалось: начальник Дворцовой полиции (он же комендант императорских поездов), помощник начальника Дворцовой полиции, 1 жандармский офицер, старший в команде полицейских надзирателей, старший в команде городских, 6 сотрудников для охраны императорского поезда, 3 сотрудника для охраны свитского поезда, 4 сотрудника для охраны конюшенного, гофмаршальского, полицейского и служебного поездов, 2 сотрудника для обслуживания телефонов, 2 запасных, 40 дворцовых городских, 1 писарь, 4 жандармских унтер-офицера и 3 камердинера. Для их перевозки были необходимы: 4 маленьких купе I класса (полвагона), 67 мест II класса, в т. ч. 1 двухместное купе и 65 одноместных (3 с половиной вагона). Наконец, 300 пудов багажа должны были занять половину багажного вагона. Так как на Ставке было невозможно жить по 4 человека в купе, то Герарди ходатайствовал о выделении 2 добавочных вагонов II класса. Кроме того, требовалось поставить на Ставке 1 вагон-салон, «дабы устроить дежурное помещение Дворцовой полиции, куда направлялись бы с пропускных постов все неизвестные лица, имеющие надобность попасть на Ставку» [3, Л. 8об.].

По мере совершенствования системы охраны императора, с августа 1915 г. являвшегося Верховным Главнокомандующим, возникали и оперативно решались новые вопросы, связанные с железнодорожными перевозками. В сентябре 1915 г. была создана Отдельная батарея для обороны Царской Ставки. Как указывает Д. А. Клочков, «первоначальным ядром новой части послужил взвод легкой батареи Офицерской артиллерийской школы, укомплектование лошадьми происходило за счет лошадей расформировываемой батареи Офицерской артиллерийской школы» [4, С. 281].

Отдельная батарея для обороны царской Ставки для действий разделялась на 3 полубатареи, в том числе, 2 с запряженными орудиями и 1 автомобильной. На вооружении состояли: 8 запряженных орудий образца 1902 г., 8 неподвижных установок к ним для стрельбы по самолетам, 4 автомобильных орудия, 8 зарядных ящиков (в том числе, 4 запряженных и 4 на автомобилях) и 3 осветительных аппарата, из них 2 на неподвижных установках и 1 на автомобиле. Автомобильная полубатарея предназначалась для сопровождения Высочайших выездов из царской Ставки.

Согласно Высочайше утвержденному 4 октября 1915 г. штату, в состав Отдельной батареи для обороны царской Ставки входили 12 офицеров, 3 военных чиновника, 271 строевой нижний чин и 15 нестроевых нижних чинов. К офицерам относились командир батареи (полковник), 5 старших офицеров (2 капитана и 3 штабс-капитана) и 6 младших офицеров (обер-офицеры). Старшие офицеры занимали должности: заведующего хозяйством, заведующего осветительной командой – специалиста по электротехнической части, 2 командиров полубатарей 8 запряженных орудий и 1 командира полубатареи из 4 автомобильных орудий. Младшие офицеры должны были находиться при полубатареях. К военным чиновникам относились делопроизводитель по хозяйственной части, классный артиллерийский техник (вместо него мог состоять обер-офицер со специальным образованием) и младший медицинский врач. В состав строевых нижних чинов входили: фельдфебель, 13 старших фейерверкеров (из них 9 взводных, в т.ч. 3 наблюдателя-дальномерщика и 6 сигналистов-телефонистов, и 4 каптенармуса), 23 младших фейерверкера (в т.ч. 12 орудийных, 2 ящичных, 2 разведчика-ординарца, 4 мотоциклиста и 3 машиниста к осветительным аппаратам), трубач и 233 рядовых (в т.ч. 67 бомбардиров и 166 канониров). К нестроевым нижним чинам относились писари, фельдшеры, мастеровые (2 слесаря, кузнец, шорник, мастер по деревянному делу), лазаретные служители и обозные рядовые. Батарее полагалось иметь 40 верховых, 74 упряжных, 7 запасных и 3 обозных лошади.

Автомобильная полубатарея Отдельной батареи для обороны царской Ставки была предназначена для охраны царского поезда во время поездок. Согласно штату, ее подвижной состав включал 4 пятитонных автомобиля, предназначенных для перевозки орудий, 4 двухтонных автомобиля для перевозки зарядных ящиков, 1 двухтонный грузовой автомобиль для перевозки запасных частей, бензина и инструмента, трехтонный автомобиль для перевозки кухни, 2 легковых автомобиля для перевозки командного и административного персонала, трехтонный автомобиль для осветительного аппарата и 5 мотоциклеток.

В январе 1916 г. был принят новый, расширенный штат Отдельной батареи для обороны Царской Ставки. К марту 1916 г., после прибытия пополнения, автомобильная полубатарея состояла из 7 офицеров и 120 нижних чинов [2, Л. 521]. Это вызвало необходимость увеличения числа вагонов и платформ для ее перевозки. Так, 18 марта 1916 г. командующий Отдельной батареей для обороны Царской Ставки подполковник Л. В. Хростицкий подал дворцовому коменданту рапорт, в котором ходатайствовал о включении в состав поезда особого

назначения одного крытого товарного вагона для 2 пулеметов, станков к ним, запасных частей и боевого комплекта. В соответствии с подготовленным в тот же день расчетом, офицерам (командиру батареи, старшему офицеру, командиру осветительной команды, 2 младшим офицерам, начальнику пулеметной команды и доктору) полагался вагон I или II класса. Нижние чины занимали вагон III класса. На 7 платформах размещались 4 пятитонных автомобиля с орудиями, 4 трехтонных автомобиля с зарядными ящиками, 2 трехтонных автомобиля для прожектора и генератора, 4 легковых автомобиля, 2 двухтонных автомобиля для запасных частей, бензина и инструментов, трехтонный автомобиль с кухней, 4 мотоциклетки с колясками, накат и щиты для погрузки автомобилей. Для размещения войсковой клади весом 200–300 пудов предназначался крытый вагон. В другой крытый вагон следовало грузить 2 пулемета, 2 станка, принадлежности к пулеметам и станкам, запасные части, инструменты, боевой комплект ружейных и пистолетных патронов, телефонное имущество. Там же размещался и караул. Общий вес клади и часовых составлял 150 пудов.

Количество вагонов и платформ, необходимых для размещения чинов охраны и необходимого им оборудования, непрерывно уточнялось. Так, командир Собственного Е. И. Вел. Железнодорожного полка генерал-майор С. А. Цабель, на утверждение которого был передан составленный подполковником Хростицким расчет, пришел к выводу, что число офицеров и автомобилей, подлежащих размещению в поезде особого назначения, слишком велико, так как «артиллерия и пулеметы главным образом имеют значение в самом императорском поезде» [2, Л. 527]. Поэтому наличный состав автомобильной полубатареи Отдельной батареи для обороны Царской Ставки, предназначенный для сопровождения императора при его выездах за пределы Ставки, был определен в следующем составе: 4 офицера (командир, старший и младший офицеры, начальник пулеметной команды), 55 нижних чинов (4 орудийных фейерверкера, 24 номера к 4 орудиям, 2 ящичных фейерверкера, 2 разведчика-мотоциклиста, 2 наблюдателя-дальномерщика, 2 сигналиста-телефониста, автомобильный каптенармус, взводный электротехник, 6 машинистов к электроосветительным аппаратам, 11 шоферов). Служебный расход составлял 1 кашевара, 2 денщиков, 1 писаря. К нестроевым чинам относились орудийный мастер, слесарь, сверловщик, кузнец и фельдшер. Кроме того, поезд должны были сопровождать 15 нижних чинов Пулеметной команды Отдельной батареи для обороны Царской Ставки.

В соответствии с расчетом подвижного состава поезда особого назначения, для командного состава автомобильной полубатареи Отдельной батареи для обороны царской ставки был предназначен вагон-микст пульмановского типа, для офицерского собрания – вагон-ресторан, для нижних чинов полубатареи и для взвода пулеметной команды – 3 вагона III класса пульмановского типа, для войсковой клади – 1 крытый вагон, для погрузки 4 орудий – 4 платформы с усиленными осями, для погрузки 4 зарядных ящиков – 4 платформы с усиленными осями, для погрузки электроосветительных аппаратов (прожектора и генератора) – 2 платформы, для погрузки 4 легковых автомобилей – 2 платфор-

мы, для погрузки автомобиля-кухни – 1 платформа, для погрузки мотоциклеток и 2 автомобилей с запасными частями – 2 платформы, для погрузки наката и щитов, необходимых для погрузки автомобильных пушек на платформы, – 1 платформа. Все платформы были накрыты брезентом.

В апреле 1916 г. по взаимному соглашению командующего Отдельной батареей для обороны царской ставки подполковника Л. В. Хростицкого, командира Специального авиационного отряда капитана В. А. Павленко и инспектора императорских поездов инженера М. С. Ежова был определен следующий состав артиллерийско-воздухоплавательного поезда для охраны Высочайших поездов: 2 классных вагона, 4 вагона IV класса, 25 платформ и 4 крытых вагона. Из них 9 платформ, 2 вагона IV класса и 1 крытый вагон предназначались Отдельной батарее для обороны Царской Ставки, а 16 платформ, 2 вагона IV класса и 3 крытых вагона – Специальному авиационному отряду. Средняя скорость поезда должна была составлять 28–30 верст в час. В этом поезде размещалось следующее имущество автомобильной полубатарей: 4 пятитонных автомобиля с орудиями, трехтонный автомобиль с зарядными ящиками, 2 трехтонных автомобиля для прожектора и генератора, 1 легковой автомобиль, двухтонный грузовик для запасных частей, бензина и инструмента, трехтонный автомобиль с кухней, 2 мотоциклетки с колясками.

4 апреля 1916 г. капитан В. А. Павленко передал сведения о подвижном составе, необходимом для сопровождения императорского поезда. В список вошли 1 легковой и 3 грузовых автомобиля, 1 прожектор, 1 мастерская, 7 самолетов. Для их перемещения требовалось 16 железнодорожных платформ.

5 апреля 1916 г. командир Специального авиационного отряда сообщил, что отряду предстоит перевооружение. Самолеты заказаны во Франции, точные их размеры пока неизвестны, «и посему списки входящего от авиации в состав поезда не будут пока вполне точны» [2, Л. 509]. Павленко просил оформить кредит в размере 5000 руб., из которых 2000 руб. были предназначены на постройку приспособления для въезда на платформу, а 3000 руб. он желал «сохранить для других целей оборудования по перевооружении» [2, Л. 509].

В тот же день дворцовый комендант генерал-майор Свиты В. Н. Воейков направил инспектору императорских поездов действительному статскому советнику М. С. Ежову «списки всего входящего в состав поезда Охраны Высочайших путешествий при поездках к Действующей армии – для распределения по вагонам» [2, Л. 528] и попросил его подготовить поезд как можно скорее. Расходы по оборудованию поезда должны были быть погашены из суммы, предназначенной на артиллерийско-воздушную оборону. В состав поезда предполагалось включить 35 вагонов, в том числе 2 классных, 4 вагона IV класса, 25 платформ и 4 крытых вагона. 2 классных вагона были общими, 9 платформ, 2 вагона IV класса и 1 крытый вагон закреплялись за батареей артиллерийской обороны, а 16 платформ, 2 вагона IV класса и 3 крытых вагона – за авиационным отрядом.

В октябре 1916 г. в Могилеве был вновь сформирован поезд лит. Цс, предназначенный для перемещения Отдельной батареи для обороны царской Ставки

и Авиационного дивизиона для охраны императорской резиденции. 4 ноября он был принят командирами этих подразделений императорской охраны.

Результаты исследования. Таким образом, в годы Первой мировой войны охрана железнодорожных поездов Николая II претерпела радикальную трансформацию. К началу войны было принято и опробовано на практике новое «Положение о мерах охраны Высочайших путешествий по железным дорогам», которое освобождало войска от большей части обязанностей, связанных с охраной пути, и превращало чинов жандармско-полицейских управлений железных дорог в основной компонент системы обеспечения безопасности железнодорожных поездов императора. После начала боевых действий был в экстренном порядке разработан план по организации охраны императорского поезда в случае принятия Николаем II на себя обязанностей Верховного Главнокомандующего. Наконец, после того, как император действительно стал верховным вождем Русской армии, пришлось организовывать перевозку подразделений охраны и их имущества и обеспечивать защиту царского поезда от воздушных атак. Совместное обсуждение этих вопросов всеми руководителями подразделений царской охраны позволило успешно их решить.

Список источников и литературы:

1. Положение о мерах охраны высочайших путешествий по железным дорогам. СПб.: Типог. Штаба ОКЖ, 1914. 50 с.
2. РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 47.
3. РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2301.
4. На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В. И. Жилиев, Д. А. Ключков, И. И. Кондратьев, О. Г. Леонов, Т. Д. Панова ; сост. Д. А. Ключков]. М.: Русские витязи, 2018. 920 с.

Для цитирования: Гребенкин А. Н. Организация охраны железнодорожных поездов Николая II в годы Первой мировой войны // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 52–59.

Дата поступления статьи: 13.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Гребенкин А. Н., 2022

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ВЧК В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ. 1918–1921 ГГ.

Артем Борисович Гуларян¹
Стэпан Федорович Мхитарян²
Олег Владимирович Третьяков³

¹ Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина,
Орел, Россия

^{2,3} Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Москва, Россия

¹ agularyan@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9984-1744

² stephanmkhitaryan@gmail.com

³ tov12174561@yandex.ru

Аннотация: Становление органов государственной безопасности Советской республики проходило в условиях жесткого политического и социального противостояния начинающейся Гражданской войны. Органы ВЧК в Орловской губернии с первых дней своего существования включились в борьбу с бандитизмом, спекуляцией, мятежами, заговорами. Орловские чекисты принимали также непосредственное участие в военных действиях вместе с регулярными частями РККА в период крупнейшего за всю Гражданскую войну Орловско-Кромского сражения. Подавление мятежей, разоблачение заговоров и бегство противников Советской власти с отступающими частями Добровольческой армии привели к размыванию лагеря оппонентов большевиков, так что к окончанию гражданской войны Орловская губерния в политическом отношении была «стерильной» территорией.

Ключевые слова: спецслужбы, ВЧК, бандитизм, Ливенское восстание, Дмитровское восстание, Гражданская война, Орловско-Кромское сражение, военные действия, органы государственной безопасности.

Постановка проблемы. Условия становления той или иной системы (включая систему управления государством и обеспечения его безопасности) часто определяют собой ее дальнейшее развитие и механизмы действия. Жесткость советской «диктатуры пролетариата» и склонность советских органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД к чрезвычайным мерам борьбы с реальными и вымышленными врагами объясняется тем, что они зародились и окрепли в условиях невиданного до этого в России политического противостояния различных социальных сил. Это противостояние переросло в Гражданскую войну, завершившуюся победой большевиков. Ради этой победы им пришлось действовать решительно, а подчас жестоко. Так сформировался определенный механизм действия органов государственной безопасности молодой Советской республики. Конкретной иллюстрацией высказанных тезисов является история органов ВЧК в Орловской губернии, на территории которой происходили непосредственные военные действия Гражданской войны.

Основная часть. Создание Орловской губЧК пришлось на непростое время: в европейской части России начиналась Гражданская война. Пользуясь возникшей в стране неразберихой и безвластием на местах, активизировались криминальные элементы. Так, в городе Орле образовалась уголовная банда во главе с матросом Шейнглосом, которая называла себя «революционным штабом» и занималась грабежами и налетами под видом «обысков». Бандиты действовали совершенно открыто, располагались посреди города в гостинице «Саратов», поэтому в краеведческой литературе их иногда называют «Саратовским штабом». 23 февраля 1918 г. исполкому Орловского Совета с большим трудом удалось пресечь деятельность банды, поскольку в его распоряжении не было организованной военной силы [1, С. 34]. Этим воспользовался другой авантюрист, анархист И. П. Сухонос, в марте 1918 г. прибывший со своим отрядом в Орел из Курска. Он предложил Орловскому Совету помощь в наведении порядка в городе. Орловский Совет опрометчиво назначил Сухоноса комиссаром по охране города. Сразу же возобновились налеты, грабежи и убийства под видом «обысков» и «арестов». В ночь с 7 на 8 марта Сухонос собрал совещание, на котором предложил руководству города провести «Варфоломеевскую ночь» для «бывших эксплуататоров», причем потребовал для себя диктаторских полномочий. Большинство присутствующих, прикинув последствия, все же отказалось от предложения. Но у И. П. Сухоноса в руках была реальная сила – 500 хорошо вооруженных анархистов и 17 броневиков. И неизвестно, как бы развивалась ситуация дальше, если бы в город не вернулся с фронта 142-й пехотный Звенигородский полк, расквартированный до войны в Орле. Звенигородцы стали на сторону Орловского Совета. 14 и 15 марта 1918 г. в городе произошел настоящий бой между сухоносовцами и звенигородцами с применением броневиков и артиллерии. И. П. Сухонос был арестован, его отряд рассеян [1, С. 34-35; 2, С. 53-70]. Эти события подтолкнули местные советские органы к организации собственной вооруженной милиции и к созданию органов ВЧК для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией.

Исторические факты показывают, что создание органов ВЧК на территории Орловской губернии происходило ситуативно, а не планомерно. Например, Мценская особая Чрезвычайная комиссия была создана 15 апреля 1918 г., за месяц до губЧК. Председателями Мценской ЧК были последовательно Максим Яковлевич Горохов, Захар Николаевич Матвеев, Максим Васильевич Морозов [3]. В Орловском уезде УЧК появилась также в 1918 г. Ее председатель Ф. Д. Захаркин (1887–1971) был уроженцем этого уезда, участником Первой Мировой войны; он одновременно занимал должности председателя уездного исполкома и уездного комитета РКП(б) [4, С. 23; 5, С. 13]. Кромскую УЧК в 1919 г. возглавлял направлонец из Москвы с незаконченным высшим юридическим образованием В. В. Владимиров [6, С. 54].

В 1919 г. уездные ЧК упразднили, и вместо них был создан институт уездных уполномоченных губернских ЧК. Позднее были образованы политбюро при уездных отделениях милиции, в состав которых входили представители губернской ЧК. Организационно политбюро подчинялись уездной милиции, а в

оперативном отношении - напрямую губЧК. В частности, в Дмитровском уезде Орловской губернии в 1921 г. начальником политбюро работал Поздняков. Приказом ВЧК от 17 января 1922 г. № 35 уездные политбюро по всей стране были упразднены [6, С. 54].

29 мая 1918 г. постановлением Орловского губернского исполнительного комитета (губисполкома) Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов была создана Орловская губернская чрезвычайная комиссия (губЧК) по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Ее первым председателем был назначен 30-летний уроженец села Токмаково Малоярославского уезда Орловской губернии Мирон Абрамович Переславский (1888-1967), проверенный большевик-подпольщик, вступивший в РСДРП(б) в 1905 г. Он имел трехклассное образование (закончил церковно-приходскую школу) и специальность слесаря. В детстве и юности работал пастухом, батраком, чернорабочим в шахтах Донбасса. Был активным участником революционных событий в Днепропетровске в 1917 г., где организовывал отряды Красной гвардии. В 1918 г. воевал с немецкими войсками на Украине [7]. Уже, будучи в должности председателя губЧК, М. А. Переславский был избран делегатом V Всероссийского съезда Советов, во время которого произошли резонансные события левозероковского мятежа. После событий в Москве на территории всей Советской республики (включая Орел) прошла первая спонтанная волна арестов. Местные чекисты арестовали активистов право- и левосоциалистических партий, многие из которых были расстреляны.

В Орловской губернии мятеж левых эсеров отозвался Ливенским восстанием, вспыхнувшим в августе 1918 г. В советской историографии это восстание было названо кулацко-эсеровским мятежом. Действительно, документы свидетельствуют, что во главе восставших против продразверстки крестьян стали активисты партии левых эсеров, многие из которых были ответственными со-работниками, разошедшиеся с Советской властью по вопросам текущей политики. А основной контингент восставших составляли зажиточные крестьяне и середняки. Восставшие, в количестве 10 тыс. человек убивали активистов волостных комитетов бедноты, вступали в бой с продовольственными отрядами и на два дня – 19–20 августа 1918 г. - захватили город Ливны. Не удивительно, что В. И. Ленин воспринял этот мятеж как страшную опасность для Советской республики. Он направил срочную телеграмму председателю Орловского губернского комитета РКП(б) М. Н. Бурову и председателю Орловского губЧК М. А. Переславскому с требованием немедленно покончить с мятежом. Для подавления мятежа была создана значительная военная группировка из советских отрядов Орла и Курска. Во главе одного из отрядов стал М. А. Переславский. Уже 22 августа 1918 г. М. Н. Буров и М. А. Переславский телеграфировали Ленину о подавлении Ливенского мятежа [8]. К слову сказать, большинство рядовых участников мятежа – ливенских крестьян – амнистировали (за исключением 300 восставших, погибших при штурме Ливен). Были расстреляны попавшие в руки чекистов непосредственные руководители мятежа из числа левых эсеров и поддержавших мятеж демобилизованных офицеров [9].

В феврале 1919 г. в губерниях Центральной России началась первая плановая операция против партактива правых и левых эсеров, которая продолжалась

год. Пик ее пришелся на время взрыва Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке [10, С. 34; 11, С. 20].

В марте 1919 г. М. А. Переславского на посту председателя Орловской губЧК сменил Андрей Ильич Комлев. Но он недолго пробыл на посту председателя Орловского губЧК, уже 8 июня 1919 г. орловских чекистов возглавил Владимир Иванович Вильдгрубе (вариант написания фамилии – Вильгрубе) (1886–1920). Он был уроженцем Курляндской губернии, вступил в РКП(б) в августе 1918 г. С июня 1918 возглавлял Покровский подотдел борьбы труда с капиталом в Саратовской губернии после чего перешел на работу в ВЧК. С октября 1918 г. В. И. Вильдгрубе - заведующий Особым отделом ВЧК штаба 4-й армии; с 27 февраля по 31 марта 1919 он был председателем Уральской областной ЧК [6, С. 175; 12]. Этот человек считался опытным сотрудником, что предопределило его назначение в Орел в сложившейся непростой обстановке. К июню месяцу обозначилась опасность прорыва Южного фронта. 3 июля 1919 г. командующий ВСЮР генерал А. И. Деникин подписал директиву о наступлении на Москву, а 23 августа Совет рабочей и крестьянской обороны объявил Рязанскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернию на военном положении [13, С. 20-21, 88]. В этих условиях органы ВЧК на местах получили директиву очистить прифронтовую зону от белогвардейского подполья, которую они активно выполняли [10, С. 38; 11, С. 21]. В условиях военного положения ряду губернских чрезвычайных комиссий было предоставлено право расстрела; Орловской губЧК предоставлялось право выносить приговоры о расстреле в исключительных случаях, приводя их в исполнение после санкции ВЧК. Особые отделы фронтов и армий по постановлению троек, персонально утвержденных ВЧК, имели право применения высшей меры наказания по обвинению в шпионаже, бандитизме, участии в вооруженном восстании [6, С. 54]. В. И. Вильдгрубе, человек жестокий и решительный, имеющий опыт армейской и чекистской работы, оказался на своем месте.

В июле 1919 г. Орловская губЧК разослала на места распоряжение с требованием: «срочно представить всех бывших эсеров с разделением на правых и на левых, ныне поступивших в Партию коммунистов, с указанием, если возможно, откуда происходит, занимаемая должность до Октябрьского переворота и в настоящее время. Председатель Губчека» [14].

В начале октября 1919 г. силами Мценской уездной ЧК, губернской транспортной ЧК на железной дороге (ГТЧК), районного военного комиссариата и уполномоченного представителя ВЧК из Москвы в Мценске была ликвидирована подпольная офицерская организация, планировавшая восстание в городе при подходе деникинских войск. Так описал это событие в своих воспоминаниях заслуженный орловский чекист С. П. Корнеев, в то время – линейный агент станции Мценск Участковой транспортной Чрезвычайной комиссии: «Органами ЧК стало известно о существовании контрреволюционного ядра, состоящего из 27 офицеров. Группа тщательно готовилась к мятежу. Работники транспортной ЧК разгадали намерения врага. Большую помощь оказал нам столяр Алексей Тимохин, председатель местного комитета станции Мценск. У него был

сын, который дружил со многими гимназистами, именно от них он и узнал о существовании офицерской группы, готовящей мятеж» [15, С. 12]. Стоит отметить, что у мятежных офицеров были большие шансы на успех: в Мценске и уезде было неспокойно. В феврале 1919 г. было подавлено крестьянское восстание в Побединской волости. В октябре 1919 г. произошли волнения в мценском гарнизоне. Поводом к волнению послужил приказ председателя Мценской УЧК М. Я. Горохова об аресте нескольких красноармейцев за спекуляцию продуктами. И только благодаря красноречию гарнизонного комиссара П. М. Кисловского удалось избежать восстания [3].

Наступление белогвардейцев опиралось не только на поддержку контрреволюционных подпольных групп и организаций на советской территории, но и на деятельность собственных диверсантов. Имеются сведения о ликвидации в начале октября 1919 г. силами Орловской губЧК диверсионной группы из 60 лазутчиков-казаков, засланных в город для диверсии на железнодорожной станции [15, С. 12].

Несмотря на определенные успехи в борьбе с контрреволюционным подпольем, благодаря организационным просчетам в штабах 13-й и 14-й армий Южного фронта и нераспорядительности местных начальников, войска генерала А. П. Кутепова все ближе подходили к Орлу. Снятый со своего поста командующий Южным фронтом В. Н. Егорьев объяснял свои неудачи неумением советских войск вести бой в условиях городской застройки [13, С. 40]. Согласно воспоминаниям С. П. Корнеева, чекисты Орловской ГТЧК участвовали в эвакуации железнодорожной станции Курск в то время, когда в него уже вошли белые. Они отправили в сторону Орла все эшелоны с локомотивами и помогли экипажам бронепоездов «Черноморец», «Смерть директории» и «Панцирный потяг» отвести свои поезда. Когда стало ясно, что и Орел удержать не удастся, транспортные чекисты эвакуировали все ценности, весь подвижной состав и локомотивы со станции Орел в сторону Мценска. Столь эффективные действия объяснялись тем, что среди транспортных чекистов было много бывших железнодорожных рабочих [15, С. 12].

13 октября 1919 г. Корниловская дивизия вошла в Орел. Боя за город не было: за два часа до этого последние части Красной Армии покинули его. Советские учреждения, включая губернский комитет РКП(б) еще раньше были эвакуированы в Болхов. Орловские губЧК и ГТЧК эвакуировались в Мценск. Даже по этой рассогласованности видно, какая неразбериха творилась в тылах Южного фронта. Назначенный 9 октября 1919 г. новым командующим Южного фронта выдающийся советский военачальник А. И. Егоров разработал план окружения и разгрома Корниловской дивизии под Орлом. Сосредоточив северо-западнее Орла Ударную группу в составе Латышской и Эстонской дивизий, он приказал командующему 14-й армией И. П. Уборевичу нанести удар во фланг наступающим корниловцам по направлению к Кромам. Развернулось грандиозное Орловско-Кромское сражение, в ходе которого чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. 20 октября 1919 г. корниловцы вынуждены были оставить Орел, чтобы избежать окружения. В него стали возвращаться советские учреждения [13].

Орловские чекисты активно участвовали в регулярных боевых действиях Южного фронта. Так, бывший председатель губЧК М. А. Переславский командовал партизанским отрядом, действовавшим в тылу белых войск под Малоархангельском [7]. Впоследствии он возглавлял Херсонскую губЧК (1920–1922 гг.), был помощником прокурора Орловской губернии [16, Л. 579], работал в профсоюзах [17, С. 72]. О своих переходах через линию фронта с целью организации диверсий на железной дороге пишет в воспоминаниях чекист С. П. Корнеев [15, С. 13].

Отметим, что войска РККА одержали победу над Добровольческой армией «по очкам»: корпус генерала А. П. Кутепова разгромить им не удалось, но белогвардейцы были вытеснены за пределы Орловской губернии. При отступлении корниловцев из Орла и Кром с ними ушли и некоторые антисоветски настроенные местные жители.

19 декабря 1919 г. В. И. Вильдграбе покинул пост председателя Орловской губЧК, поскольку был назначен председателем Енисейской губЧК. На этом посту он проявил себя не лучшим образом: перенес приобретенный в Орле опыт работы в условиях военного положения и чрезвычайщины в Енисейскую губернию. 18 июня 1920 г. В. И. Вильдграбе был арестован за злоупотребление властью, но уже 20 июня его освободили. До 30 октября 1920 г. он был председателем Подольской губЧК, и погиб у с. Каменка Киевской губернии [6, С. 175].

С июня 1920 г. по июнь 1921 г. во главе Орловской губЧК находился Н. И. Поляков. Под его руководством в феврале-марте 1921 г. орловские чекисты принимали участие в подавлении крестьянского восстания в Дмитровском уезде. Его заместителем был Б. М. Гордон (1896–1937), впоследствии известный деятель внешней разведки. С июня 1921 г. вплоть до упразднения ВЧК с передачей полномочий ГПУ при НКВД РСФСР в феврале 1922 г. руководителем Орловской губЧК был А. Я. Войтасик [6, С. 175].

Результаты исследования. Приведенные факты показывают, что в условиях разворачивающейся в стране Гражданской войны орловские чекисты вынуждены были действовать все более решительно и жестко. Они участвовали в плановых операциях против партийного актива эсеров и меньшевиков. Разоблачали заговоры на территории губернии. Принимали непосредственное участие в военных действиях, как при подавлении крестьянских восстаний, так и против регулярных частей белой армии. Они привыкли работать в условиях военного положения и чрезвычайщины, и иногда совершенно необоснованно переносили эти методы работы в другие регионы страны.

Однако в самой Орловской губернии применение чрезвычайных мер дало свой результат: к концу Гражданской войны этот регион Советской России стал в политическом отношении «стерильным». Все оппоненты большевиков либо покинули губернию, либо прекратили политическую борьбу.

Список источников и литературы:

1. Ашихмина Е. Н. Установление советской власти в Орловской губернии // В эпоху перемен: бунт, восстание, революция в XVII – начале XX вв. Мат–лы Всеросс. научн. конф. Елец: ЕлГУ им. И. А. Бунина. 2017. С. 24–45.

2. Захаркин Ф. Д. Первое контрреволюционное восстание в Орле – «Сухоновщина» // Орловский край. Вып. 1. 1929. С. 53-70.
3. Иванова Н. На страже завоеваний Советской власти // Ленинский путь. 1987. 15 декабря. С. 2.
4. Захаркин Ф. Д. Тревожные дни // Незримого фронта солдаты. Тула, 1971.
5. На страже государственной безопасности. Органы ВЧК–КГБ–ФСБ на Орловщине. Орел, 2007. 325 с.
6. Гуларян А. Б. Саран А. Ю. ОГПУ в Омском Прииртышье и Орловском Поочье (1922–1934 гг.). Орел: Орловский ГАУ, 2015. 428 с.
7. Поляков И. Без срока давности. // Орловская правда. 9 декабря. С. 8.
8. Якубсон О. Л. Антибольшевистское восстание в Ливнах в августе 1918 года // Страницы истории Гражданской войны на Орловщине / Под науч. ред. А. В. Тихомирова. Орёл: Православное молодёжное братство во имя Св. Великомученика и Победоносца Георгия, 2010. С. 49-54.
9. Таратухин К. Ливенский край в годы второй Великой Смуты // http://www.dk1868.ru/statii/livny1.htm#_ftnref51 (дата обращения 14.09.2022).
10. Гуларян А. Б. Нейтрализация органами ГПУ-ОГПУ движения эсеров на территории Омской и Орловской губернии в 1920-х гг. Опыт сравнительного анализа // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 33-38.
11. Третьяков О. В., Максимов Д. В. Становление органов контрразведки: 1918–1922 гг. // Вопросы гуманитарных наук. 2006. № 5. С. 20–21.
12. <http://www.knowbysight.info/VVV/11867.asp>. (дата обращения 14.09.2022).
13. Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года. Орел, 1989. 96 с.
14. ГАБО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 44. Л. 45.
15. Корнеев С. П. Первые схватки с врагом // Красная строка. 2009. 27 мая. С. 12-13.
16. Государственный архив Орловской области. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 4-а.
17. Абрамов В. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005. 512 с.

Для цитирования: Гуларян А. Б., Мхитарян С. Ф., Третьяков О. В. Становление органов ВЧК в Орловской губернии. 1918–1921 гг. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск, ОмГТУ. С. 60–66.

Дата поступления статьи: 14.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Гуларян А. Б., Мхитарян С. Ф., Третьяков О. В. 2022.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. 1919–1920 ГГ.

Евгений Николаевич Журавлев¹

¹ Общество изучения истории отечественных спецслужб, Омск, Россия

¹ ezhuravlev@mail.ru

Аннотация: В статье приведены новые данные о деятельности органов военной цензуры в годы Гражданской войны. На основе рассекреченных архивных документов особого отдела Туркестанского фронта подтверждено существование сети военно-цензурных отделений и пунктов на территории Туркестанской Республики. Данный факт ранее не получал освещения в историографии. В работе впервые освещен процесс формирования и организационного строительства подразделений военной цензуры на территории Туркестанской Республики в 1919–1920 гг.

Ключевые слова: военная цензура, особый отдел, Туркестан, Туркестанская Республика, Реввоенсовет, Гражданская война.

Постановка проблемы. Цензура – одна из форм контроля государством открытых видов информации и частной переписки. Во время революции и Гражданской войны в России имелось два вида цензурного контроля, политический и военный. Они сосуществовали вместе и сферы их деятельности тесно переплетались. Советская цензура первых послереволюционных лет стала популярной темой в отечественной историографии. Изучением советской цензуры, в том числе военной, занимались исследователи: Г. В. Жирков (Санкт-Петербург), Л. А. Молчанов (Москва), В. С. Измозик (Санкт-Петербург), А. С. Смыкалин (Санкт-Петербург), П.В. Батулин (Нижний Новгород).

Тем не менее, политическая цензура периода Гражданской войны на сегодняшний день более изучена, чем военная. Это объясняется, прежде всего, узостью источниковой базы. Несмотря на то, что некоторые инструктивные документы военной цензуры опубликованы, в академической литературе по-прежнему остается недостаточно освещенным период создания советской военной цензуры, для описаний которого характерны разрозненные факты, иногда с нечеткой хронологией.

Одним из неизученных и спорных вопросов является факт существования органов военной цензуры в годы Гражданской войны на территории Туркестана. Так, исследователь Л. А. Молчанов сообщает: «К концу 1920 г. сетью местных учреждений военной цензуры была покрыта вся территория РСФСР, кроме Туркестана» [1, Л. 151]. Однако, к сожалению, в дальнейшем этот историк не указывает, на чем основывается такое утверждение. Рассматриваемый вопрос не получил освещения в историографии. Существование сети подразделений военной цензуры на территории Туркестана не было ни подтверждено, ни опровергнуто в исторической литературе.

Основная часть. В сентябре 1918 г. в составе Регистрационного управления Полевого штаба РВСР образован военно-цензурный отдел. Его деятельность регламентировалась «Положением о военной цензуре РСФСР», принятым РВСР 23 декабря 1918 г. Главной задачей вновь созданной структуры являлось сохранение военной тайны и ограждение интересов РСФСР. В рамках этого положения учреждались военно-цензурные отделы во главе с центральным военно-цензурным отделом Регистрационного управления Полевого штаба РВСР, в обязанность которых вменен контроль над всей выходящей в РСФСР печатной продукцией, содержащей военные сведения, а также над радио и телеграфом [2, Л. 1329–1392].

Установленный перечень сведений, составляющих военную тайну, был достаточно обширен. К ним относилась не только информация о вооружении, снабжении, численности, военно-технических средствах и боевой готовности РККА, ходе мобилизации и боевых действиях, но и данные, разглашение которых могло нежелательно отразиться на моральном состоянии войск. В перечень также входили сведения, способные спровоцировать различного рода сенсационные и панические слухи, в том числе, данные о крупных потерях в РККА, об эпидемиях, взрывах и пожарах, а также о волнениях в войсковых частях и в тылу.

В 1918–1920 гг. органы военной цензуры в РСФСР входили в состав Регистрационного управления РВСР, и только в конце 1920 г. переданы в подчинение ВЧК. Исключением являлась Туркестанская республика, на территории которой вся военная и гражданская цензура была объединена и подчинена особому отделу Туркестанского фронта уже в конце 1919 г.

Директивой главкома РККА от 11 августа 1919 г. на территории Самарской, Астраханской, Оренбургской губерний и Уральской области образован Туркестанский фронт [3, Л. 264]. Части, дислоцирующиеся непосредственно на территории Туркестана, подчинялись РВС войск Туркестанской республики. Приказом по отделу военной цензуры Регистрационного управления полевого штаба РВСР № 133 от 15 сентября 1919 г. при РВС Туркестанского фронта в Самаре образовано военно-цензурное отделение под руководством А. В. Миронова¹ [4, Л. 18]. А 14 ноября 1919 г. постановлением РВС войск Туркестанской республики в Ташкенте образован отдел военной цензуры под руководством А. М. Марголина² [4, Л. 4].

Первые организационные мероприятия по созданию военной цензуры непосредственно на территории Туркестана начались с прибытием в Ташкент Ташкентского отдела РВС Туркестанского фронта (Ташотурк), вместе с которым, для организации военной цензуры прибыл начальник военно-цензурного отделения РВС Туркестанского фронта А. В. Миронов.

29 ноября 1919 г. на заседании РВС Туркестанского фронта рассмотрена докладная записка начальника особого отдела Г. И. Бокия об организации военной цензуры в Туркестане и реорганизации военно-цензурного отделения при РВС Туркестанского фронта. В результате, было принято решение объединить деятельность гражданской и военной цензуры, подчинив их особому отделу Туркестанского фронта «вследствие ценных данных для Особого отдела, обна-

руживаемых цензурой в корреспонденции, адресуемой в армию и из армии...» [4, Л. 14].

Однако нормально функционировать реорганизованный отдел не мог в связи с острой нехваткой кадров. И только после прибытия в Ташкент в декабре 1919 г. – январе 1920 г. из Самары аппаратов военно-цензурных отделений особых отделов Туркестанского фронта и 4-й армии (начальник Э.Г. Шенберг³) началась организационная работа по созданию сети подразделений военной цензуры на всей территории Туркестана.

В связи с кадровым голодом в Туркестане, комплектование военно-цензурных пунктов поручалось, как правило, заведующим пунктами особого отдела, которые должны были самостоятельно подыскивать местные кадры для назначения цензоров.

23 января 1920 г. особым отделом Туркестанского фронта утверждена инструкция по организации военной цензуры в пределах Туркестанской Республики. Согласно ей, все почтово-телеграфные учреждения Республики, железные дороги, радиостанции и другие учреждения, при которых формируются подразделения военной цензуры, обязаны предъявлять для просмотра всю входящую и исходящую корреспонденцию [5, Л. 2]. При этом осуществление деятельности военной цензуры в различных учреждениях не должно было нарушать установившегося в них порядка работы. Вмешательство военных цензоров в административное управление учреждением связи не допускалось [5, Л. 2–4].

Что касается техники проверки, перлюстрация корреспонденции производилась как в помещениях военной цензуры, так и непосредственно на местах, в помещениях почты и телеграфа.

Назначение военных цензоров в учреждения почты и телеграфа, производилось по согласованию с руководством учреждений из числа штатных сотрудников военной цензуры, а также из числа служащих этого учреждения, которые должны были совмещать работу цензора с текущей работой в данном учреждении (т.н. осведомители).

Всем органам военной цензуры вменялось в обязанность направлять в свои руководящие центры сводки с информацией, полученной в результате перлюстрации корреспонденции. Помимо военных вопросов в сводках следовало освещать такие сюжеты, как отношение местного населения к советской власти, случаи межнациональной вражды и мн. др. [5, Л. 13–14].

В связи с тем, что географические и социально-экономические особенности театра военных действий в Туркестане исключали возможность образования там одного сплошного фронта, подразделения военной контрразведки здесь формировались по территориальному признаку, а структура формируемых подразделений военной цензуры фактически повторяла структуру особых отделов.

Органы военной цензуры в Туркестане состояли из фронтового военно-цензурного отдела в Ташкенте, военно-цензурных отделений в областных центрах – Самарканде, Фергане, Верном (ныне Алма-Аты), Полторацке (Асхабаде,

ныне Ашхабад) с подчиненными им военно-цензурными пунктами в уездных городах.

Согласно типовому штату, областное отделение должно состоять из заведующего, цензора-руководителя, от 10 до 15 цензоров, 5 сотрудников-осведомителей и 1 регистратора. Штат пункта предусматривал должности заведующего, старшего цензора, от 3 до 8 цензоров и 3 осведомителей [4, Л. 1].

Цензоров следовало подбирать преимущественно из партийных работников со знанием местных языков – сартского (узбекского), фарси, дари. Количество цензоров могло варьироваться в зависимости от необходимости, объема проверяемой корреспонденции. В отличие от штатных цензоров, сотрудники, подобранные из числа почтово-телеграфных служащих (осведомители), получали только вознаграждение в размере разницы оклада цензора от оклада по основному месту работы [4, Л. 1].

Несмотря на то, что отделения и пункты военной цензуры являлись отдельным аппаратом, не интегрированным в аппараты особых отделов, оперативно они подчинялись заведующим отделениями и пунктами особого отдела по месту дислокации [4, Л. 1]. Финансирование отделений и пунктов военной цензуры также производилось через особые отделы.

На процессе формирования и деятельности военной цензуры существенно сказывалось отсутствие специалистов, особенно коммунистов со знанием восточных языков. Краевой центр не мог предоставить необходимые кадры. Руководители цензурных пунктов сообщали в областные и краевой центры о невозможности организации нормальной работы в связи с отсутствием кадров и нежеланием местных партийных органов эти кадры предоставить. В связи с этим особый отдел Туркестанского фронта в отдельных случаях был вынужден допустить организацию цензуры на почте и телеграфе только в областном городе. Организацию же пунктов в уездных городах разрешено было временно отложить [5, Л. 14].

Существовавший кадровый голод сказывался и на процессе обработки корреспонденции. Обилие почтовой корреспонденции на восточных языках, которую невозможно прочитать даже за 18-ти часовой рабочий день, приводило к тому, что большая часть корреспонденции сдавалась обратно на почту без просмотра [5, Л. 17]. По причине недостатка кадров заведующие цензурными пунктами, в нарушение инструкции, привлекали к работе непартийные кадры из числа мусульманского населения [5, Л. 19].

Тем не менее, несмотря на серьезные затруднения, связанные с объективными причинами и местными особенностями, по состоянию на 1 марта 1920 г. вся территория республики была охвачена сетью военно-цензурных отделений и пунктов: Семиреченская область – отделение в Верном, пункты в городах Копале, Джаркенте, Черняеве, Пржевальске; Ферганская область – отделение в Скобелеве, пункты в Коканде, Андижане, Намангане и Оше; Самаркандская область – отделения в Самарканде и Новой Бухаре, пункты в Катта-Кургане, Чарджуе (Чарджоу) и Керках; Закаспийская область – отделение в Полторацке (Асхабаде), пункты в городах Мерв и Красноводск.

Таким образом, по состоянию на март 1920 г. процесс формирования органов военной цензуры на территории Туркестанской Республики можно назвать завершенным.

Результаты исследования. Можно утверждать, что рассекреченные архивные документы особого отдела Туркестанского фронта позволили внести ясность в вопрос существования сети подразделений военной цензуры на территории Туркестана. Безусловно, период 1919–1920 гг. был для военной цензуры на территории Туркестана организационным. Не имея ни опыта, ни профессиональных кадров, она часто допускала ошибки.

Однако, несмотря на мнения ряда историков, рассматривающих военную цензуру только как форму ограничения властью свободы слова, она выполняла важную работу, в результатах которой, были заинтересованы органы военной контрразведки и командование Туркестанского фронта. Информационные сводки и статистические сведения военной цензуры высоко оценивались руководством особого отдела фронта как содержательный источник объективной информации о ситуации в том или ином регионе.

Существование органов военной цензуры в Туркестане, ее организационное строение, обусловленное местными особенностями, можно рассматривать как интересный опыт организации работы, повторения которого не было на других фронтах Гражданской войны, а также в последующем, в период Великой Отечественной войны.

Примечания:

¹ Миронов Александр Владимирович, 1878 г.р., уроженец города Изюм Харьковской губернии. В 1910 г. окончил Горный институт в Петербурге. В 1917–1918 гг. – химик мастерских офицерской электротехнической школы, директор Петроградского электротехнического завода, с 1919 г. сотрудник особого отдела Восточного фронта, с ноября 1919 г. начальник военно-цензурного отделения особого отдела Туркестанского фронта, с апреля 1920 г. в аппарате Чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной армии и флота на Туркестанском фронте.

² Марголин Александр Маркович, 1894 г.р., член РСДРП(б) с 1905 г., участник вооруженного восстания, арестован, из тюрьмы бежал, с 1906 по 1917 гг. жил во Франции, окончил электротехникум в Париже, работал инженером. С 1917 г. в России, член Главного комитета Всероссийского союза земств, затем заместитель председателя Черниговского губсовнархоза. В 1919 г. выехал в Туркестан вместе с комиссией ВЦИК по делам Туркестана, 12 ноября 1919 г. командирован в особый отдел Туркестанского фронта для организации военной цензуры в Туркестанской республике. 8 января 1920 г. откомандирован в распоряжение Управления инженеров Туркестанского фронта.

³ Шенберг Эрнст Готфридович, 1892 г.р., уроженец усадьбы Польсберг Курляндской губернии, в 1918–1919 гг. проживал в Самаре, с сентября 1919 г. служил в особом отделе Туркестанского фронта (Самара, Ташкент), в июле

1920 г. откомандирован в особый отдел ВЧК (Москва), в 1923 г. уволен из органов безопасности. С 1926 г., после окончания МГУ работал в Народном комиссариате тяжелой промышленности СССР.

Список использованных источников:

1. Молчанов Л. А. Газетная пресса в России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. 1483 с.
3. Центральный государственный архив Советской армии. Путеводитель. В 2 т. Том 1. М., 1991.
4. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 38. Оп. 1. Д. 295.
5. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 38. Оп. 1. Д. 310.

Для цитирования: Журавлев Е. Н. Формирование органов военной цензуры на территории Туркестанской Республики. 1919–1920 гг. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 67–72.

Дата поступления статьи: 01.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 01.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Журавлев Е. Н., 2022

К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИИ ВНЕЗАПНОСТИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К КУРСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Александр Александрович Зданович¹

¹НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ, Москва, Россия

¹Zdanovich52@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 8351-6451,

Аннотация: Деятельность советских спецслужб в период Великой Отечественной войны входит сегодня в число наиболее актуальных тем для изучения российскими историками. В преддверии 80-летия Курской битвы важно обратиться к ранее не изученному в историографии аспекту взаимодействия армейского командования и органов «СМЕРШ» в проведении отвлекающей операции для дезинформации противника. Данный опыт, несмотря на организационные противоречия, дал возможность советским войскам достаточно эффективно подготовиться к переломной военной операции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская битва, Воронежский фронт, военная контрразведка, СМЕРШ, спецслужбы, маскировка, дезинформация противника.

Постановка проблемы. Одним из важнейших принципов военного искусства является достижение внезапности. Реализация комплекса мероприятий по введению противника в заблуждение (ВПЗ), позволяло застать его врасплох и тем самым способствовать успеху в операциях и боях. В реализации принципа внезапности на практике наглядно проявилась возросшая к весне 1943г. профессиональная зрелость и полководческое мастерство командующих фронтами и армиями, умелые действия коллективов их штабов.

Об успехах в деле введения противника в заблуждение многократно упоминалось в мемуарах и статьях известных военачальников. Однако, ряд исследователей отмечали, что указанный компонент военного искусства разработан совершенно недостаточно [1, С. 172]. Это не совсем так, поскольку читателям доступна книга бывшего начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации генерала армии В. Н. Лобова с говорящим названием «Военная хитрость» [2]. К стати говоря, его работа была дважды переиздана. Нельзя не сказать и о коллективной монографии научных сотрудников Института военной истории «Внезапность в наступательных операциях Великой Отечественной войны» [3]. В указанных изданиях приведены отдельные примеры, в том числе и из операций, проведенных в период Курской битвы рядом фронтов.

Более общим понятием относительно внезапности принято считать маскировку. Еще в июне 1941 г. Главное военно-инженерное управление разработало и направило в войска инструкцию по оперативной маскировке, где давалось ее определение, указывалась ее цель и методы проведения. В документе преду-

сма тривалось, в частности, усиление разведывательной деятельности всех родов войск на второстепенных направлениях и разнообразные приемы действий агентурных органов [3, С. 53].

В военной энциклопедии (соответствующий том которой увидел свет в 2001 г.) маскировка определяется следующим образом: «Вид обеспечения боевых действий и повседневной деятельности войск (сил); комплекс взаимосвязанных организационных, оперативно-тактических, инженерно-технических мероприятий, проводимых в целях скрытия от противника войск (сил флота) и объектов и введения его в заблуждение относительно наличия, расположения, состава, состояния, действий и намерений войск (сил флота), а также планов командования» [4, С. 23]. А введение противника в заблуждение, таким образом, лишь является одной из основных задач маскировки. Однако, некоторые современные исследователи предлагают ставить на первое место именно словосочетание «обман противника» (введение в заблуждение), а маскировку рассматривать как одну из его составляющих. Сам же обман противника следует определять, как путь достижения внезапности действий при ведении операций [5, С. 38].

Исторический опыт свидетельствует, что, даже имея некоторое превосходство над противником в численности войск и количестве боевой техники (по отдельным ее видам), что имело место в период Курской битвы, наступающая сторона не шла напролом. Введение противника в заблуждение позволяло нашему командованию решать поставленные перед войсками фронтов задачи в установленные сроки и с возможно меньшими потерями в боевой технике и личном составе.

Основная часть. В период подготовки к Курской битве немецкое командование прилагало значительные усилия по дезинформации руководства советских фронтов относительно действий своих войск. Конкретный пример этого: Командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин, член Военного совета Н. С. Хрущев и начальник штаба генерал-лейтенант С. П. Иванов 24 июня 1943 г. доложили Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину, что «противник возможно отказался на ближайшее время от решительных наступательных операций и перешел к упорной обороне занимаемого рубежа» [6, Л. 309]. Как мы теперь знаем, это «ближайшее время» ограничилось менее чем двумя неделями. Представляя указанный доклад, командование фронтом ссылалось на данные всех видов разведки [6, Л. 311]. Дезинформационные мероприятия предусматривались врагом заранее. Еще в оперативном приказе главнокомандующего вермахтом № 6 от 15 апреля 1943 г. говорилось: «широко использовать момент внезапности и держать противника в неведении прежде всего относительно времени начала наступления» [7, С. 428]. В этом же приказе, его пункт № 6 так и обозначен: «Для введения противника в заблуждение...», где предусматривались конкретные мероприятия. В частности, требовалось продолжать в полосе группы армий «Юг» подготовку операции «Пантера» и проводить ее как можно дольше [7, С. 429].

Меры германского командования не остались на бумаге. Здесь примером могут быть сведения из приведенного выше доклада генерала Ватутина Вер-

ховному Главнокомандующему. Командующий фронтом, опираясь на материалы допросов пленных и перебежчиков, а также бывших военнослужащих Красной армии, служивших после пленения в немецких частях, отметил, что главные силы танкового корпуса «СС» отведены в район Харькова и готовятся к переброске во Францию или Италию, либо в Крым. Практически все допрошенные отмечали намерение противника удержаться на обороняемых рубежах до сбора урожая 1943г. в оккупированных районах, т.е. до конца июля – начала августа 1943 г. [6, Л. 310].

Как известно, подобная информация (а реально дезинформация) подталкивала Н. Ф. Ватутина к незамедлительному переходу в наступление. В мемуарах Маршала Советского Союза А. М. Василевского нашли отражения колебания Командующего Воронежским фронтом, да и самого представителя Ставки ВГК – начальника Генштаба, порожденные именно немецкой дезинформацией. «...нам уже точно было известно, что фашисты полностью изготвились к наступлению, – писал А. М. Василевский, – Но наступление почему-то не начинали. Вот это «почему-то» немало беспокоило нас, а некоторых даже выводило из равновесия. Особую нетерпеливость начал проявлять командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин. Николай Федорович неоднократно ставил передо мной вопрос о необходимости начать самим наступление, чтобы не упустить летнее время» [8, С. 24]. Доводы Маршала А. М. Василевского о переходе врага в наступление в ближайшие дни не убеждали командующего, воспринявшего за реальность дезинформацию штаба группы армий «Юг».

В период подготовки и проведения Курской битвы штабы всех участвующих советских фронтов также понимали необходимость обмана противника, готовили специальные планы и даже организовывали специальные штабы. Примером здесь может служить штаб Воронежского фронта. Начальником штаба с июня 1943г. являлся тогда генерал-лейтенант С. П. Иванов. Вот, что он отметил в одной из статей: «Есть немало и других сторон военного искусства в Курской битве, которые заслуживают изучения, например, такие, как умелая организация оперативной маскировки...» [9, С. 172]. Генерал не прописал это более полно, но есть документы, раскрывающие предпринятые как организационные, так и практические меры.

Замыслом командования Воронежского фронта на проведение Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции (условное наименование «Полководец Румянцев») предусматривалось введение противника в заблуждение относительно главного направления удара. Его предполагалось нанести на левом фланге фронта, продвигаясь на Гайворон и Богодухов, а внимание командования немецкой группы армий «Юг» переключить на правое крыло, в полосу 38-й армии в направлении на Белополье, Ворожба и Конотоп.

Руководство мероприятиями по введению врага в заблуждение командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин возложил на своего помощника генерал-майора И. Ф. Нефтерева. Последний возглавил специально созданный для этого штаб [3, С. 56]. В данный штаб вошли представители основных фронтовых служб, а также офицеры из управления контрразведки

«СМЕРШ». Следует отметить, что подготовленному штабом плану был присвоен наивысший гриф секретности – «Совершенно секретно. Особой важности». Даже название плана не позволяло раскрыть суть изложенных практических действий. Он был обозначен следующим образом: «План мероприятий по особым указаниям штаба Воронежского фронта от 25 июля 1943г.» [10, С. 55].

Согласно замыслу штаба мероприятия по обману противника заключались в создании в районе населенных пунктов Снагость, Беловоды, Суджа видимости сосредоточения одной общевойсковой и одной танковой армий [10, С. 65]. Необходимо было первоначально обозначить прибытие двух стрелковых корпусов (Тарновского и Сидорова), а танкистов предстояло обозначать прибытием корпуса генералов Гетмана и Черниченко. Механизированные соединения следовало обозначать корпусом генерала Кривошеева.

В распоряжение штаба операции по введению противника в заблуждение выделялись части 340-й стрелковой дивизии, а также 268-й отдельный армейский инженерный батальон, 32-я отдельная минно-инженерная рота, взвод 22-й отдельной маскировочной роты, колонны от 38-го управления оборонительного строительства в количестве более 40 человек [10, С. 65]. Отдел воинских перевозок подготовил железнодорожную «летучку», состоящую из 20 вагонов, которая должна была курсировать от станции Локинская до станции Суджа, обозначая перевозки личного состава, танков, артиллерийских орудий и боеприпасов. Предстояло организовать патрулирование звена самолетов (истребителей) 2-й воздушной армии над районом разъезда Гроденский, станций Локинская и Суджа. Самолет-разведчик должен был ежедневно, а то и несколько раз в день облетать выделенные районы [11, С. 166].

Из фронтового резерва в район подготовки ложного наступления прибыл артиллерийский полк. К 27 июня по плану следовало подготовить 600 макетов танков и 200 макетов артиллерийских орудий.

Командованию фронта было известно, что в германской армии развита служба радиоразведки и во всех соединениях группы армий «Юг» развернуты ее посты. Поэтому управлению связи Воронежского фронта приказали доставить в район ложной операции 8 радиостанций и конкретно на первом этапе операции – 3 радиостанции РАФ и одну РСБ-Ф (РАФ – радиостанция фронтовая; РСБ-Ф – радиостанция для связи уровня полка, смонтированная на колесном фургоне; аналогичные радиостанции использовались в бомбардировочной авиации). Одна из радиостанций (американского производства) осуществляла обмен телеграммами с радиостанцией штаба фронта. Кроме радиостанций дезинформирующие данные передавались по аппаратам Морзе и СТ-25. Переговоры велись ежедневно и передавались оперативные сводки в штаб фронта. К сожалению, сколько реально радиостанций было задействовано в дезинформации противника, в разного рода отчетных документах не указано. Отсюда и оценить эффективность данного направления работы представляется проблематичным.

Планом предусматривалось распространять слухи среди личного состава и местного населения о большом сосредоточении войск и предстоящем наступлении. Были предприняты демонстрационные действия, которые могли воспри-

ниматься агентурой противника и иными разведсредствами как развертывание крупного штаба в г. Суджа. Проинструктированный комендант гарнизона отвел 10 больших домов под размещение личного состава штаба, а во дворе одного из домов были развернуты две мощные радиостанции. Организовали усиленную охрану указанных зданий и «генеральских» квартир [11, С. 174]. Выставленным в городе регулировщикам было указано место нахождения «нового штаба». В базарные дни через городскую площадь осуществлялись проезды машин с офицерами, чтобы привлечь внимание местных жителей. В городском театре организовали концерт местной самодеятельности, на котором присутствовал помощник командующего фронтом генерал-майор И. А. Нефтерев и офицеры ряда управлений и служб, а также и жители города. Билеты на концерт продавались в кассе театра и в других местах.

На железнодорожных станциях, предназначавшихся для выгрузки войск, давались указания по расчистке площадок. Имитация железнодорожных перевозок осуществлялась за счет курсирования между обозначенными в плане станциями летучки – «вертушки» в составе 20 вагонов, которая днем «разгружалась», а ночью убывала обратно. Вагоны загружались ящиками из-под снарядов и железным ломом. При появлении вражеских самолетов выгрузка маскировалась постановкой дымовых завес из 20–30 шашек нейтрального дыма. Одновременно несколько радиостанций, начиная с 27 июля по 6 августа 1943 г., передавали различные сообщения. Радиogramмы кодировались с использованием вероятно уже раскрытого немцами варианта переговорных таблиц ПТ 42-1. При этом обязательно употреблялись названия станций и фамилии некоторых командиров тыловых подразделений, якобы руководивших разгрузкой вагонов с боевой техникой. Имитация штабов войсковых соединений, а также корпусов и армий выражалась в активной работе радиостанций. Всего за 9 суток было передано 35 и принято 55 радиogramм, что составило 1638 переданных и 3744 принятых групп. Второстепенные сообщения, передавались открытым текстом (клером).

Регулярные марши в районы сосредоточения совершали 2 полка 340-й стрелковой дивизии, находившиеся в резерве командующего 38-й армией. Вместе с личным составом передвигалась и артиллерия. Ночью, с соблюдением всех мер маскировки, воинские части возвращались в исходное положение. По дорогам, ведущим к месту сосредоточения, курсировала танковая рота.

Проделанная работа по введению противника в заблуждение дала бы больший эффект, если бы штаб Воронежского фронта вскоре не изменил ложный район сосредоточения и перенес его на северный участок армейской полосы. Это указание в штабе 38-й армии было воспринято, как сокращение масштаба операции. В итоге количество макетов танков и артиллерийских орудий было сокращено более чем в два раза по сравнению с планом, утвержденным генералом Н. Ф. Ватутиным. Так, смонтировали из предусмотренных планом 600 макетов и установили только 118 (в районе Любимовка) и еще 102 – в районах Зеленый шлях и Сверликовщина. Согласно отчета, подготовленного в сен-

тябре 1943 г. начальником штаба инженерных войск Воронежского фронта полковником Беляковым, только из маневренного фонда макетов начальника инженерных войск фронта из Старого Оскола было выделено 320 макетов танков для проведения операции по ложному сосредоточению войск на участке 38-й армии и железнодорожным транспортом доставлено на станцию Локинская [10, С. 65].

Были допущены и другие ошибки [11, С. 177]. К примеру, не применялась имитация движения крупных танковых частей в ложный район сосредоточения, а выделенные 6 танков не могли создать необходимый эффект. Явно недостаточно применялось задымление. Его фронт и продолжительность были необоснованно ограничены. Не использовался такой прием, как «утрата» секретных документов. Не осуществлялось привлечение аппаратов «СМЕРШ» для организации передачи выгодных для проводимой операции ложных сообщений по радиостанциям, захваченным у агенты противника (радиоигры).

И, тем не менее, имитация подготовки наступления в полосе 38-й армии, вызвала соответствующую реакцию германского командования. Уже на второй день проведения мероприятий по введению противника в заблуждение активность начала проявлять авиация врага. Над районом станции Суджа, где якобы располагался крупный штаб, появились самолеты-разведчики, а затем и бомбардировщики. Всего за время показа 38-й армией подготовки к наступлению было сброшено 120 тонн бомб. Немецкие пехотные соединения приступили к ночным поискам и попыткам захвата пленных. Артиллерия вела огонь по переднему краю и по ложным объектам в глубине армейской обороны [11, С. 178]. Основным показателем успешной реализации плана штаба Воронежского фронта по обману противника стало сосредоточение в районе гор. Сумы двух дивизий вермахта – пехотной и танковой. Судя по трофейным документам, немецкая разведка зафиксировала наличие «штаба 5-й гвардейской танковой армии» в районе гор. Суджа [12, С. 56].

В одном из отчетов по операции было отмечено, что еще большего эффекта можно было ожидать в случае увязки проводимых дезинформационных мероприятий Воронежского фронта с аналогичными действиями на Центральном.

Результаты исследования. Достижение внезапности в ведении боевых действий должно обеспечиваться целым комплексом мероприятий, разработанных соответствующими штабами при обязательном участии иных органов военного управления. Свою роль должны сыграть также аппараты военной разведки и контрразведки. Последняя обеспечивает подавление активности агентурной деятельности спецслужб врага, не давая ему определить истинные замыслы и планы командования. Авторы упомянутых в статье публикаций на тему достижения внезапности даже не упомянули об этом, непонятно, по каким причинам. Описанная мной попытка введения противника в заблуждение отно-

сительно направления главного удара Воронежского фронта, предпринятая на участке ответственности 38-й армии, показывает отсутствие у командования фронта и армии четкого понимания роли органов «СМЕРШ» в достижении предполагаемого результата отвлекающей операции, включая выявление недостатков в ее подготовке, своевременное информирование командования для устранения негативных явлений.

Список источников и литературы:

1. Курская битва. Сб. ст. Под ред. И. В. Паротькина. М.: Наука, 1970. 543 с.
2. Лобов В. Н. Военная хитрость: Из теории и истории. 2-е изд. М.: Военное издательство, 1992. 252 с.
3. Внезапность в наступательных операциях Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1986. 206 с.
4. Военная энциклопедия: в 8 томах. Т. 5. М.: Военное издательство. 2001. 575 с.
5. Орлянский В. И. Оперативная маскировка или обман противника? // Военная мысль. 2003. № 7. С. 38–45.
6. ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 75.
7. Русский архив: Великая Отечественная. № 15 (4-4) Курская битва, 27 марта – 23 августа 1943 г. М.: Терра, 1997. 464 с.
8. Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 2. 6-е изд. М.: Политиздат, 1988. 363 с.
9. Иванов С. П. О работе штаба Воронежского фронта в период битвы под Курском // 1943. Битва на Курской дуге. М.: Наука, 1975. С. 58–64.
10. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 27. М.: Воениздат, 1956. 264 с.
11. Сборник материалов по изучению опыта войны. № 14. М.: Воениздат, 1945. 192 с.
12. Шеховцов Н. И. Способы достижения внезапности в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд. Военной Академии им. М. В. Фрунзе. 1957. 116 с.

Для цитирования: Зданович А. А. К вопросу о достижении внезапности в период подготовки к Курской стратегической оборонительной операции // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 73–79.

Дата поступления статьи: 15.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Зданович А.А., 2022

БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ РАЗВЕДГРУПП 51-Й АРМИИ 4-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА СОВМЕСТНО С ПОДПОЛЬЩИКАМИ СЕВЕРНОГО КРЫМА В 1943–1944 ГГ.

Вячеслав Александрович Иванов¹

¹ Центральный музей Тавриды; отдел Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь «Красный», Симферополь, Россия
¹ slavik1855@gmail.com

Аннотация: В 1943–1944 гг. весьма существенную роль в освобождении Крыма от немецко-румынских захватчиков сыграли органы военной разведки 51-й армии 4-го Украинского фронта. Были созданы специальные разведывательно-диверсионные группы и подразделения, объединение которых впоследствии называли «партизанский отряд имени Чапаева». Оно создавалось из уроженцев Херсонской области УССР и северо-западных районов Крымской АССР. К сожалению, в историографии Крыма периода Великой Отечественной войны эта тема не нашла значительного развития, а после окончания войны подвиг разведчиков был фактически предан табу. Ситуация не изменилась даже в 1990-е гг., когда в научный оборот постепенно стали вводиться рассекреченные документы из бывшего партийного архива Крымской области УССР. В настоящей публикации анализируется состав разведывательно-диверсионных групп, исследуются задачи, которые перед ними ставило командование 51-й армии, рассматриваются основные боевые операции советских патриотов. Автор приходит к выводу, что создание ряда таких формирований способствовало успешной подготовке и проведению Крымской стратегической наступательной операции 8 апреля – 12 мая 1944 г., в частности овладения Перекопским перешейком – «воротами в Крымский полуостров» и разгрому гитлеровских войск.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Степной Крым, Херсонская область, диверсанты, партизаны, 51-я армия, 4-й Украинский фронт, армейская разведка.

Постановка проблемы. В конце ноября 1943 г. войска 4-го Украинского фронта готовились к решающему удару по освобождению Крыма от гитлеровских захватчиков. В подготовке наступления важное место уделялось разведке сил и укреплений противника, а также диверсионно-подрывной работе во вражеском тылу. Неоценимую помощь командованию 4-го Украинского фронта оказали жители Херсонской области и степных районов Крымской АССР – Ак-Мечетского, Ак-Шейхского, Фрайдорфского, Куйбышевского, Лариндорфского, Красно-Перекопского, Джанкойского, Тельманского и Евпаторийского [1, С. 103, 106; 2, Л. 1].

Оперативный план заброса разведчиков из дер. Чурюм (Чюрюм; ныне п. Приморский Каланчакского района Херсонской области) был поручен помощнику начальника разведки 87-й стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии Фе-

дору Ефимовичу Лавренчуку. В его распоряжение были приданы войсковые разведчики – сержанты Гончаренко, Махунин и рядовой Мальгин. В короткий срок местные рыбаки подготовили 6 лодок. Пользуясь наступлением темноты отряд добрался до Лебяжьих островов, до с. Сары-Булат (ныне с. Раздольное Раздольненского района Республики Крым. – В. И.). На одном из островов, как правило, хорошо замаскировавшись, проводили дневку, вели пристальное наблюдение за силами противника, а следующей ночью возвращались в Чурюм. Успешное проведение этой операции было оценено должным образом командованием 87-й стрелковой дивизии. Руководитель операции, старший лейтенант Ф. Е. Лавренчук получил приказ усилить свою группу, для выполнения особой миссии: расширить данные разведки о состоянии немецко-румынских войск в северо-западной части Крыма.

Военный Совет 51-й армии 4-го Украинского фронта зачислил 9 рыбаков деревни Чурюм «партизанами» (данное слово заключено в кавычки, так как идет речь о разведчиках-диверсантах, а не о партизанах в классическом смысле. – В. И.) Такое звание получили: Ивана Ивановичу Заверюху, Ивана Анисимовича Чичму, Дмитрия Никифоровича Плеву, Ивана Андреевича Мазуренко, Федора Ефремовича Никитенко, Василия Харитоновича Ярошенко, Петра Ефимовича Плеву, Пантелея Матвеевича Мазуренко, Степана Ивановича Плеву. Они дали торжественную присягу. Лишь двое рыбаков по состоянию здоровья не приняли присягу и не были зачислены в отряд партизан: Тимофей Григорьевич Демянов и Марк Тимофеевич Антонов.

При 51-й армии 4-го Украинского фронта создается специальная оперативная группа. В ее состав вошли Степан Андреевич Гусев (Стрельцов), Бушлатов (Иван Васильевич Шибаетов) и Владимир Петрович Зорькин [3, Л. 2]. Организацией отправки войсковых разведчиков занимался капитан Дмитрий Петрович Белых. И. А. Чичма вспоминал знакомство с ними: «Как сейчас помню: распахнулась дверь, и в комнату вошел стройный подвижный человек в офицерской шинели, но без погон. Следом за ним вошли еще двое – один в черном морском бушлате без металлических пуговиц, в черной шапке-ушанке, второй – в фуфайке цвета «хаки» и тоже в темной шапке-ушанке. – Знакомьтесь, предложил капитан (Белых. – В. И.). – Стрельцов! – и тот, кто был в офицерской шинели, доброжелательно и доверчиво пожал мою руку. – Бушлатов! – энергично представился моряк. – Зорькин Владимир, – улыбнулся третий, шагнул ко мне» [4, С. 3].

В оперативную группу, которую возглавлял майор Ш. Б. Чернянский [5–8] вербовали уроженцев Херсонской и Запорожской областей. Их забрасывали отдельными группами по 2–5 человек, а позднее и более через линию фронта на лодках с бывшей пристани дер. Чурюм в Херсонской области в район с. Сары-Булат (ныне с. Портовое Раздольненского района) [1, С. 103].

В декабре 1943 г. в состав оперативной группы прибыли: 2 офицера – капитан Александр Васильевич Фомин и Павел Ананьевич Коротун, немного позднее младший лейтенант Николай Владимирович Колесник, старший сержант Василий Ефимович Романов, комиссар Сергей Григорьевич Позняков,

разведчики-диверсанты Петр Иванович Миряшин и другие. Выполняющим разведывательные функции рыбакам Херсонской области теперь ставились другие задачи: сопровождать забрасываемые новые небольшие группы в тыл врага; передавать полученные от них разведанные; переправлять из Чурюма – Сары-Булат (ныне с. Портовое Раздольненского района Республики Крым) и обратно разведчиков-диверсантов [9, С. 3].

Основная часть. Командующий 2-й гвардейской армией, генерал-лейтенант Г. В. Захаров поставил задачу перед 43-й отдельной инженерной бригадой специального назначения обеспечить форсирование Перекопского залива усиленным стрелковым батальоном (командир капитан Ф. Д. Дибров) с 4-мя 45-миллиметровыми пушками, 82-миллиметровыми минометами, станковыми пулеметами и 2-мя боекомплектами снарядов, мин и боеприпасов. Причем, командующий требовал, чтобы все наплавные средства, участвующие в высадке десанта, должны были быть приспособлены для стрельбы на плаву. Прежде чем приступить к высадке десанта, необходимо было произвести разведку берега Перекопского залива, занятого силами противника, и кроме того, разведать укрепления немцев по реке Чатырлык и по берегу Каркинитского залива.

Для этой цели были использованы рыбацьи лодки, собранные у местного населения. Были сформированы 20 разведывательно-диверсионных групп, которые выполняя задания, передавали данные следующего характера: состояние охраны побережья Каркинитского залива; численность немецких и румынских гарнизонов; инженерное оборудование позиций противника по побережьям заливов и по реке Чатырлык.

Значительное количество разрозненных подпольных групп Северного Крыма Военный Совет 51-й армии принял решение объединить в партизанский отряд имени Чапаева. Майор А. Р. Чернянский назначил командиром партизанского соединения Сергея Григорьевича Позднякова, комиссаром – Василия Ивановича Срибника, а начальником штаба – Степана Андреевича Гусева (Стрельцова). Новое партизанское, по сути, разведывательно-диверсионное соединение имени Чапаева было сформировано в короткие сроки. Оно регулярно поддерживало связь с командованием РККА, обеспечивая его только что полученными разведанными. Рейсы в тыл врага проводились с конца ноября 1943 г. по конец февраля 1944 г. В них участвовали: Шивейко, Иван Могильный (с Днепропетровщины), Иван Степанович Супрунов, Ветеров, Найденов, Штепа, Волков, Ушкопенко, Рыбалко, Сергиенко, Задыхайло, Шумильный, Бестанжиев. Доставку оружия и боеприпасов групп и отрядов сопровождали патриоты: Антон Ким, Григорий Руденко, Черкасов, Макаренко, Шхапевцев, Шулик, Арданов, Павлов, Трофименко, Срибник, Позняков, Мукояра, Новиков, Шустов и др. [10, С. 3].

Антон Ким в феврале 1944 года вместе с товарищами доставил партию оружия к берегу у с. Верхний Бакал Ак-Шейхского (ныне с. Steregущее Раздольненского) района. Шторм задержал разведчиков и заставил искать укрытия в с. Кукушкино. Антон принял решение рассредоточить и укрыть товарищей в домах надежных жителей. Он сам пытался увезти оружие в степь. Получив бедарку (рессорную двуколку), Антон уложил туда оружие, замаскировал его сет-

кой и поехал к перевалочной базе. Но когда он уже возвращался назад, его встретили вражеские солдаты (по всей видимости, румыны), предупрежденные своим агентом (кем-то из местных). Антон Ким забежал в дом жителя села Михаила Абисова и принял решение обороняться. В это время дом уже окружили враги. С гранатой в руке он бросился из дома на противника. По свидетельству очевидцев: «Раздалась автоматная очередь и все стихло» – отважный патриот погиб. Его тело долгое время возили по окрестным селам, пытаясь установить личность советского разведчика. Позже тело держали в одном из подвалов Верхнего Бакала, вызывали жителей, требуя опознать погибшего. Один раз привезли и мать Антона Кима, но женщина нашла в себе силы не сделать признание, что и спасло ей жизнь [11, С. 3].

Всего в марте 1944 г. была выдана гитлеровцам и расстреляна большая группа разведчиков-диверсантов и подпольщиков (всего 36 человек); погибли: Иван Могильный, Задыхайло, Шумильный, Александр Ким (родной брат Антона Кима), Григорий Руденко и др. Разведчик Иван Степанович Супрун чудом остался в живых и после войны проживал в Голопристанском районе Херсонской области [12, С. 3].

Особо ценные сведения предоставил старшина Тимофей Игнатьевич Балаш, который вместе с местным рыбаком побывал на предполагаемом месте высадки десанта. Другой армейский разведчик, Василий Васильевич Царило, был переброшен через Каркинитский залив, пробрался в ближайший населенный пункт, используя свою внешность как прикрытие (он очень молодо выглядел и поэтому в качестве конспирации использовал легенду заблудившегося подростка), вошел в доверие к жителю села. Ему удалось разведать состояние вражеских укреплений, которые были выстроены немцами на реке Чатырлык. Полученные сведения он немедленно передал в штаб 2-й гвардейской армии. Был отмечен орденом Красного Знамени [13, С. 3].

Руководство разведывательной операцией побережья заливов Перекопского перешейка и реки Чатырлык осуществляли капитан Игорь Николаевич Тукалевский и командир 2-й роты 213-го батальона Федор Бурлаков (смертью храбрых пал во время освобождения Севастополя в мае 1944 г.). В дальнейшем немалую помощь советским разведчикам продолжали оказывать местные рыбаки дер. Чурюм Иван Анисимович Чичма, Пантелей Матвеевич Мазуренко, Василий Харитонович Ярошенко.

Каждый из десантников (в т. ч. проводники) был вооружен легким стрелковым оружием, имел в достатке боеприпасы, в каждой парусной лодке имелись и резиновые надувные лодки [9, С. 3]. В феврале – марте 1944 г. чурюмские рыбаки доставили на занятые противником берега в общей сложности 20 разведывательных групп. Последние, после выполнения разведывательных операций, практически без потерь, возвращались в Чурюм, доставляя ценные данные об охране побережья Каркинитского и Джарылгачского заливов, об инженерных укреплениях противника. Эти данные немедленно передавались в штаб 2-й гвардейской армии. Деятельность разведывательных групп координировал капитан И. Н. Тухалевский [14, С. 3].

Личный состав 213-го (106-го) батальона инженерных заграждений почти каждую ночь занимался специальными тренировками в гребле, вырабатывал навык водить лодки по компасу. Для проведения десантной операции были подготовлены рыбацкие лодки, оснащенные 4-мя 45-миллиметровыми орудиями, 6-ю 82-миллиметровыми минометами, 2-мя боекомплектами. Вечером 10 апреля 1944 г. состоялась посадка десанта на плавсредства. В 22 ч 30 мин лодки отчалили с пристани в Чурюме и высадили отряд бойцов на Картказакскую косу. Проведенная операция застала немцев врасплох, поэтому они оставили свои позиции и начали в панике отступать. Между тем пребывали все новые и новые силы, плацдарм понемногу начал расширяться [15, С. 3].

В ночь на 8 апреля 1944 г. разведгруппа под командованием Николая Владимировича Кармена из 15 человек атаковала полуразбитую румынскую часть. Противник отступил, потеряв 1 пулемет, 15 автоматов, большое количество патронов. 9 апреля 1944 г. разведгруппа вела наблюдение за передвижением противника. Ночью атаковала вражеские части.

10 апреля 1944 г. в дер. Капкары (ныне с. Камышное Раздольненского района Республики Крым. – В. И.) враг перебросил на свои продовольственные склады, большое количество велосипедов и мотоциклов. Н. В. Кармен разделил группу на 2 части. Первой поручили поджечь вражеский склад, а второй, не открывая огонь и не привлекая лишнего внимания – убрать вражеского часового, захватить вражеские велосипеды и мотоциклы (150 и 20 штук, соответственно), которые затем передали наступающим частям РККА [15, С. 3].

11 апреля 1944 г. разведчики Кармена – Иван Кудрявец и Александр Стефаник (обеим было по 16 лет) сообщили, что немцы отступают по всей линии фронта. К тому времени личный состав группы увеличился до 40 человек – то есть размеров отряда, и его бойцы имели на вооружении пулемет, автоматы и ручные гранаты [16, Л. 2]. К 12 ч дня разведывательно-диверсионный отряд был разделен на 2 группы. Через час начался ожесточенный бой с отступающими немецко-румынскими войсками, который шел более 5 часов. К сожалению, отряд, задержавший гитлеровцев до подхода основных частей РККА, потерял в бою командира Н. В. Кармена и рядовых бойцов: Михаила Петровича Оноприенко, Иллариона Михайловича Федосова, Михаила Петровича Алексева, Ивана Федоровича Шендрика, Федора Семеновича и Семена Ивановича Чуприн, Якова Федоровича и Валерия Яковлевича Кузьменко и др.

Свидетелями тех событий были бывший командир разведывательно-диверсионного подразделения № 3 («партизанского отряда») имени Чапаева Арминик Семенович Полодян и бывший военный комиссар отряда Иван Тихонович Кроха (после войны проживал в с. Новотроицком районе Херсонской области). Они говорили, что «11 апреля 1944 г. на территории с. Капкары (Капкари) 64 военнослужащих, партизан, подпольщиков и патриотов из местного населения в неравном бою пали смертью храбрых. На месте их гибели воздвигнут памятник» [14, С. 3].

Как утверждает боец отряда В. Стефаник, на поле боя немцы потеряли более 30 человек (в том числе, генерала), много автомашин, артиллерийских орудий и другого воинского снаряжения [19, С. 3].

Результаты исследования. Таким образом, боевые операции разведывательно-диверсионных спецгрупп 51-й армии можно условно разделить на 3 этапа:

1. Рекогносцировка (ноябрь 1943 г. – январь 1944 г.) – разведка с целью выяснения расположения и количества сил немецко-румынской группировки; визуальное изучение окружающей местности для проведения боевой операции по освобождению Крыма;

2. Диверсионно-подрывная работа (февраль – апрель 1944 г.) – заброс агентуры через Каркинитский залив, установление связи с членами подпольно-патриотических организаций Северо-Западного Крыма, проведение боевых операций в тылу немецко-румынских войск;

3. Сопроводительные удары (начало апреля 1944 г.) – содействие развитию наступления РККА, препятствование отступлению вражеских войск к Севастополю для дальнейшей эвакуации морем; уничтожение остатков деморализованных сил противника.

Список источников и литературы:

1. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Сост. В. К. Гарагуля, И. П. Кондранов, Л. П. Кравцова. Симферополь: Таврия, 1994. Вып. 4. 208 с.

2. ГАРК. Ф. П–849. Оп. 3. Д. 288.

3. ГАРК. Ф. П–849. Оп. 3. Д. 288.

4. Чичма И. Рейсы в тыл врага. К 60-летию Вооруженных сил СССР // Фрунзевец. 1978. 27 янв. № 16 (5323). Ч. 1. С. 3.

5. ГАРФ. Ф. Р–7523. Оп. 4. Д. 234. Л. 73.

6. Чернянский Шмуль Беркович 1916 г. р. [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=35049921&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 19. 02. 2022).

7. Чернянский Шмуль Беркович [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/?adv_search=y&static_hash=c1bc3ae0e144b24089f49fe88bc32b09v2&last_name=Чернянский&rank=майор&data_vibitiya_period=on&group=all&types=pamyat_commander:nagrady_nagrad_doc:nagrady_uchet_kartoteka:nagrady_ubilein_kartoteka:pdv_kart_in:pdv_kart_in_inostranec:pamyat_voenkomat:potery_vpp:pamyat_zsp_parts:kld_ran:kld_bolezn:kld_polit:kld_upk:kld_vmf:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_utochenie_poter:potery_spiski_zahoroneniya:potery_voennoplen:potery_iskluchenie_iz_spiskov:potery_kartoteki:potery_rvk_extra:potery_isp_extra:same_doroga&page=1&grouppersons=1 (дата обращения: 19. 02. 2022).

8. Чернянский Шмуль Беркович [Электронный ресурс]. URL: http://podvignaroda.ru/?#tab=navPeople_search (дата обращения: 19.02.2022).
9. Чичма И. Рейсы в тыл врага. К 60-летию Вооруженных сил СССР // Фрунзевец. 1978. 31 янв. № 18. Ч. 3. С. 3.
10. Чичма И. Рейсы в тыл врага. К 60-летию Вооруженных сил СССР // Фрунзевец. 1978. 3 февр. № 20. Ч. 5. С. 2.
11. Чичма И. Рейсы в тыл врага. К 60-летию Вооруженных сил СССР // Фрунзевец. 1978. 8 февр. № 23. Ч. 7. С. 3.
12. Чичма И. Рейсы в тыл врага. К 60-летию Вооруженных сил СССР // Фрунзевец. 1978. 10 февр. № 24. Ч. 8. С. 3.
13. Корявко И. Сквозь огонь сражений // Фрунзевец. 1976. 11 сент. № 110. Ч. 6. С. 2–3.
14. Чичма И. Рейсы в тыл врага. К 60-летию Вооруженных сил СССР // Фрунзевец. 1978. 4 февр. № 21. Ч. 5. С. 2–3.
15. Стефаник В. В тылу врага // Фрунзевец. 1978. 15 апр. № 61. С. 3.
16. ГАРК. Ф. П–849. Оп. 3. Д. 288.

Для цитирования: Иванов В. А. Боевые операции разведгрупп 51-й армии 4-го Украинского фронта совместно с подпольщиками Северного Крыма в 1943–1944 гг. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 80–86.

Дата поступления статьи: 21.06.2022

Дата одобрения после рецензирования: 01.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Иванов В. А., 2022

ВЫЯВЛЕНИЕ АГЕНТУРНОГО ИСТОЧНИКА В СТАВКЕ А. В. КОЛЧАКА, ИЛИ АТРИБУЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА

Владимир Викторович Кашин¹

¹ Общество изучения истории отечественных спецслужб, Нижний Тагил, Россия

¹ KashinVV@gmail.com

Аннотация: В течение ста лет историки широко используют документ «Рапорт майору Моринс», в котором подробно изложен ход совещания в Ставке Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака 4 ноября 1919 г., оказавшего значительное влияние на оборону г. Омска и судьбу Белого движения в Сибири. Документу не повезло, не были определены его автор и получатель, к тому же он получил противоречащие друг другу наименования. Накопленная сумма знаний, в т.ч. выявленный массив агентурных сообщений Французской военной разведки, позволили нам атрибутировать указанный документ, оценить его достоверность и важность, а также дали надежду применить «ключи поиска» к иным документам.

Ключевые слова: А. В. Колчак, военная разведка Франции, агентура, спецслужбы, белое движение, Гражданская война.

Постановка проблемы. В российской историографии Гражданской войны хорошо известен документ (см. прил.), где с подробностями очевидца описано важное совещание в Ставке Верховного главнокомандующего, ставшего одним из важных переломных моментов в обороне Омска и в целом судьбы Белого движения в Сибири [1, Л. 3, 3об.]. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак, заслушав 4 ноября 1919 г. доклад главнокомандующего армиями Восточного фронта генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса о невозможности защищать столицу, поспешил освободить его от высокой должности, назначив военачальником другого генерала – оптимиста. Так, командующий Западной (3-й) армии, получивший первый генеральский чин в ноябре 1918 г., потерпевший военные поражения на главном направлении летом 1919 г., внезапно поднялся на вершину армейской иерархии, возглавив сотысячную армию. В тот же день появился приказ Колчака: «Главномкомандующим армиями Восточного фронта назначаю Командующего Московской группой армий генерал-лейтенанта Сахарова» [2, Л. 116].

Указанная дата доклада, отставки и переназначения командующего точно укладывалась в хронологию развития ситуации в Западной Сибири, хорошо известную по воспоминаниям белых генералов и сохранившимся документам Русской армии Колчака. После падения ряда опорных центров (городов Кургана и Петропавловска, Тюмени и Ишима) замерзающий Иртыш не мог стать новым рубежом обороны, но бывший флотоводец поверил генералу К. В. Сахаро-

ву, что тот сможет возвести непреодолимый многокилометровый восточный вал из колючей проволоки и лесных засек на западном берегу Иртыша. Но совсем скоро сибирские морозы сковали полноводную реку, превратив ее в широкий санный тракт. В ночь на 14 ноября части РККА вошли в Омск, оставленный в спешке белыми войсками, а дальнейшее отступление превратилось в бегство. Буквально через месяц главкомвосток Сахаров был арестован и смещен с должности, как лично виновный в срыве эвакуации Омска и Новониколаевска, значительных военных и материальных потерях. А еще спустя месяц и сам Верховный правитель был передан союзниками восставшим социалистам Иркутска.

Упомянутый документ не раз публиковался маститыми учеными, никто из них не сомневался в его подлинности, описанию причин и обстоятельств скоропалительной отставки М. К. Дитерихса, изложенные неким анонимом. Почему же, через сто лет после указанных событий, подвергается сомнению достоверность письменного свидетельства о переназначении Колчаком высших военачальников? Вопросы и сомнения всегда уместны, пока исторический документ не атрибутирован. До настоящего времени не было известно: кто автор рапорта, кому адресован, где, когда появился и как попал к советским историкам из враждебного стана.

Основная часть. Впервые научное сообщество и широкая публика могла ознакомиться с ним в выпущенном Центрархивом сборнике документов «Последние дни колчаковщины», отпечатанном тиражом 3000 экз. накануне юбилея революции, в 1926 г. Согласно конечной отсылке, документ хранился в архиве Октябрьской революции в деле «Оперативные сводки».

После этого текст анонимного рапорта несколько раз публиковался полностью и много раз цитировался в различных статьях и монографиях. Однако историческому документу не повезло. Укажем только три придуманных и искаженных публикаторами наименования.

1926: «Рапорт майора Моринса о приеме Колчаком генералов Сахарова и Дитерихса» [3, С. 54].

2004: «Рапорт британского военного представителя в Омске майора Моринса об отставке генерала Дитерихса» [4, С. 271].

2021: «Рапорт неустановленного лица капитану Моринсу о приеме 4 ноября Верховным правителем А. В. Колчаком генералов М. К. Дитерихса и К. В. Сахарова, об обвинении Дитерихса в военных неудачах» [5, С. 416].

Согласимся, что из приведенных названий невозможно уяснить: кто исполнитель рапорта и кому он адресован, так как некий Моринс числится то исполнителем, то адресатом. За рамками определенности остались его должность и воинский чин, национальность и гражданство. Если допустить, что офицер Моринс получатель, тогда кто автор?

Многие известные ученые брались ответить на эти вопросы, но оказались в тупике. Причем, если советский историк Г. З. Иоффе аккуратно назвал Моринса «союзным майором» [6, С. 232], то П. Н. Зырянов определенно «английским майором» [7, с. 526]. Вероятной принадлежностью к союзным армиям Франции

и Великобритании ограничивалась глубина идентификации неустановленного офицера, хотя члены союзных военных миссий в России были немногочисленны и известны. Признаем, что при таком наборе неопределенностей и без атрибуции документ вполне мог оказаться на поверку литературной мистификацией, дезинформацией Политического управления РККА, то есть исторической подделкой.

Так почему же историки Гражданской войны в России так и не смогли установить ни автора, ни получателя документа? Возможно потому, что никакого Моринса не существовало, а удачно взятый псевдоним остался нераскрытым? А может, причиной тому стало слабое изучение эмигрантских изданий? Отметим интересное совпадение: в 1926 г. одновременно были опубликованы два агентурных донесения в Праге [8, С. 189–199] и Москве [3, С. 54–55] на имя французского майора: в первом случае – Марино, во втором – «Моринс». В обоих случаях главным фигурантом являлся генерал-лейтенант М. К. Дитерихс.

Атрибуция и анализ архивного документа

В течение столетия российские историки проходили мимо очевидных совпадений. И только недавно историк Института истории и археологии УрО РАН М. И. Вебер при обсуждении проблемы высказал догадку, что неустановленный Моринс – это известный французский офицер Марино. Согласимся, что разница в написании двух иностранных фамилий незначительна, и в утвердительном случае путь научного поиска значительно упрощается. Для проверки гипотезы, в первую очередь, необходимо было получить доступ к источнику, так как ошибка могла появиться при неточном воспроизведении или дефекте носителя.

В начале 2022 г. удалось получить электронный образ искомого документа из фондов ГАРФ. Ошибки первого публикатора в прочтении имени в машинописной копии текста (о наличии подлинника остановимся ниже) не выявлено, однако обнаружилась принципиальная вещь: адресат «Моринс» ошибочно переименован в исполнителя. Причиной тому стало то, что первый публикатор М. М. Константинов, а затем и последователи, опрометчиво опустил заголовок документа «Копия рапорта майору Моринс от 6.XI.1919 г.» [1, Л. 3], заменив его на свой «Рапорт майора Моринса» [3, С. 53–54]. Тем самым, офицер долгие годы ошибочно числился автором, к тому же его имя стало видоизменяться, легко склоняясь по правилу русского языка. Кроме того, выпала заключительная строка «В Омске 6 ноября 1919 г.», что дало пищу последователям непродуктивно гадать о дате создания документа. Хотя современные составители двухтомника «А. В. Колчак. 1874–1920» вернули и дату, и родной заголовок, но в собственном наименовании документа понизили чин Моринса до «капитана», что противоречит тексту [5, С. 416–417].

Таким образом, после определения реквизитов архивного источника, зафиксируем, что перед нами рапорт некоего военнослужащего, адресованный «майору Моринс», исполненный в столице российского правительства в городе

Омске 6 ноября 1919 г., спустя два дня после описанной отставки генерала М. К. Дитерихса.

Согласно документации ГАРФ, рапорт приобщен к архивному делу «Оперативные документы (1919–1920 гг.)» с отметками поступления (без указания даты) в Архив Октябрьской революции, затем переименованный в Центральный госархив Октябрьской революции – ныне ГАРФ. Для объективности укажем предшествующий и последующий документы дела: «Разговор по прямому проводу Предсовмина Пепеляева с Колчаком» и «Телеграммы от ген.-майора Войцеховского в Брит. Воен. миссию во Владивостоке и ответная Предс. Врем. Прав. Медведева и ген. Болдырева» [1, Л. 1–4]. С учетом изложенного, считаем, что искомый рапорт попал командованию Красной армии в числе других трофейных штабных материалов, а по окончанию боевых действий и минованию надобности поступил в госархив наряду с аналогичными «оперативными документами» противника.

Текст донесения можно разделить на три условные части: пересказ совещания в резиденции А. В. Колчака с фразами прямой речи; диалог за пределами служебного кабинета отстраненного от должности М. К. Дитерихса с английским офицером связи; оценки поведения Колчака вкупе с прогнозом неназванного «агента» на развитие ситуации. Заканчивается рапорт цитатой из высказанного Колчаком 5 ноября сожаления: «Я дал бы много за то, если бы в настоящее время был бы простым генералом, но не Верховным правителем» [1, Л. 3об.]. Четкие датировки указывают, что автор оценивал события и поступающую информацию в течение двух дней, завершив письменный отчет 6 ноября.

Логично было бы изначально уяснить: сколько человек присутствовало на совещании, чтобы предполагать в одном из них автора рапорта. На встрече адмирала с бывшим и вновь назначенным командующим прозвучало много резкой и нелюбезной критики в части профессиональной компетентности, как полагаем в отсутствие иных должностных лиц Ставки. Согласно воспоминаниям Сахарова, генералы совещались «в кабинете верховного» без посторонних «один против другого», а их помощники дожидались в приемной [9, С. 211].

Таким образом, от кого-то из участников произошла утечка конфиденциальных сведений, возможно в виде последующего пересказа в близком окружении. Причем ситуация была изложена скорее всего устами обиженного генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса. Согласимся с анализом историка П. Н. Зырянова: «Моринс..., либо эти агенты записывали со слов Дитерихса: Колчак изображён карикатурно (ломал карандаши, залил чернилами стол, топал ногами), Сахаров иронически (в позе Наполеона – В. К.), а Дитерихс весьма достойно» [7, С. 526].

Проницательный ученый отметил, что в тексте дважды есть отсылка на некоего «агента», но, к сожалению, далее не продвинулся и не отработал версию о рассматриваемом документе как экземпляре служебной переписки спецслужбы. Внесем важное уточнение, что термин «агент» имеет много значений. Например, военными агентами числились офицеры (дипломаты в погонах), аккредитованные в иностранных государствах для наблюдения за состоянием воору-

женных сил. Таковым долгое время и считали «военного агента (майор Марино) при высоком комиссаре Великобритании» в Омске Ч. Элиоте» [10, С. 14]. Однако мы рассматриваем «агента» в классическом понимании, то есть лица, не являющегося штатным работником спецслужбы (разведки или контрразведки, отечественной или иностранной), привлеченного к негласному сотрудничеству для получения разведывательной информации. Добывание секретных данных с помощью агентуры давно и успешно практиковали ведущие державы Европы. В ходе Гражданской войны в России от тайного процесса не отказались ни большевики, ни их противники. Каждый из участников шпионажа в стане противника в период боевых действий рисковал не только репутацией, но и жизнью, и поэтому естественно скрывал свое имя под маской псевдонима.

Идентификация «Моринс»: Марино не скрывал своего имени

В 2019 г. уральский историк М. И. Вебер опубликовал документы французской разведки «цикл рапортов тайного агента французов, работавшего в колчаковском тылу под оперативным псевдонимом «Джон», своему куратору – начальнику информационного отделения французской военной миссии в Сибири майору Марино» [11, С. 5]. Всего в сборнике представлены 21 агентурный отчет, 19 из них были выявлены в фонде 39617 «Штаб Сибирской армии» в РГВА и опубликованы впервые. Агентурные сообщения очень редкий, но интересный источник знаний, особенно, если в распоряжении исследователя оказалось значительное количество таких. Так, «Джон» в своем донесении 9 октября 1919 г. в Омске зафиксировал критические высказывания французского переводчика об интересующем нас лице: «...во французской миссии находится какое-то 2-е бюро, которое лишь мутит воду, и, начиная с шефа, кончая агентами, там все очень неспособные люди. Генерал Жанен это теперь лишь только понял, но скоро это все переменится, так как командант Марино скоро уезжает и вместе с ним разгонят всех остальных. Командант Марино – хороший солдат, но в политике разбираться совершенно не умеет...» [11, С. 209–210]. В документе отражена обстановка соперничества среди офицеров французской миссии, но мы вычленим только одного – шефа 2-го бюро команданта Марино. Так на основе прямого указания автора донесения четко назван руководитель военной разведки Франции в Сибири. К удаче исследователя донесение адресовано именно майору Марино.

Действительно, в архивных документах 2-го Бюро Генштаба Сухопутных войск Французской республики в списках личного состава военной миссии на Северном фронте Русской армии летом 1917 г. значится капитан Марино (фр. chef d'escadron Marinot) [12]. После Октябрьской революции офицера военной разведки откомандировали из северных портов на восток России. К тому времени он выслужил чин командант (фр. commandant), тождественного майору. Пиком его карьеры в Сибири стала должность помощника руководителя союзных войск на востоке России и французской военной миссии с временным присвоением звания полковник [13, С. 54]. В 1920-е г. Марино отметился в каче-

стве «шефа информационного отделения Французской военной миссии в Польше» [14, С. 603].

Тайный агент «Джон»

Если получателем искомого рапорта установлен французский разведчик Марино, то необходимо ответить на вопросы: кто автор и какова его связь с военной разведкой Франции. К заслугам историка М. И. Вебера можно отнести бесспорную идентификацию «Джона» как поручика Земана (Emil Vasil Zeman, 1889–1941), руководившего контрразведкой Чехословацкого корпуса в Екатеринбурге в период с августа 1918 по июнь 1919 гг., бóльшая часть службы которого на Урале пришлась на период, когда Сибирскую армию Русской армии Колчака возглавлял Р. Гайда.

Кроме опубликованных секретных рапортов из РГВА, нами были дополнительно получены еще пять аналогичных агентурных отчетов «Джона» – Марино, отложившихся на хранении в ГАРФ в составе коллекции Русского заграничного исторического архива в Праге, переданных правительством Чехословакии в 1945 г. Это позволило нам в ходе предшествующего анализа выявить несколько непосредственных источников утечки совершенно секретной информации из Ставки Верховного Главнокомандующего А. В. Колчака, штабного вагона М. К. Дитерихса и др. Подчеркнем, что поручик Земан являлся агентуристом и имел свою осведомительную сеть. Таким образом, Марино, заключив контракт на сотрудничество с одним лояльным офицером, приобрел в его лице штатных и секретных сотрудников чешской контрразведки. Полагаем, что речь может идти о хорошо отлаженной и эффективно работающей резидентуре в армии Колчака. Возможно, этим и объясняется, что за семь месяцев сотрудничества с июня 1919 г. (Екатеринбург) по март 1920 г. (Харбин) из-под пера «Джона» вышло около полутораста содержательных агентурных сообщений. К сожалению, обнаружены и опубликованы только пятая их часть. Сопоставление 26 известных рапортов агента «Джона» с исследуемым (Омск, 6 ноября 1919 г.) позволяет нам считать, что необозначенным автором копии документа является агент «Джон» (Э. Земан), а упоминаемые им в тексте некие агенты – это русские офицеры из близкого окружения генерала М. К. Дитерихса и адмирала А. В. Колчака, пользующиеся неограниченным их доверием [15, С. 54–62].

Обратим внимание на явно выраженное положительное отношение автора документа к известным ему по службе в Чехословацком корпусе генералам: «Я (Колчак – В.К.) вижу лишь одно, что генерал Гайда все-таки во всем прав. Вы оклеветали его из зависти..., – и далее, – Все больше и больше Верховный подумывает о приглашении снова генерала Гайды». Отстраненный и уволенный с русской службы летом 1919 г. генерал Р. Гайда в рапорте чешского поручика выглядит вполне реабилитированным после безосновательных обвинений в измене Белому движению и лично Верховному правителю. Чешский военачальник находился вне армии, и по прогнозу автора после сдачи Омска Главнокомандующим армиями Восточного (белого) фронта будет назначен генерал С. Н.

Войцеховский, который также успешно руководил чехословацкими частями, а затем перешел на русскую службу [1, Л. Зоб].

Результаты исследования. В заключение нашего анализа подведем некоторые итоги. Документ от 6 ноября 1919 г. относится к единой серии последовательно связанных между собой рапортов одного автора, адресованных офицеру французской разведки Марино, как по фактуре, так и по характеру изложения, как результат документирования агентурного добывания секретной информации. В ходе снятия копий (копии с копии) фамилия Марино деформировалась в «Моринс».

Определено авторство чешского поручика Э. Земана, который после опроса своих источников (агентов, информаторов и служебных контактов) зафиксировал суть и детали совещания в Ставке адмирала Колчака. Многие изложенные в рапорте сведения и положения, так или иначе, подтверждены другими архивными, мемуарными источниками и научными изысканиями, вследствие чего не подвергались оспариванию.

Все 27 известных в настоящее время однотипных рапортов обозначены четкими данными: дата, место исполнения, получатель, как того требуют правила служебного делопроизводства. Имя исполнителя «Джон» иногда скрыто, затушевано, но в ряде случаев легко прочитывается. Все документы отложились в российских архивах в виде машинописных копий. Пожалуй, только в таком виде общество и может ознакомиться с агентурными донесениями. Рукописные оригиналы по условиям секретного делопроизводства спецслужб с самого рождения хранятся в ограниченном доступе и вряд ли будут доступны обществу. Допускаем, что рукописная основа уничтожалась после оформления машинописного отчета, чтобы исключить использование в качестве улики. Поэтому мы не придаем значения вопросу, что 26 выявленных архивных документов исполнены в дореформенной орфографии, а рапорт от 6 ноября 1919 г. – в новых советских правилах, допуская, что копии могли сниматься по обе стороны Восточного фронта. В то же время это увеличивает надежду, что серия выявленных агентурных донесений «Джон» – Марино, может стать ключом к атрибуции ряда других документов по Гражданской войне.

Приложение № 1

Копия рапорта майору Моринс от 6.XI.1919 г.

4 ноября в 1 час дня были приняты Верховным правителем генералы Дитерихс и Сахаров. Верховный был в необыкновенно нервном настроении и во время разговора с Дитерихсом и Сахаровым сломал несколько карандашей и чернильницу, пролив чернила на свой письменный стол. Верховный крайне немилостиво разговаривал с Дитерихсом, ставя ему в упрек, что все время его командования связано с исключительной неудачей, и что он в настоящее время убедился в полной его неспособности. Не дав Дитерихсу ни слова в свое оправдание, Верховный начал ему припоминать его уверения, ни на чем не основанные, о выступлении чехословаков с его назначением. Отставки всех более или менее опытных генералов, что ему даже со стороны союзников пришлось неод-

нократно выслушивать о наивных начинаниях и приказах, исходящих от Дитерихса, что отступление армии и этим возможная сдача Омска – исключительная вина Дитерихса. Верховный также говорил о генерале Гайде, причем бросалось в глаза следующее: когда Дитерихс в свое оправдание начал говорить, что он получил тяжелое наследство от Гайды, который совершенно разложил свою армию, а он все-таки в сравнительно короткий срок установил боевую способность ее, и что отступление лишь причина превосходства в численности красных. Колчак здесь потерял совершенно всякое самообладание, стал топтать ногами и в точном смысле стал кричать, что это обычный прием самооправдания, конечно, всегда во всем другие виноваты: «Я вижу лишь одно, что генерал Гайда все-таки во всем прав. Вы оклеветали его из зависти, оклеветали Пепеляева, что они совместно хотят учинить переворот, да...* переворот необходим... так продолжать невозможно... я знаю... Омск. ... мне скажете, что решительное сражение дадите между Омском и Ново-Николаевском... опять начинается та же история, что перед Екатеринбургом, Тюменью, Петропавловском и Ишимом. Омск невыносимо сдать. С потерей Омска – все потеряно. Как ваше мнение (обращается к генералу Сахарову)?»

Сахаров в позе Наполеона (рассказал агент) стал развивать свой план обороны Омска с рытьем окопов и проволочных заграждений в 6 верстах от Омска. Говорил с такой уверенностью и притом в духе Верховного, что тот сразу принял сторону Сахарова, забыв все его промахи в Челябинске, Кургане и под конец под Петропавловском и Ишимом. [Верховный] Утвердил план Сахарова и, обращаясь к генералу Дитерихсу, сказал: «Пора кончать, Михаил Константинович, с вашей теорией, пора перейти к делу, и я приказываю защищать Омск до последней возможности».

«Ваше превосходительство, – сказал Дитерихс, – защищать Омск равносильно полному поражению и потере всей нашей армии. Я этой задачи на себя взять не могу и не имею на то нравственное право, зная состояние армии, а, кроме того, после Вашего высказанного мнения я прошу Вас меня уволить и передать армию более достойному, чем я».

Колчак: «Приказываю вам (обращаясь к Сахарову) вступить в обязанности Главнокомандующего. Генерал Дитерихс сдает Вам свой штат, чтобы в первое время не терять Вам дорогого времени формирования его. Приказываю Вам (обращаясь к Дитерихсу), генерал, не медля все сдать генералу Сахарову».

Дитерихс: «Слушаюсь, я так устал».

Оба генерала, прощаясь с Верховным, выходят и сталкиваются в прихожей с майором Стивенсом**который в свою очередь обращается к Дитерихсу, объясняя ему, что он только что был у него в поезде по поручению генерала Нокса и узнал, [что] он уехал к Верховному правителю, он ехал сюда, чтобы передать ему приглашение генерала Нокса на обед сего числа.

Дитерихс, хватаясь за голову, сказал: «Ох, батюшки, дорогой мой, какие теперь обеды, я очень благодарен генералу за приглашение, но извиняюсь, я слишком устал... пусть теперь другие пообедают за меня».

После сдачи Омска галвн. верх.*** будет, наверно, Войцеховский (слова агента). Верховный остался таким же упрямым, как был и раньше. Стал действовать даже против мнений Третьякова****, против смены кабинета, государственное экономическое совещание распустил и перевел его в Иркутск. Сам туда определенно не едет, а будет находиться все время непосредственно в армии с частью конвоя. В настоящее время издан Верховным правителем [приказ] отправить свой поезд вперед, [а] самому [с] ружьем в руках отходить со своим конвоем, если это будет суждено. Все больше и больше Верховный подумывает о приглашении снова генерала Гайды. С генералом Ивановым-Риновым Верховный расстался, не подав ему даже руки, и мнение о казаках не может быть двояко: «они просто изменники и больше ничего».

До Колчака дошли слухи, что положение в Сибири. Колчак не сомневается, что песенка его спета, и он также примирился с этой мыслью, что в случае не удержания Омска, образуется другая власть, которой он должен будет уступить дорогу. Еще 5 ноября он сказал: «Я дал бы много за то, если бы в настоящее время был бы простым генералом, но не Верховным правителем».

В Омске 6 ноября 1919 г.

Примечания:

* Здесь и далее отточие в тексте (... .. – значительные).

** Стивенс – Стевени Лев (Steveni Leo, 1893–1972) – сотрудник Британской военной миссии, офицер по связи со Ставкой Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака в 1918–1920 гг., майор, полковник.

*** Так в тексте. Речь идет о генерале С. Н. Войцеховском (1883–1951), главнокомандующем Восточным (белым) фронтом с января 1920 г.

**** С. Н. Третьяков (1882–1943) – министр торговли и промышленности, зам. председателя Совета министров.

Список источников и литературы:

1. ГАРФ. Ф. Р-4931. Оп. 1. Д. 130.
2. ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 251.
3. Последние дни колчаковщины. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 54–55.
4. Генерал Дитерихс / Ред. и сост. В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2004. С. 271–273.
5. А. В. Колчак. 1874–1920. СПб: Блиц, 2021. Т. 2. А. В. Колчак. Верховный правитель. 1918–1920. С. 416–417.
6. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 294 с.
7. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2006. 637 с.
8. Мельгунов С. П. Два генерала (к психологии гражданской войны) // Голос минувшего на чужой стороне. Прага. 1926. № 1. С. 189–199.

9. Сахаров К. В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920. М.: Центрполиграф, 2020. 511 с.
10. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.
11. Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 гг.). Сб. док-тов / Сост. М. И. Вебер. Екатеринбург: УрО РАН, 2019. 272 с.
12. Service historique de la Defense/Terre // SHD/T. 17 № 570. Фотокопия документа предоставлена канд. ист. наук, сотрудником УрФУ Ю. Н. Галкиной.
13. Занкевич М. И. Последние дни Колчака // Советские архивы. 1966. № 1. С. 48–54.
14. Доклад ВЧК о раскрытых и ликвидированных на территории РСФСР заговорах против Советской власти в период мая–июня 1921 года // Архив ВЧК: Сборник документов. М.: Кучково поле, 2007. С. 593–612.
15. Кашин В. В. Агентурные донесения военной разведки Франции (1919–1920) – важный источник истории спецслужб // Исторические чтения на Лубянке. История отечественных спецслужб: источниковедение и историография: мат-лы XXV междунар. науч. конф. М.: Фронткнига, 2021. С. 54–62.

Для цитирования: Кашин В. В. Выявление агентурного источника в Ставке А. В. Колчака, или Атрибуция исторического документа // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 87–96.

Дата поступления статьи: 10.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 13.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Кашин В. В., 2022

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ И СПЕЦСЛУЖБЫ В ПОЛИТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Владислав Геннадьевич Кокоулин^{1,2}

¹ Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия;

² Научно-исторический журнал «Сибирский Архив», Новосибирск, Россия

^{1,2} kwladislaw@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 3666-8595

Аннотация: В статье анализируется трансформация образа сталинских репрессий в политике исторической памяти советской и постсоветской России. В качестве источника взяты учебники истории разных периодов. Учебник истории выступал в двойном качестве: отражал политику исторической памяти определённой эпохи и сам участвовал в её формировании. Автор отмечает, что в настоящее время логика политики исторической памяти привела к усилению значимости деятельности спецслужб в отечественной истории.

Ключевые слова: историческая память, сталинизм, массовые репрессии, спецслужбы, учебник истории, преподавание истории.

Постановка проблемы. Тема сталинских репрессий и деятельности спецслужб (органов государственной безопасности) не замалчивалась в политике исторической памяти (пропаганде) в советский период. Но освещение данной темы имело специфику в разные периоды советской истории, а также в постсоветской России. Анализируя тексты учебников истории, а также выступления политиков по поводу массовых репрессий 1930-х гг. необходимо выявить направление трансформации образа репрессий в политике исторической памяти, а также то, как повлияли на этот процесс трансформации мифологии и политической конъюнктуры, которые происходили в разные периоды истории нашей страны во второй половине XX – начале XXI в.

Основная часть. В сталинское время термин «репрессии», естественно, не употребляли. Но активно использовались такие термины как «чрезвычайные меры», «борьба с врагами народа», «борьба с вредителями» и т.д. В это же время была задана схема, в соответствии с которой происходило освещение репрессий. Начиналась она с темы коллективизации. Так, в учебнике истории, выпущенном в 1952 г., сообщается, что «в ответ на отказ кулаков продавать государству излишки хлеба по твёрдым ценам были введены чрезвычайные меры по конфискации излишков хлеба у кулаков по суду» [1, С. 319]. Отметим, что виновными в данной ситуации показаны кулаки, а власть действовала исключительно в правовом поле, о репрессивном характере самого законодательства, естественно, умалчивалось.

Следом рассказывалось о ликвидации таких «вредительских» организациях, как «Промпартия», «Трудовая крестьянская партия» и «вредительская организация меньшевиков», а также о том, что «в 1930–1932 гг. было раскрыто несколько контрреволюционных групп бухаринцев и троцкистов», которые были «разоблачены и осуждены пролетарским судом в 1936–1938 гг.» [1, С. 329].

Следующий сюжет был посвящен Кирову, «предательски убитому из-за угла зиновьевцами», в числе них оказались Зиновьев, Каменев и Бухарин, которые действовали по приказу Троцкого. «Разоблачённые участники контрреволюционных троцкистско-бухаринских террористических организаций были приговорены Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу», – сообщают авторы учебника [1, С. 340].

Эти формулы воспроизводились в последующих учебниках истории, но после XX съезда КПСС тема репрессий в учебниках истории приобрела ярко выраженную антисталинскую направленность. Так, учебник истории 1972 г. представляет собой текст о небывалых достижениях и расцвете социализма, репрессиям посвящено значительно меньше места, очень краткие (в пару строк) замечания о репрессиях. Так, о репрессиях конца 1920-х – начала 1930-х гг. сообщается следующее: «В 1928 г. в угольной промышленности Донбасса было раскрыто вредительство специалистов. Советский суд сурово покарал врагов» [2, С. 166]. И далее: «Классовая борьба в деревне резко обострилась <...> Кулаки усилили борьбу против колхозного строительства <...> Они всё чаще прибегали к крайним средствам – убивали организаторов колхозов, передовых людей деревни, представителей Советской власти, коммунистов. Советское государство ответило на эти преступные действия кулаков решительными мерами. Беспощадно подавлялись террористы и поджигатели. Укрывателей хлеба стали привлекать к суду. Бедняки и середняки поддерживали эти меры» [2, С. 181]. Характерно, что далее речь идет о «перевоспитании» кулаков и «идейном» разгроме противников Сталина; читаем в учебнике: «Нужно было устранить кулацкое хозяйство, тем самым ликвидировать кулачество как класс, т.е. лишить кулаков возможности эксплуатировать чужой труд, перевоспитать их и превратить в трудящихся» [2, С. 182]; «Советам предоставили право отбирать у кулаков землю, инвентарь, скот, добро, накопленное путём эксплуатации крестьян, и выселять кулаков в другие места жительства, где они должны были честно трудиться. Это и означало ликвидацию кулачества как класса, т.е. ликвидацию кулацкого производства» [2, С. 183]. Разумеется, в этом случае видно явное влияние советской риторики брежневского периода о «перевоспитании масс», «идейной борьбе» и т.д.

Но уже звучит тема репрессий 1937 г., связываемых с именами Ежова и Берии: «Серьёзный ущерб делу социалистического строительства, развитию демократии внутри партии и государства нанесла ошибочная формула Сталина о том, что будто бы по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет всё более обостряться <...> На практике эта ошибочная

теоретическая формула послужила обоснованием грубейших нарушений социалистической законности. В обстановке культа личности оказавшиеся в руководстве органов государственной безопасности карьерист Ежов и политический авантюрист Берия фабриковали всякого рода обвинения против руководящих работников партии и государства. И на основании ложных обвинений были репрессированы многие видные деятели партии и государства, известные военачальники» [2, С. 208]. В данном случае повторяются формулы, появившиеся в советской пропаганде в период «Оттепели». Таким образом, тема репрессий не замалчивалась, но она освещалась так, как будто она носила справедливый характер борьбы с некими персонажами, которые сами нарушали «гуманные» законы Советской власти и действовали против советского народа.

В годы Перестройки произошло переформатирование фундаментального мифа, который лежал в политике исторической памяти в советский период: «процветающий советский народ» стал «страдающим советским народом», а единственным виновником его «страданий» был объявлен сталинский режим и сам Сталин. При этом он противопоставлялся Ленину, «ленинской политике» и «хорошему ленинизму». Репрессии и карательная политика представлены как характерная черта и неотъемлемая часть сталинского режима. При этом те, кого репрессировали, изображались в отличие от советского периода «невинными». Вот, например, как рассказывается об этом в параграфе «Демонтаж нэпа и установление режима личной власти» в учебнике истории СССР, выпущенном в 1989 г.: «Широко пользуясь выражением “частник” и, придав ему негативный оттенок, Сталин сознательно стёр принципиальную для подлинного марксизма-ленинизма разницу между частно-капиталистическими предприятиями и индивидуально-семейными хозяйствами. С той же целью допустил он и смешение более конкретных понятий: “кулаки” и “зажиточные элементы деревни”. Преднамеренная путаница в терминологии становилась теоретической основой для направления карательной политики государства не только против тех, кого статистика относила к эксплуататорским элементам общества но и против значительной части трудящегося населения страны, прежде всего из крестьян-середняков» [3, С. 303].

Затем сообщается, что крестьяне должны были сдавать излишки по низким государственным ценам, за что их обвинили в спекуляции. И далее в духе горбачёвской риторики о «правовом государстве» разъясняется, что «некоторые юристы Сибири» пытались разъяснить Сталину, что так действовать незаконно, «ибо отказ продавать свою продукцию не является спекуляцией». В ответ Сталин потребовал, чтобы «эти господа» были «вычищены» и «заменены другими»: «И покати́лась волна смещений наиболее трезвых, принципиальных, смелых людей в местных партийных, советских, хозяйственных, судебных органах. Эти волны вначале шли редко, затем стали учащаться, а последствия их становились год от года губительнее. Их целью была замена характерной для боль-

шевиков самоотверженной преданности революционному долгу своекорыстным служением начальству» [3, С. 304].

Если в советских учебниках все репрессивные акции проводились «строго по закону», то теперь широко используются термины «незаконные репрессии» и «фальсифицированные политические процессы». Однако авторы всё же отграничивают сталинский период от ленинского периода, причём и чекисты делятся на «плохих» и «хороших». При этом «хорошие» чекисты сопротивлялись сталинской диктатуре и были репрессированы: «В ходе необоснованных репрессий погибло около 20 тыс. советских чекистов. Они внесли огромный вклад в борьбу с реальными действиями зарубежных разведок. Но они до конца верны были завету Дзержинского: чекист должен иметь ясный ум, горячее сердце и чистые руки» [3, С. 334].

В данном случае в учебнике нашла отражение иллюзия периода Перестройки, что достаточно стране вернуться к «чистым истокам ленинизма», как можно решить все проблемы, как в политической, экономической и социальной сферах, так и в сфере идеологии.

В 1990-е гг. виновником «страданий советского народа» наряду со Сталиным и сталинским режимом был объявлен советский строй в целом и коммунистическая партия. Соответственные изменения произошли и в учебниках истории. Теперь репрессии связывались не только со сталинским периодом истории СССР, но и относились ко всему советскому периоду, начиная с Октябрьской революции, которую в те годы именовали «большевистским переворотом». Сильное влияние на содержание учебников истории оказала и такая книга как «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, которая печаталась огромными тиражами. В учебниках истории появились подробные рассказы о «репрессированном XVII съезде», «альбомных делах», «рабской эксплуатации заключённых ГУЛАГа». Так, в учебнике истории, изданном в 1992 г., на нескольких страницах подробно описываются репрессии. В отдельном пункте под названием «Сопротивление диктаторскому режиму. Репрессии» более чем на двух страницах рассказывается о репрессиях, в том числе приводятся жертвы среди высшего командного состава РККА, а также «врагов народа», которым мог быть свой и чужой, знакомый и родственник, неграмотный мужик и академик [4, С. 299–302]. Далее авторы подчёркивают экономические аспекты репрессий: «Фундамент “светлого будущего” система создавала не только опираясь на энтузиазм, но и с помощью легальных полукрепостнических и даже рабских форм эксплуатации» [4, С. 302]. Для закрепления этого тезиса учащимся предлагается ответить на вопрос: «Покажите, что черты азиатского способа производства проявлялись во всех сферах жизни советского общества 30-х гг.» [Там же]. Подобное сопоставление советской экономики и феодального общества стало возможным только в постсоветской России, когда в основу пропаганды была положена идея о благотворности и прогрессивности «рыночной экономики» (эвфемизм, используемый в постсоветской России для обозначения капитализма).

В 1990-е гг. в качестве объяснительной конструкции для характеристики советского периода стал активно использоваться концепт «тоталитаризм», из которого удалили научное содержание (в частности, существенные различия между сталинским и гитлеровским режимами). Так, в упомянутом учебнике причину репрессий объясняют следующим образом: «Система, выросшая в 30-е гг. из командно-административных методов, становится инструментом упрочения тоталитаризма. Своими действиями система внедрялась во все сферы жизни: экономику, политику, общественные и национальные отношения, во внутренний мир человека. неотъемлемой частью тоталитарного режима становятся репрессии. По принципу цепной реакции классовое сознание трансформировалось в репрессивное. Власти умело опирались на маргинализованные слои общества. В стране имела почва для утверждения культа личности: низкий уровень образования, правовой, профессиональной, политической культуры, исторически сложившиеся особенности психологии масс» [4, С. 333].

Сталинские репрессии становятся центральной темой в учебнике истории, выпущенном в 1996 г. двумя профессорами Новосибирского университета, которые отождествили нацизм и коммунизм и, более того, объявили последний более жестоким и опасным, поскольку он продержался дольше. Так, когда речь идет об индустриализации, то авторы учебника отмечают, что важную роль в реализации планов индустриализации сыграла система «принудительного, по сути рабского труда». А далее идет перечень объектов, построенных руками «зэков». Обращаясь к молодому поколению, авторы подчеркивают, что оно должно помнить, что «“Магнитка” и другие стройки “сталинских пятилеток” возведены поистине на костях раскулаченных и других репрессированных» [5]. Для обозначения репрессий 1937–1938 гг. стал использоваться термин «большой террор». В данном учебнике был выделен отдельный пункт с этим названием. Причины массового террора авторы сводят к «психологическим свойствам Сталина», поскольку рационального объяснения им дать, как считают они, невозможно.

Чтобы изобразить репрессии характерной чертой советского периода истории, начиная с Октябрьской революции, активно применяется концепт «красный террор», который якобы носил сперва политический, а затем приобрёл экономический характер, а «большой террор» изначально имел политический характер. Так, авторы учебника истории, выпущенного в 1996 г., разъясняют: «Советскому государству хлеб был нужен как важная статья экспорта. Вырученные средства шли на приобретение техники на Западе. Этот источник валюты оказался под угрозой. Наряду с хлебом важными статьями экспорта были лес, руды. На лесоразработках трудилось немало крестьян-отходников. В аграрное межсезонье они шли туда, чтобы подработать. За свой труд они требовали разумной оплаты, что, по мнению хозяйственных и партийных руководителей, повышало себестоимость продукции. Возникла “светлая” идея заменить наёмным работником трудом заключённых. Начал создаваться ГУЛАГ (Главное управление лагерей) – прежде

всего как организация, постоянно использовавшая принудительный труд» [6, С. 207]. Идея об экономической цели репрессий вскоре стала популярной в учебниках истории в 2000-е гг. Так, в учебнике истории, выпущенном в 2012 г., учащимся разъясняется, что «политика репрессий позволила в широких масштабах применять бесплатный труд заключённых на стройках первых пятилеток – он играл важную роль в экономике страны» [7, С. 164].

Отметим, что тема репрессий на фоне нарастающей ностальгии россиян по идеализированному советскому прошлому, остаётся важным аргументом либерального режима современной России в его антисоветской, по сути, политике исторической памяти. Но официальная российская власть старается обойти эту тему. Так, в 2007 г., когда в подмосковном городе Бутово, в котором производились массовые расстрелы в 1937 г. (число расстрелянных здесь превысило 20 тыс. человек), устанавливался деревянный крест, привезённый с Соловецких островов, Президент РФ В. В. Путин в своём выступлении отметил, что 1937 г. не должен исчезнуть из памяти россиян. Но при этом он разъяснил, что «высокие моменты русской истории имеют преимущество перед воспоминаниями о массовых убийствах при Сталине», и Россия «не может позволить навязать себе чувство вины» [8].

В 2017 г., на церемонии открытия памятника «Стена скорби», посвящённого жертвам политических репрессий в СССР, В. В. Путин заявил о том, что последствия репрессий ощущаются в современной России, поскольку «им подверглись целые сословия и народы, рабочие, крестьяне, инженеры, военачальники, священники, государственные служащие, учёные и деятели культуры», при этом «репрессии не щадили ни талант, ни заслуги перед Родиной, ни искреннюю преданность ей; каждому могли быть предъявлены надуманные и абсолютно абсурдные обвинения». А далее он процитировал слова Натальи Солженицыной: «Знать, помнить, осудить и только потом простить», после чего он заявил, что нельзя призывать к сведению счетов и «снова подталкивать общество к опасной черте противостояния». Характерно, что в выступлении президента ни разу не было упомянуто имя И. В. Сталина и других виновников политических репрессий [9].

В отличие от В. В. Путина его преемник Д. А. Медведев в 2009 г. резко осудил репрессии 1930-х гг. и попытался отделить И. В. Сталина и его «преступления» от побед и достижений советского общества. Д. А. Медведев разъяснял: «Правда и то, что преступления Сталина не могут умалить подвиги народа, который одержал победу в Великой Отечественной войне. Сделал нашу страну могучей индустриальной державой. Поднял на мировой уровень нашу промышленность, науку, культуру» [10]. Разницу в отношении к сталинским репрессиям у Медведева и Путина следует, по-видимому, искать в принадлежности Путина в прошлом к спецслужбам, а не к некоему расколу в правящей элите РФ, как это отмечали некоторые аналитики [11]. Свою оценку сталинским репрессиям дал также Г. А. Зюганов. На пленуме ЦК КПРФ он подчерк-

нул, что нельзя сводить жизнь нашей страны «к одному-двум трагическим годам, которые бывают в жизни любого государства» и призвал оценивать деятельность И. В. Сталина за 30 лет его правления, во время которых «полумёртвую, убитую страну превратили в мировую державу» [12].

Результаты исследования. «Кровавый НКВДшник» был одним из клишированных образов в фильмах о Великой Отечественной войне большую часть 2000-х гг. Но трансформация образа «врага» в кинематографе привела к тому, что фашисты перестали однозначно трактоваться в качестве таковых – в кинематографе они всё чаще становились «жертвами кровавого диктатора Гитлера». А поскольку война не может быть без врага, то разряд «врагов» пополнили многочисленные агенты Абвера и «кроты» в советских военных и гражданских структурах. Массовые фобии, которые продуцировал российский кинематограф в 2000-е гг. привели к тому, что «враг» в целом стал восприниматься как некая законспирированная сила, против которой обычные люди и даже силовики бессильны. Логика политики исторической памяти потребовала возвращения в качестве единственного спасителя от законспирированных «сил зла» работника спецслужб. Поэтому в российском кинематографе сегодня стали появляться сначала «положительные» НКВДшники наряду с «отрицательными», а потом и вовсе одни «положительные» [13]. Все это неизбежно должно привести в ближайшее время к трансформации образа сталинских репрессий в политике исторической памяти. Они, скорее всего, будут перетушевываться, нейтрализоваться дискурсами о «положительном» вкладе Сталина в историю нашей страны.

Список источников и литературы:

1. История СССР: учебник для 10 класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. М., 1952. 424 с.
2. Берхин И. Б. История СССР: Учеб. пособ. для 9 класса. М., 1972. 240 с.
3. История СССР: учебник для 10 класса средней школы / под ред. Ю. И. Кораблёва. М.: Просвещение, 1989. 351 с.
4. Жарова Л. Н., Мишина И. А. История Отечества. 1900–1940: Учеб. кн. для старших классов средн. учеб. заведений. М.: Просвещение, 1992. 335 с.
5. История России с 1917 года до наших дней: Учеб. книга / В. А. Исупов, И. С. Кузнецов. Новосибирск: НГУ, 1996. 185 с.
6. Островский В. П., Уткин А. И. История России. XX век. 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. М.: Дрофа, 1996. 496 с.
7. Загладин Н. В., Козленко С. И., Минаков С. Т., Петров Ю. А. История России. XX – начало XXI века: учебник для 11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2012. 400 с.
8. URL: <https://www.inopressa.ru/article/09aug2007/welt/terror.html> (дата обращения: 14.09.2022).

9. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/10/30/74387-vladimir-putin-otkryl-memorial-stena-skorbi-zhertvam-bolshogo-terrora-v-tsentre-moskvy> (дата обращения: 14.09.2022)

10. URL: <https://ria.ru/20091030/191235764.html> (дата обращения: 14.09.2022).

11. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2009/10/091030_repression_victims_day (дата обращения: 14.09.2022).

12. URL: <https://ria.ru/20091031/191422921.html> (дата обращения: 14.09.2022).

13. Кокоулин В. Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // Дискурс-Пи. 2020. № 3. С. 10–25.

Для цитирования: Кокоулин В. Г. Сталинские репрессии и спецслужбы в политике исторической памяти советской и постсоветской России // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 97–104.

Дата поступления статьи: 15.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 16.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Кокоулин В.Г., 2022

ПОЛЬСКАЯ НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА О СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБАХ РОССИИ

Казимир Иосифович Край¹

¹ Академия имени Якова с Парадыжа, Гожув Велькопольски, Польша

¹ artuzow@wp.pl, ORCID 0000-0002-9646-1383

Аннотация: В статье представлен синтетический обзор научных публикаций польских авторов по тематике спецслужб России. Впервые представлены биографические справки об авторах этих исследований. Дан обзор содержания избранных исследований. Статья завершается выводами и дополнительной информацией о брошюрах Центра восточных исследований на тему российских специальных служб.

Ключевые слова: Спецслужбы России, Центр восточных исследований, ФСБ, ЮСВ, Генеральный штаб, разведка, контрразведка, историография.

Постановка проблемы. Вопрос о функционировании спецслужб – органов безопасности – практически не фигурировал в публичном (научном) пространстве во времена ПНР. Особенно, когда это касалось вопросов, связанных с органами безопасности СССР. Чаще обсуждались вопросы, связанные с работой польских органов безопасности (мемуары) или западных спецслужб. В 1970-е гг. были опубликованы исследования, посвященные деятельности Второго отдела Главного штаба Войска Польского. Но они не распространялись на действия на восточном направлении: против СССР. Они касались в основном исследованием борьбы с деятельностью Абвера и описывали проблему взлома машинных шифров, генерируемых немецкой машиной «Энигма» [1–3].

Основная часть. В Польше в 1967 г. были напечатаны мемуары советского нелегала Гордона Лондсале (Конон Молодой) под названием «Самая высокая ставка» (Najwyższa stawka). Книгу перевели на польский язык с английского языка. Она носила дезинформационный характер, но касалась советской шпионской деятельности за границей в Великобритании [5, Р. 16].

В то же время в Польше были переведены и изданы монографии иностранных авторов, касающихся не только спецслужб СССР советских, но и других стран. Некоторые примеры: Роберт Гийен, «Зорге» (Sorge) в 1987 г.; Владимир Михайлов «Зловещая паутина» (Złowieszcza pajęczyna) в 1988 г.; Петр Костин «ФБР» (FBI) в 1971 г.; Алвин Рамме, «Служба безопасности СС» (Służba bezpieczeństwa SS) в 1984 г. или Сандора Радо «Дора сообщает» (Dora padaje) в 1975 г. Радо, как известно, был советским нелегалом [5, Р. 16].

Из опубликованных в настоящее время архивных документов МВД ПНР, находящихся в распоряжении Института национальной памяти, известно, что в ресурсы Службы безопасности ПНР входили исследования о советских спецслужбах, таких как КГБ и ГРУ [6].

1989 год и политические перемены привели к появлению потока литературы о спецслужбах СССР. В основном это были переводы западной литературы. Среди польских авторов следует упомянуть Францишка Бернася, Кароля Грюнберга, Петра Колаковского и Лешка Павликовича. Первой монографией научного характера, посвященной современным спецслужбам РФ, сформировавшимся после развала СССР, стала книга Анджея Граевского «Щит и меч, российские спецслужбы 1991–1998» (*Tarcza i miecz Rosyjskie służby specjalne 1991 – 1998*) в 1998 г. По материалам, собранным при написании книги, Анджей Граевский в 2001 г. получил степень кандидата политических наук. Название диссертации: «Роль российских спецслужб в трансформации политической системы России в 1991–1999 гг». (*Rola rosyjskich służb specjalnych w transformacji ustrojowej Rosji w latach 1991 – 1999*) [7]. Для российского читателя стоит упомянуть, что Анджей Граевский был выдан как осведомитель польской военной разведки в рамках знаменитого доклада Антония Мацеревича о расформированных Военных информационных службах. Отчет опубликован на русском языке в сети (www.agentura.ru). Его перевод на русский язык был выполнен Ириной О., женой польского консула в России, по просьбе А. Мацеревича. Таким образом, книга Анджея Граевского, журналиста и публициста-католика, стала первым исследованием польского автора о системе российских спецслужб в ее нынешнем виде, разумеется, до реформ, проведенных Владимиром Путиным в марте 2003 г.

Публикации Мирослава Минкины, «Разведка Российской Федерации» (*Wywiad Federacji Rosyjskiej*) в 2012 г. и «ФСБ Кремлёвская гвардия» (*FSB Gwardia Kremla*) в 2016 г. подводят лишь к последующим годам. В 2016 г. Марек Берлинский и Роберт Зульчик опубликовали монографию «Федеральная служба безопасности Российской Федерации» (*Federalna Służba Bezpieczeństwa Federacji Rosyjskiej*). Алан Пачушка опубликовал любительскую и некомпетентную монографию «Российские спецслужбы, или как сломать государство» (*Rosyjskie służby specjalne czyli jak rozbić państwo*) в 2019 г. А. Пачушка — политический активист правящей в Польше партии «Право и справедливость» [8].

В 2020 г. тому вышла монография Марека Слона и Станислава Вуйцика «Тайны внутренней разведки» (*Tajemnice wywiadu wewnętrznego*), где одна глава была посвящена формированию ФСБ. Еще одной монографией, затрагивающей современные российские спецслужбы, является книга Мариуша А. Каминского «Эволюция разведки как института государства» (*Ewolucja wywiadu jako instytucji państwa*), вышедшая в 2021 г.

В 2017 г. вышел научный журнал № 43 «Политические исследования», издаваемый Варшавским университетом, целиком посвященный спецслужбам в постсоветских государствах. Одним из редакторов издания был Збигнев Сементковский, бывший активист Польской объединенной рабочей партии и СЛД, в том числе, министр-координатор секретных служб и глава Разведывательного Агентства современной Польши. В настоящее время научный сотрудник Варшавского университета, доктор политических наук. Малина Кашуба,

Агнешка Бень-Кацала и Томаш Кацала были среди авторов, пишущих в «Политических исследованиях» о российских спецслужбах, кроме З. Сементковского.

Вопросы современных российских спецслужб обсуждаются в научном журнале Агентства внутренней безопасности (польской контрразведки) «Обзор внутренней безопасности». Авторы, пишущие на эту тему, это: Йоланта Дарчевска, Петр Жоховски, Михал Войновски. В октябре 2013 г. увидел свет специальный выпуск «Обзора внутренней безопасности», посвященный сектору внутренней безопасности восточных соседей Польши. Партнером АВБ в подготовке этого номера выступил Центр восточных исследований — государственный аналитический центр, занимающийся восточными проблемами. Кроме российских спецслужб, журнал поднимал вопросы, связанные с украинскими и белорусскими спецслужбами. Среди авторов были и сотрудники АВБ: Марек Сверчек — «Федеральная служба безопасности и ее роль во внутренней политике Кремля. Введение в проблему»; Кшиштоф Креловски — «Закон Российской Федерации об оперативно-розыскной деятельности — отдельные аспекты»; Павел Вечорек — «Нелегальная разведка Российской Федерации в Западной Европе — дело о браке Аншлаг».

В течение нескольких лет издавался научный журнал «Secretum. Секретные службы, безопасность, информация» (главный редактор — Мирослав Минкина). Издание опубликовало ряд статей, посвященных российским спецслужбам, в том числе, военной разведке. Авторами были: Михал Войновски, Мирослав Минкина и Казимир Край. Полковник Владимир Сергеевич Мироненко, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, опубликовал в этом журнале свою статью о покушении на И. В. Сталина, совершенного японской разведкой [4, С. 243].

В последние годы в качестве научного исследователя выступил Анджей Ковальски. В 2013 г. он опубликовал монографию под названием «Российский кинжал. Деятельность нелегальной разведки (Rosyjski sztylet Działalność wywiadu nielegalnego) [9]. В настоящее время является отставным бригадным генералом Службы военной разведки. До этого он был офицером гражданской и военной контрразведки. В 2022 г. вернулся к истории и опубликовал исследование: «Основополагающее поражение ГРУ — Победа Отделения II в польско-большевистской войне 1919–1920» (Klęska założycielska GRU — Zwycięstwo Oddziału II w polsko-bolszewickiej wojnie 1919–1920).

Два монументальные энциклопедические исследования бывшего офицера разведки ПНР Яна Ларецкого принесли знания о российских спецслужбах, в том числе, об их происхождении. Особенно рекомендуем более поздний «Большой лексикон мировых секретных служб. Организации разведки, контрразведки и политической полиции, профессиональная терминология и оперативный жаргон» (Wielki leksykon tajnych służb świata, Organizacje wywiadu, kontrwywiadu i policji politycznych, terminologia profesjonalna i żargon operacyjny), изданный в 2017 г.

Тема современных российских спецслужб возникает спорадически в коллективных публикациях. Например, Наталья Гбужинска «Роль разведки и спе-

циальных служб Российской Федерации в формировании политики государственной безопасности», статья в коллективном исследовании под редакцией Марка Гурки под названием «Разведка и контрразведка в международной политике на рубеже XX и XXI веков», опубликованная в 2016 г. Иногда эту тему подхватывают начинающие исследователи: Моника Дзюба, Юдита Чайенцка, Патрисия Заремба в статье: «Характеристика избранных спецслужб Российской Федерации в контексте обеспечения информационной безопасности государства», изданной в 2018 г. Это была статья, опубликованная в «Научном журнале Академии военного искусства».

Здесь я попадаю в сложную для автора статьи ситуацию, поскольку автор, занимающийся вопросами организации и функционирования современных российских спецслужб, должен написать о самом себе. Моя основная работа — докторская монография «Российское сообщество органов безопасности. Исследование подсистемы безопасности Российской Федерации» (*Rosyjska wspólnota organów bezpieczeństwa. Studium podsystemu bezpieczeństwa Federacji Rosyjskiej*), выполненная в 2017 г. Просматривая польскую научную литературу, связанную с вопросами спецслужб России, я обнаружил, что мною выполнено множество научных и научно-популярных публикаций, посвященных этому вопросу. Помимо монографии, в которой я рассмотрел все учреждения, имеющие характер органов безопасности, их происхождение, структуру и правовые нормы, я опубликовал 14 научных статей и 2 монографии по борьбе с терроризмом в РФ, в которых я рассмотрел вопросы функционирования спецслужб. Кроме того, я написал рецензии практически на все монографии польских авторов, пишущих о российских спецслужбах, за исключением книги Анджея Граевского. Также мною совершено не менее нескольких десятков научно-популярных статей на тему спецслужб, в том числе действующих в странах СНГ.

Характерно, что среди польских авторов монографических исследований о российских спецслужбах большинство составляют те, кто профессионально связан с военными спецслужбами. Начну с первого, то есть с полковника в отставке, профессора, доктора наук о безопасности Мирослава Минкины. Автор окончил Военно-политическую академию Ф. Э. Дзержинского (магистерская диссертация «Цели воспитания в Высшем училище офицеров-ракетчиков и артиллеристов имени генерала Юзефа Бема»). М. Минкина защитил кандидатскую и докторскую диссертации в Академии национальной обороны. Докторская диссертация называлась «Разведка в современном государстве» (*Wywiad w państwie współczesnym*), подготовленная в 2013 г. Ныне он — ректор Университета естественных и гуманитарных наук (г. Седльце).

Следующие авторы — Марек Берлински и Роберт Зульчик. На обложке книги Марек Берлински был представлен как выпускник двух вузов и специалист по спецслужбам и национальной безопасности. В свою очередь, Роберт Зульчик является выпускником Высшего военного училища офицеров связи и Варшавского университета. Окончил высшие курсы Военно-технической академии. В Киеве и Москве работал в должности заместителя военного атташе.

Аналитик и эксперт в области проблем безопасности РФ. Стоит отметить, что службу в органах военной безопасности начал в 1985 г. 25-летним офицером. Проходил обучение в Центральном учебном центре Военной внутренней службы. Биография Р. Зульчика показывает, что М. Берлински также был офицером военной спецслужбы, и его знания восходят к общей службе и интересам.

Автором монографии, которую я процитировал, является Марек Слонь. Также офицер военных спецслужб, выпускник гражданского вуза, прошедший действительную военную службу, а затем поступивший на гражданскую работу. Он проходил обучение в учебном центре Военной внутренней службы. В 1988 г. он уже был в звании подполковника. Позже служил в составе Военно-информационных служб. Второй автор, Станислав Вуйцик, был военным атташе в Словакии, имеет степень кандидата политических наук за диссертацию, посвященную проблемам словацких вооруженных сил в процессе политической трансформации. Тот факт, что он военный дипломат, указывает на связь со спецслужбами. Другие авторы, которых я представил, не обязательно имеют отношение к спецслужбам. Среди них доктора юридических наук и доктора наук в области безопасности (А. Бень-Кацала и М. Кашуба), аналитики Центра восточных исследований (Ю. Дарчевска, П. Жоховски), М. Войновски, независимый исследователь, кандидат исторических наук и сотрудники Агентства внутренней безопасности, о которых мало что известно, кроме фамилии. Исключение составляет Марек Сверчек, кандидат исторических наук, писатель и подполковник АВБ, которого публикации известны членам Общества изучения истории отечественных спецслужб. Опубликовал две монографии: одну об операции «Трест», другую о дезинформационной деятельности СССР.

Автор статьи старший сержант Войска Польского, более 40 лет назад (1980–1982) проходил срочную военную службу. Выпускник Академии общественных наук Польской объединенной рабочей партии, кандидат политических наук и доктор в области наук о безопасности. Ученые степени получил в Ягеллонском университете и Академии военного флота. Другие указанные авторы – аспиранты и студенты или гражданские ученые, работающие в Академии военного искусства, такие как М. А. Камински.

Казалось бы, в Польше должно быть много научных изданий, посвященных вопросам спецслужб РФ. Это не так. Конечно, можно попытаться составить библиографический список всех научных публикаций о российских спецслужбах, написанных польскими авторами, но, на мой взгляд, их может быть не более 100–200. Читателям доступно большое количество публицистических статей, написанных на ином уровне и со многими фактическими ошибками. Часто изображая вводящую в заблуждение информацию, непроверенную информацию или повторяющиеся мифы, которые повсеместно распространены в этой области.

Автор не знаком с секретными исследованиями в военных и гражданских учреждениях. Но он сомневается в их существенной ценности. Доказательством для него стал факт защиты кандидатской диссертации отставного полковника (военного аналитика, специалиста в области России), который в 2022 г.

писал в своей диссертации об уже не существующих 19 лет институтах спецслужб, таких как ФАПСИ. Они, по его мнению, существуют и функционируют в системе безопасности РФ. На мой вопрос, откуда он получил свои информации, он ответил, что пользовался источниками разведуправления Генштаба Войска Польского. Я не буду комментировать ход защиты. Но ни научный руководитель – полковник, профессор, ни помощник научного руководителя, бывший инспектор сухопутных войск, кандидат наук о безопасности и генерал-лейтенант такими знаниями не обладали, ибо не наставили своего аспиранта на верный путь.

Мирослав Минкина в своих публикациях занимался разведкой, в том числе военной. Но он сосредоточился на описании операций, представленных в СМИ (своего рода тематическое исследование), он попытался указать на разведывательные угрозы НАТО и ЕС. Представил оценку влияния российской разведки в Центральной Азии. Подобным образом он обсуждал вопросы ФСБ, писал о культуре и традициях репрессивного аппарата в России, упоминал о роли ФСБ в системе государственной власти или деятельности службы в войнах в Чечне [11].

М. Берлински и Р. Зульчик представили историю ФСБ, структуры и адреса и телефоны управлений ФСБ и управлений Пограничной службы ФСБ, расследования шпионского характера, проведенные ФСБ в 1992–2015 гг. Единственной действительно полезной частью монографии для польского читателя являются приложения, где авторы разместили качественные переводы основных документов по функционированию ФСБ, начиная с закона [10].

В своем исследовании автор данного материала представил спецслужбы как институты, отвечающие за реализацию политики государственной безопасности, генезис и условия функционирования спецслужб РФ, систему управления службами, а впоследствии представил правовые нормы, структуры и компетенции следующих учреждений: ФСБ, СВР, ФСО, ГУ ГШ Вооруженных Сил, Военно-топографического управления Генштаба, Федеральной службы по техническому контролю и экспорту, Главного управления специальных программ Президента РФ и, наконец, Государственной федеральной фельдъегерской службы. В заключительной главе рассказал о состоянии и перспективах работы российского силового сообщества. В приложении представлены организационные схемы органов безопасности СССР и РФ и схема системы безопасности России.

Результаты исследования. В заключение отметим, что польская научная литература, посвященная спецслужбам РФ, не очень обширна. В большинстве случаев речь идет о ФСБ или отдельных аспектах вопроса, таких как освещение законодательства о ФСБ. Автор рецензии сделал единственную всестороннюю и научную попытку изложить проблему системы российских спецслужб.

Наконец, в качестве дополнения информации упомяну публикации Центра восточных исследований о российских спецслужбах, доступных для чтения и печати. Это следующие брошюры из серии «Точка зрения»: Ю. Дарчевска, «Защитники осажденной крепости, Об исторической легитимности российских спецслужб» (*Obrońcy oblężonej twierdzy, O historycznej legitymizacji służb*

specjalnych Rosji), Варшава, 2018; Ю. Дарчевска, П. Жоховски, «Активные мероприятия, Российский экспортный товар» (Środki aktywne, Rosyjski towar eksportowy) Варшава, 2017; Ю. Дарчевска, «Федеральная служба безопасности в зеркале российской интернет-шутки», (Federalna Służba Bezpieczeństwa w zwierciadle rosyjskiego dowcipu sieciowego), Варшава 2014. На сайте ЦВИ размещены программы (интервью) с Петром Жоховским, посвященные российским спецслужбам, их истории, вопросам подготовки и комментариям по делам Скрипалей и Литвиненко.

Список источников и литературы:

1. Kozaczuk Wł. Bitwa o tajemnice: służby wywiadowcze Polski i Rzeszy niemieckiej 1922–1939, Warszawa. 1967.
2. Kozaczuk Wł. W kręgu Enigmy, Warszawa 1979.
3. Gondek L. Wywiad polski w III Rzeszy 1933–1939, Warszawa. 1978.
4. Край К. И. Польскоязычные источники по историографии спецслужб // Исторические Чтения на Лубянке XXV лет. М.: Фронткнига, 2021. С. 238–245.
5. Kraj K. Rosyjska wspólnota organów bezpieczeństwa, Studium podsystemu bezpieczeństwa Federacji Rosyjskiej. Kraków – Wrocław. 2017.
6. AIPN 01538/9, Raport CIA Wywiad Radziecki – KGB i GRU, październik 1984.
7. Andrzej Grajewski, dr (nauka-polska.pl).
8. Kraj K. O rosyjskich służbach specjalnych – nawet nie koniec początku... // Broń i amunicja Komandosi Obrona Terytorialna. 2019. No. 5. P. 44.
9. Kraj K. Rosyjski sztylet. Działalność wywiadu nielegalnego // Bezpieczeństwo Teoria i Praktyka. 2014. No. 2. P. 113–115.
10. Kraj K. Federalna Służba Bezpieczeństwa Federacji Rosyjskiej // Bezpieczeństwo Teoria i Praktyka. 2017. No 3. P. 353–357.
11. K. Kraj, Recenzja książki: Mirosław Minkina (2016). FSB Gwardia Kremla, Wydawnictwo Rytm, Warszawa, ss. 246 // Rocznik Bezpieczeństwa Międzynarodowego 2016. Vol. 10. No. 2. P. 347–351.

Для цитирования: Край К. И. Польская научная литература о современных спецслужбах России // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 105–111.

Дата поступления статьи: 12.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 14.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Край К. И., 2022

ДВОЙНЫЕ АГЕНТЫ СРЕДИ ЭМИГРАЦИИ В МАНЬЧЖУРИИ В 1930-Е ГГ.: К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ И. А. МИХАЙЛОВА

Мария Владимировна Кротова¹

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ mary_krot@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 3221-2527

Аннотация: В статье представлен анализ вовлеченности русских эмигрантов в Маньчжурии в деятельность различных спецслужб на примере Ивана Адриановича Михайлова. Рассмотрены причины работы российских эмигрантов на советскую и другие разведки. Основной акцент сделан на феномене «двойных агентов», специфике Харбина, обстановке «шпиономании» в Маньчжурии, связанной с активной работой здесь спецслужб разных стран. Делается вывод о том, что потребность в квалифицированной агентуре заставляла разведывательные органы пользоваться услугами одних и тех же людей, причем ставится под сомнение достоверность и актуальность полученных сведений. Статья основана на неопубликованных источниках из фондов ГАРФ, ГАХК, РГАЛИ, РГВА, Бахметевского архива, в том числе, материалах польской разведки «Мандарин».

Ключевые слова: русская эмиграция, И. А. Михайлов, советские спецслужбы, польская разведка, агентура, Маньчжурия, Харбин.

Постановка проблемы. Маньчжурия как поле действия различных спецслужб неоднократно становилась предметом изучения исследователей [1–13]. Дело в том, что в 1920-е–1930-е гг. Северо-Восточный Китай был важным объектом геополитической игры, где сталкивались интересы не только Китайской Республики, СССР и Японии, но и Германии, Великобритании, США, Польши и других стран. После выступления Японии в 1931 г. в Маньчжурии и создания государства Маньчжоу-Го внимание к этому региону со стороны разведок разных стран значительно возросло, поэтому не случаен интерес историков к изучению периода 1930-х гг.

Отечественные исследования сфокусированы в основном на деятельности советских спецслужб в Маньчжурии, в том числе, их работе в среде русской эмиграции, которая была прекрасной питательной средой для вербовки резидентов. Но в связи со спецификой деятельности спецслужб, ограниченностью и недоступностью источников, проблемами их верификации цельную картину работы разведок в Северо-Восточном Китае трудно составить, как и нельзя в полной мере оценить ее эффективность. Данная статья является попыткой в какой-то мере восполнить этот пробел, прояснив феномен «двойных агентов» в среде эмиграции в Маньчжурии, используя различные источники, в том числе, документы польской разведки «Мандарин».

Основная часть. Харбин в 1920-х–1930-х гг. был «космополитным городом» – местом, где традиционно находилось много иностранцев. Здесь легко можно было затеряться, поэтому город наводнили авантюристы всех мастей, среди которых было немало агентов разных разведок. Разведслужбы ряда стран были заинтересованы в вербовке информированных людей с хорошим образованием, желательным знанием языков, имевших связи в разных слоях харбинского общества. Эмигрант, полковник Н. А. Мартынов в своих воспоминаниях утверждал, что советская разведка активно вербовала эмигрантов, так же, как и японцы, которые приглашали русских эмигрантов к сотрудничеству, стараясь получить в первую очередь данные об РККА, о настроении населения, о работе в СССР английской, американской, французской и других агентур. Параллельно через этих же эмигрантов проводилась японцами и другими разведками и нужная дезинформация для того, чтобы спутать работу других агентур [14].

П. П. Балакшин описывал схему вербовки советской разведкой секретных сотрудников из среды эмигрантов: «До принятия на службу они тщательно расследовались, изучалось их семейное и материальное положение, привычки, склонности, слабые места. Затем шел период обработки – вначале давались легкие поручения вполне невинного свойства за большое вознаграждение. После того, как сексот давал те или иные сведения в письменной форме, с него бралась подписка, часто под угрозой или шантажом. Нередко сексоты втягивались в работу ГПУ незаметно, под видом работы для «некоторой иностранной разведки» [15, С. 145]. О «не очень хитроумных» методах вербовки упоминается в «Очерках истории российской внешней разведки»: «Прежде всего, привлекали тех, кто подавал заявления о возвращении на родину и своим трудом должен был заработать это право. А так как времена были суровые, то иной раз приемы применялись, как говорится, «жесткие». Например, намекали, что в случае отказа от сотрудничества могут пострадать родные, жившие в России. Нуждавшихся в деньгах и не собиравшихся возвращаться вербовали, как правило, «втемную» от имени американской или японской разведки. Метод был хорош тем, что информация от таких агентов всегда поступала правдивая: никто не решался обманывать японцев и американцев, знали, что те скоры на расправу» [16, С. 76].

Но на поверку оказалось, что многие эмигранты работали одновременно на несколько разведок, хотя определенно что-либо утверждать было сложно и тогда, и сейчас. Это создавало в 1930-е гг. атмосферу подозрительности, доносов и шпиономании, когда все следили за всеми. Значительно позже при открытии архивов начали появляться разоблачения. В числе двойных агентов из русских эмигрантов исследователи называют генерала А. И. Андогского, завербованного советской разведкой, который был в то же время консультантом Японской военной миссии, как и В. Е. Сотников [1, С. 358; 6, С. 49–50]. В личных делах БРЭМ содержится немало компрометирующих материалов на эмигрантов, собранных агентами и информаторами 3-го отдела БРЭМ. Можно заметить, что практически все заметные деятели эмиграции подозревались в связях с советскими спецслужбами: атаман Г. М. Семенов, генералы М. И. Афанасьев,

Л. Ф. Власьевский и др. [1, С. 370; 17, С. 107]. Подозревался в «двойной игре» и связях с советской и японской разведками полковник Н. А. Мартынов, занимавшийся активной контрразведывательной деятельностью [3, С. 317; 17, С. 232]. Основным мотивом «двойничества» был финансовый: считалось, что жертвами двойной вербовки были в основном нуждающиеся или падкие до денег люди с «гибкой совестью». Но нередко мотивами для сотрудничества были тщеславие, авантюризм и своеобразно понятый патриотизм.

Обвинения со стороны БРЭМ в связях эмигрантов с советской разведкой часто были основанными на слухах, не подкрепленных реальными фактами. Практически зеркальная картина складывалась и в отношении советских информантов и агентов спецслужб в Маньчжурии, которых уже в СССР обвиняли в шпионско-разведывательной работе в пользу Японии. Исследователь спецслужб О. Б. Мозохин приводит в качестве примера успешных действий советской разведки разоблачение якобы завербованных советских граждан, работавших на КВЖД, которые признались в шпионской деятельности в пользу Японии [11, С. 213–215, 289–309]. В закрытом письме к оперативному приказу НКВД № 00593 от 20 сентября 1937 г. «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев», который стал началом так называемой «харбинской операции», говорилось: советская разведка установила, что ЯВМ в Харбине, зная, что служащие Экономического бюро КВЖД являются резидентами Разведывательного управления РККА, перевербовала нескольких видных специалистов. Они стали двойными агентами. В «двойничестве» подозревались генералы брата Сукины, завербованные еще в 1920-е гг. советской разведкой, которые якобы выполняли задания японских спецслужб и дезинформировали Разведывательное управление РККА [18, С. 116–117]. Но никаких подтверждений тому приведено не было, просто было сказано, что «ряд других дел также показывают, что значительная часть закордонной агентуры вела двойную игру и была перевербована японцами» [18, С. 118].

Можно предположить, что основаниями таких утверждений являлись признательные показания вернувшихся в середине 1930-х гг. и арестованных по подозрению в шпионаже «харбинцев». Наверное, не стоит отдельно говорить, чего стоили эти показания и как они были получены, однако до сих пор они приводятся без всякого критического анализа. Исследователь А. Г. Зорихин назвал отчеты ПП ОГПУ ДВК в 1930-х гг. о раскрытии шпионо-диверсионных групп в Маньчжурии проявлением «тенденции к фальсификации дел по шпионажу», которые получили затем массовое распространение в 1937–1938 гг. [6, С. 55]. Внимательное изучение архивно-следственных дел бывших «харбинцев», в том числе, работавших на советскую разведку, показывает, что подавляющее большинство обвинений в шпионаже в пользу Японии было сфабриковано, а репрессированных «харбинцев» позднее реабилитировали.

Но истинная роль в разведывательной деятельности отдельных представителей русской эмиграции в Маньчжурии до сих пор неясна. В их числе можно назвать Ивана Адриановича Михайлова (1891–1946) – экономиста, ученого и видного деятеля белой Сибири, а затем «омской группы» в Харбине [19]. Под-

черкнем, что весьма под стать ему была его супруга, Мария Александровна ([1890]–1976) – авантюристка, сыгравшая заметную роль во властных интригах антибольшевистского Омска. Биографические наработки ученых об этой женщине, бесспорно, заслуживают внимания и дальнейшего продолжения [20–23], ведь ее общественная деятельность в эмиграции, как и жизненный финал, пока не осмыслены.

Мы уже писали о сложной, ускользающей идентичности Михайлова. Он подозревался в работе на спецслужбы разных стран, ему приписывалась сложная игра между разными политическими силами в Маньчжурии [24–25]. Эмигранты внимательно следили за ним, признавая, что «по уму равного ему в деле различных комбинаций в дальневосточной эмиграции нет», хотя Михайлов определялся как «большой прохвост», «человек беспринципный, а такие люди в наш век плавают как рыба в воде»: «Патриотизма в нашем понимании у Михайлова не существует. У него карьера и личное благополучие на первом плане: в средствах для достижения личных выгод он не разборчив, ... по природе своей субъект интернациональный. Будь он националист – он был бы незаменимым полезным работником, могущим принести для родины много пользы. Михайлов способен обделать какое угодно дело в крупном масштабе и провести за уши кого угодно» [26, Л. 5–6].

В донесениях и сводках ПП ОГПУ на ДВК в 1930-х гг. И. А. Михайлов выступал как «крупный японский агент» [27, С. 356, 526]. В закрытом письме к приказу НКВД от 20 сентября 1937 г. прямо говорилось, что харбинское отделение правления ЮМЖД, где работал Михайлов, фактически являлось резидентурой японского Генштаба, во главе которого стоял офицер Генштаба Фукуда, квалифицированный японский разведчик, живущий в Харбине с 1917 г.: «В его аппарате работало несколько русских белогвардейцев, которых он использовал, главным образом, в качестве резидентов и вербовщиков (генерал Касаткин, Михайлов, работавшие ранее на КВЖД и уволенные оттуда за связь с японцами)» [18, С. 113]. Здесь же сообщалось, что японский агент Михайлов завербовал журналиста Колпакчи, причем «шантажировал его долгой запиской, выданной когда-то его бывшему квартирохозяину. Под угрозой огласки Колпакчи согласился работать для японской разведки» [18, С. 115].

Это указание заставляет усомниться в информации: Р. Е. Колпакчи был известным харбинским журналистом, был «пристрастен к карточной игре», имел много долгов, даже пытался отравиться [28, С. 3]. Видимо стесненные материальные обстоятельства заставили его сотрудничать с советским консульством: он согласился редактировать просоветскую харбинскую газету «Новости Востока», причем за «антиправительственную» работу в пользу СССР был арестован японцами. Секретные документы о приеме Колпакчи в советское гражданство показывают, что Колпакчи был связан с советской разведкой, так как «местный сосед» (ИНО ГУГБ НКВД), по словам Генконсула СССР в Харбине М. М. Славуцкого, настаивал в марте 1935 г. на приеме Колпакчи в гражданство СССР и разрешении ему въезда в СССР. А «отказ затруднил бы политически работу и Генконсульству, и соседям» [29, Л. 4]. Колпакчи выехал в СССР,

жил в Вышнем Волочке, но 24 мая 1936 г. был арестован, обвинен в сборе секретных сведений о КВЖД в пользу японской разведки и в марте 1937 г. приговорен к расстрелу. После ареста Михайлова в 1945 г. на суде в Москве его обвинили в том, что он с 1925 г. был агентом японской разведки, вербуя по ее заданию лиц, проводивших шпионаж в отношении СССР.

Несомненно, что И. А. Михайлов обладал всеми талантами, необходимыми для агента: наблюдательностью, трезвостью, аналитическим умом, связями во всех слоях общества. Его замкнутость и закрытость, а также близость Михайлова к служащим Экономического бюро КВЖД, своим бывшим сотрудникам, которые работали на советскую разведку, казалась подозрительной и порождала слухи о работе Михайлова на все стороны. Документы польской разведки «Мандарин» из фондов РГВА отчасти проливают свет на секретную работу Михайлова.

Одной из задач польской разведки в Маньчжурии была разработка русской эмиграции в Китае, изучение «разлагающей советской деятельности среди русской эмиграции» и возможностей создания «отдельных единиц для диверсионной работы (разведки против СССР)» [30, Л. 33]. Польская разведка давно интересовалась Михайловым, собирая о нем сведения, в том числе, и от русских эмигрантов. При этом они подчеркивали, что, еще, будучи министром финансов в белой Сибири, Михайлов вел «двойную игру», скрыто ведя интересы «социал-революционеров и чехов». В итоге, он развалил «здоровые начала в Омском правительстве», выпустил «сибирские деньги», обесценил «императорские кредитки», спровоцировав «полный сумбур и подрыв правительственного кредита». Эту «двойную игру» Михайлов, по словам русских информантов, продолжил и в Харбине с 1920 г., и его работа привела «к развалу белого дела и общему недоверию друг к другу» [31, Л. 59–60].

По данным польской разведки, Михайлов не только тесно сотрудничал с японцами, но и поставлял данные немцам. По словам князя Н. А. Ухтомского, военный атташе при посольстве Германии в Японии полковник Отт, будучи в Харбине весной 1937 г., завязал через него контакт с Михайловым, от которого «с согласия японцев получил дислокацию Красной Армии на Дальнем Востоке» [31, Л. 64]. С другой стороны, Михайлов имел контакты с советскими гражданами и местным советским консульством, и, «по некоторым версиям», находился на советской службе [31, Л. 63]. Резидент польской разведки Виктор Моне (Victor Monet) предположил, что Михайлов «ведет для японцев, для их контрразведывательного бюро инспирации по образцу советского дезинформационного бюро, вероятно, имеет также контакт с контрразведкой советской, возможно, также работает и для нее» [31, Л. 46–47].

Из письма Моне в Варшаву 27 декабря 1937 г. следует, что Ухтомский на встрече с ним сообщил от имени Михайлова, что тот «готов сотрудничать с нами через Ухтомского». Детали сотрудничества Михайлов был готов обсудить лично на встрече, но просил не сообщать о своем предложении польскому консулу в Харбине Квятковскому. В письме говорилось о том, чем располагает Михайлов, и что он может предоставить, а именно: «материалы Японской во-

енной миссии, контакт с советским консульством в Харбине, контакты со всеми центрами российской эмиграции» [31, Л. 8]. Предложение о сотрудничестве было принято, причем Моне дал ему следующее задание: «постоянная доставка военных газет «Тревога», «На боевом посту», «На боевой вахте»; советская разведка на территории Маньчжоу-Го, текущая информация, изменения, происходящие к российской эмиграции» [31, Л. 26]. До 1939 г. Михайлов предоставлял отдельную информацию через Ухтомского, Ухтомский же получал ежемесячно по 100 гоби за материалы. В документах польской разведки они назывались группой Михайлова–Ухтомского под именем «Гангстер», в ведомостях о выплатах агентам находятся расписки о получении денег «Гангстера» за информацию, предоставление статей и пр. [30, Л. 172–175]. Из числа информации, предоставленной «Гангстером», сохранились сведения об агентурной работе советского консульства, монархическом движении в эмиграции, реорганизации БРЭМа, вырезки статей из газет Харбина – «Харбинское время», «Голос эмигрантов» и др. [32, Л. 1–19].

Важно то, что Михайлов и не скрывал связи с другими разведками, предоставляя им разнообразную информацию. Но мы не знаем истинных его целей. Возможно, сложную игру Михайлов, в конце концов, вел в пользу СССР. Как сообщал резидент польской разведки, Ухтомский считал Михайлова «патриотом российским, который работает исключительно для России, держится на расстоянии от местной эмиграции, но у него есть связь и отношения с выдающимися представителями российской эмиграции во всем мире» [25, Л. 65]. Тем не менее, имя Михайлова не реабилитировано, допуск к его делу закрыт, и на нем до сих пор стоит клеймо предателя.

Результаты исследования. Деятельность спецслужб является чрезвычайно притягательной темой для исследований и беллетристики, будучи полна остросюжетных линий, интриг, неожиданных поворотов. Но необходимо с осмотрительностью относиться к многочисленным публикациям на эту тему, так как источников, доступных историкам, относительно немного, причем архивно-следственные и личные дела, периодика и мемуары зачастую тенденциозны и требуют тщательной верификации, уточнения и сравнения.

История И. А. Михайлова подтверждает то, что разведки разных стран активно привлекали эмигрантов в Маньчжурии в качестве информантов. Это вызывало напряжение в обществе, подчас необоснованные обвинения и подозрения. Разобраться в этом сегодня очень трудно в связи с мифологизацией деятельности спецслужб, упрощенном подходе к оценке деятельности тех или иных персонажей. Картина складывается неоднозначная, состоящая из множественности версий, так как трудно было сохранить беспристрастность в обстановке политического противостояния. Можно лишь с определенностью говорить о ненадежности агентуры спецслужб и сомнительной ценности многих полученных от нее сведений. Подводя итоги, можно отметить, что деятельность двойных агентов и их действительной роли в работе спецслужб требует дальнейшего осмысления, поиска новых источников и подходов.

Список источников и литературы:

1. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М.: Кучково поле, 2010. 608 с.
2. Антонов В. С. С них начиналась разведка. М.: Вече, 2020. 380 с.
3. Аурилене Е. Е. Тайная служба третьего отдела: из истории Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2018. С. 315–320.
4. Буюков А. М., Шинин О. В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 годах. М.: Кучково поле; Беркут, 2013. 432 с.
5. Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск: Солти; СПб.: Полторак, 2010. 576 с.
6. Зорихин А. Г. «Японо-советская война ... должна быть проведена как можно скорее». Противоборство военной разведки Японии и советских спецслужб в 1922–1931 гг. // Военно-исторический журнал. 2020. № 1. С. 47–56.
7. Егоров Н. А. Деятельность иностранных спецслужб на Дальнем Востоке по использованию маньчжурской белоэмиграции в 1922–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 11. С. 48–53.
8. Куланов А. Е. В тени восходящего солнца. М.: Вече, 2014. 352 с.
9. Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. М.: Кучково поле, 2008. 664 с.
10. Макинтайр Б. Агент Соня. Любовница, мать, шпионка, боец. М.: Corpus, 2022. 464 с.
11. Мозохин О. Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М.: ООО «Родина-медиа», 2012. 480 с.
12. Усов В. Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: Олма-пресс, 2002. 384 с.
13. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 454 с.
14. Мартынов Н. А. О жизни и политических событиях в Харбине, в Маньчжурии и на Дальнем Востоке за период 1923–1948 гг. // N. A. Martynov collection. Box #1. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR).
15. Балакшин П. П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. Сан-Франциско-Париж-Нью-Йорк: Сириус, 1958. 434 с.
16. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. 1917–1933 гг. М: Международные отношения, 2006. 272 с.
17. Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-ых годов). [б. м.]: ЛитРес, 2019. 940 с.
18. Потапова Н. А. «В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки...»: «харбинский» приказ НКВД СССР № 00593 и закрытое

письмо к нему // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. Т. 139. № 2. С. 107–130.

19. Петин Д. И. Политика, деньги и... любовь // Бюджетный учет. 2020. № 3. С. 72–77.

20. Пученков А. С., Сушко А. В., Петин Д. И. «Все м говорят, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А. Н. Гришина–Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 1058–1073.

21. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Колчак и Пепеляев в тюрьме»: воспоминания М. А. Гришиной-Алмазовой // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 38–44.

22. Петин Д. И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина–Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 389–405.

23. Калач Е. А., Петин Д. И. «Пишу, следовательно существую» (размышления по ходу чтения путевых заметок М. А. Гришиной-Алмазовой) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8. № 2. С. 36–53.

24. Кротова М. В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 2. С. 64–71.

25. Кротова М. В. «Омская группа» в эмиграции в Маньчжурии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 26–33.

26. ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 35177.

27. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. В 10 т. Т. 8. Противостояние. 1927–1941 гг. М.: [б. и.], 2016. 975 с.

28. Рупор. 1931. 18 июля. № 190 (3392).

29. ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 64. Д. 1733.

30. РГВА. Ф. 308 к. Оп. 1. Д. 13.

31. РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 456.

32. РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 458.

Для цитирования: Кротова М. В. Двойные агенты среди эмиграции в Маньчжурии в 1930-е гг.: к вопросу о личности И. А. Михайлова // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 112–119.

Дата поступления статьи: 12.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Кротова М. В., 2022

ОРГАНИЗАЦИЯ РОЗЫСКА ПОСОБНИКОВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ НА ТИХООКЕАНСКОМ ФЛОТЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Денис Владимирович Куваев¹
Артём Васильевич Соколенко²

^{1, 2} Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
¹ kuvaev.denis.vladimirovich@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 5635–8250

Аннотация: Впервые предпринята попытка разрешить спорный исторический вопрос о возможном существовании в период Второй мировой войны устойчивого канала проникновения агентуры разведывательных органов гитлеровской Германии на объекты ТОФ ВМФ СССР. Авторами выявлена взаимосвязь двух факторов, которые характеризуются тем, что чем ближе становилась Победа РККА на западном фронте, тем интенсивнее совершенствовались оперативные меры по розыску немецкой агентуры, стремящейся укрыться от возмездия в частях и соединениях ТОФ. Весомую долю в организации розыска агентуры немецкой разведки и пособников гитлеровской Германии в годы войны внесли сотрудники контрразведки ТОФ.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, разведка, контрразведка, Военно-Морской Флот, Тихоокеанский флот, агентура, спецслужбы, нацистская Германия.

Постановка проблемы. Германия, готовясь к оккупационной войне на востоке, создала сложную, широко разветвленную систему спецслужб для реализации задач разведывательно-подрывной деятельности на территории СССР. Эта деятельность должна была обеспечить Германию, с одной стороны, политической, экономической, военной и военно-технической информацией о её противнике, а с другой – непосредственным подрывом оккупированного государства изнутри. Абвером, гестапо и СД создавались различные организации из числа предателей советского государства и фашистских пособников, которые занимались разведывательной, контрразведывательной и карательной деятельностью на оккупированной нацистами территории СССР.

Руководство гитлеровской Германии рассчитывало использовать на захваченной русской земле религиозный фактор и разработало соответствующую систему пропаганды. Бурное развитие церковной жизни на оккупированной территории СССР началось стихийно и приняло массовый характер. Религиозный аспект нацистской пропаганды должен был привести к дроблению церкви, ликвидации православия после окончания войны и созданию новой религии, призванной воспитывать послушных подданных рейха. В целях использования населения оккупированных советских областей и районов немецкое командо-

вание повсеместно ликвидировало колхозы, отдавало земли крестьянам, что с одобрением было воспринято многими жителями Западной Украины и Западной Белоруссии [1, С. 81].

Но гитлеровская пропаганда на оккупированных территориях являлась только прикрытием для реализации задач снабжения немецких войск. Чтобы получить с захваченных территорий устойчивую поставку продовольствия, германское командование ввезло в Россию сельскохозяйственных машин на сумму 173 млн. рейхмарок, тракторов на сумму 48 млн. рейхмарок. Таким образом, нацистская концепция была непосредственно связана с тем, что вермахт до 1943 г. последовательно проводил комплекс мер, направленных на использование ресурсов оккупированной советской территории для пополнения тыловых резервов германских войск. Именно эти факторы нацистской пропаганды впоследствии приводили к тому, что отдельные военнослужащие, зачисленные на службу с освобождённых от немецкой оккупации территорий, в среде сослуживцев распространяли ложные сведения о лояльности фашистов к мирному населению России.

Основная часть. В начале 1943 г. изменилась военно-стратегическая обстановка в войне с Германией и в противостоянии советских и германских спецслужб произошел коренной перелом. На освобожденной от врага территории военные комиссариаты развернули работу по призыву местного населения в части РККА и ВМФ [2, С. 280–281]. Значительная географическая удаленность ТОФ ВМФ СССР от западного театра военных действий не могла гарантировать защиту от проникновения немецкой агентуры на советский Дальний Восток.

С западных районов СССР на ТОФ непрерывным потоком пошло пополнение личного состава, в котором была острая необходимость. В числе прибывавших с запада призывников органу военной контрразведки на ТОФ было необходимо выявить и разоблачить агентов спецслужб нацистской Германии, изменников Родины, карателей и пособников, которые стремились скрыться от возмездия за свои преступления или же выполняли задания по длительному оседанию на Дальнем Востоке СССР. При этом следует подчеркнуть взаимосвязь. Чем ближе становилась Победа на западном фронте, тем интенсивнее совершенствовались контрразведывательные меры по розыску немецкой агентурой, которая пряталась в частях и соединениях Тихоокеанского флота и его окружении. Весомую долю в организации розыска агентуры немецких разведорганов и пособников гитлеровской Германии в годы Второй мировой войны внесли сотрудники контрразведки ТОФ (термин «контрразведка Тихоокеанского флота» является объединяющим и применен авторами в целях идентификации отдельного органа государственной безопасности, уполномоченного осуществлять в хронологических рамках 1939–1945 гг. контрразведывательное обеспечение ТОФ).

Во время войны во все органы государственной безопасности СССР циркулярами рассылались алфавитные списки, розыскные альбомы и бюллетени, которые систематически дополнялись новыми данными на агентуру разведор-

ганов Германии, полученными от разоблаченных шпионов и захваченных в плен кадровых сотрудников немецких спецслужб. Эти сведения в совокупности с результатами контрразведывательного поиска на объектах обеспечения являлись основанием для агентурной разработки лиц, попавших в поле зрения оперативных сотрудников военной контрразведки [3, С. 156].

Весь период 1940 г. оперативные сотрудники контрразведки ТОФ только изучали выделенный на «немецкой линии» подучетный контингент. В начале 1942 г. было реализовано 10 дел-формуляров и одно учетное дело в отношении военнослужащих флота, разрабатывавшихся по подозрению в принадлежности к немецкой разведке. Из числа арестованных 5 чел. были разоблачены как агенты Абвера [3, С. 272]. 16 чел. немецкого происхождения из числа вольнонаемных подсобных учреждений флота, согласно постановлению Государственного комитета обороны от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев – переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», были уволены и отправлены в трудовые батальоны на объекты НКВД СССР.

В докладе начальника ОКР «Смерш» ТОФ по итогам деятельности за первое полугодии 1943 г. и постановке очередных задач указано: «На 1 июня 1943 года нами разрабатываются на принадлежность к немецкой разведке 125 чел., из них по делам-формулярам – 40 и 85 по учетным делам. Количество военнослужащих и членов их семей из этого списка составляет 117 чел. Основная масса разрабатываемых является лицами, находившимися в окружении и в плену у немцев, а также лицами, проживавшими на оккупированной территории» [1, С. 78].

Всего за период 1943–1945 гг. в работе на «немецкой линии» ОКР «Смерш» ТОФ выявил и поставил на оперативный учет 1035 чел., из них: находившихся в тылу и окружении немецких войск – 125, проживавших на территории, временно оккупированной немецкими войсками – 844, находившихся в немецком плену в Первую мировую войну – 13, имевших связи с немецкими подданными, проживавшими в СССР – 10, ранее командированных в Германию – 17, немцев по национальности – 26.

Приведём ряд примеров. В августе 1941 г., когда советские войска терпели поражение и отступали под вероломным натиском гитлеровских войсковых соединений, контрразведка ТОФ агентурным путем установила, что лекарский помощник врача охраны водного района Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ Шелест Я. И. тайно вел дневник, в котором помещал заметки с клеветническими измышлениями о РККА, руководителях ВКП(б) и советском правительстве. Вольнонаемный Шелест в своих рукописях восхищался победами германского вермахта. Он сознательно намеревался опубликовать свои записи в немецкой печати в случае оккупации немцами СССР. В середине осени 1941 г. Военный трибунал приговорил Шелеста Я. И. к высшей мере наказания.

10 февраля 1943 г. контрразведкой флота был арестован красноармеец Борисов С. Ф., призванный на ТОФ в 1942 г. с территории, освобожденной от немецких войск. Находясь в декабре 1941 г. в немецком плену, Борисов был завербован. Впоследствии, он занимался подрывной пропагандистской дея-

тельностью в среде красноармейцев береговых частей флота. Военным трибуналом Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ Борисов С. Ф. был приговорен к высшей мере наказания.

Одновременно с Борисовым С. Ф. был арестован красноармеец 73-го артдивизиона Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ Козырев Н. В., призванный в конце 1942 г. с освобожденной от немцев Тульской области. На допросах он признался, что в декабре 1941 г. во время оккупации был завербован немцами и выполнял задания немецкой разведки в прифронтовой полосе советских войск. Козырева Н. В. приговорили к 10 годам лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовом лагере.

5 мая 1943 г. контрразведкой флота арестован красноармеец 52-ой отдельной пулеметной роты Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ Соловьев Н. И., также призванный в 1942 г. из Тульской области. Соловьев вел среди военнослужащих антисоветскую агитацию, восхвалял немецкую армию, проявлял недовольство службой в РККА и ВМФ СССР, нарушал воинскую дисциплину и склонял сослуживцев к групповому дезертирству. Соловьев Н. И. был приговорен к высшей мере наказания [1, С. 79].

Среди призванных на ТОФ с освобожденных территорий военнослужащих было немало таких людей, которые во время немецкой оккупации по различным причинам вступали в националистические, молодежные и иные организации, созданные немецкими разведывательными органами. Эти лица являлись тайными осведомителями Абвера, гестапо, СД, полевой жандармерии и полиции, а также выполняли задачи в качестве пособников оккупационной гитлеровской администрации. Отметим, что в контрразведывательной работе на немецкой линии флотские контрразведчики применяли меры профилактической и разъяснительной работы в среде военнослужащих и вольнонаемного состава во всех без исключения соединениях флота. Профилактические меры сыграли важную роль в предотвращении от неизбежного привлечения многих флотских специалистов к ответственности по статье 58-10 УК РСФСР.

Отголоски гитлеровской пропагандистской политики по отношению к крестьянам выявлялись и на ТОФ, где контрразведка внимательно перепроверяла любые данные о фактах антисоветских высказываний от лиц, ранее находившихся на территории захваченной немцами. Высказывания отдельных краснофлотцев о позитивном облике гитлеровской администрации имели под собой вполне логичное объяснение.

В борьбе с этими деструктивными проявлениями в среде военнослужащих помогали меры профилактического характера со стороны командования и партийных органов. Как пример, материалы учётно-наблюдательного дела в отношении краснофлотца Грязнова В. А., который среди сослуживцев рассказал следующее: «Как только наши войска отступили, деревню заняли немцы и сразу же установили свою власть, выбрали из русских старосту и взяли некоторых работать в гестапо. В наш дом поселилось 9 немецких офицеров, а в дом моей бабки – штабные офицеры. В ее доме я был два раза, чистил немецким офицерам сапоги, за что получал сигареты. Жилось нам неплохо, и вообще, кто к

немцам относился хорошо, того они не обижали. Работали мы у них, как у нас в колхозе. Девушки выходили замуж за немецких офицеров, они сразу же одели их в шелка. Да вообще немцы одеваются во много раз лучше наших. У них рядовой солдат одевается не хуже нашего офицера. Кушают они шоколад, у каждого имеется коньяк, а у наших – сухарь заткнут за голенище сапога. Немцы – нельзя сказать, что плохие, ибо, когда они стали отступать из нашей деревни, многие наши плакали, жалея их, и часть людей ушла с немцами. А вообще немцы народ очень культурный».

Для прояснения сознания, десятки таких слабовольных бойцов, как Грязнов В. А., позволивших публично высказываться о своем позитивном отношении к немецко-фашистским захватчикам, справедливо подвергались профилактическому и воспитательному воздействию со стороны партийных органов. Повторное попадание сочувствующего фашистам в поле зрения контрразведки флота влекло уголовную ответственность по соответствовавшей статье УК РСФСР.

Как это ни странно, но на работу по «немецкой линии» в период 1944–1945 гг. непосредственно влияло качество выполнения государственных задач по контрразведывательному обеспечению Тихоокеанского маршрута ленд-лиза. Поисковая работа была направлена на тщательную и всестороннюю проверку призванного на флот контингента, из которого комплектовались экипажи на американские корабли и суда, приобретённые в США в рамках ленд-лиза. После окончания войны с гитлеровской Германией большое количество военнослужащих направлялось для дальнейшей службы на Дальний Восток. Этим фактором спешили воспользоваться всевозможные каратели и пособники разгромленной фашистской Германии, которые вместе с призывными командами, убывавшими на ТОФ, под любыми предлогами спешили покинуть те места, где их легко могли опознать как изменников Родины.

В начале 1945 г. руководителям армейских, дивизионных и бригадных отделов контрразведки «Смерш» ТОФ, была поставлена задача следующего содержания: «С 10 января 1945 г. в части и соединения ТОФ будет прибывать молодое пополнение, значительная часть которого с освобожденной от немецких оккупантов территории областей Украинской ССР. Приемные комиссии для отбора прибывающих призывников создаются в 12 ОЖДАБ, ССБО, ШСБО, АСБО, 2 АД и флотском экипаже. Конкретно предлагаю провести следующие мероприятия: 1. Начальникам ОКР «Смерш» 12 ОЖДАБ, ССБО, ШСБО, АСБО, 2 АД и 1-го отделения ОКР «Смерш» ТОФ организовать оперативное обслуживание молодого пополнения в период прохождения приемных комиссий; 2. По прибытию молодого пополнения в части немедленно начать оперативную работу по выявлению среди них агентуры немецкой разведки, пособников, предателей и другого контрреволюционного элемента. В первую очередь организовать оперативную разработку лиц, на которых будут получены компрометирующие материалы, выявленные во время приемных комиссий».

За первый квартал 1945 г. из освобожденных от немецких войск территорий на флот прибыло 7319 чел., к 1 мая 1945 г. это количество достигло 7900 чел., среди которых на оперативный учет было поставлено 65 чел. по признакам в принадлежности к немецкой агентуре. 1 сентября 1945 г. количество прибывших составляло 8800 чел., из которых подлежали агентурной разработке 81 чел. В приемных комиссиях и в войсковых частях соединений флота оперработникам приходилось выполнять большой объем работы по выявлению и оперативной разработке подозревавшихся в сотрудничестве с немецкими спецслужбами или пособничестве оккупационным властям. Требовалось отождествлять призывников по многочисленным алфавитным спискам и розыскным альбомам, анализировать актуальный массив оперативной информации, перепроверять её, направить по всей стране мотивированные запросы и т.д. При этом ответственное отношение к каждому документу говорило о том, что флотские контрразведчики отчетливо понимали, что допущенная невнимательность в оценке достоверности собранной информации могла легко сломать судьбу невинному человеку [4, С. 77].

Вместе с тем, рассекреченные в последние годы архивы позволяют утверждать, что примерно 8 из 10 так называемых «немецких агентов» видели в этом единственный путь возвращения из плена на Родину. Большинство из них ясно понимали, что их ждет заключение в ГУЛАГе или расстрел. Тем не менее, большинство считало, что лучше вернуться, чем находиться в плену у фашистов. Но были среди немецких пособников и те, кто запачкал свои руки кровью, те, кто добровольно и на идейной основе работал в немецкой полиции или сознательно был осведомителем фашистской власти.

ОКР «Смерш» ТОФ активно и прицельно вел розыск предателей советского народа. Свою эффективность показал розыск немецкой агентуры через их возможные связи из числа родственников и знакомых, проходивших службу на кораблях и в частях ТОФ. В частности, ГУКР «Смерш» разыскивался изменник Родины и агент немецкой разведки В. Хондожко (оперативный псевдоним «Дубров»), лейтенант РККА, был взят немцами в плен под Брянском в 1941 г. В лагере для военнопленных в 1943 г. красноармеец был завербован, немного позже направлен в разведшколу Абвера в Восточной Пруссии. В мае 1944 г. агент «Дубров» был переброшен в район Киева для работы в тылу РККА. Органам военной контрразведки стало известно, что родной брат В. Хондожко, проходил службу на ТОФ. В результате правильной агентурной разработки родственника этого немецкого агента флотской контрразведкой получены данные о том, что В. Хондожко под чужим именем скрывается в одном из населенных пунктов УССР. Направленная ориентировка в территориальный орган безопасности позволила задержать немецкого агента «Дуброва» и передать его в суд за измену Родине.

Подобным методом был разыскан и обезврежен В. Петров (оперативный псевдоним «Кряжев»), полковник РККА, добровольно перешедший на сторону немцев и ставший на идейной основе активным участником антисоветской ор-

ганизации «Политический центр борьбы с большевизмом» (далее – ПЦБ), которая вела подрывную деятельность среди советских военнопленных и в тылу РККА. В 1942–1943 гг. В. Петров был назначен нацистами на должность начальника отдела безопасности штаба ПЦБ. Сын В. Петрова являлся курсантом Тихоокеанского Высшего военно-морского училища имени С. О. Макарова во Владивостоке. Флотские контрразведчики установили, что сыну об отце ничего известно. При этом В. Петров через своих дальних родственников пытался выяснить судьбу своего сына. Полученную информацию ОКР «Смерш» ТОФ направил в территориальный орган безопасности по месту возможного нахождения разыскиваемого изменника. Спустя некоторое время В. Петров был арестован и за измену Родине приговорён Военным трибуналом к высшей мере наказания.

Примером успешной агентурной разработки военных контрразведчиков допустимо считать дело краснофлотца 14-й бригады морской пехоты ТОФ Н. Фурсина, который во время оккупации работал конюхом в немецкой полиции, а его мать работала в офицерской столовой. Но не эти данные послужили основанием для агентурной разработки Фурсина. Его двоюродный брат был заместителем начальника нацистской полиции на Ставрополье. Последний принуждал советских граждан к сотрудничеству с немцами, производил аресты и пытки, лично принимал участие в расстрелах и умерщвлении людей в камерах с использованием химических веществ, а затем был уполномоченным немецких войск по комплектованию добровольческих казачьих формирований. Через родственные связи этого преступника контрразведчики на флоте установили местонахождение нацистского пособника и направили оперативные данные в соответствующий территориальный орган государственной безопасности для его ареста.

Через родственников, проходивших службу на ТОФ, был установлен и летом 1945 г. арестован бывший начальник политотдела немецкой полиции в Мариуполе П. Бердичевский, который в период оккупации служил одновременно в карательном отряде при СД и принимал участие в массовых казнях советских граждан.

Результаты исследования. Таким образом, перехват РККА стратегической инициативы осенью 1942 г. позволил освободить часть оккупированной советской территории, из которой на Дальний Восток, и, в частности, на Тихоокеанский флот, бежали пособники нацистского режима. Но, несмотря на непрерывную агентурную проработку версии о заброске немецких диверсантов в глубокий тыл РККА, устойчивый канал проникновения на ТОФ немецкой агентуры, прошедшей обучение в разведшколах противника, остался не выявлен. Оперативные мероприятия по розыску шпионов, подготовленных разведывательными органами гитлеровской Германии, во всех случаях, а они исчисляются сотнями, приводила к осуждению укрывшихся на Дальнем Востоке пособников оккупантов или лиц, оправдывавших сепаратистскую идеологию нацистов, насаждённую на оккупированной территории СССР. Организация розыска

на этом направлении не позволила скрыться на флотских объектах и их окружении изрядному количеству военных преступников.

Список источников и литературы:

1. Христофоров В. С., Черепков А. П., Хохлов Д. Ю. Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: исторические очерки и архивные документы. М.: Главное архивное управление г. Москвы: ОАО «Московские учебники», 2010. 224 с.: ил.

2. Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Главное архивное управление г. Москвы, 2011. 432 с.

3. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945 / В. С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов. М.: Вече, 2015. 416 с. (Вся правда о войне).

4. Честь и верность: 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота / Сост. А. В. Полутов; Под. ред. Н. Н. Соцкова. Владивосток: Русский остров, 2002. 584 с.

Для цитирования: Куваев Д. В., Соколенко А. В. Организация розыска пособников гитлеровской Германии на Тихоокеанском флоте в годы Второй мировой войны // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 120–127.

Дата поступления статьи: 01.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 13.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Куваев Д. В., Соколенко А. В., 2022

БОРЬБА СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ С ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЯПОНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920–1930-Е ГГ.

Денис Сергеевич Кулешов¹

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹ kuleshov_d82@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7637–4813

Аннотация: Статья посвящена отдельным историческим эпизодам деятельности дальневосточных органов безопасности в период становления и развития советской власти на Дальнем Востоке, направленной на противодействие специальным службам Японии и белоэмигрантским организациям. На основе архивных источников и открытых публикаций раскрыты результаты оперативной работы чекистов по обеспечению безопасности советского Дальнего Востока.

Ключевые слова: чекисты, органы безопасности, спецслужбы, белоэмигранты, ОГПУ, резидентура, разведка, Приморье, Дальний Восток.

Постановка проблемы. Образование ДВР позволило избежать РСФСР войны с Японией и ликвидировать иностранную интервенцию на Дальнем Востоке. Однако уже в 1923 г. Японский Генштаб приступил к разработке планов против СССР, где рассматривал территории Сахалина, Камчатки, Приморья и Приамурья как наиболее выгодные сырьевые базы в тылу материка. Японские военные и политические силы, учитывая огромный интерес дальневосточного руководства в вопросе скорейшего экономического подъёма региона, распространяли свое влияние на Дальнем Востоке путем организации и запуска концессий, образования торгово-промышленных предприятий и контор, внедрения своих граждан в сферу оказания услуг¹. Через сотрудников и служащих учреждений добывалась различная информация, представляющая интерес для японских спецслужб и организаций. Сбор и анализ полученных сведений осуществлялся филиалами японских военных миссий, сформированными на Владивостокском, Хабаровском, Биробиджанском, Благовещенском, Куйбышевском и Борзинском направлениях [1, С. 18–19].

Используя протяженный и слабо охраняемый участок государственной границы с Китаем, японские разведывательные органы перебрасывали на советскую территорию свою агентуру. Помимо кадровых сотрудников и агентов японские спецслужбы привлекали к подрывной деятельности белоэмигрантские силы. Для противодействия этим явлениям сотрудники советских органов безопасности использовали разностороннюю разведывательную информацию, получаемую от агентурной сети [2, С. 302]. Это позволяло проводить анализ военно-политической обстановки за кордоном, изучать руководящий состав ключевых подразделений иностранных спецслужб и белоэмигрантских организаций, выявлять конкретных лиц, осуществляющих подготовку кадров разведы-

вательных органов, прогнозировать возможную заброску иностранных агентов на советскую территорию [3, С. 255].

Основная часть. В июне 1923 г. сотрудники Амурского губернского отдела ГПУ задержали двоих граждан Японии, которые с августа 1922 г. под видом представителей японской фирмы «Арай-Гумм» осуществляли сбор данных о социально-политическом состоянии в районе, сведений о движении подразделений РККА, вели фотографирование местности, снабжали белогвардейские отряды А. Н. Пепеляева оружием, снаряжением и продовольствием. Результаты своей работы представляли в заинтересованные ведомства Японии через японских предпринимателей [4, Л. 38].

Одним из центров шпионской деятельности являлись консульские учреждения иностранных государств. Дальневосточные органы безопасности трудоустроивали своих сотрудников в эти учреждения для извлечения и изучения важной информации. В 1924 г. сотрудник Приморского отдела ОГПУ Э. Лабербис под видом корреспондента-переводчика был принят на службу к китайскому консулу У Бейгуану. Работая с консульской документацией, он запоминал значимые сведения и передавал их в территориальный орган безопасности [5, С. 12].

В конце 1920-х гг. внедрение сотрудников Амурского губотдела ОГПУ («Карпова», «Летова») в японскую резидентуру позволило изучить ряд документов о разведывательной работе японцев и записные книжки представителей резидентуры. В результате вхождения в доверительные отношения агента «Летова» к главе японского консульства в городе Сахалине, удалось поставить японской разведке подставных агентов с легендой о существовании шпионской организации, деятельность которой была направлена на Хабаровск, что позволило осуществить контроль над японской резидентурой на территории Сахалина и Благовещенска [6, С. 95].

Дальневосточные чекисты раскрывали агентурные сети японских спецслужб через представителей японской диаспоры, внедренных в сферу оказания услуг. В 1931 г. сотрудниками Сахалинского окружного отдела ОГПУ в городе Александровске был выявлен гражданин Японии, владелец парикмахерской, бывший японский офицер, систематически принимающий в своем заведении лиц, представляющих для органов безопасности интерес. В ходе оперативных и следственных мероприятий была установлена принадлежность ряда так называемых посетителей к деятельности японских спецслужб. В этот же период был задержан владелец велосипедной мастерской японец Исионари, осуществляющий вербовочную работу для реализации задач японской разведки. В ходе оперативных мероприятий чекистами раскрывались агентурные сети (организующие свою деятельность на территориях Владивостока, Камчатки и населенных пунктов Охотского побережья), их цели, задачи и категории лиц, оказывающих содействие японской разведке [7, Л. 2].

Пик активности японской спецслужб был в период оккупации японскими войсками Маньчжурии. Их деятельность выражалась в насаждении на советском Дальнем Востоке разведывательных и диверсионных ячеек на объектах транспорта, промышленности и в армии (главным образом для срыва мобили-

зации и своевременного развёртывания частей), анализе сведений, поступающих по линии иностранных дипломатических представительств в СССР, а также в использовании резервов в Маньчжурии (белоэмигрантов, советских граждан, живших в Харбине, работников иностранных консульских учреждений и силовых структур).

Японская разведка, используя представителей белоэмигрантских, белофашистских организаций и китайской полиции, проводила вербовочную работу среди советской молодежи (проживающей на линии КВЖД), направляемой для отбывания воинской повинности в СССР, и использовала их в дальнейшем как квалифицированных шпионов и диверсантов. Контингент на вербовку лиц, как правило, заранее намечался иностранными разведками (японской, китайской)². В середине 1931 г. по итогам агентурной разработки отдельных групп и лиц, проходивших военную службу в воинских частях ДВК, сотрудники ПП ОГПУ по ДВК и ОКДВА вскрыли деятельность диверсионной и шпионской организации, охватившей гарнизоны Амурского, Читинского, Владивостокского округов. Руководящая роль в создании организации отводилась японской разведке, использующая как подсобные звенья китайскую полицию и белоэмигрантские организации Харбина. Цель организации сводилась к созданию в воинских частях и городах СССР отдельных резидентских пунктов и пунктов связи с агентами. В ходе оперативных мероприятий была раскрыта структура организации, установлены задачи входящих в нее подразделений, разоблачены резиденты и агенты, выполняющие поручения иностранных спецслужб. По итогам анализа проведенных мероприятий органами безопасности было установлено, что, несмотря на засылку в СССР отдельных резидентов и агентов, представляющих интересы японской и китайской разведок, отмечался однотипный стиль организации их деятельности и характер получаемых указаний. В результате арестовано 30 чел. из них 15 военнослужащих ОКДВА [8, Л. 273].

Случаи вовлечения в антисоветскую деятельность военнослужащих ОКДВА были раскрыты дальневосточными чекистами в ходе разоблачения в октябре 1931 г. так называемой «Военно-морской организации ДВК комитета Промпартии», в состав которой входило более 50 чел. (подавляющее большинство бывших белых и кадровых офицеров). Основная цель организации заключалась в успешном внедрении в ее деятельность лиц комсостава (из числа бывших белых офицеров) военно-морских сил СССР, дислоцируемых на территории ДВК, в рамках подготовки вооруженного вторжения Японии на территорию советского государства. Среди завербованных японскими специальными службами были начальник штаба Амурской военной флотилии, командир дивизиона мониторов Амурской военной флотилии, командиры канонерской лодки «Бурят» и сторожевого корабля «Воровский», преподаватель тактики Владивостокской пехотной школы. По происхождению задержанные являлись в прошлом дворянами, с дореволюционного времени служившие морскими офицерами, имеющими родственные связи с представителями эмиграции и бывших политических и военных элит [7, Л. 5].

Наряду с внедрением своей агентуры в части РККА японские спецслужбы через организации «Братство Русской правды», «Союза освобождения России» вербовали работников железной дороги, кандидатов для назначения на ключевые должности в организации, с целью реализации вредительских и диверсионных задач на объектах транспортной инфраструктуры [7, Л. 2]. В 1932 г. чекистами Приморья была вскрыта деятельность японской резидентуры, направленная на подготовку машинистов железнодорожного депо станции Никольск-Уссурийск для проведения диверсий на Уссурийской железной дороге.

Используя экономическую обстановку и потребность в автотракторных специальностях японские военные миссии организовывали на территории Китая особые курсы («Интернационал», «Славия», «ХСМЛ», «Прага») по подготовке шоферов-трактористов и одновременно агентов, диверсантов и специалистов, способных проникнуть в ряды РККА и на любое предприятие. Помимо получения необходимой квалификации, слушатели приобретали знания по ведению разведки, совершению диверсий и террора, организации связи и шифровальной переписки [8, Л. 275; 9, С. 214]. По оперативным разработкам забайкальских чекистов была вскрыта шпионско-диверсионная группа, действовавшая в ущерб СССР, на ремонтном заводе в Чите. Члены группы вербовались белоэмигрантскими организациями под руководством японской разведки в Харбине, Хайларе, Цицикаре и Маньчжурии [9, С. 214].

Для создания на Дальнем Востоке положения, исключая деятельность шпионских и диверсионных групп, руководство ведомства отдавало распоряжение о применении самых решительных мер по ликвидации диверсионно-шпионских и других антисоветских организаций. ПП ОГПУ наделялось правом формирования тройки для вынесения высшей меры социальной защиты виновным в рамках раскрытия шпионско-диверсионных дел. Кроме этого, для усиления аппарата ПП ОГПУ по ДВК, из Центра направлялись оперативные группы. Не смотря на жесткость принятых решений, председатель ОГПУ Менжинский, учитывая политическое положение на Дальнем Востоке, указывал чекистам на местах о проявлении «осторожности по проведению массовых операций в отношении села», не спровоцировав широкие массы крестьянства и казачества к антисоветским проявлениям [10, Л. 1]. По итогам мероприятий за 1932 год были репрессированы более 4000 чел. из числа бывших белых офицеров, торговцев и промышленников, домовладельцев, крестьян и рабочих [3, С. 352].

Результаты исследования. Таким образом, одной из ключевых задач дальневосточных органов безопасности на рубеже 1920-1930-х гг. являлась защита региона от японских спецслужб, пытающихся реализовать реваншистские планы своего правительства по захвату территорий советского Дальнего Востока. С учетом директив и установок центральных органов ведомства, касающихся ведения оперативных мероприятий в условиях Дальнего Востока, чекисты здесь активно осуществляли свою деятельность против иностранных спецслужб. Пресечение деятельности агентурного аппарата противника позволяло органам безопасности раскрывать цели и задачи разведки противника, а после их изучения и анализа осуществлять необходимые корректировки в своей рабо-

те. Разработка и положительная реализация мероприятий в сфере оперативного прикрытия подразделений и частей РККА говорит о налаженной работе ПП ОГПУ по ДВК и ОКДВА. Раскрытие деятельности членов шпионско-диверсионных организаций в подразделениях регулярной армии на Дальнем Востоке способствовало бесперебойной работе ее подразделений и частей.

Примечания:

¹ К концу 1931 г. численность японской диаспоры ДВК достигала почти 1000 чел., преимущественно, проживавших на территориях Приморья, Сахалина, Камчатки и Охотского побережья.

² Китайская разведка проводила вербовочную работу через сыскное отделение Главного полицейского Управления города Харбина.

Список источников и литературы:

1. Грачёв А. В. Чекисты в борьбе за обеспечение государственной безопасности Советского Дальнего Востока в годы Великой отечественной войны (1941–1945). Хабаровск, 2015. 170 с.

2. Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. 702 с.

3. Буюков А. М., Шинин О. В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 годах. М., 2013. 430 с.

4. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 250.

5. Линия времени. 1938–2018. Государственная безопасность в Приморском крае. Владивосток, 2018. 214 с.

6. Шульженко А. Б. Борьба органов ОГПУ советского Дальнего Востока с иностранными спецслужбами в 20-х годах XX в. // Вестник ДВО РАН. № 5. 2008. С. 94–99.

7. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Д. 221 Л. 2.

8. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Д. 225.

9. Мозохин О. Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М., 2012. 476 с.

10. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Д. 219.

Для цитирования: Кулешов Д. С. Борьба советских органов безопасности с подрывной деятельностью японских спецслужб на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск) Омск: ОмГТУ, 2022. С. 128–132.

Дата поступления статьи: 11.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 12.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

©Кулешов Д. С., 2022

ПОДГОТОВКА НЕМЕЦКОЙ АГЕНТУРЫ ИЗ ЧИСЛА ЕВРЕЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Святослав Валентинович Кулинок¹

¹ НАРБ, Минск, Республика Беларусь

¹ svkulinok@tut.by, SPIN-код (РИНЦ) 2038–8650

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории БССР немецкие спецслужбы развернули системную работу по подготовке разведывательно-диверсионной агентуры. Активно к этой работе привлекались и представители различных национальностей, в т.ч. евреев. На основании новых архивных материалов в статье рассказывается о том, как происходила вербовка, подготовка и использования агентуры из числа лиц еврейской национальности.

Ключевые слова: агентура, разведка, БССР, Великая Отечественная война, нацизм, оккупация, спецслужбы, национальный вопрос, евреи.

Постановка проблемы. На оккупированной территории Беларуси немецкие спецслужбы развернули, фактически, «конвейерную» работу по подготовке разведывательно-диверсионной агентуры. Было открыто 68 учебных центров (школ и курсов), где прошли обучение около 13 тысяч агентов различного возраста, пола и национальности [1, С. 575, 579]. Одним из малоизученных аспектов этой деятельности является использование представителей различных национальностей в качестве шпионов и диверсантов: белорусов, русских, украинцев, поляков, евреев, прибалтов и др. До настоящего времени в русскоязычной и зарубежной историографии этот вопрос не получил должного освещения.

Характеризуя «национальный фактор» вербовочной деятельности немецких спецслужб, нам представляется важным отметить несколько аспектов. Во-первых, провести разделение на «активных» пособников (меньшинство) и тех, для кого сотрудничество с органами немецкой разведки было единственным способом выжить в условиях оккупации и войны (большинство).

Во-вторых, агентура из числа белорусов, поляков, евреев и фольксдойче активно вербовалась, в первую очередь, из местного гражданского населения, так как представители этих национальностей проживали на территории БССР в большом количестве. А вот агентура из представителей других национальностей и народностей (русских, украинцев, жителей Кавказа, Средней Азии и др.) вербовалась в основном из среды военнопленных многонациональной РККА, которые в большом количестве размещались в лагерях на территории Беларуси.

В ряде случаев немецкие разведчики сознательно шли на вербовку представителей конкретных национальностей и народностей. Например, в «Наставлении по борьбе с партизанами» рекомендовалось вербовать секретную агентуру преимущественно из числа «граждан окраинных республик» [2, Л. 13–16]. В

Березинской разведшколе из набора в 23 курсанта русских агентов было – 16, 2 – жители Кавказа, 1 – украинец [3, Л. 49–51]. Из 28 шпионов, выпущенных Бобруйской спецшколой в апреле 1943 г., 20 агентов были украинцами, 7 – русскими и 1 – белорус [4, Л. 27].

Основная часть. Малоизученным является вопрос привлечения к разведывательно-диверсионной работе агентов из лиц еврейской национальности.

Оценивая численность еврейского населения накануне и в период оккупации, укажем, что в предвоенные годы на территории БССР проживало около 940 000 евреев, из них только 150 000–180 000 смогло в июне-августе эвакуироваться в тыл СССР. Часть была призвана в ряды РККА. По немецким данным накануне войны в БССР проживало около 900 000 евреев, а историк Л. Смиловицкий указывает на то, что еврейское население к началу войны составляло 12,8% населения Беларуси, то есть более 1 млн. чел. [5, С. 26].

Лица еврейской национальности являлись наиболее уязвимой и бесправной частью населения периода оккупации. Целенаправленная политика нацистов по выявлению евреев, их локализация в гетто, ограбление и уничтожение в лагерях, фактически, привели к тому, что жизнь в условиях оккупации превратилась в ежедневную стратегию выживания. Это отлично понимали и сотрудники немецких спецслужб, которые использовали эти факторы при вербовке агентуры. В качестве условий сотрудничества предлагалось освобождение из гетто и сохранение жизни родным и близким. Например, при вербовке агентов Михаила Б.-П. и Фиры А. были поставлены условия: либо сотрудничество, либо немедленная отправка в концлагерь или расстрел [6, Л. 30–39об.; 7, Л. 2–12об.]. Для вербовки и принуждения к работе агента Хаима Л., который должен был внедриться в партизанский отряд Бельского, в заложники была взята его жена [8, С. 452–453].

Очевидно, что одной из главных причин для привлечения лиц еврейской национальности к разведывательно-диверсионной работе была возможность составления качественной и убедительной легенды для агента. С учетом вышесказанного, подозрение к прибывшему в партизаны агенту-еврею автоматически уменьшалась. В качестве легенды использовался побег из гетто или лагеря, спасение от погромов и карательных акций, желание отомстить за убитых членов семьи. Немецкие спецслужбы также практиковали «прикрепление» агента-еврея к основной группе или шпиону-одиночке. По легенде этого еврея, якобы, спасли из лагеря или гетто, что автоматически повышало доверие и облегчало внедрение. Первые сведения о подготовке или разоблачении агентов-евреев, выявленные автором в архивных документах, относятся к лету-осени 1942 г. [7, Л. 45; 9, Л. 162].

В январе 1943 г. чекистами партизанского отряда «Грозный» была разоблачена Роза Ефимовна Р. со своими сыновьями Леонидом и Владимиром. Они были направлены из Радошкович с разведывательным заданием [10, Л. 233–234]. Впоследствии летом 1943 г. из Радошкович было направлено еще несколько агентов-евреев [11, Л. 128]. Во второй половине 1943 г. в партизанских соединениях БССР были получены установочные данные, либо разоблачены

агенты немецкой разведки Лазарь М. [12, Л. 21], Еха Ш. [11, Л. 146], Борис Ф. [13, Л. 147–147об.], Богдан Л. (он же Зелик Лейбусович А., прошедший подготовку в разведшколе в Варшаве и заброшенный для шпионской работы белорусские леса – авт.) [14, Л. 9–13], группа из 8 агентов-евреев [15, Л. 11], Шифра Ш. [11, Л. 30], Анна Моисеевна Ф. [16, Л. 131–131об.], а также группа агентов Крупского гестапо во главе с резидентом Евелем В. [17, С. 284–285].

Укажем на то, что агентура использовалась не только для борьбы с партизанами, но и для отправки на территорию СССР. Советскими спецслужбами были получены данные о том, что «в тылу Советского Союза хорошо работает по насаждению агентурной сети некто З., по национальности еврейка» [11, Л. 54].

Если говорить о стационарном обучении агентуры, то данные материалов НАРБ позволяют говорить о четырех центрах подготовки: в Барановичах, Борисове, Минске и Пинске. Первые сведения о деятельности школ и курсов, где готовились агенты-евреи относятся в лету 1942 г. и связаны с работой «школы гестапо № 12» в 12 км от Минска на территории концлагеря Тростянец. Контингент будущих курсантов набирался на месте. Здесь же происходила первая проверка будущих агентов: их заставляли участвовать в избиениях и расстрелах узников, тем самым «связывали их кровью», что практически исключало возможность перехода на сторону противника.

В конце марта 1943 г. партизанским отрядом имени Суворова был арестован Михаил Иосифович Б.-П. – еврей по национальности. На допросах он рассказал, что 3 месяца (с конца июля по конец октября 1942 г.) обучался в Тростянецкой школе, где преподавали следующие предметы: военная топография, виды и способы диверсий, индивидуальный и массовый способ террора, разведка и контрразведка, тактика немецкой армии, выработка стойкости и твердости характера, история развития и роста национал-социалистической партии Германии, немецкий язык» [18, Л. 130–134]. К сожалению, пока не удалось установить количество наборов и подготовленной агентуры, а также ее национальность. Известно, что среди курсантов были уголовники, полицаи и гражданские лица, арестованные по подозрению за связь с партизанами [19, Л. 9–10].

10 августа 1943 г. на имя начальника Центрального штаба партизанского движения П. Пономаренко поступил документ за подписью члена ЦК КП(б) Б. Королева в котором указывалось, что «последнее время гестапо использует евреев в целях шпионажа. Так, при минском и борисовском гестапо были открыты 9-месячные курсы для евреев. Шпионы рассылались по квартирам в городе и засылались в партизанские отряды, последние снабжались отравляющими веществами для отравления партизан и командиров. В Минской зоне был разоблачен целый ряд таких шпионов» [20, Л. 272]. Одним из агентов, прошедших подготовку на 3-месячных курсах в Борисове была Фира Михайловна А. (1912 г.р.). С группой агентов ее направили в партизанский отряд «Большевик» с заданием шпионского характера [6, Л. 20–21об.].

10 июня 1943 г. одной из Минских школ было выпущено «150 человек евреев всех возрастов» [21, Л. 125], а в разведывательной сводке БШПД от 30 июня 1943 г. сообщалось, что 26 июня из «гестапо г. Минска было выпущено более 100 евреев мужчин и женщин, которые были засланы в партизанские отряды с целью отравления командного состава. В Хозенцинской пуще были задержаны 5 женщин евреек с ядом, которые отравили колодец» [22, Л. 172]. Аналогичные данные проходили не только по линии партизан, но и по линии органов государственной безопасности [4, Л. 5].

Осенью 1943 г. в партизанской бригаде имени Ленина была разоблачена «агент в юбке» Ханна Абрамовна К. – еврейка по национальности, которая на допросе показала, что из спецшколы в Пинске «совместно с ней было направлено по отрядам свыше 100 шпионов» [23, Л. 238об.].

В марте 1944 г. заместитель начальник Особого отдела Первомайской партизанской бригады Прохарчик, ссылаясь на показания разоблаченного агента-provokatora Ш., сообщал, что в Барановичах по ул. Почтовой д. 80 действует шпионская школа с разовым контингентом обучающихся в 40 чел. и со сроком обучения 6 месяцев. Ш. сообщил об одном выпуске из этой школы. В шпионы «вербуются в большинстве из лагерей заключенных, гетто, с полиции и люди, имеющие преступления... с подпиской родственников об ответственности за вербуемого.... В шпионы вербуются лица всех национальностей, в том числе, и евреи» [24, Л. 431].

Результаты исследования. Укажем, что на сегодняшний день автором выявлено более 30 архивных документов по вопросу использования немцами евреев в своей разведывательной работе. Это позволяет предположить, что эти случаи не имели массового характера. Говоря языком цифр, отметим, что на основании имеющихся в нашем распоряжении источников можно говорить о том, что за годы оккупации немецкие спецслужбы завербовали приблизительно от 300 до 500 агентов еврейской национальности.

Продланное исследование мы не позиционируем в качестве завершеного, считая, что имеется весомая перспектива развития обозначенной остро дискуссионной темы. Но единственным ключом к этому может стать только активная архивно-поисковая работа историков. Дальнейшее изучение освещенного в этой статье вопроса может дать выход на более широкий спектр проблем по истории БССР в период Второй Мировой войны – партизанское движение, оккупационная политика нацизма, противостояние советских и германских спецслужб, национальный вопрос, военная повседневность.

Список источников и литературы:

1. Кулинок С. В. Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. Москва: Яуза, 2020. 704 с.

2. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 84.

3. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1979.

4. НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.
5. Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. / сост. К. И. Козак. Минск: ИП Логинов, 2011. 191 с.
6. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75.
7. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1419.
8. Татаренко А. Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах. СПб.: Архив АТ, 2006. 808 с.
9. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1297.
10. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 148.
11. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
12. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 62.
13. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 8.
14. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1301.
15. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 139.
16. НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 28.
17. Иоффе Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. Минск: Харвест, 2007. 384 с.
18. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
19. Государственный архив Минской области. Ф. 4233. Оп. 1. Д. 1.
20. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 27.
21. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1180.
22. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4.
23. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 64.
24. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 22.

Для цитирования: Кулинок С. В. Подготовка немецкой агентуры из числа евреев на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 133–137.

Дата поступления статьи: 02.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 03.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ НА ОРАНИЕНБАУМСКОМ ПЛАЦДАРМЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дмитрий Алексеевич Малюченко¹

¹ ГМП ИР, Санкт-Петербург, Россия

¹ dimetv1997@mail.ru, 5495-7765 (РИНЦ), 0000-0003-3863-0895 (ORCID)

Аннотация: По сию пору история обороны Ораниенбаумского плацдарма – Ижорского укрепленного района КБФ остаётся малоизученной не только для военных историков, но и для исследователей истории советских спецслужб. В фондах ГМП ИР хранится рукопись воспоминаний флотских контрразведчиков Л. Ф. Дмитриева и А. К. Кулиша, занимавших в период Великой Отечественной войны ответственные должности в Особом отделе укрепрайона. Этот источник, дополненный как опубликованными, так и впервые вводимыми в научный оборот документами, позволяет обрисовать широкий спектр задач, стоявших перед контрразведчиками плацдарма в самый трудный период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборона Ленинграда, Ораниенбаумский плацдарм, Ижора, укрепрайон, Балтийский флот, контрразведка, ВМФ, органы государственной безопасности.

Введение. «Ораниенбаумский плацдарм», «Приморский пяточок», «Ленинградская малая земля» – под всеми этими названиями известен Ижорский укрепленный район (ИУР), который в период с сентября 1941 г. по январь 1944 г. оставался единственным незанятым противником участком южного побережья Финского залива. Эта территория – от Петродворца (ныне г. Петергофа) на востоке до д. Керново на западе – имела важное стратегическое значение для обеспечения безопасности главной базы Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) – Кронштадта.

За редким исключением [1], при описании событий, происходивших на Ораниенбаумском плацдарме, прибегают к простой двухчастной схеме. Во-первых, Приморский пяточок характеризуется как участок фронта, где в ходе боёв в августе-сентябре 1941 г. удалось остановить немецкое наступление на Ленинград с юго-западного направления [2, С. 257–260]. Во-вторых, как важная исходная точка действий 2-й ударной армии в январе 1944 г. при реализации Ленинградско-Новгородской наступательной операции, когда удалось полностью снять блокаду Ленинграда [2, С. 282]. Не оспаривая справедливости обоих приведённых тезисов, отметим, что в таком виде история Ораниенбаумского пяточка в период между событиями начала и завершения битвы за Ленинград незаслуженно остаётся в тени. В центре нашего внимания будет находиться начальный период Великой Отечественной войны.

Существенно дополнить летопись боевой славы позволяют источники о контрразведывательной деятельности советских органов государственной безопасности. Особо ценным в этой связи выглядит сочинение «Контрразведчики ораниенбаумского берега: документальный очерк». Оно было написано в 1974 г. известным ленинградским чекистом Леонидом Фёдоровичем Дмитриевым (1899-1981), бывшим начальником Особого отдела ИУРа с лета 1941 по весну 1943 гг., и Александром Кузьмичом Кулишом (1919-1974) – в годы войны секретарём, затем оперативным уполномоченным флотской контрразведки. Небольшие фрагменты сочинения были опубликованы как минимум однажды – в сборнике «Чекисты Балтики», изданном в 1984 г. Полная рукопись сочинения хранится в ГМПОР. Важным дополнением названного источника служат документы из фондов филиала ЦАМО РФ (Архива ВМФ, г. Гатчина), материалы которого также в значительной степени не исследованы. Данная статья построена на сравнении содержания музейных и архивных документов и является продолжением научного изучения источников, хранящихся в фондах ГМПОР [3].

Основная часть. К началу 1941 г. ИУР с центром в п. Лебяжье был частью Кронштадского укрепленного сектора КБФ. После начала войны он был выделен из состава Кронштадтского сектора, что в свою очередь привело к созданию Особого отдела НКВД ИУРа КБФ [4, С. 30]. Первым его руководителем стал лейтенант госбезопасности Александр Иванович Пермогоров. В августе 1941 г. его сменил Л. Ф. Дмитриев. При Дмитриеве в Особом отделе начали работать бригадный комиссар Д. Г. Гончаров, батальонные комиссары А. А. Креслин (Креслиныш), М. Н. Рудаков, политруки В. И. Денисов, К. А. Логинов и др. [4, С. 30].

В сентябре 1941 г. продолжались активные боевые действия на рубежах плацдарма. В них принимали участие части 8-ой армии и батальоны морской пехоты. Поддержку частям обороны оказывали артиллерия береговых укреплений ИУРа, а также два бронепоезда. К слову, по отчётам о стрельбах одного из них можно судить об интенсивности наступления противника. Так, батареей № 2 калибра 76,2 мм бронепоезда № 8 (в июле 1942 г. получившего название «За Родину») в сентябре было совершено 42 стрельбы и выпущено 860 снарядов, в октябре – 18 стрельб и 414 снарядов, в ноябре не было ни одного артиллерийского удара, в декабре – 5 стрельб и 219 выпущенных снарядов [5, Л. 7об.–10].

Несмотря на столь трудное положение, именно в сентябре 1941 г. была выстроена система работы Особого отдела ИУРа. На одном из оперативных совещаний в сентябре 1941 г. комендант ИУРа генерал-майор береговой службы Г. Т. Григорьев (1896–1966) сформулировал перед флотской контрразведкой следующие боевые задачи: «наглухо закрыть все пути проникновения фашистских лазутчиков в штабы и части укрепленного района в зону нашего укрепленного района, предотвратить измену Родине и предательство, перехватить изменников и предателей, если они появятся» [6, Л. 7].

В начале осени 1941 г. оперативные сотрудники организовали контрразведывательные посты по периметру и в глубине территории плацдарма: в Малой

Ижоре, Большой Ижоре, Сойкине, Борках, Пульмане, Лендовщине, Ковашах, Красной Горке, Чёрной Лахте и др. населённых пунктах [7, С. 40]. Флотские контрразведчики контролировали северную половину Приморского пятачка, южнее контроль осуществляли сотрудники Особого отдела частей Ленинградского фронта [6, Л. 9]. Среди описанных Дмитриевым и Кулишом случаев выявления вражеской агентуры выделяется один, произошедший в декабре 1941 г. Тогда ледовый патруль задержал трёх краснофлотцев, по их словам, попавших в немецкий плен под Нарвой и бежавших из него. Невольным участником расследования стал командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц (1900–1977), который заслушал доклад начальника Особого отдела ИУРа, усомнился в показаниях задержанных: по мнению флотоводца, за тот срок, который назвали трое «беглецов», пешком преодолеть расстояние от Нарвы до Копорского залива невозможно. Расследование подтвердило мнение Трибуца – трое краснофлотцев, попав в немецкий плен, передали противнику все известные им военные тайны, а также согласились в интересах вражеских спецслужб выполнить разведывательное задание [6, Л. 13–14]. Осознавая значение плацдарма, вражеские спецслужбы проводили через линию фронта многочисленные группы диверсантов. Одна из самых многочисленных, насчитывавшая 350 чел. из числа советских военнопленных, была направлена на Приморский пятачок в конце мая 1942 г. с заданием уничтожить штаб корпуса и штабы бригад советских воинских частей. Диверсию удалось предотвратить благодаря своевременному предупреждению информатора в составе немецкой группы [8, Л. 241].

Широкая сеть наблюдательных пунктов позволяла оперативно вскрывать случаи дезертирства. Наибольшее количество самовольного оставления позиций пришлось на осень-зиму 1941/42 гг. [6, Л. 32] Установлено, что заставы заградительного отряда Особого отдела НКВД Балтийского флота в 1941–1942 гг. задержали около 6 тыс. человек, из которых арестованы и осуждены — 167, расстреляны без суда — 11, переданы органам прокуратуры — около 800, а часть задержанных освобождена из-за отсутствия состава преступления [9, С. 97].

Помимо «оборонительных», сотрудниками Особого отдела ИУРа принимались и «наступательные» действия – организация зафронтной работы. По инициативе заместителя начальника контрразведывательного управления НКВМФ В. И. Бударева (1907–1959), прибывшего на плацдарм из Москвы, была сформирована специальная группа. Она просуществовала с сентября 1941 г. по апрель 1942 г., в её состав вошли контрразведчики И. С. Панченко, М. Н. Рудаков, А. К. Кулиш, П. Е. Соколов под общим руководством Л. Ф. Дмитриева [6, Л. 19]. В этот период набор в отряды зафронтной разведки проводился главным образом из числа жителей оккупированных районов Ленинградской области, оказавшихся на территории плацдарма [6, Л. 21]. Сотрудники Особого отдела ИУРа рекомендовали командованию войсковой разведки наиболее подходивших для разведывательной работы краснофлотцев и младших офицеров [6, Л. 21]. Последнее обстоятельство тем примечательнее, что позднее принципы набора резко изменились: в созданную в феврале 1944 г.

Высшую школу контрразведки ВМФ в Москве (её первым начальником стал Дмитриев) на подготовку отправляли именно краснофлотцев [6, Л. 26].

Для переправы зафронтовых отрядов через линию фронта до лета 1942 г. использовался сухопутный путь: юго-западные и западные рубежи плацдарма пролегли в глупом лесу, а на нейтральной полосе противником не были созданы укрепления [6, Л. 20]. После возведения немцами системы эшелонированной обороны приоритет сместился в пользу переброски зафронтовиков морем от д. Керново и далее на запад. Этот путь немцы не смогли заблокировать вплоть до окончания битвы за Ленинград [6, Л. 21].

Количество подготовленных зафронтовиков в настоящее время не установлено: в «документальном очерке» есть упоминание только о девяти отправленных в немецкий тыл разведчиках. Безусловно, это количество не конечно. Подсчёты могут осложняться и тем, что с плацдарма за линию фронта отправлялись также разведывательно-диверсионные группы армейских контрразведчиков и даже партизанские отряды [6, Л. 21]. По этой причине в Разведуправлении ИУР концентрировалась самая разнообразная информация о противнике. В конце сентября 1941 г. у убитого немецкого унтер-офицера был найден приказ по 489-му пехотному полку вермахта, где констатировалась боязнь немецких солдат открывать огонь при наступлении или обороне. «Я приказываю открыть огонь по каждому русскому как только он появится на расстоянии 600 метров» [10, Л. 41]. 14 октября 1941 г. от зафронтового разведчика была получена информация о том, что на занятых противником территориях нацисты создают карательные отряды численностью 30-80 чел., выдающих себя за партизан [11, Л. 40]. В начале января 1942 г. начальник партизанского отряда, старший оперуполномоченный Кингисеппского райотдела НКВД Завьялов передал командованию сведения о силах противника в районе Курголовского и Сойкинского полуостровов, находившихся западнее рубежей Ораниенбаумского плацдарма: более тысячи немецких солдат и 3-5 самолётов противника на аэродроме в д. Купля [8, Л. 48-49]. В разведсводке от 25 марта 1942 г. сообщалось, что ставка Командующего немецкими ВМС на Балтийском море перенесена из Риги в Таллин, а для планирования совместных с Финляндией морских операций восстановлена телефонно-телеграфная связь между Таллином и Хельсинки [12, Л. 52].

Значение добытой информации только возрастает, если учитывать сложности в организации работы. Одной из самых острых проблем стала кадровая: ещё в августе 1941 г. при эвакуации основных сил КБФ из Таллина транспорт, на борту которого находились сотрудники Особого отдела НКВД КБФ, был потоплен немецкой авиацией [13, С. 118]. Коллектив Особого отдела ИУРа из молодых оперативных работников, не имевших опыта, в том числе, зафронтовой работы. В тот период помощь в разработке операций в немецком тылу оказывал приехавший на плацдарм сотрудник контрразведывательного УНКВД СССР И. М. Утянов (1901–1984) [6, Л. 19]. Системная работа началась летом 1942 г., когда приказом НКВД СССР № 001032 от 22 мая 1942 г. при Особом отделе НКВД КБФ создавались курсы по подготовке и переподготовке оперативно-

чекистских кадров. Срок подготовки ста курсантов предполагался в течение трёх месяцев. Приказом устанавливалось, что набор на курсы проводится среди членов и кандидатов в члены ВКП(б) и членов ВЛКСМ, отобранных из школ политсостава и младшего начсостава флота и оперативных работников ОО НКВД КБФ. Намеченные к обучению должны были быть в возрасте от 19 до 38 лет и иметь образование не ниже средней школы [14, С. 474]. Примечательно, что уже весной 1943 г. руководство органов госбезопасности провело ротацию кадров: Дмитриев стал начальником Особого отдела Ладожской флотилии, Кулиш был переведён на работу в Особый отдел КБФ, а Гончаров занял должность начальника Особого отдела Приморской группы войск Ленфронта. Уверенность в том, что кадровые перестановки не скажутся на качестве работы на плацдарме, может служить доказательством высокого уровня подготовки контрразведчиков ИУРа, достигнутого к 1943 г.

Другой не менее значимой проблемой являлись трудности ресурсного обеспечения снабжения защитников плацдарма. Ораниенбаумский пятачок на суше был полностью изолирован от основных сил Ленинградского фронта, поэтому единственным путём снабжения оставались морские коммуникации с Кронштадтом и Ленинградом через п. Лисий Нос. Интенсивность сообщения находилась в прямой зависимости от обстановки в воздухе: в начальный период Великой Отечественной войны в небе господствовала преимущественно немецкая авиация [15, С. 117]. «Трудно было с организацией материальной базы, с экипировкой разведчиков. Но эту трудность преодолели за сравнительно в короткий срок. Ещё труднее было с питанием. Тиски голодной блокады всё больше и больше сжимали всех защитников плацдарма. Наши товарищи уже с сентября начали страдать от недоедания. <...> Комендант Григорьев распорядился выделить для наших разведчиков столько продпайков, сколько потребуется для их усиленного питания», – указано в «документальном очерке» [6, Л. 20]. Добавим к этому, что пополнение в части защитников плацдарма прибывало уже физически истощенным. В сообщении Военному Совету КБФ от 28 декабря 1941 г. Особый отдел Ленфронта привел данные о состоянии личного состава 4-го отдельного минно-стрелкового батальона 2-й бригады морской пехоты. 302 краснофлотца вследствие сильного недоедания не могли выполнять боевые задачи, а полученный на трое суток паек съели в первый день передислокации под Ораниенбаум [16, Л. 26].

Результаты исследования. Сотрудниками органов государственной безопасности последовательно реализовывалось несколько направлений деятельности, включавших противодействие разведывательно-диверсионным планам противника, борьбу за повышение дисциплины военнослужащих в районе Ораниенбаума, проведение разведки в немецком тылу. Указанные мероприятия проводились, начиная с конца лета 1941 г., в условиях непрекращающихся боевых действий и попыток противника ликвидировать плацдарм, недостатка кадров и ограниченности материально-ресурсной базы. Тем не менее, уже ко второму году войны была создана эффективная система подготовки кадров, а накопленный опыт работы позволил не только укрепить оборону рубежей При-

морского плацдарма, но и подготовиться к проведению будущих наступательных операций РККА.

Уникальность Ораниенбаумского плацдарма была явной уже в начальный период войны. Став фактически передним краем борьбы с противником, этот участок фронта сосредотачивал силы флотской и армейской контрразведок, воинские части и корабельные соединения КБФ, батареи береговой артиллерии и силы советской авиации. Несмотря на слабо отработанные вопросы взаимодействия контрразведок соседних фронтов [17, С. 389], вопреки голоду и нехватке опыта, совместная работа всех защитников плацдарма позволила создать систему, аккумулировавшую широкий спектр информации о противнике, его планах и действиях. Приморский пятачок стал настоящей твердыней, разрушить которую противник так и не сумел. За годы Великой Отечественной войны при исполнении своих служебных обязанностей погибли 44 флотских контрразведчика, 85 – пропали без вести. 631 сотрудник контрразведки КБФ был удостоен государственных наград [13, С. 203].

Список источников и литературы:

1. Петров П. В. Разведывательно-диверсионные операции Краснознамённого Балтийского флота в районе Стрельны в августе-октябре 1943 года // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19–2. С. 105–120.
2. Боевой путь советского Военно-морского флота / Под ред. А. В. Басова. 4-е изд. М.: Воениздат, 1988. 607 с.
3. Зайцева О. О. Деятельность сотрудников военной контрразведки Краснознамённого Балтийского флота при обороне Кронштадта и Ленинграда в период Великой Отечественной войны в 1941-1945 гг. (по материалам ГМПИР) // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XVI. «Гороховая, 2» – 2018. СПб: Любавич, 2018. С. 358–365.
4. Кулиш А. К. В условиях военной подготовки // Чекисты Балтики: Сборник / Сост. А. Л. Островский. Л.: Лениздат, 1984. С. 30–34.
5. Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 402. Оп. 15. Д. 21.
6. Дмитриев Л. Ф., Кулиш А. К. Контрразведчики ораниенбаумского берега: документальный очерк. 41 л. // ГМПИР. Архив отдела «История политической полиции и органов государственной безопасности России. XIX–XX вв.».
7. Дмитриев Л. Ф. Народ помогал чекистам // Чекисты Балтики. / Сост. А. Л. Островский. Л.: Лениздат, 1984. С. 40–46.
8. Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Д. 22.
9. Христофоров В. С., Черепков А. П., Хохлов Д. Ю. Вместе с флотом: советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: исторические очерки и архивные документы. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы: Московские учебники, 2010. 221 с.
10. Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 402. Оп. 15. Д. 23.
11. Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 402. Оп. 15. Д. 18.

12. Филиал ЦА МО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Д. 26.
13. Христофоров В. С., Черепков А. П., Хохлов Д. Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М.: Вече, 2015. 416 с.
14. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 г. М.: Русь, 2003. 706 с.
15. Минц М. М. Хазанов Д. Б. Борьба за господство в воздухе. М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 607 с. // Начало Великой Отечественной войны: современная историография: Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. М. М. Минц. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2011. С. 109–117.
16. Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 1. Д. 6.
17. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.

Для цитирования: Малюченко Д. А. Деятельность военной контрразведки на Ораниенбаумском плацдарме в начальный период Великой Отечественной войны // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 138–144.

Дата поступления статьи: 14.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Малюченко Д. А., 2022

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ НА СТРАНИЦАХ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Марина Александровна Мамонтова¹

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

¹ mamontovama@omsu.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9119–9039

Аннотация: Представлена проблема формирования исторической памяти о роли российских спецслужб среди учащейся молодежи. В качестве нарратива взяты тексты школьного и вузовского учебников, широко распространенные среди обучающихся. Выделены деструктивные коннотации, формирующие негативное отношение к российским спецслужбам среди школьников и студентов. Обращено внимание, что формируемый учебной литературой отрицательный образ спецслужб сказывается на недоверии к современным органам правопорядка и росту протестных выступлений, идущих вразрез с национально-государственными интересами. Предложено акцентировать внимание в учебном процессе на основных целях и функциях спецслужб, результатах их деятельности для защиты целостности и стабильности государства и благосостояния граждан.

Ключевые слова: историческая память, историческая имагология спецслужбы, органы государственной безопасности, ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, учебная литература, преподавание истории, школьное образование, высшее образование.

Постановка проблемы. События 2022 г. вскрыли серьезную проблему, с которой столкнулось современное российское общество. Действия государства, правительства, в частности, работников спецслужб ставятся под сомнения, а порой вызывают критику у отдельных российских граждан [1]. Современные исследователи обращают внимание на то, что «в общественном сознании россиян еще не сформировалось всесторонней, взвешенной оценки деятельности советских спецслужб» [2, С. 5]. В сложные периоды жизни общества при существующих внешних угрозах, когда требуется максимальное сплочение и помощь спецслужбам, актуализируются внутренние опасности, о которых свидетельствуют высказывания граждан, подрывающие доверие к государственному аппарату, антиправительственные действия или преступные бездействия в сложившейся экстремальной ситуации.

Задаваясь вопросом, каким образом это стало возможно, что стало причиной подобного недоверия и противостояния, в первую очередь обратимся к

подростающему поколению, к изучению процесса воспитания и формирования представлений у вузовской молодежи и школьников об органах и функциях спецслужб. Как представлена история спецслужб на страницах современных учебников, какие оценочные суждения содержатся в учебной литературе, как проиллюстрированы биографии ярких представителей спецслужб? Смогут ли молодой специалист, студент, школьник гордиться примерами мужества, самоотверженности и преданности своему государству, взятыми из вузовских и школьных учебников?

Основная часть. В качестве объекта исследования выступают два учебника: История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 3 ч. / [М. М. Горин, А. А. Данилов, М. Ю. Моруков и др.]; под ред. А. В. Торкунова. (М.: Просвещение, 2016) [3] и Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. 2-е изд., перераб и доп. (М.: Проспект, 2016) [4]. Первое издание используется в большинстве российских школ и рекомендовано, как один из обязательных учебников по изучению российской истории для старшей школы. Строгих рекомендаций в отношении вузовских учебников на сегодняшний день еще не выработано, однако, в учебном процессе весьма популярным и востребованным как среди преподавателей, так и среди студентов является учебник коллектива авторов под редакцией А. С. Орлова. В качестве достоинств данной учебной литературы хотелось бы отметить, что оба издания написаны простым понятным языком, содержат знаковые иллюстрации, что позволяет подкреплять текстовый материал визуальными образами, выдержки из исторических источников (правда, в вузовском издании они вкраплены в текст в виде небольших цитат) и исторические карты. Отличием данной литературы является то, что вузовский учебник содержит в себе стройную систему взглядов с оценочными суждениями и характеристиками, полноценными вступлениями к разделам и обобщающими выводами. Школьный же учебник построен на стремлении авторов представить имеющийся фактический материал, предоставив школьнику определенную свободу в его интерпретации, поэтому здесь отсутствуют привычные выводы, но отдельные элементы рассуждений помещены в контекст изложения материала.

Проанализируем оценочные характеристики и контекст упоминания российских спецслужб XX в. в учебной литературе. Из трех частей школьного учебника по XX в. спецслужбы упоминаются в основном в первой части, причем термины «ВЧК», «ЧК» и «чекисты» встречается 13 раз, ОГПУ, ГПУ – 6 раз, НКВД – 7 раз. Большая часть подобных отсылок имеет информационный характер, однако, отдельные оценочные суждения, имеющиеся в тексте, формируют общее представление о деятельности этих органов. В учебнике заявлен целый раздел «Создание новой армии и спецслужбы» [3, С. 46–48], что является большой редкостью для такого вида изданий. Но имеющийся материал дан-

ного раздела большей частью посвящен созданию военных структур, и всего лишь два предложения повествуют о формировании ВЧК. Стоит отметить, что авторы учебника постарались дать вполне сбалансированную характеристику деятельности ВЧК: «Основными направлениями деятельности чекистов стали пресечение любых действий контрреволюции, предание суду ревтрибунала всех саботажников и контрреволюционеров, выработка мер борьбы с ними» [3, С. 48]. Подобная цитата формирует правильное представление школьников о целях, направлениях работы и функциях этого государственного органа.

Далее авторы попытались показать суровые будни чекистов на примере биографии Ф. Э. Дзержинского, их неоднозначную роль в левозэсеровском мятеже 1918 г. [3, С. 60]. Сбалансированность присутствует и в оценочных суждениях: репрессивно-террористический аппарат показан не только со стороны власти большевиков, но и со стороны правительств Белого движения, что позволяет увидеть сам контекст эпохи, рост насилия и использование как красного, так и белого террора, как средства устрашения населения [3, С. 64]. В некоторых местах авторы все же отступают от своей беспристрастности и приводят не вполне корректные суждения. Так, объясняя начало красного террора в сентябре 1918 г., они упоминают, что «в ответ на покушение на Ленина Петроградская ЧК расстреляла, по официальным сообщениям, 500 заложников» [3, С. 65]. Представленная таким образом фраза изображает события как месть, не обусловленную правовым полем, в отношении невиновных (в представлении читателя таковыми выступают заложники). Пытаясь понять происхождение этого устойчивого утверждения (которое, оговоримся, часто встречается в учебной литературе) обратимся к «Еженедельнику чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» [5]. В нем опубликованы обращения, статьи, воззвания, отражающие цели и задачи деятельности спецслужб, помимо всего прочего публикуется поименный список лиц, осужденных за контрреволюционные действия, с указанием вины и вынесенного приговора. Из представленной информации в «Еженедельнике» трудно сделать вывод и о невиновности осужденных и причислить их к категории невинных заложников. В таком же ракурсе изображена деятельность органов НКВД, тесно связанная с репрессивной политикой государства, созданием «троек» и вынесением смертных приговоров. НКВД со страниц учебника воспринимается как аппарат насилия, призванный в условиях «авторитарного режима руководства» [3, С. 144–145] устрашать население. Несмотря на все попытки сохранить беспристрастность и дать возможность самому читателю сделать необходимый вывод, авторы школьного учебника используют вполне определенную терминологию и строят предложения таким способом, что невольно складывается устойчивая ассоциация в отношении спецслужб, как

террористических органов, направленных на устрашение населения, а не на выполнение важных государственных задач по сохранности целостности территории и благополучия ее жителей.

Вузовский учебник под редакцией А. С. Орлова значительно больше по объему и включает в себя всю историю России, а не только XX век. Здесь ВЧК упоминается 6 раз, ОГПУ – 2 раза, КГБ – 2 раза, МГБ – 2 раза, причем только в 2 из 12 упоминаний они имеют нейтральный оттенок. В первом случае – констатируется факт создания ВЧК, во втором – ОГПУ. Коннотация используемого в тексте учебника термина однозначно отсылает к негативным оценочным характеристикам: «Она [ВЧК] получила неограниченные полномочия от ареста и следствия до вынесения приговора и его исполнения» [4, С. 466]. Не указываются конкретные функции этого органа, связанные с защитой интересов молодого государства, не конкретизируется, в чем состояла борьба с контрреволюцией и саботажем. Здесь неплохо было бы показать, что эта работа приводила к предотвращению спекуляции продовольственными продуктами и предупреждению дестабилизации политического режима. На страницах учебника деятельность ВЧК однозначно связывается с «произволом» и «разгулом террора» [4, С. 474]. Это создает крайне негативный образ спецслужб и ее кадров, что подтверждается результатами соцопроса, в которых руководитель данной организации «ассоциируется с «кровавым режимом», виновным в трагедии миллионов жертв политических репрессий» [1, С. 395].

Важным для трансформации социально-культурной инфраструктуры памяти о событии, явлении или человеке является нарратив, причем немаловажную роль в этом играет конкуренция нарративов. Нарратив представляет собой сюжетное повествование, описывающее цепь (предположительно) причинно-связанных исторических событий [7, С. 17]. Учебный текст в данном случае рассматривается как нарратив, отвечающий за формирование исторической памяти. С этой точки зрения, логические построения текста в учебнике приводят читателей к однозначному выводу о негативных последствиях деятельности ВЧК. Например: «Крестьяне, возмущенные действиями продотрядов, перестали не только сдавать хлеб по продразверстке, но и поднялись на вооруженную борьбу... На подавление этих выступлений были брошены части Красной Армии и ВЧК» [4, С. 483]. Из данной цепочки причинно-следственных связей напрашивается вывод: ВЧК выступало карательным органом в отношении крестьян, задавленных тяготами продразверстки.

Дальнейшие преобразования в сфере политики госбезопасности в учебной литературе представлены также с подтекстом негативного отношения к деятельности спецслужб. Функции ГПУ, созданного на базе ВЧК, авторы учебника свели к тому, что оно «следило за настроением всех слоев общества, выявляло инакомыслящих, отправляло их в тюрьмы и концлагеря» [4, С. 486]. К сожалению

нию, предназначение спецслужб никоим образом не соотносится с необходимостью борьбы с серьезной агентурной сетью иностранных государств, развернувших внутри СССР широкую подрывную деятельность, направленную на свержение власти и проведение на территории страны диверсий, террористических актов и шпионажа [6, С. 116]. Однозначно относя данные органы к аппарату насилия, в восприятие спецслужб историки вкладывают исключительно негативный подтекст, из-за чего сами попадают в ловушку, развивая мысли о применении этих служб в отношении расстрелов и организации показательных судебных процессов невиновных [4, С. 486]. Отрицательное отношение вызывает упоминание ОГПУ в вопросе создания колхозов, где оно, наряду с местными партийными организациями и двадцатипяти тысячами, «переходя от уговоров к угрозам», убеждало вступать в колхозы [4, С. 499]. Как мы видим, авторы вузовского учебника оказались более свободны в оценочных суждениях, сказавшись и содержательный замысел учебника, ориентированный на критическое отношение к советской истории, что в итоге привело к устойчивым ассоциациям спецслужб с репрессиями и насилием.

Результаты исследования. Представленный анализ учебной литературы демонстрирует, что у подрастающего поколения формируется вполне определенное представление о деятельности спецслужб и тех органов власти, которые выступают их преемниками на современном этапе, как о репрессивных органах, направленных на подавление выступлений и запугивание граждан. К сожалению, в изданиях подобного рода отсутствует акцент на важных и крайне необходимых для государства функциях спецслужб, связанных с защитой государственных интересов и благосостояния ее жителей. В качестве гонимых и жертв выступают задавленные налогами крестьяне и армия заложников, а не спекулянты, бандиты, шпионы, диверсанты и иные преступники, разрушающие государственную целостность и стабильность, наносящие непоправимый вред тем же крестьянам и простым обывателям. Отдельные случаи превышения полномочий и нарушений становятся на страницах учебника нормой в деятельности спецслужб. Подобный подход, к сожалению, не формирует у подрастающего поколения, молодежи сбалансированного оценочного суждения, способного оценить значимость спецслужб с точки зрения национально-государственных интересов.

Список источников и литературы:

1. Булыгин А. С., Сташнева М. А. Формирование образа отечественных органов государственной безопасности в общественном сознании: символический потенциал мемориальных объектов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 4. С. 389–401.

2. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.
3. История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 3 ч. / [М. М. Горинов, А. А. Данилов, М. Ю. Морухов и др.]; под ред. А. В. Торкунова. Ч. 1. М.: Просвещение, 2016. 175 с.
4. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. 2-е изд., перераб и доп. М.: Проспект, 2016. 680 с.
5. Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 5. 32 с.
6. Леонидов В. Роль органов ВЧК–ОГПУ в укреплении новой государственности в Сибири // Щит и меч Омского Прииртышья. Омск: типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2018. 420 с.
7. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 6–22.

Для цитирования: Мамонтова М. А. Проблема формирования представлений о деятельности отечественных спецслужб на страницах учебной литературы // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 145–150.

Дата поступления статьи: 12.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 14.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Мамонтова М. А., 2022

БОРИС ПАНТЕЛЕЙМОНОВ И ГРУ: ТАЙНА ФАКТОВ И ДОКУМЕНТОВ

Ирина Алексеевна Махнанова¹

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

¹ mi_omsk@mail.ru

Аннотация: В статье на основе опубликованных и вновь вводимых в оборот источников анализируется гипотеза о возможной службе или деятельности в интересах разведывательных органов СССР Бориса Григорьевича Пантелеймонова (1888–1950), уроженца Омской области, химика, писателя, завершившего свой жизненный путь в эмиграции, до последних дней стремившегося вернуться на родину. Сбор, сопоставление и анализ информации по заявленному вопросу позволяет сделать вывод о необходимости продолжения исследований, приглашения к дискуссии специалистов, научных консультантов по истории спецслужб.

Ключевые слова: ГРУ, Б. Г. Пантелеймонов, О. В. Пеньковский, писатели, химики, спецслужбы, внешняя разведка, Ближний Восток, Иран, агентура, резидентура, нелегалы.

Постановка проблемы. Найти документальное подтверждение работы Бориса Григорьевича Пантелеймонова на советскую разведку – запланированная сверхзадача обзорной публикации. Обнаруженные источники побуждают увереннее двигаться в этом направлении. Многие годы, сопоставляя документы, выявленные в фондах различных архивных учреждений, появлялись предположения, связанные с агентурным сотрудничеством или службой Б. Г. Пантелеймонова в органах советской разведки.

Основная часть. Очередная недавняя «находка», возможно, наиболее значимая, обнаружена в «приоткрытом» для незарегистрированных читателей источнике. При внимательном изучении, соотнося временные и географические сведения, отмечаются важные совпадения. Остается дело за малым – «медленное чтение» и перевод. Рассказывая о своей работе, Олег Пеньковский – печально знаменитый и противоречиво оцениваемый деятель советской разведки – вспоминал предшественника Пантелеймонова, работавшего в конце 1930-х гг. на Ближнем Востоке. Так, в «Trouble in Moscow and abroad» («The Penkovskiy papers») – бумагах Пеньковского единственное упоминание совпадает с периодом в искомой биографии – 1930-е гг., когда Б. Г. Пантелеймонов работал на Ближнем Востоке (Палестина, Ливан): «In connection with this problem, the GRU resident in Iran Panteleymonov, was summoned to Moscow to receive some instructions» [1, С. 368].

Предположение о работе нашего земляка на советскую разведку обрело весомый аргумент. Полагаем, что именно с этой деятельностью связана семей-

ная легенда, сохраняемая среди потомков. Родные Пантелеймонова знали, что Борис служит за границей, «без права переписки». А легенда о «невозвращенце» из страны Советов создавала удобное «прикрытие». С какого года началось взаимодействие со спецслужбами, ещё предстоит выяснить.

К слову о Пеньковском, тщательно исследуя его биографию, обратимся к книгам ветерана советской контрразведки А. Б. Максимова. «Главная тайна ГРУ», одно из последних мемуарных исследований о жизненном пути этого разведчика-агента-шпиона имеет подзаголовок: «“Дело Пеньковского” – герой, а не предатель!» В другом издании – «Тайная сторона дела Пеньковского. Не признанная победа России» автор также рассказал о полученной в 1999 году папке с рукописью и закодированном смысле человеческой трагедии. [2; 3].

По названию рукописи – «Жизнь после смерти» – озаглавлено послесловие автора. Две цитаты из выводов. «У Олега Владимировича вся его жизнь имеет этапы: когда он был самим собой – до войны, в войну и после нее в ГРУ за рубежом и в Москве под “крышей”. В ГРУ – две жизни одновременно. Затем: три жизни в лице сотрудника ГРУ, ГК КНИР и “агента” западных спецслужб. Наконец, жизнь “после расстрела”, который для всех его знавших, унес понятие “Пеньковский”, как Гражданина и Профессионала, добавив к понятию “Человек” зловещее “Предатель” – существо, которому уготован самый худший из кругов в аду» [2, С. 157–158].

И далее, предпоследний абзац книги, проникновенный и автобиографичный. «Возникает вопрос: почему именно мне хотелось, чтобы Пеньковский не был предателем? Эдакая навязчивая идея?! Возможно, потому что и мне была уготована подобная судьба — изгоя в своей стране, если бы операция «Турнир» с моим «предательством» была доведена до логического конца! И тогда автору пришлось взойти на «голгофу» суда, общественного презрения и... исчезнуть!» [2, С. 158].

Однажды «исчезнуть» пришлось и Б. Г. Пантелеймонову, в 1935 г. Тогда он работал в Ливане химиком в бейрутской компании Леви по окрашиванию тканей. Это обстоятельство и ближневосточный период жизни нашего земляка всё ещё остаётся наименее изученным. Показное «самоубийство» – вполне «объяснимый» поступок, чтобы начать новую жизнь во французской столице. Об этом событии написали все бейрутские газеты и советский сборник «День мира» в разделе «Беспокойный день Сирии», изданный в 1937 г. под редакцией А. М. Горького [4, С. 347].

Судьба нашего земляка, связанная с работой в спецслужбах, остается малоизученной, но различные источники и архивные документы содержат указания на его причастность к особой деятельности, требующей специальных знаний. Так, при подготовке к изданию трехтомного собрания сочинений Бориса Григорьевича во вступительной статье сделано лишь осторожное предположение, касающееся заявленной темы. Отмечены масштабные задачи, которые ставились Пантелеймоновым в химической промышленности, и успешное выполнение которых влияло на дальнейшее развитие других отраслей советской экономики (медицинской, пищевой, стекольной, строительной, металлургической,

оборонной и др.). Как побывавший в заключении, Борис Григорьевич, без сомнения, находился «под присмотром» компетентных органов, в то же время как специалист он сумел получить неограниченную свободу передвижения и применения своих профессиональных знаний, востребованных в СССР [5, С. 18].

Появилось и другое подтверждение, связанное с обстановкой в Париже, отчасти «враждебной» по отношению к химику Пантелеймонову, где он занимался как профессиональной деятельностью, так и взаимодействовал по творческим вопросам с бывшими соотечественниками, дружил с известными писателями А. М. Ремизовым, И. А. Буниным, Н. А. Тэффи. Русская «диаспора за рубежом периодически пополнялась за счет относительно немногочисленных “невозвращенцев” – сотрудников советских внешнеторговых и дипломатических представительств, в числе которых, можно было встретить партийных работников высшего звена или органов разведки» [6, С. 9].

За годы изучения в биографии нашего земляка открыты отдельные страницы документов, сохраняемых в столичных архивохранилищах. Из хронологии фактов выстраиваются определенные повороты судьбы.

1) Жизнеописание. Возраст – 31 год, уроженец Тобольской губернии. Образование получил в Красноуфимском промышленном училище. Член Всероссийского Союза (ныне – Ассоциации) инженеров.

Научная деятельность: Два года состоял ответственным редактором журнала «Мыловаренное дело и технологическое производство». Автор «Справочной книги мыловара», сотрудник «Зайфензидерцайтунг» в Аугсбурге (Германия). Печатные труды во многих русских химических изданиях. Автор разработки производства сахара по Фальбергу и осуществление этого проекта на заводе Фармак (оборудование до 6 млн. руб.). В Центральный комитет по жировой промышленности представлен доклад (напечатанный по постановлению комиссии) о глиняных суррогатах мыл с точки зрения дисперсионной химии.

Практический стаж: На военной службе (по мобилизации): член Химической команды при штабе 9-й Армии. Служба в Химическом комитете при Главном Артиллерийском Управлении. Старший помощник начальника Центрального склада удушливых средств при Главном Артиллерийском Управлении (проект постройки склада). Директор химических заводов в Москве. Технический консультант Центротекстиля. Председатель технической консультации при Союзе Военно-увечных. (автограф, сентябрь 1919) [7, Л. 2].

2) Из представления в мобилизационный отдел Военного комиссариата города Москвы в октябре: «В Народном Комиссариате путей сообщения он находится в прикомандировании от военного ведомства в качестве химика, заведывающим отделением, ведущим неотложным снабжением железных дорог химическими продуктами, требующимися в случаях взрыва мостов, а также – вопросами по восстановлению разрушенного телеграфа и пр., почему присутствие его в качестве сотрудника НКПС представляется совершенно необходимым, как об этом и докладывалось в своё время начальнику Всероссийского главного штаба, отношением Хоз.-Матер. Управления НКПС от 8 с.м. за № 57081» [7, Л. 8].

3) В феврале 1921 года в ведомственной переписке указывается, что «со стороны Хозяйственно-материального Управления НКПС не встречается препятствий к переходу в Москвохим инженера для поручений бывшего II-го отдела Б. Г. Пантелеймонова» [7, Л. 16].

4) В 1923–1925 гг. по поручению АО «Мельстрой» строил хлормагниевые заводы в Крыму. В 1925 г. издал отдельной брошюрой обстоятельный отчёт по итогам успешной командировки, обосновал перспективы применения солей магния, что имело значение для отраслей промышленности страны Советов [8].

5) Опубликовал очерк об использовании и экономическом освоении соляных озёр, необходимости развития рапного производства, значении для народного хозяйства в масштабах государства [9].

6) Цитата из рукописного дневника 1942 г.; полагаем, как дополнительный аргумент автора, адресованный непосвящённому «читателю», чтобы закрепить необходимый для легенды-прикрытия «статус» «невозвращенца», отсылает нас к событиям 1929 г., когда Пантелеймонов «выбрал» следующим местом своего пребывания «Палестинскую поташную компанию». «В Париже просочился слух, что В. Н. Ипатьев скончался в Америке. Вспомнил роковое для меня свидание с ним в Берлине. Обуреваемый сомнениями пошел я к В. Н. в гостиницу посоветоваться, – ехать ли мне на Мертвое море, куда был приглашен или нет. В Посольстве сказали мне категорически нет. В. Н. вышел из себя и решительно сказал – конечно, поезжайте... Так решилась моя судьба. Если бы я знал тогда, что он-то сам решил уже не возвращаться – я не обратился бы к нему за советом. И, по-моему, он не имел морального права давать мне такой совет, скрыть от меня это. Ну, бог с ним» [10, Л. 64].

7) Из копии письма Генеральному консулу СССР Н. П. Емельянову 3 октября 1946 г.: «Многоуважаемый Николай Петрович. Вчера был у Вас с личным докладом для обсуждения моей поездки на пароходе, отходящим 10 октября. Вы ещё раз указали мне, что поездка на этом пароходе, ввиду необходимости ликвидации моего дела, являлась бы неблагоприятной. Но в тот же день я получил официальное письмо из Консульства, где меня “вторично” извещают, что необходимо быть готовым к отъезду 10-го.

Заявляю Вам, что первого заявления я не получил, а вообще готов бросить всё, чтоб немедленно поехать в СССР. Если присланная повестка вызвана недоразумением, то прошу принять меры, чтоб французские власти не были поставлены о моем отъезде 10 окт. Такое извещение могло бы иметь последствия для ликвидации дела. С приветом (автограф)» [10, Л. 1].

Результаты исследования. Более 20 лет назад, начиная изучение малоизвестной биографии нашего земляка, мы не могли и полагать, что выявленные впоследствии отдельные эпизоды приведут к выдвигению аккуратного предположения о взаимодействии героя с советской разведкой. На сегодняшний день детализированы лишь отдельные факты, на основе которых, сделаны выводы о возможной причастности талантливого инженера-химика и писателя Бориса Григорьевича Пантелеймонова к деятельности, связанной со сбором сведений в интересах советских спецслужб. Поиск продолжается и данной пуб-

ликацией мы призываем коллег-исследователей к заочной дискуссии и дальнейшему развитию заявленного вопроса.

Список источников и литературы:

1. Penkovskiy O. V. The Penkovskiy papers. N.Y.: Doubleday, 1965. 411 p. URL: <https://archive.org/> (дата обращения: 13.09.2022).
2. Максимов А. Б. Главная тайна ГРУ. М.: Яуза; Эксмо, 2012. 351 с.
3. Максимов А. Б. Тайная сторона дела Пеньковского. Непризнанная победа России. М.: Вече, 2013. 332 с. URL: https://docs.google.com/gview?url=https://www.phantastike.com/other/taynaya_storona/doc/ (дата обращения: 13.09.2022).
4. День мира / под ред. М. Горького. М.: Журн.-газ. объедине, 1937. 567 с.
5. Махнанова И. А. Борис Пантелеймонов: судьба и творчество / Пантелеймонов Б. Г. Собр. соч.: В 3 т. Омск, 2014. Т. 1: Рассказы, повесть «Маклаево братство» / Сост., вступ. ст., коммент. И. А. Махнановой, В. И. Селюка, предисл. Н. Н. Мисюрова. 464 с.
6. Дороченков А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 218 с.
7. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 25. Д. 963.
8. Пантелеймонов Б. Г. Магниево-солевые соли из Сакского озера и промышленное применение солей магния. М.: Мельстрой, 1925. 126 с.
9. Пантелеймонов Б. Г. Использование соляных озер (рапные производства) // Наши достижения. 1929. № 2. С. 128–135.
10. Архив РАН. Ф. РV. Оп. 3-п. Д. 6.

Для цитирования: Махнанова И. А. Борис Пантелеймонов и ГРУ: тайна фактов и документов // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 151–155.

Дата поступления статьи: 13.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Махнанова И. А., 2022

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ СОВЕТСКИХ СИЛОВЫХ СТРУКТУР В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1928–1930)

Ольга Алексеевна Озерова¹

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия
¹ 55oz@bk.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4532–8377

Аннотация: Автор рассматривает в статье отношение служб НКВД и ОГПУ к событиям, проходившим в 1928–1930 гг. в Западной Сибири. Ранее существовало мнение, что силовые органы являлись инициаторами в проведении карательных операций в период кампаний по хлебозаготовкам, раскулачиванию, насильственной коллективизации. Автор указывает, что ВКП(б) в конце 1920-х гг., практически подчинила все органы государственной власти, в том числе – НКВД и ОГПУ. Новизна в том, что под командованием ЦК ВКП(б) партии службы НКВД и ОГПУ были втянуты в непопулярные в народе кампании. Они, выполняя решения партийных органов, зачастую использовали силовые методы в отношении крестьян. При написании статьи автором использованы источники из архивов УФСБ России по Омской области, Новосибирска, Омска, Томска и прессу.

Ключевые слова: сталинизм, спецслужбы, советское общество, крестьянство, коллективизация, репрессии, хлебозаготовка, конфискация.

Постановка проблемы. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Западной Сибири, как и по всей стране, начались кардинальные изменения в социальной и внутриполитической жизни граждан страны Советов. Внутри и самой партии также шла борьба с «левым» и правым уклонами. Инициатором перестройки выступил Политбюро ЦК ВКП(б) во главе секретарем И. В. Сталиным. В нее входили кампании: по хлебозаготовкам, по раскулачиванию и строительству колхозов на базе сплошной коллективизации. Тогда немалую роль играла и международная обстановка. СССР находился в окружении недружественных капиталистических стран. Для того чтобы противостоять капиталистическому сообществу СССР должен был в короткие сроки поднять экономику и усилить боеспособность РККА. Главным мерилom и ценностью в те годы был – хлеб.

Основная часть. В 1927 г. европейскую часть страны Советов постигла необычная засуха. Урожай зерновых оказались низкими. На страну медленно, но уверенно надвигался голод. В Сибири урожаи оказались средними. Взоры Политбюро ЦК ВКП(б) обратились к Сибири и особенно к Западной, так как она была более хлебобобовой, чем Восточная. Для пополнения государственных запасов зерна государство должно было закупить зерно у крестьян. Но правительство на тот период испытывало острый дефицит денежных средств. Большая часть доходов страны шла на строительство, реконструкцию фабрик, заводов и обороноспособность страны.

В этот период советское правительство решает пополнить государственные запасы хлеба при помощи закупки зерна у населения по низким ценам. В

ответ крестьяне повсеместно отказались продавать зерно за бесценок. Хлеб у крестьян начинают скупать спекулянты по более высоким ценам и вывозить его на городские рынки. Возник «черный рынок». В первую очередь спекулянты скупали зерно у бедняков и середняков, так как они практически других доходов не имели. Зажиточные крестьяне вели свою политику. Они вообще не вступали в торговлю ни с государством, ни спекулянтами. Зная законы хлебного рынка, они решили дожидаться весны и выставить свои запасы хлеба по еще более высоким ценам. Рынок был разбалансирован. Секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин сказал: «Создалось «оригинальное положение: хлеба много в стране, а заготовки хлеба падают, создавая угрозу голода в городах и в Красной Армии». В стране назревал хлебный кризис. Чтобы не допустить голодных бунтов в городе ЦК ВКП(б) не нашел других способов решить хлебную проблему кроме как объявить в стране «чрезвычайные меры». На основании их крестьяне были обязаны продавать зерно государству по низким ценам. Крестьяне по социальной прослойке делились: на кулаков (зажиточных), середняков, бедняков, батраков. При отказах продавать хлеб по низким ценам власти применяли чрезвычайные меры. Например, у кулаков конфисковали зерно и применяли судебные санкции на основании уголовной статьи 58 УК РСФСР. Для большего нагнетания в обществе обстановки нетерпимости к зажиточным крестьянам ЦК ВКП(б) объявил кулаков классовыми врагами. Началось «наступление на кулаков». И. В. Сталин говорил: «Наступать на кулачество – это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс... Наступать на кулачество – это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги» [1, С. 167–168].

Зажиточные крестьяне стали оказывать сопротивление. В некоторых округах Западной Сибири ими были убиты: председатели и члены сельсоветов, председатели колхозов, милиционеры, коммунисты, комсомольцы и активисты, участвующие в хлебозаготовительной кампании. О состоянии сложившейся тревожной обстановки в Западной Сибири можно определить по справке информационного отдела ОГПУ за подписью начальника информационного отдела ОГПУ Алексеева и начальника 7-го отделения Визеля от 17 февраля 1929 г. В ней указывалось, что в поселке Осичное Верхне-Чулымского района Новосибирского округа собралась толпа вооруженная кольями и топорами. «Из толпы были выкрики: «Советская власть хочет заморить голодом». «Нужно вытащить уполномоченного и РИКа (райисполкома – авт.) и разорвать его». В этом же документе говорилось: «В Барнаульском округе в 3-х районах имели [место] шесть массовых выступлений толпой в 300-500 человек. Принятыми мерами арестовано 6 человек организаторов». В селе Михайловке в Бийском округе 11 апреля 1929 г. вспыхнуло массовое волнение. В донесении на имя полномочного представителя ОГПУ по Сибири Л. М. Заковского говорилось: «Толпа женщин и мужчин в 500 человек требовала прекращения описи имущества и хлебозаготовок. Из толпы были слышны выкрики «Долой насилие!». Вызванный наряд милиции арестовал 6 человек» [2, С. 606–608].

В другом донесении указывалось, что в селе Тула Бийского округа была обнаружена листовка, призывающая бороться «с коммунистической сворой» [3, Л. 132]. В Омске распространялись листовки антипартийного содержания: «...Хозяева пролетариата имеют все удовольствия, как например, пианино, мотоциклет, хорошие пальто и несколько сот рублей, если крестьянин имеет две лошади – он кулак. Братцы, где же правда!» [4]. В Саргатском и Тюкалинском районах Омского округа ходили листовки «Власть советская и коммунисты проклятые грабежом все заняты. Тянут шкуры с мужиков. Вот так власть, вот так свобода!» [5].

Советская власть стала привлекать на борьбу с кулаками сотрудников милиции и ОГПУ. Силовики в сельской местности создавали информационные сети из доносчиков (в основном из бедняков и батраков). В среду информаторов попадали люди с нечистой совестью, зачастую завистливые. Многие из них чисто по злому умыслу или зависти, клеветали на односельчан. Информаторов использовали в поиске потаенных мест, в которых кулаки прятали хлеб. Вместе с тем информаторы вели наблюдения за политической обстановкой в своих селах и деревнях. О своих подозрениях они сообщали в сельсоветы, милицию или ОГПУ. Сибкрайком ВКП(б) дал указание по формированию сети информаторов. Так, на основании указаний в Томском округе на заседание партийного актива была принята резолюция следующего содержания: «Установить тесную связь с бедняцким и батрацким активом деревень и сел на предмет получения от них необходимых сведений о кулачестве. Соблюдать строгую конспирацию с заявителями давшие сведения. Привлекать в осведомителей из числа бедняков и батраков» [6, Л. 11–12].

Из доносов о политических настроениях по районам собирались общие справки, которые отправлялись в окружные управления ОГПУ. Из окружных управлений сведения направлялись в Новосибирск. В результате формировалась общая справка о деятельности кулаков и политических настроениях в обществе в Западной Сибири. В сводке омских чекистов, отправленной в Новосибирск сообщалось, что образовавшая оппозиционная группа коммунистов распространила обращение к партийным ячейкам Любинского района, в котором указала, что ленинская партия стала превращаться в сталинскую. Группа обратилась к коммунистам с призывом, чтобы они «с полным хладнокровием и величайшей честностью принялись изучать сущность разногласий в партии» [7, Л. 100].

Кроме информаторов РОВД и ОГПУ, райкомы ВКП(б) создавали свои сети доносчиков, которые следили за членами ВКП(б). Идеологические отделы райкомов ВКП(б) интересовало отношение членов партии к проводимой генеральной линии. На основании доносов коммунистов выступающих против мероприятий ЦК ВКП(б) бюро райкомов партии накладывали на них партийные взыскания, исключали из партии. В 1929 г., Бийский окружком ВКП(б) в политической сводке № 18 отправленной в Сибкрайком ВКП(б), указал, что секретарь Воеводской сельской ячейки выступает против линии Сибкрайкома партии в отношении хлебозаготовок. Он на батрацком собрании говорил: «Батрак не должен говорить, где у кулака спрятано зерно. Если он скажет, то кулак выгонит его, а он останется без куска хлеба» [8, Л. 60–72].

В апреле 1929 г., секретарь Томского окружкома ВКП(б) В. Л. Букатый отдал секретное распоряжение райкомам партии: «Тщательно наблюдать за настроениями на селе, реагировать на них, учитывать попытки кулачества организовать массовые выступления» [9, Л. 8об.]. Саргатский райком партии (Омский округ) 7 июля 1930 г., поручил бюро райкома «Дать жесткие указания ячейкам партии и сельсоветам на предмет усиления охраны особенно по колхозному сектору для предупреждения поджогов, грабежей» [10, Л. 50].

В уголовном деле в отношении Халикова Шарофея Багаутдиновича указывается, что он в годы Гражданской войны доносил белым о партизанах и сочувствующих советской власти, выступал против коллективизации, запугивал односельчан, что скоро «начнется война», «в коллективах (колхозах) «жить плохо», «коммунисты забирают имущество». Постановлением Особой тройки ПП ОГПУ Западно–Сибирского края от 28 апреля 1930 г. Халиков был признан виновным по статье 59-10 УК РСФСР и выслан на жительство в Туруханский край [11].

Под пристальным вниманием спецслужб были тогда анархисты. В обзоре ПП ОГПУ по Сибирскому краю с 1 октября 1929 г. по 1 апреля 1930 г. о деятельности анархистов указывалось: «Кампания по коллективизации сельского хозяйства, а также раскулачивание и ликвидация кулачества как класса, на основе сплошной коллективизации расценивалась большинством анархистов, как сплошное насилие над крестьянством. Суть всех суждений и обсуждений сводилась к тому, что «крестьян загоняют в колхозы дубьем», «крестьян загоняют в колхозы палкой», «загоняют в колхозы крестьян большими налогами», «коллективизация и коммуны – дело гиблое». «С ликвидацией кулачества как класса и сплошной коллективизацией перегнули» [12, Л. 2об.]. А летом 1930 г., омские чекисты начали разработку «Рабочей оппозиции» в Омском отделении железной дороги. Сотрудники ОГПУ установили, что «Рабочая оппозиция» имела разветвленную сеть не только на железной дороге, но и на предприятиях Омска, а также в других городах Западной Сибири. ОГПУ выяснило, что члены «Рабочей оппозиции» работают на заводе «Красный пахарь» в Омске. А. Симонов, П. Бухоновский, И. Мочин, сообщили, что оппозиционером И. Пономаревым в кузнеце на станции железной дороги в Исилькуле 14 октября 1930 г., сказано: «Агенты гепеу...подлецы и жулики... я в Москву к Сталину не поеду, он тоже подлец и жулик» [13, Л. 401об.]. На V–й сибирской краевой конференции ВКП(б) уполномоченный ОГПУ по Сибирскому краю Л. М. Заковский сказал: «Мы допустили перегибы, ударили по нашим союзникам, поэтому не приходится удивляться, что на некоторых участках этого анти-советского контрреволюционного фронта кулак имел и мог пользоваться успехом, спровоцировав отдельные части населения» [14, С. 350].

Результаты исследования. В 1928–1930 гг., в СССР еще были контрреволюционные силы. Подстрекаемые Западом они ждали удобного момента к выступлению. Этот случай им представился в 1927 г., когда выдалось засушливое лето. Урожай зерновых был ниже обычного. В стране зрел хлебный кризис. Для решения проблемы ЦК ВКП(б) объявил в 1928 г. в стране чрезвычайные меры. За ними последовали раскулачивание и построение колхозов методом сплошной

коллективизации. Насильственные методы вызвали всеобщее недовольство крестьянских масс. Они взывали к саботажу, порче колхозного имущества, убийствам коммунистов, комсомольцев, активистов, участвующих в хлебозаготовках и раскулачивании. В ряде округов Западной Сибири прошли волнения хлеборобов, близкие к мятежам. В 1930 г., в Барабинском округе вспыхнул крупный бунт, охвативший 28 деревень, получивший название Муромцевское восстание. На подавление этих волнений Барабинский окружком партии с санкции Сибкрайкома ВКП(б) направил вооруженные отряды НКВД и ОГПУ. Восстание жестоко подавили. Так, подчиняясь дисциплине партии и выполняя решения ЦК ВКП(б) в 1928–1930 гг., органы НКВД и ОГПУ проводили карательные операции против недовольных крестьян. После завершения строительства колхозов и истребления кулаков, как класса, в конце 1930-х гг. ЦК ВКП(б) обвинит во всех грехах силовиков. Эти обвинения остаются еще и до наших дней.

Список источников и литературы:

1. Сталин И. В. Сочинения. В 13 т. Т.12. М. 1949. 406 с.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. Т.1. М. 1999. 877 с.
3. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 114.
4. Огородникова Л. «Дело не христианское...» // Омская правда. 1994. 15 апр. С. 2.
5. Самосудов В. М. «Хроническое головокружение» // Омский вестник. 1995. 2 марта. С.5.
6. Государственный архив Томской области. Ф. Р-195. Оп.1. Д. 656.
7. Архив УФСБ России по Омской области. Открытый фонд. Д. 168.
8. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 292.
9. ГИАОО. Ф. П-76. Оп. 1. Д. 908.
10. ГИАОО. Ф. П-5021. Оп. 1 Д. 1.
11. Архив УФСБ России по Омской области. Д. П-8166.
12. Архив УФСБ России по Омской области. Открытый фонд. Д. 184.
13. ГИАОО. Ф. П-1639. Оп. 1. Д. 1.
14. V Сибирская краевая партийная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Новосибирск. 1930. 750 с.

Для цитирования: Озерова О. А. К вопросу о работе советских силовых структур в Западной Сибири (1928–1930) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 156–160.

Дата поступления статьи: 13.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 13.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Озерова О. А., 2022

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАБОТЫ С КАДРАМИ В НКВД–МГБ СССР В 1945–1950 ГГ.

Сергей Александрович Олейник¹

¹ НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ, Москва, Россия

² Международный юридический институт, Москва, Россия

^{1,2} oleynik.s.a@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6556–3933

Аннотация: Анализ обстановки в ходе проведения Специальной военной операции в Украине актуализируют важность и необходимость исследования и опубликования для возможности ознакомления широкого круга читателей рассекреченных архивных материалов по организации работы в структурах государственной и общественной безопасности СССР. Подчеркнем, что именно кадровый состав этих структур и в настоящее время является субъектом выполнения поставленных задач борьбы с современным фашизмом. Изучение организации работы ведомства, особенности кадрового реагирования на ошибки и просчеты работников того периода времени помогут сегодня не допустить их повторения сегодня.

Ключевые слова: офицерские кадры; дисциплина; спецслужбы, сталинизм, НКВД, МГБ.

Постановка проблемы. Проведение Специальной военной операции в признанных республиках Новороссии и в Украине актуализируют необходимость изыскания и опубликования ранее не доступных широким слоям населения, рассекреченных архивных данных, направленных на подтверждение твердой, нацеленной по улучшение жизни личности и общества государственной политики, проводимой Советским правительством во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Предлагаемой к рассмотрению проблематикой уже достаточно плотно занимались многие видные исследователи [1; 2], в том числе, и на ведомственном уровне [3; 4]. Вместе с тем, изучение многих вопросов, если взять во внимание процедуру рассекречивания архивных материалов, все еще продолжает оставаться актуальным.

Следует заметить, что во главу угла при организации деятельности каждого государственного органа, организовывавшегося как ранее, так и в настоящее время, непременно ставились кадры – люди, решениями которых и была организована работа того и или иного ведомства, о чем мы уже говорили ранее [5, С. 21–26].

Основная часть. Как справедливо указывал в своем выступлении доктор исторических наук, профессор А. М. Плеханов на проводившейся в Омске 23 ноября 2017 г. конференции «Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов», после окончания Гражданской войны в нашей

стране подбор кадров для структур государственной и общественной безопасности находился во главе угла и являлся приоритетной задачей органов власти. При этом основными критериями кадрового отбора являлись такие категории, как честность, верность долгу, порядочность [6].

Как нами уже установлено, рассматриваемый период в деятельности войсковых структур общественной безопасности характеризовался высоким уровнем потребности в повышении профессиональных и деловых качеств работников НКВД–МГБ СССР, повышения к ним требований ввиду освоения новых видов вооружения и военной техники, новых подходов государства и общества к оценке силовых структур [5, С. 21–26].

Как отмечает А. М. Плеханов, значительной части сотрудников того периода времени не хватало уровня грамотности, образования. В данной связи ими естественно допускались ошибки, именно по этим причинам видимо допускались должностные преступления [6].

Характер этих проступков и просчетов нам помогут определить рассекреченные материалы Государственного архива Архангельской области, публикуемые впервые. В ходе плановой проверки состояния законности в областном НКВД, проводимом военным прокурором войск НКВД Архангельской области, были выявлены нарушения законности в ходе следствия по делу гражданина «К». По представлению военного прокурора войск НКВД Архангельской области майора юстиции Русакова, начальнику оперчекотдела Ягринлага капитану госбезопасности Захваткину предписывалось устранить предпосылки к нарушениям норм закона [7, Л. 35].

Так, из материалов дела по обвинению гражданина «К» по ст. 193-12 п. «в» УК военный прокурор усмотрел полное отсутствие внимания руководства за следствием по делу, в результате чего данное дело было передано в военный трибунал войск НКВД Архангельской области без достаточных оснований. По рассмотрению дело было окончено и направлено в военную прокуратуру войск НКВД Архангельской области. Военным прокурором указывалось на крайне слабое знание оперчекотделом уголовного и уголовно-процессуального законодательства, при этом, как особо отмечал прокурор, за консультациями в военную прокуратуру работники оперативного подразделения не обращались.

Среди нарушений, допущенных работниками МГБ отмечались следующие: в нарушение установленного срока не была представлена копия постановления о возбуждении уголовного дела в надзорную инстанцию (нарушена ст. 96 УПК), дело находилось в производстве полтора месяца без вынесения постановления о продлении следствия (нарушена ст. 105 УПК), спустя месяц после начала ведения дела следовало представить материалы в военную прокуратуру (не представлены – чем нарушена ст. 105 и 107 УПК), кроме того, мера пресечения обвиняемому «К» была избрана 15 января 1945 г., а обвинение было предъявлено 25 января 1945 г., чем грубо была нарушена ст. 145 УПК.

Военный прокурор требовал устранить и в дальнейшем не совершать подобные нарушения законности, а кроме того выполнить следующее:

- изучить важнейшие главы УПК, строго следить за их исполнением;

- по каждому следственному делу подготавливать план расследования;
- осуществлять контроль за следственной работой, принять активное участие в допросе свидетелей и обвиняемых;
- в течении 24-х часов направлять в военную прокуратуру войск НКВД Архангельской области копии соответствующих уголовных дел;
- по особо сложным делам следствие не заканчивать без предварительного охнакомления с материалами работников военной прокуратуры.

В рамках выполнения требований прокуратуры областным НКВД были приняты дополнительные меры к повышению образовательного уровня сотрудников, оперативные работники Ягринлага были направлены для прохождения обучения в надзорную инстанцию. Руководством органа безопасности было предписано в дальнейшем строго соблюдать требования советских законов [7, Л. 37].

Другой любопытный эпизод содержится в следующем материале прокурорского реагирования. Так, в порядке ст. 378 УПК в Управлении МГБ Архангельской области по представлению военного прокурора войск МГБ области подполковника юстиции Мурашкинцева, рассматривалось архивно-следственное дело № 9819/10 на осужденного «К» ввиду необходимости дополнительного расследования по вновь открывшимся обстоятельствам, изложенным в жалобе этого гражданина от 8 ноября 1950 г. [7, Л. 3] (жалоба вместе с архивно-следственным делом направлялась при № 066 от 4 января 1951 г.).

Как следовало из жалобы, «К», являясь секретным осведомителем, по заданию оперработников Мезенского райотдела МГБ СССР вошел в связь с расхитителями колхозной собственности гражданами «Р» и «С» с целью разоблачения их преступной деятельности. В результате по донесению «К» у расхитителей было отобрано 5 мешков похищенного колхозного ячменя, но суд при этом осудил «К» по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. к 10 годам ИТЛ, поскольку в суде о своем секретном сотрудничестве и полученных от органов безопасности заданиях он не рассказал.

Вполне естественно, что после проведенного внутриведомственного разбирательства секретный сотрудник был освобожден из-под стражи, при этом к оперативным работникам были применены меры дисциплинарного воздействия ввиду «неправильной организации работы» [7, Л. 7].

Результаты исследования. Изучив данные рассекреченные материалы, можно сделать вывод о глубокой вовлеченности руководства силовых структур в поддержание высокого уровня законности и правопорядка, в том числе непосредственно в самих этих структурах (вряд ли в условиях «закрытости» ведомства можно было говорить о каком-либо «общественном резонансе», однако данным структурам не чужда была способность к самоочищению от негативных внутриведомственных факторов). При этом, принимались необходимые меры к повышению профессионального уровня военнослужащих, а в необходимых случаях к ним применялись методы дисциплинарного воздействия.

Список источников и литературы:

1. Климов А. А. Применение соединений и частей внутренних войск НКВД–МВД СССР в 1940–1950-е годы // Военно-исторический журнал. 2010. № 1. С. 43–45.
2. Ковыршин Е. В. Войска НКВД СССР: эволюция структуры и практики использования (1934-1947 гг.) // Дисс... канд. ист. наук. 07.00.02. Воронеж. 2011. 216 с.
3. История внутренних войск / Под общей ред. Н. Е. Рогожкина. Т. 2. М.: Редакция журнала «На боевом посту» МВД РФ, 2013. 347 с.
4. Штутман С. М. На страже тишины и спокойствия. Из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.). М.: Редакция журнала «На боевом посту» МВД РФ, 2000. 378 с.
5. Олейник С. А. Некоторые особенности повышения общеобразовательного уровня офицерских кадров в войсках НКВД–МВД СССР в 1940–1950-е гг. // Всеобщая история. 2022. № 2. С. 21–26.
6. В Омске отметили 100-летие советских спецслужб, приоткрыв архивы и вспомнив репрессированных и репрессировавших // Интернет-издание "Коммерческие вести". URL: <https://kvnews.ru/news-feed/95975>. Дата обращения: 05.09.2022 г.
7. Государственный архив Архангельской области. Ф. 5593. Оп. 4. Д. 2.

Для цитирования: Олейник С. А. К вопросу о некоторых проблемах работы с кадрами в НКВД–МГБ СССР в 1945–1950 гг. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 161–164.

Дата поступления статьи: 10.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 13.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Олейник С. А., 2022

КАДРЫ ОГПУ–НКВД НА ПУТИ К БОЛЬШОМУ ТЕРРОРУ

Сергей Андреевич Папков¹

¹ Институт истории СО РАН, Новосибирск Россия

¹ sparkov@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 8000–8688

Аннотация: Дается обобщенный анализ развития важнейших репрессивных кампаний ОГПУ–НКВД конца 1920-х – 1930-х гг., которые послужили серьезной основой дегуманизации «врага» и превращению советских спецслужб в инструмент систематического преследования сограждан. Условиями этой подготовки являлось активное участие сотрудников ОГПУ в проведении коллективизации, депортации раскулаченных, аресты и массовые расстрелы «кулаков». В формировании специфических качеств аппарата ОГПУ–НКВД огромную роль сыграли также кампании по ликвидации «вредителей» и чистки в национальных анклавах. Завершающей фазой в этом процессе стал переход к погрому внутри самой коммунистической партии.

Ключевые слова: советский политический режим, сталинизм, советские спецслужбы, ОГПУ, НКВД, массовые репрессии, Большой террор.

Постановка проблемы. Освещение деятельности советских спецслужб первых десятилетий их существования вызывает неослабевающий интерес современной историографии [подробный анализ изданий этой тематики см. в работе: 1]. Благодаря усилиям многих авторов детально описаны самые различные аспекты истории становления и развития органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, исследована роль отдельных руководителей спецслужб, подготовлены и выпущены в свет уникальные справочники о персональном составе видных чекистов. [2–7]. Продолжает накапливаться массив новых ранее не известных документов и материалов, существенно расширяющих знания о советских карательных органах и их месте в системе властвования в СССР.

В представленном материале содержится попытка анализа социально-политической эволюции кадрового состава ОГПУ–НКВД, включавшую в себя серию предварительных шагов к репрессиям 1937–1938 гг. Каким образом формировалось коллективное сознание оперсостава НКВД и его готовность к масштабным репрессиям? Как совершался переход от одной меры насилия к другой, вылившись в конце концов в огромную процедуру систематического уничтожения сотен тысяч жертв? Эти аспекты истории спецслужб до сих пор трактуются по-разному и поэтому заслуживают углубленного изучения.

Основная часть. 1937–1938 гг., в течение которых аппарат НКВД исполнял особые приказы по проведению массовых операций, представляют собой удивительный трагический феномен новейшей российской истории. Размеры применения государственного насилия в этот период превосходили все другие эпохи и остаются в общественном сознании как наиболее зловещие и во многом

необъяснимые действия сталинских спецслужб. Однако до сегодняшнего дня часть российского общества совершенно не готово признавать ни целей, ни масштабов совершенных преступлений советского режима и продолжает считать репрессии вполне оправданным актом в отношении внутренних врагов. Из-за отсутствия трезвой и внятной политики современного государства в этой области общество переживает состояние внутреннего раскола, и многие люди не находят в осуждении сталинизма убедительных доказательств.

Сегодня мы располагаем двумя видами информации, ясно подтверждающими беспрецедентные действия советских карательных органов известных как Большой террор. Во-первых, это многочисленные научные исследования, основанные на детальной официальной статистике и первичных документах, не оставляющих сомнения в преступном характере сталинизма и его спецслужб. Статьи, монографии и документальные издания дают исчерпывающие сведения для правильных выводов и оценок, желающим разобраться в сути событий прошлого. Во-вторых, это – Книги памяти жертв политических репрессий – оригинальные справочники первичного уровня, восстанавливающие все циклы террора на уровне каждого региона. К настоящему времени составление Книг в ряде областей полностью завершено, а в других еще продолжается. Так, в Омской области уже изданы 11 томов со списками жертв; в Алтайском крае – 6 томов в семи книгах; в Красноярском крае – 14 томов; в Новосибирской области – пока только 5 томов (работа продолжается). Аналогичные издания опубликованы и в других областях страны.

Важнейший характерный признак советских карательных акций спецслужб выражается, прежде всего, в самих размерах насилия. Это отличительное свойство режима уже в первые месяцы большевистского переворота производило шокирующее впечатление на современников и подавляло человеческую волю к сопротивлению. Так зарождались прецеденты и политические основания для безмерного применения репрессивного аппарата в коммунистическом государстве.

Вот что отмечал в своем дневнике в 1918 г. писатель Иван Алексеевич Бунин, изумленный и пораженный сообщениями советских газет о массовых казнях «врагов революции»: «Давеча прочитал про этот расстрел двадцати шести как-то тупо. Сейчас в каком-то столбняке. Да, двадцать шесть, и ведь не когда-нибудь, а вчера, у нас, возле меня. Как забыть, как это простить русскому народу? А все простится, все забудется. Впрочем, и я – только стараюсь ужасаться, а по-настоящему не могу, настоящей восприимчивости все-таки не хватает. В этом и весь адский секрет большевиков – убить восприимчивость. Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение, – перешагни же меру. Это – как цены на хлеб, на говядину. «Что? Три целковых фунт?!» А назначь тысячу – и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. «Как семь повешенных?! – Нет, милый, не семь, а семьсот!» – И уж тут непременно столбняк – семерых-то висящих еще можно представить себе, а попробуй-ка семьсот, даже семьдесят!» [8, С. 52].

Преобразование аппарата ОГПУ–НКВД в институт массового террора не могло произойти одновременно, без серии предварительных мер и условий, подготовивших его к роли коллективного палача в кампании 1937–1938 гг. Потребовалось время и особые обстоятельства, чтобы в огромной стране вызрела атмосфера своеобразной гражданской войны и классовой непримиримости, создавшая почву для сотрудников спецслужб по исполнению преступных приказов в отношении отдельных групп общества.

Следует учесть, что после Гражданской войны и умеренных реформ периода нэпа аппарат ОГПУ–НКВД значительно обновился. Многие старые чекисты были уволены со службы, часть из них переведена на пенсию, другая пристроена на мелкие должности в структурах государственного управления. Их место заняла масса вполне обычных молодых людей без опыта бессудных классовых расправ, ночных обысков и конфискаций – так называемые «выдвиженцы» из комсомола, профсоюзов или рабочих коллективов, не обремененные грузом образования и нормального социального развития. Именно этой категории служащих НКВД, заполнивших оперативные отделы, предстояло сыграть роль главных исполнителей тайных приказов и приговоров в кампании Большого террора.

Отмечая основные фазы развития аппарата ОГПУ–НКВД, подготовивших террор 1937 г., можно отчетливо выделить три периода. Первый из них относится к эпохе коллективизации. Этот был один из самых важных этапов «профессионального роста» и вызревания чекистских кадров новой генерации. В ходе сталинской «борьбы за колхозы» многим чекистам из региональных аппаратов впервые пришлось столкнуться с настоящим «классовым врагом» и получить необычные практические навыки. Под руководством зрелых чекистско-коммунистов в деревню были направлены сотни молодых оперативников для выполнения заданий по вскрытию «кулацких формирований» и ликвидации противников раскулачивания. Их действия сводились к организации массовых арестов крестьян, конфискации их имущества, проведению депортации в отдаленные регионы страны и насаждению в деревне агентурной сети из числа сельских активистов. Картины развернувшегося насилия в деревне с участием чекистского аппарата и представителей разнообразного «деревенского актива» представляют собой шокирующие описания, вошедшие в официальные и неофициальные документы периода 1929–1933 гг.

В кампании коллективизации в деревне присутствовал также еще один очень важный «чекистский» элемент. Он заключался в особой деликатной функции, причастность к которой имел лишь кадровый оперсостав ОГПУ: кроме основных обязанностей «вскрывать» и «ликвидировать» «кулацкие организации» каждый оперработник обязан был участвовать в конечной процедуре «ликвидации кулаков» – приведении смертных приговоров в исполнение. Расчет на, что в расстрельной команде должны были побывать *все* сотрудники оперативных отделов, имеет немало документальных подтверждений. Так, например, на следствии в 1939 г. один из сотрудников НКВД по фамилии Горшенин, работавший в начале 1930-х гг. в Барабинском окротделе в Западной

Сибири, свидетельствовал: «В наряды по применению ВМН посылались все без исключения, я как секретарь, лицо не оперативное, или мой делопроизводитель Нечаев, также участвовали в этих операциях. Мне даже быв. начальником окротдела Плаховым поручалось иногда оставаться на яме и быть старшим среди оперативных работников окротдела ОГПУ, дабы не допускать безобразий (не было бы у ямы пьяных сотрудников и т.д.)». [9, Л. 44об.].

Требование соучастия в казнях являлось своего рода чекистской нормой, важной частью служебного долга и карьерного продвижения. Подобный варварский ритуал прочно связывал чекистский аппарат, формируя круговую поруку и замкнутую криминальную группировку в виде «сплоченных коллективов» на территории действия ячеек ОГПУ. Таким способом режим создавал надежный инструмент для достижения целей по искоренению многочисленных противников. Только за 1930 г. в СССР по решению «троек» при региональных управлениях ОГПУ были расстреляны почти 19 000 чел., большинство из которых – около 5 000 – в Сибири [10, С. 287].

Второй важный комплекс событий, сыгравший свою роль в эволюции чекистского аппарата и его продвижении к массовым операциям 1937–1938 гг., был связан с ликвидацией «вредителей» в отраслях экономики, разгромом «буржуазных националистов» в национальных анклавах, устранением остатков антибольшевистских элементов и разного рода «бывших людей» из советских учреждений. Этот цикл чисток также проводился в форме широких чекистских кампаний, в ходе которых арестам и расстрелам подверглась огромная масса специалистов различных отраслей экономики, учреждений культуры и образования. Были разгромлены многие исследовательские центры и группы, связанные с сельским хозяйством, промышленностью, управлением и добывающими отраслями. Аппарат ОГПУ действовал с высоким напряжением и численно разрастался, получая очередную порцию профессионально-психологической и политической «закалки».

В то время как на поверхности, в публичном пространстве, начиная с 1928 г., населению СССР и окружающему миру демонстрировались открытые судебные процессы над небольшими группами «вредителей» («Шахтинское дело», «Промпартия», «Союзное бюро меньшевиков» и др.), в стране тайно уничтожались тысячи других специалистов как «контрреволюционеры» и «вредители». Некоторые чекистские отчеты, полученные на основании событий в Сибири, позволяют увидеть часть той общей картины террора, которая сопровождала большевистское переустройство в стране. Так, летом 1933 г. полпред ОГПУ по Запсибкраю Н. Н. Алексеев на краевом партийном совещании докладывал: «Кроме организации, вскрытой в системе МТС, мы имели параллельные, соединенные с ней официальные группы, которые были раскрыты почти во всех наших животноводческих трестах. В совхозах мы также имели чрезвычайно большое количество подрывных ячеек. Всего по делу этой контрреволюционной сельскохозяйственной организации нами было арестовано примерно 2 100 человек. Из них по приговору тройки мы расстреляли около 1 000 человек. И это все на протяжении последних пяти месяцев» [11, Л. 219].

Подобные грандиозные операции по изъятию «вредителей», «националистов» и «исторической контрреволюции» в начале 1930-х гг. определенно прибавили кадровому составу спецслужб опыт организации массовых чисток с внесудебными процедурами и преодоления всякого рода моральных ограничений.

Наконец, еще одной фазой развития террора и закрепления новых понятий и принципов в коллективном сознании чекистских кадров, несомненно, послужил переход к уничтожению части самой коммунистической партии, прежде всего ее бывших оппозиционеров и связанных с ними людей. Решающие акции этого перехода развернулись после распространения в структурах партии и НКВД закрытого письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», содержание которого убеждало в том, что бывшие оппозиционеры окончательно скатились на позиции террористов, поэтому ближайшей задачей партии становится их физическое уничтожение. [12, с. 111].

«Троцкистско-зиновьевские», а затем и «правотроцкистские террористы» в рядах ВКП(б) действительно были чем-то новым для аппарата НКВД, воспитанного непрерывной борьбой с «классовыми» врагами. Теперь же возникала совершенно иная морально-политическая ситуация, отличная от прежних условий. Привычные классовые мерки и стигматизация «врагов» по старым правилам становились неактуальны и отходили на второй план. Границы предстоящей оперативной «работы» размывались и вызвали замешательство из-за того, что враг поменял свой облик и род занятий. Он неожиданно проявился теперь в самой партии и даже обнаруживался в собственных рядах НКВД.

О принципиальном отличии нового типа врага и сложном психологическом сдвиге в чекистской среде в этой связи свидетельствуют некоторые документы. Вот показания бывшего замначальника управления НКВД по Новосибирской области в ходе следствия 1939 г.: «За весь период моей работы в органах ОГПУ–НКВД я ясно понимал генеральную линию партии, никогда ни на йоту не сомневался в ее правоте! Я не сделал политических ошибок в тот период [начала 1930-х гг. – С.П.] ... потому, что и враг был отличен от общей массы трудящихся, отчетливо виден! (...) Но борьба с троцкистской контрреволюцией резко отличалась от борьбы с кулачем и остатками белогвардейщины. Разница заключалась в том, что участники право-троцкистской организации имели, как правило, партийный билет в кармане, внешне ничем не отличались от честных коммунистов, а будучи арестованными, клялись в том, что всю свою жизнь только и делали, что боролись за генеральную линию партии, а затем... рассказывали о том, как ими готовился взрыв на шахте «Центральная» в Кемерово, (...) как ими готовилось отторжение от СССР Сибири...» [9, л. 165об.–166].

Так, постепенно преодолевая гласные и негласные морально-политические барьеры, оперативный состав НКВД подошел к последнему рубежу – пыточному следствию, которое до сих пор допускалось лишь в редких случаях и могло рассматриваться как «эксцессы». Но с 1937 г. оно получило статус узаконенного средства. В январе 1939 г. в шифрограмме секретарям обкомов и крайкомов ВКП(б) Сталин сообщал: «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов-

крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. (...) Опыт показывает, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. (...) Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод» [13, С. 14–15].

Результаты исследования. В ходе сталинских спецопераций 1937–1938 гг. многим сотрудникам НКВД пришлось делать известный выбор: либо активно включиться в процесс реализации репрессивных «лимитов», согласно поступающим приказам из Москвы, либо самим отправиться в пыточные подвалы. Выбор был невелик, но для основной части аппарата НКВД он не представлял какой-либо проблемы: большинство уже прошло серьезную школу чекистской науки и получило необходимую служебную выучку, усвоив ряд несложных, но суровых правил соблюдения государственной дисциплины. Никаких моральных ограничений относительно массового истребления «врагов народа» и «контрреволюционеров» они уже не испытывали: аресты, пытки, расстрелы стали привычной рутинной. Те же немногие, кто представлял собой некоторое исключение, проявив колебания, сомнения или какое-либо сопротивление чистке, вполне закономерно были немедленно удалены из рядов НКВД как «пособники контрреволюции».

Список источников и литературы:

1. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.) историографические и источниковедческие аспекты. М.: РОССПЭН, 2018. 439 с.
2. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. М.: Звенья, 1999. 504 с.
3. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.
4. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: АИРО–XXI, 2007. 288 с.
5. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО–XXI, 2008. 632 с.
6. Самуэльсон Л., Хаустов В. Н. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 432 с.

7. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.
8. Бунин И. Окаянные дни // Неуслышанные голоса. Т. 1. М., 2003. С. 13–116.
9. ГАНО. Ф. П–4. Оп. 35. Д. 15085.
10. Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. 480 с.
11. ГАНО. Ф. П–3. Оп. 2. Д. 450.
12. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 100–115.
13. Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД; Материк, 2006. 640 с.

Для цитирования: Папков С. А. Кадры ОГПУ–НКВД на пути к Большому террору // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 165–171.

Дата поступления статьи: 10.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 12.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Папков С. А., 2022

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ОРГАНА РАЗВЕДКИ ПРИ ШТАБЕ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Дмитрий Игоревич Петин^{1,2}

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия

^{1,2} dimario86@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9987–3347

Аннотация: В статье приводится впервые в полном виде и анализируется проект создания в феврале 1920 г. органа разведки при штабе Восточно-Сибирской советской армии, действовавшей тогда в Западной части Забайкалья против войск В. О. Каппеля и Г. М. Семенова. Автор публикуемого проекта – организатор спецслужб и авантюрист, этнический чех П. В. Глинко–Апин. Методологической основой исследования послужили принцип системности и антропологический подход. Избранная теоретическая совокупность позволила обзорно охарактеризовать содержательные особенности публикуемого документа, а также личность его автора. Работа может представлять интерес для исследователей Гражданской войны в Сибири и истории российских спецслужб.

Ключевые слова: исторические источники, военное строительство, спецслужбы, военная хитрость, военная разведка, контрразведка, Гражданская война, Народно-революционная армия ДВР, чехи.

Постановка проблемы. Особый пласт историографии Гражданской войны в России составляет изучение данных событий сквозь призму деятельности спецслужб. Как во все предыдущие и последующие периоды, эффективная работа данных структур в ряде случаев даже на точечном участке фронта могла определить исход масштабных военных операций. В связи с этим для полноценного осмысления событий 1918–1922 гг. видится актуальным исследование деятельности органов ВЧК, военной разведки РККА и противостоявшим им аналогичным службам антибольшевистских сил. Это имеет важность и для понимания общественно-политической ситуации не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Данный тезис, в частности, озвучивался в интервью авторитетными академическими историками российских спецслужб А. М. Плехановым и А. А. Здановичем [См., подр.: 1; 2].

Этот аспект рассматривается сегодня с привлечением разнообразных методологических подходов [2, С. 57; 3]. В частности, все более часто мы встречаем «человеческое видение» прошлого в силу произошедшего в исторической науке антропологического поворота и активного развития в текущие десять лет такого междисциплинарного направления, как военная антропология [См., подр.: 4–6]. В наши дни уже отмечены попытки интерпретации Гражданской войны с точки зрения «психологии конфликта» [См. напр.: 7].

К динамичному развитию военно-политических событий в Восточной Сибири в 1920 г. неоднократно обращались академические специалисты. Опреде-

ляющую роль в победе просоветских сил в Забайкалье сыграли повстанческие формирования, которые берут свое начало от иркутского антиколчаковского подполья и партизанских отрядов. Преобразованные сначала в Восточно-Сибирскую советскую армию (ВССА) они стали ядром формирования Народно-революционной армии ДВР весной 1920 г. [См. подр.: 8, С. 209–216].

Изучение начального этапа военного строительства в дальневосточном «буфере» (январь-апрель 1920 г.) – столь скоротечного отрезка – сопряжено с разрозненностью и относительной немногочисленностью источников. Еще большую сложность имеет изучение спецслужб НРА ДВР, вышедших в основе своей из ВССА. Стоит также подчеркнуть, что академическое осмысление деятельности (контр-)разведывательных органов и их сотрудников, действовавших в условиях Гражданской войны, из-за узости источниковой базы, подчас, сводится к возможности лишь к некоей схематической реконструкции. Это объясняется, прежде всего, спецификой службы, негласным характером работы, сложностью доступа к документам и т.п., будучи общими тенденциями изучения данных структур [См. подр.: 9].

Поэтому большое значение для военной истории и истории спецслужб, как часть общей историографии Гражданской войны в России, обретает археографическая деятельность, нацеленная на ввод в научный оборот новых источников, приводимых в архивоведческой традиции с квалифицированным научным комментарием. Аргументом здесь можно назвать и призыв российского академического сообщества активно обнародовать неизвестные документы, что демонстрирует опыт работы в Омске продолжающейся научной конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» [См. обзоры: 10–11]. Отсюда вытекает цель нашей работы – опубликовав, проанализировав исторические условия появления в феврале 1920 г. проекта создания органа разведки при штабе ВССА.

Основная часть. Иркутские чекисты 13 мая 1920 г. по указанию СибЧК задержали сотрудника Иркутской инженерной дистанции, 36-летнего этнического чеха Петра (при рождении Богумила) Васильевича Глинко–Апина, который с конца января до начала марта 1920 г. занимал пост начальника разведывательного отдела при штабе ВССА. Этого человека с «непрозрачным» прошлым под конвоем срочно доставили в Омск, инкриминируя службу при белых в чине поручика, в должности начальника чешской контрразведки летом 1918 г. в Самаре. В наиболее веские пункты обвинения входило участие в белом терроре (арестах скрывавшихся бывших советских работников). Подследственный не отрицал факта нахождения в должности, но вины не признал, говоря, что с 1910 г. являлся социал-демократом и действовал исключительно в интересах Русской революции, пытаясь спасти задержанных контрразведкой большевиков, за что сам пострадал от белых властей, проведя несколько месяцев в заключении. В момент антиколчаковского восстания в конце декабря 1919 г. он оказался на свободе, по ходатайству Д. К. Чудинова, соратника по красному подполью, переключился на военно-разведывательную работу в штабе ВССА. По итогам допроса и на основании заключения, вынесенного 30 июля 1920 г. по следственному делу Полномочным представителем ВЧК в Сибири И. П. Павлуновским, Петр Васильевич Глинко–Апин в тот же день был рас-

стрелян в Омске. Прокуратурой Омской области полностью реабилитирован в 1992 г. [См. подр.: 12]. Каверзная и трагическая биография этого авантюриста бесспорно достойна отдельного освещения.

На наш взгляд, важно сказать, что жизненные перспективы человека с подобным весьма неоднозначным прошлым в советском социуме изначально не могли видаться благоприятными. Стоит учесть, что противодействие иностранным спецслужбам с 1920-х гг. выделилось как отдельное направление работы органов ОГПУ, подразумевая контрразведывательные мероприятия, в том числе, выявление потенциально неблагополучных в этом отношении лиц [См. напр., опыт Омского региона: 13, С. 205–238]. Бывшему офицеру бело-чешской контрразведки еще меньше надежд на спокойное бытование в СССР оставило бы последовавшее резкое ужесточение общественно-политической жизни в 1930-е гг. и массовые политические репрессии по национальной линии.

В архивном уголовном деле в отношении Глинко–Апина имеется большое количество разнообразных документов, изъятых у него при аресте иркутскими чекистами. Это технические расчеты по зданиям, личная переписка на русском языке, служебная переписка на чешском языке, списки бывших белых офицеров (среди них вызывают интерес фигуры высокопоставленных генералов, служивших в Военном ведомстве «омского» правительства – Н. Н. Артамонова и А. М. Поспеева [Подр. о них: 14–15]). Немало упоминаний в бумагах и военнопленных-иностранцев (исходя из имен и фамилий – чехов), содержащихся в Иркутске в концентрационном лагере.

Ознакомившись с документами дела, можно сделать вывод о том, что Глинко–Апин, по всей вероятности, был человеком достаточно талантливым и неординарным, обладая такими личностными чертами, как гибкость ума, интеллектуальность, склонность к авантюрам, организаторской и управленческой работе. Так, отдельные материалы армейского делопроизводства отражают деятельность Глинко–Апина на посту руководителя разведки ВССА.

В числе данных бумаг особое внимание вызывал относительно небольшой документ. Им регламентировалось создание при штабе ВССА органа разведки. Ниже приводим данный источник полностью в соответствии с правилами и традициями отечественной археографии. Исходная стилистика и орфография сохранены [12, Л. 95. Машинопись. Подлинник. Автограф].

Автор документа указан, как «Апин». Как свидетельствовал сам Петр Васильевич, именно такую фамилию он взял себе в самом начале 1920 г. по предложению соратников по подполью [12, Л. боб.].

Письмо Начальника разведывательного отделения
при Штабе Восточно-Сибирской Советской армии в названный штаб

Проект и схема организации разведывательного отделения
при Штабе Восточно-Сибирской Советской армии

[прифронтовая территория, западнее Верхнеудинска] 20 февраля 1920 г.

Ввиду предполагаемого расширения разведывательного отделения при Штабе Восточно-Сибирской Советской армии и выделения из такового но-

вого отдельного самостоятельного органа военного контроля, я полагал бы целесообразным провести в жизнь следующий проект по организации разведывательного отделения при штабе армии.

ПРОЕКТ

Во главе разведывательного отделения стоит начальник отделения. Ему подчиняются два помощника. Один, ведающий исключительно войсковой (оперативной) разведкой. Второй ведает разведкой агентурной. Цель войсковой разведки заключается в получении всех необходимых подробных и точных сведений о противнике, о его намерениях, его силах, вооружении и пр. Для выполнения намеченной цели к разведывательному отделению прикомандировываются надежные работники на должности для поручений. На обязанности этих людей ложится систематическая обработка материала, получаемого с фронта.

Для того, чтобы дать по возможности полную картину происходящих мировых событий, разведывательное отделение должно получать радио[сообщения], газеты и прочие периодические издания.

Агентурной разведкой ведает второй помощник, который посылает агентов в сторону противника за линию фронта и получает от них необходимые сведения. Он же является шифровальщиком.

Все делопроизводство и денежная отчетность сосредотачиваются в руках делопроизводителя, которому подчинены для выполнения канцелярских работ два машиниста, один писарь и один журналист.

Для несения боевой разведывательной службы необходима команда вполне подготовленных для этой цели людей, состоящая из начальника команды, фельдфебеля, четырех взводных [командиров], восьми отделенных [командиров], каптенармуса, инструктора, артельщика, фельдшера (классный чин), санитаря, двух писарей и восьми нестроевых [чинов] (фуражиров, уборщиков, кашеваров и др.) и 26 рядовых человек разведчиков.

Начальник разведывательного отделения
при Штабе Восточно-Сибирской Советской армии [П. В. Глинка] Апин

Результаты исследования. Из анализа приведенного выше источника, становится вполне очевидным, что его автор – не случайный человек, прошедший специальную подготовку и (или) обладавший весьма основательным (причем, именно практическим) опытом в деле организации армейской разведывательной деятельности.

Об этом свидетельствуют, как минимум, следующие содержательные моменты проекта. Во-первых, весьма подробно прописана и убедительно аргументирована структура будущего органа разведки. Во-вторых, четко прописан функционал работников. В-третьих, указание служебных категорий и конкретной необходимости личного состава, как по основной деятельности, так и вспомогательных сотрудников. Здесь косвенным аргументом о служебном опы-

те Глинко-Апина правомочно назвать и его прежний чин поручика, предполагавший (даже в условиях боевых действий) общий срок службы в должности офицера порядка полутора-двух лет. В этом случае мы можем предполагать, что в рядах ВССА, бывший чешский контрразведчик, по всей видимости, нашел применение своим знаниям, полученным на службе в Чехословацком корпусе (а скорее всего, еще в годы Первой мировой войны) и в антибольшевистских формированиях. Резонно считать, что в условиях эпохи социальных катаклизмов гражданский инженер, представитель технической интеллигенции – человек, имевший, прежде всего, весьма высокий для тех лет образовательный ценз – вполне мог стать потенциально ценным кадром для руководящего и аппаратного состава спецслужб любого профиля (разведка, контрразведка) и политической принадлежности (чешских, белых, красных).

К текстуально-смысловым особенностям источника можно отнести использование новой орфографии, а также наименование некоторых должностей на традиционный, «старорежимный манер» (например, «фельдфебель», «классный чин») – с ориентиром на Табель о рангах. Подобная служебная градация, хотя и являлась тогда фактическим анахронизмом, но ее применение, очевидно, было вызвано стремлением автора проекта сделать этот документ максимально «понятным» для руководства, еще слишком хорошо помнившего привычные дефиниции. Отметим, что такая делопроизводственная черта была характерна для ранних официальных документов зарождавшейся тогда «буферной» власти [См., напр.: 16, С. 815].

Публикуемый источник подтверждает актуальность активного использования агентов-ходоков для работы, как за линией фронта, так и в прифронтовой полосе. В период Гражданской войны эта особенность, наряду с данной работой, а также одновременным ведением и разведывательных, и контрразведывательных мероприятий любыми подразделениями в пределах своей компетенции было присущей чертой деятельности спецслужб каждой из противоборствовавших сторон [См. подр.: 17, С. 152].

Рассмотренный пример, на наш взгляд, показателен, поскольку позволяет, как сделать доступными неизвестные ранее данные, важные для изучения создания армейской разведки дальневосточного «буфера», так и дополнить многогранный и неоднозначный исторический портрет деятеля спецслужб П. В. Глинко-Апина. При этом «человеческое видение» братоубийственного противостояния 1918–1922 гг. в подобных случаях обогащает представления историков о трагичной эпохе, дополняя привычную для военной истории методологическую формулу «кони и походы», отчасти ограничивающую исследователя в научном поиске, что подчеркивает авторитетный петербургский историк М. В. Ходяков [18, С. 124]. Но, по мнению его землячки, историка и публициста Ю. З. Кантор, определяющую роль в процессе развития исторического знания (прежде всего, по отношению к событиям XX в.) традиционно играет работа архивов [19, С. 13].

Подготовленная нами публикация, внося новые сведения в изучение истории Гражданской войны в России, призвана акцентировать внимание на более

тщательной работе академических специалистов со всеми категориями документов, входящих в состав архивных уголовных дел. И несомненным можно назвать то, что дальнейшее развитие археографического направления историографии российских органов безопасности будет способствовать более полновесному изучению вопроса, а вместе с тем упрощению доступа исследователей к источникам через их квалифицированное широкое научное обнародование.

Список источников и литературы:

1. Плеханов А. М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.

2. Зданович А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.

3. Сушко А. В. К вопросу об использовании цивилизационного подхода для изучения истории отечественных спецслужб // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат–лы междунар. науч.–практ. конф. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 215–222.

4. Анфертьев И. А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук: сб. мат–лов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 319–328.

5. Гладышев А. Н. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.

6. Сенявская Е. С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

7. Разиньков М. Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. Saarbrücken: Lap Lambert, 2012. 187 с.

8. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М: Центрполиграф, 2005. 415 с.

9. Зданович А. А. К вопросу изучения истории ВЧК–НКВД на современном этапе: полемические заметки // Клио. 2018. № 3. С. 196–205.

10. Стельмак М. М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 57–64.

11. Машкарин М. И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко–архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 70–74.

12. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П–13207.

13. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.

14. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.

15. Петин Д. И. Генерал-майор А. М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 386–396.

16. Петин Д. И. «Переход власти к советским организациям выдвигает на первую очередь радикальные перемены в области финансовой политики...»: проект создания Комиссариата финансов в 1920 г. в Иркутске // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 812–835.

17. Кирмель Н. С. Разведывательное обеспечение боевых действий белых армий в Сибири в 1918–1919 гг. // Власть. 2009. № 8. С. 151–153.

18. Ходяков М. В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124.

19. Кантор Ю. З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15.

Для цитирования: Петин Д. И. Проект создания органа разведки при штабе Восточно-Сибирской советской армии // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 172–178.

Дата поступления статьи: 16.05.2022

Дата одобрения после рецензирования: 27.07.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Петин Д. И., 2022

**Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА А. М. ПЛЕХАНОВА**

Андрей Александрович Плеханов¹

¹ Военный университет им. князя Александра Невского, Москва, Россия

¹ yanus60@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4657–5938

Аннотация: В статье рассматриваются актуальность обращения к изучению жизни и деятельности Ф. Э. Дзержинского, причины, побудившие А. М. Плеханова посвятить свою жизнь этому вопросу. Раскрываются его методологические подходы и принципы к изучению истории органов госбезопасности, роли Дзержинского в построении органов безопасности и их функционировании. Приведен перечень авторских книг, определяется их новизна, основные направления научно-исследовательской деятельности А. М. Плеханова, показан его вклад в исследование феномена Ф. Э. Дзержинского.

Ключевые слова: Ф. Э. Дзержинский, А. М. Плеханов, ВЧК, ОГПУ, органы государственной безопасности, историография, историческая наука.

Постановка проблемы. 11 сентября 2022 г. исполнилось 145 лет со дня рождения Феликса Эдмундовича Дзержинского. Его жизнь и деятельность до сих пор привлекают пристальное внимание не только научной, но и широкой общественности. Это показала последняя дискуссия в Москве в 2021 г. вокруг возвращения памятника Дзержинскому на Лубянскую площадь. Он, бесспорно, заслуживает уважения за свой титанический труд по выводу страны из состояния Гражданской войны, налаживанию мирной жизни и восстановлению народного хозяйства в молодой Советской республике. У сотрудников органов государственной безопасности и в сознании большинства населения нашей страны его имя связано с борьбой с противниками Советского государства, интервентами, шпионами, диверсантами, террористами, бандитами, расхитителями, коррупционерами, с разного рода политическими авантюристами.

Основная часть. В литературе оценки личности Ф. Э. Дзержинского диаметрально противоположны: от «рыцаря революции», «борца за народное дело», «солдата великих боев» до «верховного жреца террора», «апостола террора», «палача и душителя свободы», «кровожадного льва революции». Но они связаны скорее с политическими пристрастиями, а не с его объективной характеристикой как политического и государственного деятеля, реального человека. Написаны десятки книг, сотни статей, но до появления монографии А. М. Плеханова «Дзержинский. Первый чекист России» [1] в 2007 г. не было ни одного всестороннего исследования деятельности Дзержинского на посту председателя ВЧК–ОГПУ.

Задача восполнить этот пробел, изучить феномен такой неординарной личности, как Ф. Э. Дзержинский, его жизнь и многогранную деятельность, прежде всего на посту председателя ВЧК–ОГПУ, стала магистральным направлением в научной-исследовательской работе А. М. Плеханова, находилась в русле его про-

фессиональных интересов многие годы. Ее значение он сформулировал так: «Детальное изучение деятельности Дзержинского на посту председателя важно в силу той роли, которую этот человек сыграл в истории нашей страны в годы Гражданской войны и в период новой экономической политики, в силу характера той власти, которая утвердилась в России на многие десятилетия» [1, С. 4].

Выбор был осознан и не случаен. Он был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, вся жизнь Александра Михайловича была связана с органами государственной безопасности. От воспитанника Ташкентского суворовского училища НКВД СССР до полковника КГБ СССР, от студента-заочника Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова до доктора исторических наук, профессора Академии ФСБ РФ. «В середине 1950-х я пришел в КГБ, – писал А. М. Плеханов в одной из своих книг, – был не «колесиком и винтиком», а составной частью чекистского братства по оружию, не колебался вместе с линией партии, а проводил ее сознательно и неуклонно в жизнь и в то же время претерпел эволюцию, характерную для каждого думающего человека и гражданина» [1, С. 20]. Во-вторых, после перевода в Москву, в Высшую школу КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского в 1969 г. ему было предложено заняться историей ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики. К тому времени А. С. Велидовым была закончена докторская диссертация по истории ВЧК в годы Гражданской войны. Необходимо было продолжить исследования о деятельности органов госбезопасности в последующие годы. Интересы ведомства и молодого кандидата исторических наук совпали: был получен допуск к закрытым архивам. Сам Александр Михайлович вспоминал об этой работе так: «...в архивах обосновался с 1956 г. и трудился в них до марта 2015 года. Это была работа, приносящая радость и огорчения, связанные, прежде всего, с постоянно менявшимся режимом допуска. Но было и счастливое время службы в Высшей школе КГБ им. Ф. Э. Дзержинского и Академии ФСБ России... Ежегодно мы имели право отправиться в командировку на 20 дней для работы в архивах любого города Советского Союза. Поэтому удалось побывать в архивах не только Москвы, но и Ленинграда, Ростова-на-Дону, Саратова, Свердловска, Курска, Рязани, Омска, Новосибирска, Красноярска. Говорю об этом лишь потому, что везде находил документы Ф. Э. Дзержинского или о нем» [2, С. 454].

Итогом этой многолетней кропотливой целенаправленной работы стала защита в 1993 г. диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора исторических наук и выхода в свет 15 изданий: монографии, сборники документов, научно-популярные издания и фотоальбомы, посвященные жизни и деятельности Ф. Э. Дзержинского. Александр Михайлович является автором трех научных монографий: «ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики. 1921–1928» (2006) [3], «Дзержинский. Первый чекист России» (2007) [1], «Кто Вы, «Железный Феликс»? (2013) [4]. Совместно с автором данной статьи изданы и стали достоянием научной общественности сборники документов: «Дзержинский Ф. Э. «Я Вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаеве» (2007) [5], «Дзержинский Ф. Э. Дневники. Письма» (2007) [6], «Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926» (2007) [7], «Дзер-

жинский. Всевозвышающее чувство любви...: Документы. Письма. Воспоминания» (2017) [8]. Научно-популярные издания: «Железный Феликс. Белые пятна в биографии чекиста» (2010) [9], «Московские чекисты в тайной войне 1921–1928» (2018) [10], «Расстрелянная коллегия Феликса Дзержинского» (2019) [11], «Дзержинский на фронтах Гражданской» (2021) [12], «Найти и обезвредить». Оперативный розыск преступников и агентуры противника в СССР» (2021) [13]. Фотоальбомы: «Ф. Э. Дзержинский. Фотоальбом» (1987) [14], «Феликс Дзержинский. Альбом» (2007) [15], «Чекисты. История в лицах. Государственное политическое управление НКВД» (2007) [16]. И это, не считая десятков статей и отдельных глав в коллективных трудах.

Но дело не только в числе написанных и изданных А. М. Плехановым книг и статей о Ф. Э. Дзержинском. Дело в их содержании, в подходе к историческим событиям. Он считал, что: «Сопряжение явлений настоящего времени с прошлым совершенно обосновано, потому что бывшее естественным образом всегда и всюду входит в состав настоящего», а жизнь требует «создания честной и объективной истории советского общества, не отрицая, а постигая его» [8, С. 7–8]. «Суть научной точки зрения – писал А. М. Плеханов, – заключается в рассмотрении роли личности в конкретной исторической обстановке. Нельзя при изучении недавней истории России объяснять события прошлых лет по законам и нравственным нормам сегодняшнего дня» [1, С. 3]. Александр Михайлович не пытался судить людей прошлого, он пытался их понять, исходя из ситуаций того времени, характеров, сформированных во многом революционным подпольем, Первой мировой и Гражданской войнами. Не случайно в нескольких его книгах в качестве эпиграфа вынесена фраза: «Оценки прошлого должны соотноситься с реалиями прошлого». В своих научных изысканиях он придерживался именно этой заповеди.

Что объединяет все эти работы А. М. Плеханова, посвященные Феликсу Дзержинскому? Стремление к объективности, к изображению истории спецслужб России и деятельности председателя ВЧК–ОГПУ не в чёрно-белом варианте, а в виде многоцветной картины, где присутствуют героизм и служение Отечеству, подлость и предательство, тайная и открытая борьба, гуманизм и ничем неоправданная жестокость. А. В. Антонов-Овсеенко писал: «Обращаясь к прошлому, следует отказаться от примитивных оценок типа «плохое-хорошее» или «светлое-темное». Слишком много в нем было случайного, очень мало закономерного, невыразимо много жестокости» [17, с. 6].

Для А. М. Плеханова Феликс Эдмундович – это человек иного, более значительного масштаба по сравнению со многими другими руководителями органов государственной безопасности нашей страны, «неординарная, яркая и сложная фигура революционной эпохи», прошедший за 20 с небольшим лет до 1917 г. через многочисленные аресты, ссылки, побег, каторжные тюрьмы, не только государственный и общественный деятель, но и человек со своими сильными и слабыми сторонами, человек, активно участвовавший в революциях и Гражданской войне, революционный романтик, свято веривший в правоту дела, которому посвятил всю свою жизнь.

Под руководством Феликса Дзержинского были определены правовое положение, место и роль ВЧК–ГПУ–ОГПУ в советской политической системе, основные направления их деятельности, порядок комплектования кадрами, сложилась единая система обучения и воспитания сотрудников.

Вместе с тем, по мнению А. М. Плеханова, именно при Дзержинском были заложены многие отрицательные явления, получившие негативное развитие в 1930–1950-е гг., когда органы безопасности все более превращались в орудие борьбы со своим народом, активно использовались в борьбе с революционно-демократическими партиями, даже с теми, которые признавали советскую власть, со всеми инакомыслящими и с оппозицией внутри партии. Партия большевиков создала ВЧК как «боевой отряд партии», то есть как партийно-государственную спецслужбу, имевшую четкую идеологическую установку на решительную борьбу не только с политическими противниками, но и просто со сторонниками иных, чем у большевиков, взглядов как внутри страны, так и за рубежом. Не случайно в феврале 1919 г. в обращении ЦК ВКП(б) к сотрудникам ВЧК подчеркивалось: «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии по ее директивам и под ее контролем» [1, С. 5].

Дзержинский был беспощаден к политическим противникам, не испытывал к ним ни жалости, ни снисхождения. Он лично занимался арестами и допросами, без суда и следствия решал судьбы людей, как это было в дни «красного террора». С одной стороны, он утверждал социалистическую (революционную) законность... с внесудебными полномочиями, с другой стороны – при необходимости руководствовался принципом «политической целесообразности». Председатель ВЧК–ОГПУ целиком разделял политику высылки за границу и в отдаленные места страны не только деятелей оппозиционных политических партий, но и научно-технических специалистов, литераторов, писателей и других представителей интеллектуальной элиты России [1, С. 6].

Александр Михайлович во многом импонировали человеческие качества главы и организатора ВЧК, которые, по его мнению, должны быть присущи настоящим государственным деятелям, радеющим за судьбу своей страны: высочайшая скромность, абсолютное бесребреничество, честность и бескорыстие, колоссальная работоспособность. Ради общего дела он не щадил себя, не обращал внимание на свое здоровье. Характерным примером может служить письмо А. Я. Беленького В. Л. Герсону о состоянии здоровья Ф. Э. Дзержинского. Во время поездки в Западную Сибирь, отвечая на запрос В. И. Ленина, 7 февраля 1922 г. Ф. Я. Беленький писал В. Л. Герсону из Омска: «Здоровье Дзержинского не хуже, чем в Москве. Работы не меньше. Нервничает. Большею частью ругает, так как округ и вообще дела из рук вон плохи. При наличии Дзержинского здесь необходимо, иначе может наступить полный крах.

В докторском обследовании нет нужды, не понимаю, как это ты, Герсон, требуешь освидетельствовать так, чтоб он не знал. Научи-ка меня. Отъезд Дзержинского из Сибири был бы для него ударом» [7, С. 370].

По мере проведения исследовательской работы и накопления архивного материала параллельно с темой деятельности Дзержинского на посту председателя ВЧК возникла тема его романтических и нежных отношений с прекрасным полом, поскольку биографы и исследователи почти не касались его личной жизни. Она получила условное название «Дзержинский и женщины». Но это не в плане поиска сенсационных фактов, а показа его человеческих, нравственных качеств, взглядов на проблему борьбы и любви. Так в год 130-летия со дня его рождения издательстве «Кучково поле» вышла в свет небольшая книга под названием «Я Вас люблю...» [5], в которой опубликованы письма 21-летнего ссыльного юноши Маргарите Николевой – его первой любви. Всего девять писем, все они пронизаны эмоциями, искренностью и открытостью автора, рассуждениями о самом сокровенном, они дают представление о становлении мировоззрения тогда еще молодого революционера. В последующем эта тема была продолжена выходом к 140-летию со дня его рождения нового сборника документов, писем, воспоминаний «Дзержинский. Всевозвышающее чувство любви» [8], посвященного Дзержинскому и роли женщин, которые по жизни шли рядом с ним: любили, страдали и ненавидели. В сборник вошли его письма и письма к нему от любящих женщин – сестер, жены, соратниц по революционной борьбе, документы, касающиеся женщин, судьба которых зависела от решений председателя ВЧК–ОГПУ, которые нуждались в его помощи и поддержке после революции, воспоминания о Феликсе Эдмундовиче в разные периоды его кипучей жизни и деятельности.

В своих научных трудах А. М. Плеханов постоянно разоблачал разного рода фальсификации и вымыслы в отношении жизни и деятельности Дзержинского, развенчивая их, основываясь на архивных материалах. Подчеркивал, что опираться надо только на факты и документальные материалы. Так, в советской историографии начиная с 1920-х годов боролись с фальсификациями, преуменьшавшими заслуги первого чекиста. «Но, к сожалению, в эти годы утвердилась фальсификация другого вида – не просто преувеличение, а обожествление его образа. И это ничуть не лучше. Ведь всякое искажение истины ведет к утверждению неправды, рождению новых мифов» [2, С. 453].

Высоко оценивая личность создателя и руководителя ВЧК, А. М. Плеханов никогда не иконизировал и не демонизировал его образ. На основе множества документальных свидетельств, Александр Михайлович оставил нам объемный портрет реального революционера и государственного деятеля молодой Советской республики периода Гражданской войны и новой экономической политики в России, героя своего времени.

И еще о наследии профессора А. М. Плеханова. Помимо книг он оставил записи радио- и телепередач по истории ВЧК–ОГПУ, деятельности Ф. Э. Дзержинского, в которых он принимал участие на радио «Комсомольская правда», телевизионных каналах НТВ, «Звезда» и других. Запомнился сериал «Кремлевские похороны» канала НТВ, где одна из первых серий была посвящена жизни и деятельности Дзержинского. В основном это объективные, взвешенные передачи, без сенсационных версий и разоблачений, но есть другие

случаи, об одном из которых Александр Михайлович рассказал сам. «Мне пришлось ознакомиться с «объективным подходом» работников телеканала RenTV. В 2005 г. шла бурная дискуссия по поводу памятника Ф. Э. Дзержинскому. Они попросили рассказать о председателе ВЧК–ОГПУ. Записали рассказ на двух пленках, сказали о том, что позвонят о выходе в эфир. Прошел год, но звонка не было, когда же пришел к ним забрать свою книгу о Дзержинском, спросил, почему передача не вышла на телеэкран. Ответили: ваше суждение не совпадает с нашим. Но на основе чего формировался их взгляд? Если мне в силу научных интересов за многие годы удалось ознакомиться с тысячами дел Дзержинского (только в одном РГАСПИ их около 5 тыс.), да в ЦА ФСБ РФ не меньше, а откуда они все знают? Их росписи нет ни в одном из архивных дел. Я не читал ни одной публикации этих авторов!» [3, С. 13].

В сегодняшнее время руководство не всех каналов устраивает реальная, документальная история нашего прошлого, не для всех она удобна. Под видом установления истины, но во благо политической конъюнктуры создаются новые версии, ничего общего не имеющие с событиями прошлого, которые нацелены на поиск сенсационных фактов, большей частью сомнительного свойства. Такие передачи стараются навязать свое видение и суждение общественности вопреки историческим фактам.

Результаты исследования. Подводя итоги, сошлемся на оценку вклада А. М. Плеханова и автора статьи в историографию о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском данную Санкт-петербургским биографом Дзержинского, доцентом Института истории СПбГУ И. С. Ратьковским: «Несмотря на некоторую схематичность освещения личности Дзержинского, именно А. М. и А. А. Плехановым мы обязаны изданием целого массива документов и материалов о Ф. Э. Дзержинском. На наш взгляд, любая биография Дзержинского невозможна без использования этих материалов» [18, С. 14].

На сегодняшний день у меня в доработке находится рукопись Александра Михайловича на 500 страниц, над которой он трудился до последних дней своей жизни... И это, конечно, научная биография Ф. Э. Дзержинского. Ждут своего часа более четырехсот документов председателя ВЧК–ОГПУ, которые не вошли ни в одно издание и не стали пока достоянием научной общественности. Так, что вопрос о творческом наследии доктора исторических наук, профессора Александра Михайловича Плеханова еще не закрыт.

Список источников и литературы:

1. Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 816 с.
2. Плеханов А. М. Необходимость дальнейшего изучения наследия Ф. Э. Дзержинского // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): мат–лы XXIII междунар. науч. конф. (Москва, 5–6 декабря 2019 г.). М.: Фронткнига, 2019. 504 с.

3. Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики. 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006. 704 с.
4. Плеханов А. М. Кто Вы, «Железный Феликс»? М.: Аква–Терм, 2013. 928 с.
5. Дзержинский Ф. Э. «Я Вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николовой / Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М.: Кучково поле, 2007. 224 с.
6. Дзержинский Ф. Э. Дневники. Письма / Сост. и предисл. А. М. Плеханова, А. А. Плеханова. М.: Молодая гвардия, 2007. 437 с.
7. Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М.: МФД: Материк, 2007. 872 с.
8. Дзержинский. Всевозвышающее чувство любви...: Документы. Письма. Воспоминания / Сост. А. М. Плеханов, А. А. Плеханов. М.: Аква–Терм, 2017. 480 с.
9. Плеханов А. А., Плеханов А. М. Железный Феликс. Белые пятна в биографии чекиста. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2010. 384 с.
10. Плеханов А. М., Плеханов А. А. Московские чекисты в тайной войне 1921–1928. М.: Вече, 2018. 432 с.
11. Плеханов А. М., Плеханов А. А. Расстрелянная коллегия Феликса Дзержинского. М.: Вече, 2019. 464 с.
12. Плеханов А. М. Дзержинский на фронтах Гражданской / Александр Плеханов, Андрей Плеханов. М.: Вече, 2021. 560 с. (Советская история).
13. Плеханов А. М. Плеханов А. А. «Найти и обезвредить». Оперативный розыск преступников и агентуры противника в СССР. М.: Вече, 2021. 544 с.
14. Ф. Э. Дзержинский. Фотоальбом / Сост. А. М. Плеханов, А. Б. Бредихин, Е. С. Чеботков. М.: Планета 1987. 198 с.
15. Феликс Дзержинский. Альбом / Сост. Г. Э. Кучков, А. М. Плеханов, А. А. Плеханов. М.: Кучково поле, 2007. 160 с.
16. Чекисты. История в лицах. Государственное политическое управление НКВД. М.: Кучково поле, 2007. 112 с.
17. Антонов-Овсеенко А. В. Напрасный подвиг? М.: ООО «Издательство АСТ», 2003 477 с.
18. Ратьковский И. С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса». М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

Для цитирования: Плеханов А. А. Ф. Э. Дзержинский в научном наследии доктора исторических наук, профессора А. М. Плеханова // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 179–185.

Дата поступления статьи: 14.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Плеханов А. А., 2022

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ВЧК И НКЮ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ, 1918–1919 ГГ.)

Анастасия Сергеевна Позднякова¹

¹ Кировский государственный медицинский университет, Киров, Россия
¹pozdneyakova.med@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 7186–4921

Аннотация. В статье рассмотрен конфликт между руководством Вятской губЧК и отделом юстиции при Вятском губисполкоме в конце 1918 – начале 1919 г. На основе материалов из фондов ГАРФ реконструированы и подробно описаны стадии развертывания конфликта в регионе. Острота ситуации дополняется тем, что именно тогда красными была сдана Пермь, в Вятку эвакуировали уральских партработников, прибыла партийно-следственная комиссия во главе с Ф. Э. Дзержинским и И. В. Сталиным. Делается вывод о том, что в основе конфликта между ВЧК и НКЮ в Вятке был конфликт местной и уральской партийных элит.

Ключевые слова: советская власть, ВЧК, НКЮ, Вятка, Гражданская война, красный террор, история государственных учреждений, история государства и права.

Постановка проблемы. Одной из центральных проблем управления, с чем столкнулись большевики – конфликты различных органов власти с органами ВЧК. Данная тема в современной российской историографии – одна из популярных [11–12]. Основой для конфликта было то, что внутренний порядок в органах ВЧК указывал, что эта структура подчиняется лично Ф. Э. Дзержинскому. В проведении обысков, арестов, расстрелов ВЧК действует самостоятельно, постфактум отчитываясь перед СНК и ВЦИК [10, С. 67]. При этом ЧК создавались местными Советами и входили в структуру исполкомов. Конфликты начались со второй половины 1918 г. по мере усиления ВЧК. В условиях проведения политики «красного террора», подавления контрреволюции чекисты стали приобретать большую значимость, ощущать независимость от местных Советов и исполкомов.

Основная часть. К концу 1918 г. деятельностью ВЧК были недовольны представители многих ведомств, особенно НКЮ, которому подчинялись ревтрибуналы и исправительные учреждения, где, зачастую содержались подследственные ВЧК. Именно конфликт между НКЮ и ВЧК разгорелся в Вятке в конце 1918 – начале 1919 гг. В это время отношения между ведомствами обострились и в Москве. Нам было интересно полностью изучить конфликтную ситуацию между двумя структурами в регионе, посмотрев, как она разворачивалась, когда и как была прекращена. Полагаем, это помогает установить особенности системы управления, выяснить, влияют ли отношения между ведомствами в Центре на взаимоотношения между ведомствами в регионах, был ли это

конфликт между ведомствами, который перекинулся из Центра на периферию или это социальный межличностный конфликт.

Для понимания ситуации стоит пояснить, что в конце июля 1918 г. после сдачи Екатеринбурга Уральскую облЧК эвакуировали в Вятку. Здесь она вступила в конфликт с Вятской губЧК на тему разграничения полномочий. Итогом стало выступление председателя Вятской губЧК И. М. Зырянова 14 августа 1918 г. на заседании губисполкома, где он доложил о деятельности в Вятке двух структур с одинаковыми функциями. В итоге, приняли решение о ликвидации Вятской губЧК, И. М. Зырянов ушел в отдел юстиции. Получив полноту власти, Уральская облЧК стала проводить политику «красного террора» в Вятке в сентябре 1918 г. В «Еженедельнике ВЧК» был представлен отчет о деятельности, датированный 24 сентября 1918 г., в котором отмечалось, что советские работники Вятки надеялись «проводить диктатуру пролетариата гуманными путями» [8]. Уральская облЧК, критикуя Вятскую губЧК, провела аресты более 400 чел. по подозрению в контрреволюции. Судя по всему, отношения между местным руководством Вятки и представителями Уральской облЧК сопровождалось конфликтами. Об этом можно судить по телеграмме председателя ВЦИК Я. М. Свердлова отправленной в Вятку о деятельности некоторых уральских работников: «товарищ Медведев (член коллегии Уральской облЧК) оказался крайне не тактичным, создавшим ряд конфликтов с вятскими товарищами, приведших к невозможности с ним работать. Его необходимо оттуда убрать в интересах работы» [1, С. 184]. 10 октября 1918 г. президиум Вятского губисполкома принял решение вновь организовать Вятскую губЧК и «вливать туда возможно больше местных сил». Видимо, это не получилось. Нами обнаружен список сотрудников Вятской губЧК на 1 декабря 1918 г., где председателем числился член коллегии Уральской облЧК, тот самый М. А. Медведев, а сотрудники – бывшие работники Уральской облЧК.

Отметим, что именно в этот период (осень 1918 – весна 1919 гг.) Вятская губерния оказалась в эпицентре военных событий: часть губернии захватили войска А. В. Колчака, а после взятия Перми 24 декабря 1918 г. Вятка имела ключевое значение для красных и белых. Используя военное положение региона, права ВЧК в прифронтовых регионах расширялись. Законодательная база молодого государства не поспевала за изменениями. Да и в головах многих революционеров отсутствовало понимание правовых норм, с октября 1917 г. в стране воцарилось революционное правосознание.

Сам конфликт между Вятской губЧК и Вятским губернским отделом юстиции произошел в декабре 1918 г. С чего все началось? 3 ноября 1918 г. заключенные Вятского исправительного рабочего дома подали коллективное прошение в Вятскую губЧК с жалобой на то, что к заключенным применяется неодинаковый режим, надзиратели ведут торговлю, а уголовные содержатся лучше, чем коммунисты [4, Л. 212]. 6 декабря 1918 г. чекисты допросили авторов коллективного заявления, где они подтвердили, что надзиратели берут взятки от «буржуев», содержат в лучших условиях «попов, жандармов», а не коммунистов. 7 декабря Вятская губЧК произвела обыск в помещениях Вятско-

го исправительного рабочего дома, в квартирах, занимаемых надзирателями. На основании этого арестовали 5 надзирателей, которым было предъявлено обвинение в избиении арестованных, спекулятивной торговле. 10 декабря 1918 г. Вятская губЧК постановила расстрелять надзирателей и ряд заключенных, как врагов трудового народа. Так это представили чекисты.

Иное видение сложилось у тех, кто подчинялся НКЮ. Ситуация вызвала серьезное возмущение у заведующего отдела юстиции И. М. Зырянова и заведующего карательным отделом И. А. Чернышева. Во-первых, в начале декабря 1918 г. в Вятском исправительном рабочем доме провели ревизию со стороны НКЮ, выявив нарушения относительно сырости в камерах, переполненности, плохого питания, но жалоб на спекуляцию и торговлю, избиение, разное отношение к коммунистам и «бывшим» не было. Во-вторых, И. А. Чернышев 8 декабря 1918 г. опросил служащих и арестованных Вятского исправительного рабочего дома: множественные свидетельские показания говорили о том, что чекисты избивали надзирателей и некоторых заключенных при допросе, который они проводили в стенах исправительного дома, надзиратели оговаривали друг друга под угрозами расстрела. 8 декабря 1918 г. было проведено судебно-медицинское освидетельствование троих отпущенных чекистами надзирателей, факт избиения был признан доказанным. 9 декабря Вятский губисполком предложил губЧК выдать арестованных надзирателей для их явки на медицинское освидетельствование, указав, что после этого они будут возвращены в ЧК. Чекисты ответили, что это вмешательство в их текущую работу, просьба губисполкома осталась неудовлетворенной. А уже 10 декабря расстреляли 10 надзирателей и арестованных.

После этого губисполком назначил контрольно-следственную комиссию, которая начала проводить свое следствие, а именно проводить освидетельствование надзирателей, собирать показания. Об избиении заключенных и надзирателей, расстрелах без достаточных оснований И. М. Зырянов доложил в НКЮ, 17 декабря 1918 г. НКЮ отправил телеграмму в ВЧК, где просил разобраться в ситуации [3, Л. 16]. В этот же день НКЮ попросил НКВД принять меры к выяснению ситуации в Вятке [3, Л. 17]. Отношения между ВЧК и НКВД были также довольно натянутыми. В конце декабря 1918 г. губисполком и губком попытались изменить руководящий состав Вятской губЧК, что не входило в их компетенцию. В губЧК были недовольны таким «управством» местного исполкома: 4 января 1919 г. чекисты отправили телеграмму во ВЦИК, где критиковали действия исполкома, «наносящих вред работе при настоящих особо тяжелых условиях» [7, Л. 169]. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов ответил в Вятку, что все эти вопросы необходимо отложить до приезда И. В. Сталина и Ф. Э. Держинского.

Но 24 декабря 1918 г. Колчак взял Пермь, армия отступала к Вятке. В Вятку срочно эвакуировались все те уральские партработники, кто не эвакуировался после сдачи Екатеринбурга, а также 5 января 1919 г. в Вятку прибыла партийно-следственная комиссия во главе со Сталиным и Держинским для расследования причин сдачи Перми и укрепления советского и партийного аппара-

та. 9 января 1919 г. на совместном заседании Уральского обкома и Вятского губкома партии приняли решение о слиянии Уральской областной, Пермской и Вятской губЧК, (при слиянии ЧК название осталось Вятская губЧК). Новым руководителем губЧК 9 января 1919 г. назначили Б. Е. Швейкина. Параллельно с этим в Вятку прибыл юрисконсульт 6-го следственного отдела при НКЮ П. И. Ройзман. Когда он явился к председателю губиспокома И. А. Акулову, тот «усомнился в праве Народного Комиссариата юстиции производить ревизии Чрезвычайных комиссий без предварительного согласия ВЧК» [2, Л. 78]. Через день Акулов заявил, что он не может допустить Ройзмана к ревизии, при этом он добавил, что «ему известно, что Народный комиссариат юстиции предпринял кампанию против Чрезвычайных комиссий. Борьба эта, по его мнению, допустима еще в центре советской территории, но ни в коем случае не допустима в прифронтовой полосе» [2, Л. 78]. Таким образом, Ройзман вместо содействия встретил противодействие.

Для расследования событий 7 и 10 декабря Ройзман составил межведомственную комиссию, куда вошли представитель от ВЧК Данилевский, представитель НКВД Михайленко, председатель Вятского ревтрибунала И. А. Фарафонов и председатель следственной комиссии ревтрибунала Г. Я. Кипст. Ознакомившись со следственным материалом, собранным контрольно-следственной комиссией, комиссия пришла к выводу, что «полное и всестороннее расследование этого дела возможно лишь при устранении противодействия со стороны некоторых членов ЧК» [4, Л. 34]. 13 января 1919 г. было решено избрать меру пресечения в отношении 11 чекистов – заключение под стражей до окончания следствия. К слову, представитель ВЧК Данилевский немедленно доложил об этом Дзержинскому, который был на линии фронта в районе Глазова (Вятская губерния). Дзержинский был не против ареста, если такого требует комиссия, и так необходимо для следствия [6, Л. 18]. Но, привести эту меру в исполнение помешал председатель Уральского облисполкома А. Г. Белобородов и его заместитель Г. И. Сафаров. Когда представители комиссии с отрядом солдат пришли в здание ЧК, Белобородов лично письменно поручился за чекистов. Авторитет Белобородова был неоспорим. Швейкин, как председатель Вятской губЧК письменно оправдывался перед ним, почему он пустил в здание ЧК конвой, сопровождавший межведомственную комиссию [4, Л. 35об.]. Белобородов затем возглавил в Вятке губревком. Как отмечал юрисконсульт Ройзман: «Белобородов подобно Акулову смотрит на вмешательство центра в местные дела как на покушение на их личные прерогативы. Они считают местные дела «своими делами» и относятся неприязненно к контролю из Центра» [2, 78об.]. Местные члены межведомственной комиссии через Ройзмана просили Центр вступить за них, они допускали, что могут быть арестованы и даже расстреляны ЧК. «Не только лояльные по отношению к советской власти граждане, но даже советские служащие и коммунисты не уверены в завтрашнем дне, так как борьба с контрреволюцией в Вятке выражается в сведении личных счетов членов ЧК и его агентов» [2, Л. 78об.]. На наш взгляд, Белобородов здесь вступался не за чекистов, а за уральцев, ведь весь руководящий состав, который пытались арестовать, – бывшие члены Уральской облЧК.

Как далее развивался конфликт? Белобородов телеграфировал Дзержинскому 16 января 1919 г. в район Глазова, что «следствие против ряда товарищей возбуждено И. М. Зыряновым, бывшим комиссаром юстиции, к тому же бывшим правым эсером». Возбужденное дело, по мнению А. Г. Белобородова, носит политический характер, в следствие это дела была скомпрометирована ЧК. Белобородов телеграфировал, что «отстранение от работы членов и агентов ЧК окончательно парализовало работу. Правые эсеры, сидящие в отделе юстиции и 4 студента, составляющие следственную комиссию революционного трибунала не могут выполнять работу ЧК» [6, Л. 21]. Он просил дать возможность разработать подробный доклад и доложить его лично, когда Дзержинский прибудет в Вятку. 19 января Дзержинский вернулся в Вятку и заслушал доклад представителя НКЮ Ройзмана. По окончании доклада, как пишет Ройзман в своем отчете, Дзержинский уточнил, что Ройзман «не уполномочен ликвидировать это дело в административном порядке» [2, Л. 80об.]. Решено было продолжить следствие и составить новую комиссию в составе трех представителей – от НКЮ, от ВЧК, от Уральского обкома. На 20 января было назначено заседание этой комиссии, но кроме Ройзмана никто не явился, после чего представитель НКЮ уехал в Москву. Под покровительством Белобородова чекисты продолжали работу в Вятской губЧК.

30 января 1919 г. состоялось заседание коллегии НКЮ, где заслушали доклад Ройзмана о злоупотреблениях в Вятской губЧК. Чекистам вменялось в вину произведение обыска в Вятском исправительном рабочем доме без уведомления губисполкома, избиение арестованных и при допросах, расстрел без достаточных на то оснований. Было вынесено решение предложить следственной комиссии Верховного ревтрибунала начать следствие по делу членов коллегии Вятской губЧК в преступлениях по должности [5, Л. 8]. По постановлению следственной комиссии при ВЦИК 15 февраля 1919 г. было решено привлечь к ответственности членов коллегии ЧК, дело по подсудности отправить в Верховный трибунал при ВЦИК.

17 февраля 1919 г. А. Г. Белобородову, как поручившемуся за чекистов, пришла телеграмма из Верховного трибунала при ВЦИК с требованием отправить их в Москву, что произошло 22 февраля [4, Л. 16]. Уже 24 февраля Белобородов писал Дзержинскому, что «дело, которое они считали законченным, в Верховном революционном трибунале», он просил принять какие-либо меры [4, Л. 33]. 8 марта Дзержинскому написал член коллегии Вятской губЧК, бывший председатель Пермской губЧК П. И. Малков, где отмечал, что вызванный в Москву М. А. Медведев последнее время работал в Урало-Сибирском бюро РКП (б) в специальной отрасли. «Ввиду отсутствия специалистов могущих его заменить в настоящий момент, мы вынуждены обратиться к вам с просьбой о содействии и скорейшем возвращении его в Вятку» [6, Л. 17]. Урало-Сибирское бюро было организовано в январе 1919 г. в Вятке для подготовки и отправки коммунистов в тыл к белым с целью разведки и контрразведки. Медведев в январе-феврале 1919 г. работал на заводах Пермской губернии [9, С. 76].

В начале марта Белобородов переписывался по поводу дела членов Вятской губЧК с секретарем президиума ВЦИК Аванесовым, который рекомендовал написать постановление Уральского обкома [6, Л. 26]. 11 марта 1919 г. в Президиум ВЦИК было направлено обращение Уральского обкома: «Чекисты, находящиеся под следствием, – люди, вполне засвидетельствовавшие своей долгой работой в рядах партии свою бескорыстную преданность коммунизму, не могли быть заподозрены в личном прямом или косвенном участии в зверской расправе, грабеже». По их мнению, случайный подбор низших агентов ЧК – главная причина событий декабря 1918 г. [6, Л. 5]. Обращение заканчивалось фразой: «Собрание членов бывшего уральского областного комитета РКП (б) находит целесообразным просить Президиум ВЦИК направить дело к прекращению» [6, Л. 6]. Дело в Верховном трибунале при ВЦИК было прекращено.

Результаты исследования. Подводя итоги, отметим, что в основе конфликта между Вятской губЧК и отделом юстиции при Вятском губисполкоме – и межличностный конфликт между М. А. Медведевым и И. М. Зыряновым, и конфликт партийных элит: вятской и уральской, и конфликт между ЧК и НКЮ. Мы выяснили, что поведением Медведева были недовольны в Вятке с момента его прибытия. Вообще, из-за приезда эвакуированных уральцев многим вятским партийным деятелям пришлось сменить работу, в том числе и Зырянову. Именно действия Медведева, как председателя губЧК, в декабре 1918 г. спровоцировали новый конфликт с ним, а затем – со всеми уральцами, прибывшими после сдачи Перми. Закончилось все тем, что на все высокие должности в Вятке поставили выходцев с Урала. Конфликт «прояснил» разное представление законности между чекистами и представителями НКЮ. Для Зырянова основания губЧК, что расстрелянные были «врагами трудового народа» были явно недостаточными. Чекисты не видели в своих действиях каких-либо нарушений.

Необходимо отметить, что, конечно же, такой ситуацией в момент острого конфликта в Центре между ВЧК и НКЮ не могли не воспользоваться представители НКЮ. Это дело использовали как один из эпизодов бесчисленных «бесчинств ВЧК». Представители НКЮ с осени 1918 г. твердили о необходимости реформирования системы ВЧК, что и произошло в начале 1919 г. Считаем, что конфликтная ситуация в Вятке, несомненно, требует дальнейшего изучения, а именно интересны обстоятельства самого расстрела, как он был произведен, показания чекистов межведомственной комиссии, их биографии.

Список источников и литературы:

1. ВЧК. Главные документы истории / авт. и сост. В. Долматов. М., 2017. 416 с.
2. ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 2. Д. 441.
3. ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 2. Д. 635.
4. ГАРФ. Ф. Р–1005. Оп. 1А. Д. 116.
5. ГАРФ. Ф. Р–1235. Оп. 94. Д. 173.
6. ГАРФ. Ф. Р–1235. Оп. 94. Д. 269.

7. ГАРФ. Ф. Р–1235. Оп. 94. Д. 270.

8. Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1.

9. Кашин В. В. Чекисты Урала после оставления края в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: мат–лы XXII междунар. науч. конф. М., 2018. С. 73–79.

10. Новоселов Д. С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66–76.

11. Новоселов Д. С. «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК» // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51–55.

12. Ратьковский И. С., Малецкая Э. Р. ВЧК–ГПУ и НКЮ: ведомственная война 1917–1922 годы // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: мат–лы XXII междунар. науч. конф. М., 2018. С. 80–86.

Для цитирования: Позднякова А. С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918-1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 186–192.

Дата поступления статьи: 13.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Позднякова А. С., 2022

БОРИС БАК: «...ЛУЧШЕ ВСЕГО МОЖЕТ БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАН В ОРГАНАХ Г.П.У.»

**Иван Борисович Полуэктов¹
Михаил Антонович Тумшиц²**

¹ Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия

² независимый исследователь, Самара, Россия

¹ ivan.poluektov@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 1704–3948

² nfago@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9508–7417

Аннотация: Авторы статьи, подготовленной в год 105-летия создания отечественных органов государственной безопасности, исследуют жизненный путь и служебную деятельность одного из руководящих работников советских спецслужб – Бориса Аркадьевича Бака, после перевода из Сибири более семи лет (1927–1935 гг.) возглавлявшего Самарский губернский отдел ОГПУ – ПП ОГПУ по Средне-Волжской области – УНКВД СССР по Куйбышевскому краю. Актуальность темы объясняется сохраняющимся в современном историческом сообществе интересом к истории отечественных спецслужб и судьбам их сотрудников, переосмыслением и современным их прочтением, благодаря новым архивным источникам, введенным в научный оборот, а также фактам, воссозданным с помощью сравнительно-исторического и историко-биографического методов. Статья написана с использованием принципов историзма и объективности на основе архивных документов федеральных, региональных и ведомственных архивов, материалов ресурсов сети Интернет, опубликованных исторических исследований. За период службы Б. А. Бака в Среднем Поволжье наиболее ярко проявились его организаторские качества чекиста-руководителя, о чем свидетельствуют награждение орденом Красного Знамени и двукратное присвоение звания «Почётный работник ВЧК–ГПУ». Но, несмотря на заслуги в сфере обеспечения госбезопасности страны, Б. А. Баку не удалось избежать кампании по «очищению» чекистской среды путем массовых чисток и уничтожения сотрудников НКВД. Авторы считают, что в судьбе Б. А. Бака наглядно отразилась история местных структур ОГПУ–НКВД в весьма сложный и неоднозначный период развития советского государства.

Ключевые слова: историческая биография, военная антропология, чекисты, советские спецслужбы, Борис Аркадьевич Бак, органы государственной безопасности, ВЧК, ОГПУ, Самара, Омск.

Постановка проблемы. За период с ноября 1918 г. по ноябрь 1927 г. на посту регионального руководителя органов госбезопасности в Самаре находилось 15 чел. У большинства из них срок пребывания в должности был коротким: от 2 недель (Г. Д. Курулов) до 2,5 лет (П. И. Карпенко–Ринкман). И лишь Борис Аркадьевич Бак возглавлял Самарский губотдел ОГПУ, а затем ПП

ОГПУ и УНКВД более 7 лет (с 24 ноября 1927 г. по 20 марта 1935 г.). Для того исторического периода это очень много, можно даже сказать – целая эпоха. И действительно, Б. А. Бак среди руководителей органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ Самарского региона – один из рекорсменов по времени пребывания в должности. Опередили его лишь генералы КГБ И. П. Кинаров (14 лет) и В. С. Гузик (13 лет). Но то было иное время, когда стабильность в кадрах являлась некоей обязательной нормой, чего нельзя сказать о «гудящих» 1920-х и «грозовых» 1930-х гг. – времени эпохальных перемен в истории нашей страны. В рамках данного исследования, основываясь на архивных материалах и исторических исследованиях, предполагается рассмотреть проблему нехарактерно длительного для рассматриваемого периода пребывания в одной должности чекиста столь высокого ранга, причины и условия, способствовавшие данному феномену.

Основная часть. Борис Аркадьевич Бак родился 1 мая 1897 г. в деревне Знаменское Верхотенского уезда Иркутской губернии в семье еврея, «...высланного из Западного края в 1840 г. в ссылку в Сибирь» [1, Л. 19]. В 1903 г. семья переехала на жительство в г. Иркутск. Мать Бориса также происходила из «политических ссыльных» [2, С. 44], в её обязанности входило ведение домашнего хозяйства и воспитание сыновей Бориса и Соломона, дочерей Ганны и Марии [3, Л. 8]. Старший сын Борис по окончании Иркутского промышленного механико-технического училища [1, Л. 19] мобилизуется на военную службу и направляется в апреле 1917 г. на учёбу в Иркутскую школу прапорщиков пехоты [4]. Ранее (в феврале 1917 г.) Б. А. Бак стал коммунистом, вступив в члены РСДРП. В конце июля 1917 г. он оказался под судом «за агитацию и призыв против наступления на фронте» [5, Л. 6], но был отпущен, и, получив чин прапорщика, в сентябре 1917 г. убыл в Петроград для дальнейшего прохождения службы. В рядах армии Б. А. Бак пробыл порядка трех месяцев, успев при этом принять участие в Октябрьском вооруженном восстании в качестве члена Военной организации при ЦК РСДРП (б) и защите Петрограда от войск Краснова–Керенского. В декабре 1917 г. Б. А. Бак демобилизуется из армии, уезжает в Иркутск [4; 6, С. 22].

С января 1918 г. Б. А. Бак – секретарь отдела транспорта Иркутского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, затем инспектор отдела транспорта и сообщений ЦИК Сибири («Центросибири») – принимал активное участие в организации снабжения воинских частей, воевавших на семеновском фронте. В июне 1918 г. оказывается в Екатеринбурге, а затем в Перми уже в качестве уполномоченного Высшего Военного Совета по Пермскому железнодорожному узлу и одновременно доверенного лица члена коллегии Наркомвоена Республики К. А. Мехоношина. С декабря 1918 г. началось стремительное движение Б. А. Бака по служебной лестнице в штабе 3-й армии Восточного фронта: помощник начальника и начальник, а затем военный комиссар Артиллерийского управления и Инженерного отдела при штабе 3-й армии. В январе 1920 г. демобилизован из РККА по просьбе Сибревкома, который просил вернуть Б. А. Бака на работу в Сибирь.

В феврале 1920 г. в Новониколаевске состоялась встреча Б. А. Бака с другом детства Матвеем Берманом, председателем Томской уездной ЧК, предложившим ему стать чекистом. Б. А. Бак сразу же получил руководящий пост начальника секретно-оперативной части (СОЧ) и заместителя председателя Томской уездной ЧК. В августе 1920 г. М. Д. Берман сдал дела Б. А. Баку и убыл в распоряжение Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). 16 сентября 1920 г. решением Сибирского бюро ЦК РКП(б) Б. А. Бак стал врид председателя Томской губернской ЧК. Однако, в декабре 1920 г. Томский губком РКП(б) решил перебросить его на работу в другую местность, так как он «...потерял авторитет среди масс» [7, С. 12]. Он снова оказался в Иркутске на посту начальника СОЧ и зам. председателя губЧК. В ноябре 1921 г. последовал перевод на аналогичную должность в Омскую губЧК. С июля 1922 г. Б. А. Бак одновременно являлся начальником СОЧ и зам. начальника Новониколаевского губотдела ГПУ.

Столь частые переброски с места на места можно объяснить как кадровой чехардой и неразберихой, характерными для первых лет Советской власти, так и тем, что молодые и способные чекисты Б. А. Бак и М. Д. Берман играли в аппарате ПП ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского роль своеобразной «пожарной команды». Несмотря на отдельные шероховатости в отношениях с И. П. Павлуновским, служебная карьера Б. А. Бака продвигалась успешно, так же, как и взаимодействие с партийным руководством, о чем свидетельствует выдержка из характеристики на члена РКП(б) Б. А. Бака от 19 июня 1922 г.: «<...> Имеет способности к организационной деятельности по партийной и советской линии. <...> Способен работать в губернском масштабе. Лучше всего может быть использован на работах в органах Г.П.У. <...>» [5, Л. 2об].

В октябре 1923 г. Б. А. Бак становится начальником СОУ и одновременно зам. полпреда ГПУ–ОГПУ по Сибири, взяв на себя всю оперативную работу полпредства, ибо И. П. Павлуновский все больше играл представительскую функцию в высших эшелонах власти Сибирского края и Центра, часто находился в служебных командировках (как правило, в Москве). Параллельно у Б. А. Бака давно зрело желание перейти на самостоятельный участок работы, но это устремление активно тормозил И. П. Павлуновский, утверждавший, что «...[ему] надо еще подрасти» [1, Л. 22]. Новый же полпред (Л. М. Заковский) стал формировать свою «команду», а потому не стал удерживать своего заместителя в Сибири. В 1927 г. в Москву ушла положительная характеристика на Б. А. Бака, подписанная Л. М. Заковским: «<...> Хороший выдержанный работник. Быстро ориентируется в политической обстановке и принимает активное участие в партийной и общественной работе, отрицательных моментов нет. Имеет стремление к самостоятельной работе <...>» [4].

24 ноября 1927 г. Б. А. Бак вступил в должность начальника Самарского губотдела ОГПУ и начальника Особого Отдела (ОО) ОГПУ Приволжского ВО (ПриВО). Новый пост разительно отличался от предыдущего как охватом территории, так масштабами оперативных задач и штатом сотрудников (штатная численность Самарского губотдела ОГПУ вместе с аппаратом ОО ОГПУ ПриВО составляла всего 81 чел.) [8, Л. 74], что, в сравнении с сибирскими масшта-

бами, должно было смутить нового начальника. Но, полагаем, что Б. А. Бак знал о реальных перспективах нового места службы, а потому согласился переехать в Самару. И в ближайшее время его предположения реализовались.

14 мая 1928 г. в результате объединения упраздненных Самарской, Оренбургской, Ульяновской, Пензенской и части Саратовской губерний была организована Средне-Волжская область (СВО) с административным центром в Самаре. 1 июля 1928 г. образовано ПП ОГПУ по СВО, а также значительно расширен аппарат ОО ПриВО. В штатном расписании ПП ОГПУ состояло 243 чел. И территориальный рост, и увеличение штатной численности, и возросшие оперативные задачи, несомненно, вдохновляли Б.А. Бака.

На этом фоне полпред приступил к формированию своей «команды» из сотрудников, отвечавших его устоявшимся требованиям, преданных и лично верных ему. Уже в июле 1928 г. в штате ПП ОГПУ появились первые «сибиряки», число которых в окружении Б. А. Бака в дальнейшем лишь нарастало: начальник Ульяновского окротдела ОГПУ С.В. Здоровцев (бывший начальник Иркутского окротдела ОГПУ) и начальник Бугурусланского окротдела ОГПУ П.М. Олехнович (в прошлом – начальник СОЧ Красноярского окротдела ОГПУ) [9]. В дальнейшем С. В. Здоровцев превратится в одну из самых приближенных фигур к Б. А. Баку: в 1930 г. возглавит СОУ ПП, а с 1932 г. станет зам. полпреда ОГПУ по СВК [10]. Позднее к ним присоединился новый начальник Кузнецкого окротдела ОГПУ П. Н. Звездин (бывший сотрудник Читинского окротдела ОГПУ), возглавивший в 1930 г. Мордовский облотдел ОГПУ [11]. В 1930 г. помощником начальника СОУ ПП стал И. Е. Жуков, ранее служивший в органах ОГПУ в Чите [12, Л. 3–4, 5–6об.]. Позднее ответственные должности в ПП ОГПУ по СВК заняли: И. А. Мальцев, ставший начальником Оренбургского оперсектора ОГПУ (бывший начальник Томского оперсектора ОГПУ) [13], М. Н. Коновалов, получивший пост особоуполномоченного ПП (в прошлом – начальник Кузнецкого окротдела ОГПУ) [14], Н. М. Майстеров – руководящий сотрудник ХОЗО ПП ОГПУ по СВК (до 1932 г. – комендант ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю), А. С. Головин – начальник отделения ДТО ОГПУ на ст. Самара (бывший начальник отделения ДТО на ст. Красноярск) [15, С. 292]. В феврале 1933 г. Б. А. Бак добился перевода в Самару бывшего начальника Иркутского окротдела ОГПУ М. А. Атенкова, занявшего должность помощника начальника оперсектора ОГПУ в Пензе, а в 1934 г. возглавившего Отдел пожарной охраны ПП ОГПУ–УНКВД по Средне-Волжскому краю [16]. В том же году пост начальника Оренбургского оперсектора ОГПУ занял С. М. Буда, известный сибирский чекист, активный участник Гражданской войны в партизанских отрядах [17].

Решая вопросы формирования собственной «команды», Б. А. Бак одновременно активизировал всю оперативную деятельность органов ОГПУ в регионе. К началу 1930-х гг. одним из самых ответственных участков работы чекистских структур в крае стало участие в проведении политики массовой коллективизации, а также содействие изъятию хлебных излишков, как у крестьянства, так и у формируемых колхозов и совхозов. Б. А. Бак мотивировал низовые структуры

ПП на ограниченность масштабных арестов «контрреволюционеров», одновременно требуя решительных действий при проявлении любого сопротивления в ходе массовой коллективизации: «<...> нужно снимать [крестьянское] сопротивление, и чем жестче будут чекистские меры воздействия, тем качественнее станут и результаты <...> строительства коллективных хозяйств в крае <...>» [18, Л. 115–116].

Масштабное силовое давление на крестьянство, грубые искривления советской политики коллективизации, широко используемые методы командования и администрирования – всё это вызывало случаи прямого противодействия властям со стороны местных крестьян. В 1932 г. наблюдался значительный рост уголовного и политического бандитизма: к январю 1933 г. в крае действовало 173 банды общей численностью 1032 чел. [19, Л. 300]. Яростная «накачка» со стороны полпреда, его постоянное сопровождение основных мероприятий по ликвидации наиболее крупных и дерзких бандгруппировок, выделение опытных работников ОГПУ в оперативные группы дали свои результаты. В конце 1933 – начале 1934 гг. в крае были ликвидированы: действующая в окрестностях Оренбурга хорошо вооруженная банда Попенко-Ткаченко (по кличке «Пронька»), а также банды Чижикова и Никитина в Чердаклинском районе, бандитские шайки Петрухина и Хренкова в Красноярском районе, банда Курносова в Рузаевском районе, банда Першива в Лунинском районе. В целом, на начало 1934 г. в СВК действовало 55 бандитских групп и шаяк численностью 369 чел. [20, С. 86].

На посту полпреда ОГПУ, а затем и начальника УНКВД Б. А. Баку постоянно приходилось решать кадровые проблемы. Он постоянно настаивал на освежении оперативного аппарата, а вернее, говоря о его «орабочивании» – о притоке на службу в ОГПУ передовых грамотных и развитых представителей рабочего класса. При этом полпред с сожалением признавал, что именно такие рабочие на службу в органы ОГПУ не спешат, так как на производстве они будут получать зарплату больше, да и в материальном отношении обеспечены значительно лучше [18, Л. 148об.]. Большинство сотрудников регионального ПП ОГПУ нуждались в продовольствии, дровах, в служебном жилье, одежде и обуви. И Б. А. Бак принимал активное участие в разрешении этих существенных вопросов для охраны госбезопасности в крае. При его активном содействии был сдвинут вопрос о строительстве ведомственного дома в Самаре на ул. Ленинградской. Одновременно развернулось строительство Клуба им. Ф. Э. Дзержинского и здания краевого управления милиции.

Руководство ОГПУ при СНК СССР, высшие партийные и советские органы признавали успехи Б. А. Бака на посту полпреда ОГПУ в Среднем Поволжье. Он был дважды удостоен высшей ведомственной награды – знака «Почётный работник ВЧК–ОГПУ» (V, XV). 19 декабря 1932 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) принимается решение о награждении «за особо выдающиеся заслуги в борьбе с контрреволюцией» орденом Красного Знамени большой группы сотрудников ОГПУ, в том числе, полпреда ОГПУ по СВК Б. А. Бака [21, Л. 10].

14 марта 1935 г. Б. А. Бак назначается 1-м зам. начальника УНКВД по Московской области. Но он тяжело заболел, долго лечился и фактически не появлялся по новому месту службы. А когда окончательно выздоровел – наркомом был уже Н.И. Ежов, после серии встреч с ним Б. А. Бак 14 марта 1937 г. стал начальником УНКВД по Северной области. Но уже 7 августа 1937 г. его экстренно вызвали в Москву для отчета о результатах борьбы с «врагами народа» в регионе. А 10 августа 1937 г. он был арестован по обвинению в том, что «<...> являясь начальником УНКВД в Куйбышеве, покрывал контрреволюционеров, способствовал антисоветской деятельности <...> правых, руководимых Хатаевичем» [1, Л. 10].

Несмотря на продолжительный период нахождения под следствием (более 10 месяцев), в уголовном деле Б. А. Бака сохранился единственный протокол его допроса от 12 сентября 1937 г., в котором он сообщал: «Моя контрреволюционная деятельность как участника антисоветской организации правых заключалась в том, что я своей бездеятельностью [и] предательством в борьбе с контрреволюцией, особенно с правыми, давал право Хатаевичу и другим членам антисоветской организации считать себя «своим человеком» и творить вредительские контрреволюционные дела, не боясь моего разоблачения» [1, Л. 11]. Какой-либо конкретики от Б. А. Бака следователю НКВД добиться так и не удалось. К январю 1938 г. следствие в его отношении завершилось, и 16 июня 1938 г. Борис Бак был расстрелян. О нем вспомнят лишь через 20 лет: его посмертная реабилитация состоится 2 апреля 1957 г.

Результаты исследования. В судьбе Бориса Аркадьевича Бака наглядно отразилась история местных структур ОГПУ–НКВД в весьма сложный и неоднозначный период развития советского государства. Он, на первый взгляд, органично вписался в когорту чекистов, пришедших в органы ВЧК в конце Гражданской войны. За короткий период, благодаря своим настойчивости и профессионализму, Б. А. Бак стал одним из видных чекистских руководителей регионального уровня, возглавив ПП ОГПУ по СВО. Но, несмотря на заслуги в сфере обеспечения госбезопасности, отмеченные орденом Красного Знамени и двумя знаками почётного чекиста – высшей наградой ОГПУ, Б.А. Бак не смог избежать уголовного преследования в ходе кампании по «очищению» чекистской среды путём массовых чисток и уничтожения сотрудников НКВД, предпринятой новым наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым.

Список источников и литературы:

1. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 112. Д. 65.
2. Революционный подвиг сибиряков. Биографии борцов за власть Советов на земле Иркутской. Иркутск: Вост.–Сиб. изд-во, 1972. 363 с.
3. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 36. Д. 273.
4. Личное дело (автобиография) Б. А. Бака // Архив УФСБ России по Архангельской области.

5. ГАНО. Ф. П–18. Оп. 4. Д. 36.

6. Рыбкин А. И., Кушнер Д. Л. «В тщетных поисках смысла...» (о судьбах делегатов XVII съезда ВКП(б) от Средне-Волжского края). Самара: НПЦ «Ретроспектива», 1992. 152 с.

7. Гузаров В. Н. Томский филиал ВЧК–ГПУ (1920–1925) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 11–15.

8. СОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 486.

9. Служебная карточка П. М. Олехновича // ГАРФ.

10. Личное дело С. В. Здоровцева // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 7. Д. 146211.

11. Регистрационный бланк № 0460038 обр. 1936 г. на члена ВКП(б) П. Н. Звездина // РГАСПИ.

12. Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 15. Д. 1003.

13. Служебная карточка И. А. Мальцева // Служба организационно-кадровой работы ФСБ России.

14. Пенсионное дело М. Н. Коновалова // ОСФ ИЦ ГУ МВД по Самарской области. Д. 28.

15. Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. М.: Звенья, 2010. 1006 с.

16. Служебная карточка М. А. Атенкова // Архив УФСБ России по Оренбургской области.

17. Служебная карточка С. М. Буды // Архив УФСБ России по Оренбургской области.

18. СОГАСПИ. Ф. 6181. Оп. 1. Д. 6.

19. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р–779. Оп. 2. Д. 826.

20. Тумшис М. А., Алексеев П. М., Карпов И. Е. Полиция и милиция Самарской губернии (имена, события, факты). Самара: Тип. ГУВД Самарской обл., 2003. 151 с.

21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 912.

Для цитирования: Полуэктов И. Б., Тумшис М. А. Борис Бак: «...лучше всего может быть использован в органах Г.П.У.» // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 193–199.

Дата поступления статьи: 12.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 13.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Полуэктов И. Б., Тумшис М. А., 2022

**«НЕПРЕРЫВНОЕ АГЕНТУРНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩЕСТВА “ПРОСВЕЩЕНИЕ” ПРОДОЛЖАЕТСЯ»:
О МЕРАХ ЖАНДАРМЕРИИ
ПРОТИВ ОМСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ (1914 Г.)**

Максим Максимович Стельмак^{1,2}

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия

^{1,2} stelmakmm@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4328–1399

Аннотация: В статье представлен анализ работы членов омской организации РСДРП в первой половине 1914 г. и меры Омского жандармского управления, направленные на пресечение данной деятельности. Несмотря на то, что в ряде работ историками было уделено большое внимание деятельности сибирских революционеров в указанный период, в исследованиях редко анализировалось положение социал-демократов Омска накануне начала военно-революционной эпохи 1914-1922 гг., реакция на него со стороны силового ведомства. В качестве источниковой базы использованы опубликованные и неопубликованные материалы Омского жандармского управления. Автор показывает эффективность действий политической полиции в отношении антиправительственной оппозиции.

Ключевые слова: РСДРП, революционное движение, российские спецслужбы, Отдельный корпус жандармов, Омск, Сибирь.

Постановка проблемы. Изучение истории работы российских спецслужб занимает важное место в отечественной исторической науке [1-15]. Отдельной ветвью историографии данного обширного вопроса является изучение деятельности революционного движения в Российской империи. При этом, специалисты делают акцент на эпохе Николая II [16-30]. Но до сих пор в полной мере не исследованы региональные особенности деятельности оппозиционных политических партий, среди которых особняком выделяются социал-демократы. В этом отношении привлекателен пример Омска – города, являвшегося крупным административным и военным центром востока России. Действия жандармерии здесь нанесли накануне Первой мировой войны урон работе омских социал-демократов, что сказалось на функционировании данной политической группы в Омске в последующий период.

Основная часть. На протяжении первой половины 1914 г. члены социал-демократической организации Омска активно участвовали в общественно-политических мероприятиях. Важно отметить, что согласно составленному сотрудниками жандармерии списку, на 25 мая 1913 г. в омской группе РСДРП значилось около 60 человек [31, Л. 1-7]. Партия являлась единой, хотя в ней были те, кто считал себя большевиками, меньшевиками или внефракционными

социал-демократами. В провинции совместная работа представителей разных направлений продолжалась длительное время, а зачастую даже на протяжении всего 1917 г. [32, С. 48-50]. Так, 17 февраля 1913 г. в Омске состоялось партийное собрание, решившее, среди прочего, выразить благодарность за освещение рабочей жизни газетам меньшевиков «Луч» и большевиков «Правда». Но, вместе с тем, им выносилось строгое порицание за вражду между собой. В начале марта 1913 г. из Омска были отправлены письма в редакции вышеуказанных изданий за подписью 20 местных социал-демократов с жесткой критикой за трату сил на «братоубийственную войну». Взаимная вражда некоторых большевиков и меньшевиков называлась «вредной роскошью». В письмах звучал призыв к созданию единой социал-демократической рабочей партии [33, Л. 1-7, 29-29об.].

К лету 1914 г. в омской организации РСДРП сложилась следующая обстановка. Кроме единства людей различных фракций она вела довольно активную просветительскую работу. Ключевыми ее лидерами на тот момент можно назвать К. А. Попова (1876-1949) и А. Н. Гладышева (1884-1972). К. А. Попов являлся присяжным поверенным, а с середины лета 1914 г. и гласным Омской городской думы. Также он входил и в совет присяжных поверенных округа Омской судебной палаты [34, С. 64]. А. Н. Гладышев (дядя В. В. Куйбышева) был журналистом и вместе с тем заведовал делопроизводством по училищному столу в Омской городской управе, а в годы Первой мировой войны являлся активным деятелем кооперативного движения.

Немалое количество омских социал-демократов участвовало в обществе «Просвещение». Оно было создано в 1911 г. представителями интеллигенции довольно разных взглядов. В мае 1913 г. в данной организации начала работу комиссия по устройству народных чтений. Ее председателем был избран К. А. Попов, который подверг критике предыдущую тематику чтений как не отвечающую требованиям. По его мнению: «Деятельность общества должна быть направлена к удовлетворению духовных интересов и потребностей демократической части населения» [35, С. 114]. Под руководством К. А. Попова была подготовлена тематика общественно-политических чтений. Мероприятия, проводимые в обществе, практически сразу попали в поле зрения жандармерии. В донесениях говорилось, что, благодаря получению через агентуру проекта программы народных чтений, виден их тенденциозный характер вместе с возможностью придавать им нежелательное направление [36, Л. 82]. 9 февраля 1914 г. на заседании общества проходили выборы правления. 34 голоса из 35 было подано за К. А. Попова. Однако он, опасаясь репрессий со стороны властей, временно отказался от данного поста [37, С. 66]. Тем не менее, омские социал-демократы продолжали вести просветительскую работу, несмотря на возникающие препятствия. Способствовали этому и имеющиеся у политических ссыльных Западной Сибири личные библиотеки, в том числе и в Омске [38, С. 9].

В то же время, жандармы не оставляли общество «Просвещение» без внимания. В политическом обзоре Степного края на начало 1914 г. отмечалось, что народные чтения, устраиваемые данным обществом, привлекают массу слуша-

телей [39, Л. 6]. Беспокойство вызвало и появившееся осенью 1913 г. «Общество самообразования и физического развития», в котором также старались активно участвовать социал-демократы и левая интеллигенция. Подчёркивалось, что в новом обществе значится и К. А. Попов, читающий в нем лекции по политической экономии. В отчете жандармерии также было указано, что в начале 1914 г. в недавно образованном обществе значится уже 600 человек [39, Л. 5об.]. В дополнение ко всему, в 1914 г. при активном участии К. А. Попова было устроено новое просветительное «Общество разумных развлечений», задачами которого было определено устройство лекций, обсуждений рефератов, организация вечеров для железнодорожных рабочих Атаманского хутора [38, С. 66].

Последовали соответствующие меры. На многих мероприятиях вышеуказанных обществ нелегально присутствовали как чины жандармерии, так и агентура. Отчеты о сведениях сексотов обычно заканчивались формулировками: «Непрерывное агентурное освещение деятельности общества «Просвещение» продолжается» или «Агентура направлена к самому детальному освещению предстоящей деятельности «Общества самообразования и физического развития»» [36, Л. 37, 85]. Филерами фиксировалось и время, проведенное социал-демократами в доме общества «Просвещение» (угол улиц Варламовской и Перевозной, ныне Декабристов и Масленникова; здание не сохранилось) [40, Л. 202]. Параллельно гражданские власти предпринимали действия по ограничению деятельности подобных организаций. В докладе о работе унтер-офицеров жандармерии И. Погребного и Фартушина от 19 января 1914 г. подробно описано увиденное и услышанное в тот день ими в здании общества. Было указано: К. А. Попов объявил, что лекция «Сочинения Толстого о Катюше» отмена [гражданским] губернатором и прочитана не будет [41, Л. 9].

Омские члены РСДРП пытались наладить издательское дело. В одном из донесений от 13 мая 1914 г. начальник Томского губернского жандармского управления сообщил омским коллегам о решении социал-демократов создать небольшую подпольную типографию в Омске. В устройстве должны были принять участие братья Федоровы и Я. И. Ярожко, типографские рабочие, высланные из Томской губернии. В итоге, вероятно благодаря данной информации, создание типографии было предотвращено [42, С. 95].

Немалую роль в борьбе с революционным движением сыграл подполковник Н. Н. Козлов (1859-1920), начальник Омского жандармского управления. Данную должность он занял в Омске 11 июня 1913 г., а 5 октября того же года ему был присвоен чин полковника. До этого, с 1893 г. он служил в Саратовской губернии [43, С. 320]. В ночь на 1 ноября 1902 г. ротмистр Козлов произвел обыск у находившегося в ссылке в Саратове А. А. Корнилова (секретаря ЦК конституционно-демократической партии в 1905-1908 гг.), после чего арестовал и препроводил в тюрьму [44, С. 218]. В 1905 г. Н. Н. Козлов вел наблюдение за сибирским революционером Т. П. Белоноговым [45, С. 37]. Полковник хорошо понимал ценность секретных сотрудников, внедряемых в революционное подполье. Основную работу по оповещению мероприятий РСДРП осуществлял агент И. Д. Красильников. В этой должности он находился с 1909 г. [46, Л. 5],

стараясь посещать все легальные и нелегальные собрания омских социал-демократов, внимательно фиксируя озвученные вопросы. В начале 1914 г. на подобном мероприятии революционеры приняли решение организовать в городе две конспиративных квартиры для приема и временного проживания в городе нелегальных партийных работников [47, С. 167].

Все это не могло не беспокоить полковника Козлова. Еще с осени 1913 г. по поступающим агентурным сведениям ему было известно о брожении рабочих на заводе по производству земледельческих машин и орудий датчанина С. Х. Рандрупа и фабрике «Энергия» [48, Л. 4-5]. В апреле 1914 г. происходила забастовка рабочих типографии «Печатное искусство» [49, Л. 1].

Ее возглавлял наборщик М. Г. Скурихин, ранее являвшийся членом новиколаевской группы РСДРП. Они выдвинули 11 требований, в том числе, признать выборных от рабочих, выдать расчетные книжки, сделать сверхурочные работы необязательными, улучшить санитарное состояние фабрики. Часть требований удовлетворили. 8-11 мая 1914 г. рабочие типографии вновь забастовали, но эта акция закончилась поражением [50, С. 81-82]. Согласно документам жандармерии, владелец типографии позднее сообщал, что М. Г. Скурихин «будучи человеком, более интеллигентным, чем остальные рабочие, приобрел сразу на них влияние» [42, С. 93].

В донесении о событиях 1 мая 1914 г. сообщалось, что в типографии Яковлева на работу не вышло 62 человека из 90. На фабрике «Энергия» 80 рабочих не вышли на работу после 14:00 [47, Л. 10]. Вскоре поступили новые сообщения от И. Д. Красильникова. Согласно им, 17 мая 1914 г., с 22:00 до 24:00 в лесу за фабрикой «Энергия» состоялось собрание интеллигентов и рабочих из числа омских социал-демократов для обсуждения важных вопросов. Председателем собрания являлся К. А. Попов. Во время дискуссии большинство собравшихся высказались за сочетание методов легальной и нелегальной работы. Ими акцентировалось внимание на крайне затруднительной легальной работе в Омске, в том числе и в области просвещения [41, Л. 43об.]. Присутствовал И. Д. Красильников и на следующем подобном собрании 31 мая 1914 г. за Иртышом. К обсуждению добавилась и новые вопросы. Среди прочего было принято решения об организации партийной библиотеки и профессионального союза рабочих по дереву. Завершая выступление, К. А. Попов отметил, что он теперь является гласным городской думы и просил товарищей руководить его деятельностью на этой арене [41, Л. 43об.].

Вероятно, со стороны Н. Н. Козлова возникли планы о немедленном пресечении подобного рода деятельности. Но 14 июня 1914 г. омские жандармы получили письмо от коллег из столицы. В нем сообщалось, что недавно в Санкт-Петербурге, на складе газеты «Правда» был произведен обыск, во время которого нашли документ с указанием адреса: «Омск, Новый форштадт, Волошинская, д. 70, Ел. Миллер» [49, Л. 4]. Выяснилось, что это адрес Елизаветы Яковлевны Миллер. Она вместе со своим супругом, столяром фабрики «Энергия» состояла в РСДРП и проходила по наружному наблюдению. Скоро они и ряд связанных с ними лиц подверглись обыскам, благодаря которым было об-

наружено множество образцов периодической печати социал-демократов, книжных изданий, в том числе за авторством К. Каутского, М. Н. Покровского, А. Бебеля, Г. В. Плеханова [49, Л. 5-6]. Как отмечал кемеровский историк С. В. Макаrchук, данные обыски стали ощутимым ударом по омской РСДРП и вынудили многих отказаться от подпольной деятельности. За пределы края был выслан активный омский социал-демократ, слесарь, рабочий фирмы «Нольте» М. Н. Белкин. Прервалась связь с центральными органами партии [17, С. 82]. Существенный удар нанесла и Первая мировая война. Вскоре после её начала Н. К. Крупская в письме Е. Д. Стасовой сообщала, что: «связей ни с одной сибирской организацией у нас нет, и не знаем, есть ли где в Сибири таковые» [51, С. 32].

Попытки вести просветительскую деятельность в легальных рамках не всегда могли увенчаться успехом. В отчете жандармерии, составленном в мае 1915 г. прямо указывалось, что намерения участников общества «Просвещение» постоянно терпели неудачу из-за противодействия администрации [39, Л. 26]. Тем не менее, омские революционеры пытались продолжать свою работу, даже не имея своего комитета. Не избежали они раскола на «пораженцев» и «оборонцев». Велась ими и антивоенная агитация, на собраниях поднимались вопросы о необходимости выхода страны из войны. В итоге, в декабре 1916 г. объединенная РСДРП была восстановлена в Омске.

Результаты исследования. Таким образом, в первой половине 1914 г. омские социал-демократы проявляли довольно высокую активность, отмечая необходимость сочетания легальных и нелегальных форм работы. В свою очередь, сотрудники жандармерии продолжали пристальное наблюдение над противниками самодержавия. Большую роль в этом сыграла работа секретных сотрудников, внедренных в подполье и оперативно сообщавших начальству о планах оппозиции. Но в итоге, несмотря на ощутимое противодействие жандармерии, ущерб, участники РСДРП в Омске, хотя и в меньших масштабах, но продолжили свою работу, сумев восстановиться накануне революционных событий.

Подводя итоги, отметим особую важность изучения делопроизводственных материалов региональных органов российской жандармерии. Эти свидетельства прошлого, сопоставляемые, например, с эго-документами, периодической печатью и другими источниками, могут дать историкам ценные и разнообразные представления к осмыслению эпохи, колоритно характеризую работу спецслужб, общественно-политическую жизнь и социальную сферу.

Список источников и литературы:

1. Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). М.: Росспэн, 2000. 432 с.

2. Греков Н. В. «А как же следить за японцами, господа?» Наблюдения за передвижением иностранцев по Транссибу // Родина. 2004. № 1. С. 81–83.

3. Гончарова Е. А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904-1914 годах: На материалах Саратовской губернии. Саратов: Научная книга, 2006. 96 с.

4. Плеханов А. М. Кто вы, «Железный Феликс»? М.: Аква–Терм, 2013. 927 с.
5. Бакшт Д. А., Петин Д. И. Казус Шулима Розенцвейга: новые источники о борьбе российской жандармерии с фальшивомонетчиками в Сибири. 1909–1911 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 205–225.
6. Бакшт Д. А. Секретный сотрудник жандармского управления между двумя революциями (на материалах Енисейской губернии, 1907-1917) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2014. № 1. С. 213-217.
7. Бакшт Д. А. Органы политического сыска в Енисейской губернии в период упадка российской монархии (1880–1917 гг.). Красноярск: КГПУ, 2016. 305 с.
8. Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015. 320 с.
9. Бакшт Д. А. Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной сибирской золотопромышленностью в первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 5-11.
10. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.
11. Ратьковский И. С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса». М.: Алгоритм, 2017. 464 с.
12. Плеханов А. М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.
13. Бакшт Д. А. Японский разговорник на службе жандармов: использование российскими императорскими спецслужбами учебника И. Куроно и В. П. Панаева (1913 г.) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. № 4. С. 7-12.
14. Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: ИД «Дело», 2020. 648 с.
15. Бакшт Д. А., Петин Д. И. Заведующий агентурой Российского правительства адмирала Колчака Александр Караулов (1868–1920): к реконструкции биографии // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 366–380.
16. Макарчук С. В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 - февраль 1917 гг.): Состояние социал-демократических и непартийных организаций. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 298 с.
17. Макарчук С. В. Состояние и характер социал-демократического движения в Омске (1914 – февраль 1917 гг.) // 280 лет Омску: история и современность. Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Омск: ОмГУ, 1996. С. 81-83.
18. Исачкин С. П. Историография сибирской социал-демократии 1907-1917 гг. Дисс. ... докт. ист. наук. Омск, 2004. 645 с.

19. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.): Монография. Омск: ОмГПУ; ИД «Наука», 2008. 612 с.
20. Леонтьев Я. В. Левоэсеровское движение: организационные формы и механизмы функционирования. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2009. 823 с.
21. Штырбул А. А. Эсеровское движение в Омске и Среднем Прииртышье как фактор региональной истории (первая четверть XX века) // Омский научный вестник. 2012. № 3. С. 5-10.
22. Курусканова Н. П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. - февраль 1917 г.): Краснодар: ЦНТИ, 2012. 515 с.
23. Макачук С. В. Первая мировая война и социал-демократическое подполье в Тобольской губернии и Акмолинской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–1. С. 68-71.
24. Кадиков Э. Р. Эсеры в Сибири в начале XX века. Омск: ОмГУ, 2016. 395 с.
25. Колесник Э. Г., Тарасов М. Г. Деятельность партии большевиков в годы Первой мировой войны по воспоминаниям активных участников событий (июль 1914 – февраль 1917 года). Красноярск: СФУ, 2016. 198 с.
26. Стельмак М. М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3. С. 168–182.
27. Стельмак М. М. «Да будет с меня провинции, я пожил в ней достаточно»: письмо К. А. Попова Н. А. Сборовскому (1899 г.) // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. № 1. С. 145–152.
28. Стельмак М. М. Константин Андреевич Попов и последняя провокация омских жандармов (январь 1917 года) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 8–27.
29. Штырбул А. А. Эсеровское движение в Омске и Среднем Прииртышье: Рождение. Взлет. Падение. Гибель. (Первая четверть XX века): в 2 ч. Ч. 1: (1903-1918). Омск: ОмГПУ, 2021. 328 с.
30. Штырбул А. А. Эсеровское движение в Омске и Среднем Прииртышье: Рождение. Взлет. Падение. Гибель. (Первая четверть XX века): в 2 ч. Ч. 2: (1918-1924). Омск: ОмГПУ, 2021. 360 с.
31. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 537.
32. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
33. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 539.
34. Памятная книжка Акмолинской области на 1914 год. Омск: Обл. тип., 1914. 141 с.
35. Порхунув Г. А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.). Омск: ОГПИ, 1993. 194 с.
36. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84.

37. Букин А. Ф. Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917). Омск: ОмГТУ, 2015. 116 с.
38. Букин А. Ф. Библиотеки политических ссыльных в Западной Сибири (1905-1917) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 8–10.
39. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 59.
40. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 535.
41. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 541.
42. Богданова М. Ф. Участие политических ссыльных в революционном движении в г. Омске в 1910-1914 гг. // Из истории партийных организаций Западной Сибири. Вып. 28. Омск: Ом. обл. тип., 1967. С. 90-100.
43. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Пгд., 1915. 807 с.
44. Гусакова З. Е. «...Я решительно не знаю, за что попал в тюрьму» (саратовский автограф А. А. Корнилова) // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. С. 214-220.
45. Ефимов В. Фигурант дела № 77 или партийная командировка в Саратов // Историко-краеведческий альманах Явлутур-городок. 2017. Вып. 12. С. 25-40.
46. ГИАОО. Ф. Р–661. Оп. 2. Д. 68.
47. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 85.
48. ГИАОО. Ф. П–19. Оп. 1. Д. 216.
49. ГИАОО. Ф. П–19. Оп. 1. Д. 218.
50. Курусканова Н. П. Типографские рабочие Омска в период империализма // История Западной Сибири в дореволюционный период: Омская областная научная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посв. 110-летию Омского государственного исторического и литературного музея: Тез. докл. Омск: ОмГУ, 1988. С. 80-82.
51. Порхунов Г. А. Социал-демократические организации и городская демократия Сибири 1905-1914 гг. // Социал-демократия: революция и эволюция. Мат–лы междунар. конф. Омск: ОмГТУ, 2003. С. 29-34.

Для цитирования: Стельмак М. М. «Непрерывное агентурное освещение деятельности общества “Просвещение” продолжается»: о мерах жандармерии против омских социал-демократов (1914 г.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 200–207.

Дата поступления статьи: 28.04.2022

Дата одобрения после рецензирования: 27.07.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Стельмак М. М., 2022

**«РАССТРЕЛ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ»:
К ВОПРОСУ О КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ БЫВШИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ
В ОМСКЕ В 1920 Г.**

Максим Максимович Стельмак¹

Алексей Владимирович Сушко²

^{1,2} Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ stelmakmm@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4328–1399

² alexsushko_1974@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6496–4278

Аннотация: В статье представлен анализ публикаций газеты «Советская Сибирь» за 1920 г., посвященных репрессивной политике в отношении бывших офицеров и военных чиновников белой армии в Омске в период локализации и завершения Гражданской войны на территории региона. Анализируется количество лиц, в отношении которых, была вынесена высшая мера наказания, причины ее применения, каковые во многом зависели от характера службы белогвардейцев и их участия в акциях антибольшевистского террора.

Ключевые слова: Гражданская война, красный террор, офицерство, белое движение, белая армия, советские спецслужбы, ВЧК, политические репрессии, периодическая печать, Омск.

Постановка проблемы. Изучение истории репрессивной политики сторон, противоборствовавших в период Великой Российской революции 1917–1922 гг. занимает важное место в отечественной историографии [1–11]. Отдельной ветвью изучения данного обширного вопроса является анализ биографий бывших офицеров и военных чиновников, участников Первой мировой и Гражданской войн и последовавших в их отношении репрессивных мер [См. напр.: 12]. Но, несмотря на появление в последние годы довольно содержательных работ по омской проблематике [13; 14, с. 126–138; 15], на наш взгляд, в историографии до сих пор в полной мере не детализирована советская карательная политика в Омске в конце 1919–1920 гг. в отношении лиц, служивших в антибольшевистских вооруженных силах.

Для белого движения Омск в 1918–1919 гг. имел огромное значение как военный и политический центр, являясь не только столицей антибольшевистской Сибири, но и побыв некоторое время столицей всей Белой России. Здесь дислоцировалось значительное количество штабных структур и войск Сибирской армии. А впоследствии именно здесь – в городе, где до лета 1921 г. располагалась штаб-квартира Сибирского революционного комитета – концентрировались тысячи бывших белогвардейцев, умышленно или в силу обстоятельств попавших в плен РККА на рубеже 1919–1920 гг. под Омском, Новониколаев-

ском, Красноярском в ходе краха колчаковщины. Уже тогда судьбы сотен из них сложились трагически.

Цель данной работы – анализ тематических публикаций газеты «Советская Сибирь», в период издания ее в Омске, освещавших карательную политику советской власти в отношении бывших офицеров белой армии.

Важно отметить, что за интересующий нас период подшивка издания сохранилась достаточно полно в справочно-информационном фонде Исторического архива Омской области.

Подобное исследование, необходимо для раскрытия ряда моментов политики красного террора, уточнения отдельных важных деталей ввиду того, что события Гражданской войны в Сибири до сих пор предстают перед многими гражданами в весьма упрощённом и мифологизированном виде. Предметом академических и общественных дискуссий, иногда, к сожалению, тяготеющих к конспирологии, становится также административная и политическая роль Омска в указанный период [См., напр.: 16–18].

Основная часть. Начало газете «Советская Сибирь» было положено постановлением Сибревкома от 18 сентября 1919 г. о присвоении печатному органу Челябинского ревкома и комитета партии «Степная коммуна» статуса газеты Сибревкома с переименованием ее в «Советскую Сибирь». С конца ноября 1919 г. по июль 1921 г. газета издавалась в Омске, затем переведена в Новониколаевск. В омский период издание являлось ведущим региональным органом печати [19, С. 30]. Характеризуя прессу периода Гражданской войны, историк Л. А. Молчанов отмечает: «Основным результатом воздействия газетной информации на общество было закрепление в сознании масс политических установок господствующих политических сил, что накладывало отпечаток на состав и содержание газетных материалов» [20, С. 177].

С февраля по ноябрь 1920 г. в «Советской Сибири» регулярно публиковались информационные материалы с указанием имен тех, кто был привлечен к уголовной ответственности за ту или иную «причастность к контрреволюции». Таковая фабула понималась тогда крайне широко. К контрреволюционной деятельности относилось участие в антибольшевистском движении, религиозное служение, экономические преступления, бандитизм и пр. В ряде случаев, с разной степенью подробности в газетных публикациях сообщались следующие нюансы: характер вины человека, избранная мера наказания, факт приведения приговора в исполнение, иногда – краткая биографическая информация об осужденном. Значимость и полноту газетных публикаций, отражавших красный террор на страницах «Советской Сибири», наглядно иллюстрирует факт обращения 4 декабря 1920 г. Омского губернского отдела ЗАГС в Омскую губернской ЧК с просьбой о предоставлении сведений о расстрелянных, которые были необходимы местным чиновникам для учета соответствующей статистики. Омские чекисты отказали в просьбе, сославшись на то, что «[за]прошенные сведения можно почерпнуть из местных газет» [21, Л. 4]. Ответ чекистов свидетельствует о максимально возможной полноте соответствующей информации по линии губернского органа государственной безопасности. В первый год по-

сле победы над колчаковщиной карательная политика проводилась большевиками в Омске достаточно открыто и публично демонстрировалась обществу государством.

За указанный период в «Советской Сибири» нами выявлено 11 тематических материалов под заголовками со схожим смыслом: «От Омской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией», «Расстрел врагов революции» и «Революционный суд». В таких материалах сообщалось о вынесении высшей меры наказания в отношении не только бывших офицеров, гражданских членов антибольшевистских организаций, рядовых участников белого движения, сотрудников и агентах белой контрразведки, служащих белой милиции. Здесь же есть данные о спекулянтах, участниках уголовных банд и даже осужденных за злоупотребления по должности чекистах. Пик вынесения смертных приговоров пришелся на начало 1920 г. Это указывает на крайнюю важность для советских спецслужб устранения наиболее опасных противников сразу после занятия города РККА.

При обращении к тематике красного террора необходимо учесть, что репрезентативность газеты в качестве исторического источника велика, хотя далеко не абсолютна. Анализ Книги Памяти жертв массовых политических репрессий на территории Омской области подтверждает факты массового приведения приговоров в исполнение в течение одного дня в отношении лиц осужденных в 1920 г. различными органами ВЧК в Омске. Газетой «Советская Сибирь» публиковались списки, главным образом, лиц, расстрелянных по постановлениям Омской губернской ЧК. Но в то же время аналогичных сведений о лицах, осужденных Сибирской ЧК, нами не выявлено (данная структура находилась в Омске и выносила собственные приговоры).

Изучение биографий отдельных персоналий, о ком имеются сведения в опубликованных расстрельных списках, может внести весомый вклад в общую историографию Гражданской войны, затрагивая сразу несколько проблемных аспектов (социальная адаптация населения, положение бывшего офицерства, военная антропология, практическая генеалогия и ряд других). Примером тому можно назвать достаточно подробно реконструированную судьбу офицера армейской разведки белой армии Е. А. Берегового [22]. Сообщая ценную информацию о советской репрессивной политике в отношении бывших белогвардейцев «Советская Сибирь» не всегда указывала на принадлежность осужденных лиц к офицерству. Эта особенность требует обязательного привлечения дополнительных источников информации. Ключевыми из них являются архивные уголовные дела, которые, к сожалению, доступны исследователям только, если их были реабилитированы. Дела в отношении не реабилитированных граждан, в соответствии с действующим законодательством для историков закрыты. Такое обстоятельство существенно затрудняет объективное научное исследование карательной политики коммунистического государства и истории его спецслужб на заключительном этапе Гражданской войны в России. Поэтому в данном смысле газетные сообщения остаются основным источником о судьбе ча-

сти граждан, расстрелянных в Омске в течение года, с момента восстановления здесь советской власти.

Важно подчеркнуть, что аресты бывших офицеров в 1920 г. проводились чекистами во всех крупных городах востока России, первоначально нося индивидуальный характер. Зимой 1919–1920 гг. Омская губернская ЧК отрицала в своей информационной сводке факт наличия белогвардейских организаций в губернии [23, Л. 20об.]. Но уже в сентябре 1920 г. Полномочный представитель ВЧК по Сибири И. П. Павлуновский заявил в прессе о раскрытии чекистами в Сибири крупного белогвардейского заговора, являющегося по, в целом, обоснованному мнению ряда современных историков, наряду с другими белогвардейскими заговорами, якобы разоблаченными чекистами в отдельных губерниях региона, фабрикацией советских спецслужб [24; 25, С. 132–147]. Глава сибирских чекистов сообщил через печать, что за текущий год в Омске было арестовано 240 человек, входивших в конспиративную офицерскую организацию, в Челябинске – 100, Томске – 323, Красноярске 265, Иркутске 100 [26, С. 1].

Несмотря на весьма масштабную географию, статистические данные, приведенные И. П. Павлуновским, говорят об относительно незначительных масштабах советской карательной политики в отношении бывших белогвардейцев. Стоит учесть, что после поражения колчаковских войск в Сибири во власти победивших красных в каждой губернии этого региона оказались тысячи бывших белых, некоторые из которых, были непримиримыми врагами большевиков. При этом приведенная главным сибирским чекистом цифра бывших офицеров, арестованных в Омске, косвенно свидетельствует о неполноте сведений на страницах «Советской Сибири» о расстрелах в Омске представителей указанной категории белогвардейцев. Публикации в газете «Советская Сибирь» о расстрелах бывших колчаковских офицеров не в полной мере отражают масштаб советской карательной политики в советском Омске 1920 г.

Выявленные и проанализированные нами материалы прессы для удобства восприятия обобщены ниже в виде таблицы «Информационные сообщения газеты “Советская Сибирь” о расстрелах, произведенных Омской губернской ЧК в 1920 г.».

Таблица

№ п/п	Дата	Причины вынесения смертных приговоров	Количество осужденных		
			Всего	Офицеров	Реабилитировано офицеров [27]
1	6 февраля 1920 г.	членство в подпольной антибольшевистской организации, подавление восстаний, служба в контрразведке, карательных отрядах, организация свержения советской власти в 1918 г., выдача сочувствующих советской власти, шпионаж	36	15	10
2	20 мая 1920 г.	участие в расстреле во время членства в военно-полевом суде	4	1	1

3	17 августа 1920 г.	участие в расстрелах красноармейцев и крестьян	1	1	—
4	18 августа 1920 г.	служба в следственной комиссии, карательном отряде председательство в прифронтовом военно-полевым суде, преследование сторонников советской власти, участие в расстрелах	10	2	—
5	16 сентября 1920 г.	служба в карательных отрядах, участие в расстрелах, подавлении восстаний, переход на сторону белых и сообщение важных сведений о состоянии советской авиации, членство в военно-полевым суде	8	5	—
6	26 сентября 1920 г.	—	1	0	—
7	28 сентября 1920 г.	служба в карательных отрядах, участие в расстрелах	32	3	2
8	13 октября 1920 г.	участие в подпольной антибольшевистской организации	31	Нет данных	—
9	16 октября 1920 г.		6		—
10	5 ноября 1920 г.	—	14	0	—
11	10 ноября 1920 г.	укрывательство от советской власти, сокрытие чина офицера	5	1	1
ИТОГО			148	28	14

Результаты исследования. Анализ этих данных позволяет сделать следующие выводы.

1. Поскольку, по структуре режим А. В. Колчака представлял классическую военную диктатуру, репрессивная политика большевиков после восстановления советской власти была закономерно направлена, в первую очередь, в отношении бывших офицеров белой армии. Пятая часть всех попавших в расстрельные списки, опубликованные в омской периодике, были бывшими офицерами, военными чиновниками и юнкерами колчаковской армии. Это социальная группа подвергалась со стороны коммунистов в Омске политическим репрессиям в конце Гражданской войны наиболее массово.

2. Основными причинами вынесения смертных приговоров являлись участие в белом терроре, преследование деятелей советской власти, служба в контрразведке, участие в антисоветском подполье, что, по мнению советских

спецслужб, исключало случайный характер нахождения данных лиц в рядах антибольшевистского движения.

3. Опубликованные газетой сведения о расстрелах в Омске свидетельствуют о пике смертных приговоров сразу же после освобождения Омска от колчаковцев – в первые месяцы 1920 г. Данная тенденция выглядит вполне логичной и четко прослеживается в периодике. Однако она вызывает некоторые сомнения и требует дополнительной проверки на основе документации органов государственной безопасности в связи с «раскрытием» (фабрикацией) сибирскими чекистами «белогвардейского заговора», а также не обнародованием властью в полном объеме информации о расстрелах, произведенных тогда органами ВЧК в Омске.

Таким образом, несмотря на некоторую неполноту публикации в газете «Советская Сибирь» о расстрелах бывших белых офицеров, являются важнейшим историческим источником о карательной политике коммунистического государства и истории его спецслужб. Открытая публикация сведений в указанной газете о расстрелах, на наш взгляд, практиковалась властями для того, чтобы показать населению способность и решимость карать «врагов революции» и обеспечить тем самым поддержку своей политики широкими массами. Также власти старались упреждающе повлиять этими публикациями на желание многочисленных потенциальных противников большевистского режима к участию в активной борьбе с ним.

Источник финансирования

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 22-28-20144 «Белое офицерство в советском Омске: социальный портрет и проблема адаптации (ноябрь 1919 – 1927 гг.)».

Список источников и литературы:

1. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 448 с.

2. Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М.: Посев, 2006. 384 с.

3. Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб.: СПбГУ, 2006. 286 с.

4. Тепляков А. Г. Белый террор на востоке России в 1918 г.: традиционная мифология и новый взгляд // Россия в прошлом и настоящем. Внутренняя и внешняя политика России в XX – начале XXI вв.: сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Быстренко. Новосибирск: НГЭиУ, 2013. С. 6–25.

5. Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М.: Яуза: Эксмо, 2017. 320 с.

6. Балмасов С. С. Белогвардейская «охота» на членов Учредительного собрания // Журнал российских и восточноевропейских исследований. История и археология. 2017. № 4. С. 6–32.

7. Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды, 1917-1920. М.: Алгоритм, 2018. 512 с.
8. Осипов В. В. Красный и Белый террор: правовое урегулирование. Красноярск: МЦИТО, 2019. 157 с.
9. Медведев В. Г. Правоохранительная система и уголовно-репрессивная деятельность белой России в годы Гражданской войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 3. С. 556–579.
10. Ратьковский И. С. Красный террор. Карающий меч революции. М.: Яуза-каталог, 2021. 352 с.
11. Абинякин Р. М. Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920-1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 139–147.
12. Петин Д. И., Сушко А. В. Бывшие белые офицеры в раннем советском социуме: к анализу российской историографии // Омские социально-гуманитарные чтения – 2022. Мат–лы XV междунар. науч.-практ. конф. (22–24 марта 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 246–254.
13. Василевский В. П. Деятельность органов ГПУ–ОГПУ Омска в отношении бывших военнослужащих белой армии // Омский научный вестник. 2013. № 4. С. 27–30.
14. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.
15. Сушко А. В. Красный террор в белом Омске: к вопросу о репрессивной деятельности Омской губЧК после краха колчаковского режима // От «Авроры» до «философских пароходов». Борьба с инакомыслием в первые годы советской власти. 1917–1920-е гг. Региональный аспект: мат–лы III Всерос. науч.-практ. конф. Пермь: ПНИПУ, 2018. С. 68–77.
16. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15.
17. Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49.
18. Петин Д.И. К 100-летию переноса административного центра Сибири в Новониколаевск: обзор работы круглого стола в Новосибирске // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5. № 3. С. 32–41.
19. Блинова О. В. К характеристике повседневности Омска в первый год советской власти по материалам газеты «Советская Сибирь» (декабрь 1919 – декабрь 1920 гг.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы III Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.). Омск: ОмГТУ, 2019. С. 30–35.
20. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917 – 1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
21. ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 522.

22. Петин Д. И. Евгений Береговой (1891–1920): судьба офицера разведки белой армии в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 117–124.

23. ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 2А. Д. 2.

24. Шишкин В. И. Советская карательная политика в Сибири в начале 1920-х годов // Права человека в России: прошлое и настоящее. Сб. докл. и мат–лов науч.-практ. конф. (Пермь, 21–23 июня 1999 г.). Пермь: Звезда. С. 10–21.

25. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: АИРО–XXI, 2007. 288 с.

26. Павлуновский И. П. От представительства Всероссийской чрезвычайной следственной комиссии по Сибири // Советская Сибирь (Омск). 1920. 21 сент.

27. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. В 11 т. Омск: Ом. кн. изд–во, 2000–2004.

Для цитирования: Стельмак М. М., Сушко А. В. «Расстрел врагов революции»: к вопросу о карательной политике советского государства в отношении бывших белогвардейцев в Омске в 1920 г. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 208–215.

Дата поступления статьи: 30.08.2022

Дата одобрения после рецензирования: 31.08.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Стельмак М. М., Сушко А. В., 2022

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ ВОЕННОГО КОНТРРАЗВЕДЧИКА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Алексей Владимирович Сушко^{1,2}

¹ Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия

^{1,2} alexsushko_1974@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6496–4278

Аннотация: Цель статьи – привлечь внимание к проблеме формирования положительного образа военного контрразведчика на фронтах Великой Отечественной войны в историческом сознании современных россиян, предложив его основные возможные элементы. Автор выделяет 2 возможных структурных элемента положительного образа сотрудника особого отдела НКВД и СМЕРШ: ответственное выполнение своих должностных обязанностей и героическое участие в вооруженной борьбе с врагом на фронте и составляющую повседневной жизни (перенесение тягот и лишений войны в общем порядке чекистами в действующей армии и их семьями в тылу).

Ключевые слова: спецслужбы, образ, историческое сознание, историческая имагология, военная антропология, Великая Отечественная война, военная контрразведка, НКВД, СМЕРШ.

Постановка проблемы. Одним из основных элементов системы безопасности любого государства являются его спецслужбы. Их эффективность работы в значительной степени зависит от доверия к ним населения страны. Отечественная история знает негативный пример информационного воздействия на историческое сознание жителей страны. В общем справедливая, но односторонняя по отношению к многогранной деятельности спецслужб критика политических репрессий, проводимых органами НКВД в 1930-х гг., в эпоху Перестройки проводилась в форме масштабной информационной кампании в СМИ. Историк отечественных спецслужб О. М. Хлобустов прямо связывает данную информационную атаку на советские органы безопасности «с пропагандистским наступлением ЦРУ на территории “главного противника”» [1, С. 237]. Следует признать успешность этой информационной кампании противника. Она существенно поспособствовала разрушительным процессам внутри советского государства и его распаду. Современные российские спецслужбы официально ведут свою историю от советских, считая датой своего рождения создание ВЧК. Соответственно, «больные места» советских органов безопасности унаследованы современными чекистами, и они могут быть использованы коллективным Западом при ведении гибридной войны против нашей страны.

В прошедшие 20 лет в России было много сделано позитивного для поднятия статуса спецслужб в обществе. Вместе с тем, государство неоправданно мало внимания уделило формированию положительного образа отечественных

органов безопасности в историческом сознании россиян. Применительно к истории спецслужб об этом в своем интервью говорил один из наиболее авторитетных ведомственных специалистов по проблеме А. М. Плеханов: «Вы посмотрите на то, что происходит с исторической наукой сегодня: ликвидируются кафедры истории, сокращаются часы на этот предмет, новые книги по истории спецслужб издаются мизерными тиражами и фактически недоступны широкому кругу общественности. У государства нет четкой политики в этой области: с одной стороны, провозглашается важность исследования и изучения истории, с другой – идет ее уничтожение. Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”» [2, С. 9]. Вопиющий пример государственной политики по формированию отрицательного образа военного контрразведчика в годы Великой Отечественной войны – ситуация в современном российском кинематографе. В целом патриотичные военные сериалы, созданные при финансовой поддержке государства, показывают в качестве отрицательного персонажа сотрудника Особого отдела НКВД. Это формирует негативный образ советских спецслужб у современного зрителя. Подспудно подрывается доверие и к современным органам безопасности, ведущим свою историю от советских. Как примеры можно привести самые популярные российские военные сериалы последних лет – «Штрафбат», «Истребители», «Снайперы. Любовь под прицелом» и др. Если коротко оценить данный факт – это идеологическая диверсия в историческом сознании России, направленная против государства, и при этом, совершаемая за государственный счет.

Данные обстоятельства актуализируют цель данной работы – привлечь внимание к проблеме формирования положительного образа военного контрразведчика на фронтах Великой Отечественной войны в историческом сознании современных россиян, предложив его основные возможные элементы.

Основная часть. Говоря о формировании образа сотрудника спецслужб, на наш взгляд, необходимо принимать во внимание очевидный факт – в любой военной организации проходят службу разные люди: везде были примеры героев и предателей, положительных и отрицательных личностей. В этой связи, участие в деятельности по формированию образа для ученого историка, обязанного стремиться к научной объективности, должно начинаться с общей оценки деятельности основной массы сотрудников этой организации и ее роли в истории. Говоря о деятельности особых отделов НКВД и СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны, нужно подчеркнуть, что без этих органов, выполнявших важнейшие функции по ежедневной борьбе со шпионами, предателями и трусами, Великая Отечественная война была бы проиграна. Приведем пример о самых трагических, первых днях войны. Недавно, совместно с белорусским коллегой, благодаря содействию архива УФСБ России по Омской области, в научный оборот нами были введены документы Особого отдела 47-го стрелкового корпуса РККА в июне 1941 г., оборонявшего Бобруйский рубеж. По справедливым оценкам белорусских исследователей массовый героизм советских воинов в ходе «Битвы за Беларусь», и, в том числе, на Бобруйском рубеже обороны, затормозил стремительное наступление врага и привел к краху плана

«Барбаросса» [3, С. 117]. Несмотря на то, что награждения в первые дни Великой Отечественной войны были редки, командир корпуса генерал-майор С. И. Поветкин за эти бои одним из первых тогда был награжден орденом Ленина. Это свидетельствовало о высокой оценке советским руководством действий воинского соединения. Характеризуя вклад армейских чекистов в оборонительные бои в Белоруссии, следует учитывать, что корпус состоял из собранных наспех местных частей и насчитывал в своем составе около 3000 чел. При этом Особый отдел НКВД корпуса, в числе прочего, сообщал вышестоящему начальству о своей деятельности следующее: «Ежедневно опер [ативными] пунктами задерживается бежавших с фронта до 500 чел[овек]. 29 июня с. [его] г.[ода] вечером во время арт[иллерийского] обстрела наших частей противником, с линии фронта бежали 450–500 чел[овек]., но были задержаны» [4, С. 66]. Чекисты задерживали бежавших бойцов и быстро возвращали их в строй, обеспечивая своей деятельностью стойкость частей корпуса. Принимая во внимание, что ежедневно с фронта пыталась сбежать примерно 1/6 часть личного состава корпуса, можно сделать вывод, что без деятельности особого отдела, удерживавшего личный состав, корпус бы просто разбежался и не смог бы затормозить наступление нацистов. Чекисты сделали неприятную, но очень важную работу.

В свете сказанного, очевидно, что формирование в сознании россиян положительного образа сотрудника органов военной контрразведки, соответствует исторической правде и интересам государства. Мы полагаем, что данный образ должен быть выстроен «с человеческим лицом» на основе антропологического подхода к пониманию прошлого ставящего в центр исторического процесса человека. Сформированный на этой методологической основе образ будет близок и понятен людям. К этому «человеческому лицу» военной контрразведки следует присовокуплять данные о вкладе данных структур в Великую Победу.

Поэтому мы полагаем, что образ военного контрразведчика в годы Великой Отечественной войны должен состоять из двух основных элементов. Первый и главный элемент – это ответственное выполнение чекистом своих должностных обязанностей и героическое участие в вооруженной борьбе с врагом на фронте. При исследовании деятельности сотрудников контрразведки на фронте, следует учитывать определенную сложность, связанную с закрытым ведомственным хранением громадного массива документов особых отделов и органов СМЕРШ. Современные гражданские специалисты по истории отечественных спецслужб любят ссылаться на данное обстоятельство, которое пару десятилетий назад действительно было непреодолимым препятствием на пути объективного изучения чекистской истории. Но в наши дни государство изменило свою политику в этом вопросе. Теперь ведомственные архивы по запросам исследователей активно рассекречивают чекистскую документацию периода Великой Отечественной войны. Примером тому служит наша вышеупомянутая публикация документов особого отдела 47-го стрелкового корпуса. В этой связи прав историк А. А. Зданович утверждая, что «государство ведет активную

политику по рассекречиванию документов и предоставлению возможности достаточно легко с ними ознакомиться» [5, С. 56].

Массовый героизм чекистов на фронте особенно полно отражен в наградных документах, которые в числе прочих материалов периода Великой Отечественной войны активно размещаются Министерством обороны Российской Федерации на своих сетевых ресурсах «Память народа» и «Подвиг народа». Как отмечает А. А. Зданович, «существует проблема в историках, не использующих возможности работы с доступными материалами. Вот еще показательный пример. На общедоступном ресурсе Министерства обороны России «Подвиг народа» <...> есть и наградные документы оперативных сотрудников советских спецслужб. Изучая их за определенный период, за какую-то конкретную операцию, можно прояснить, чем в то время были заняты чекисты – охарактеризовать их деятельность» [5, С. 56].

В настоящее время уже появились положительные примеры работы, главным образом, ведомственных историков и архивистов, использующих наградные документы чекистов для героизации их деятельности в годы Великой Отечественной войны. Здесь положительным примером служит книга, подготовленная архивом УФСБ по Омской области, посвященная героизму омских чекистов на фронте и истории омских воинских формирований. В труде широко представлены сведения из наградных документов на сотрудников особых отделов НКВД [6]. Но, несмотря на очевидный прогресс по введению в научный оборот и использованию указанных источников в научных трудах и публицистических изданиях, их потенциал задействован еще явно недостаточно и у данного вида исторических источников значительная исследовательская перспектива. Здесь стоит подчеркнуть, что проблематика повседневной жизни Омска в военные годы, равно как и история омских воинских формирований, еще ждет своего изучения. И пока историки региона, не отрицая актуальности изучения локального прошлого в 1941–1945 гг., отдают предпочтения иным хронологическим отрезкам [См., напр.: 7].

Вторым элементом положительного образа военного контрразведчика в годы Великой Отечественной войны нам представляется составляющая повседневной жизни. Во-первых, перенесение тягот и лишений войны в общем порядке чекистами на фронте. Во-вторых, тяжелая жизнь их семей, как и всего советского народа в тылу. Приведем примеры. Как известно, в годы Великой Отечественной войны в стране имел место острый дефицит самого необходимого. Деятельность органов безопасности была невозможна без бумаги, на которой осуществлялось делопроизводство. Фронтвые особые отделы зачастую ее просто не имели. Оперативные сотрудники писали важные служебные документы буквально на обрывках бумаги. В отношении необеспеченности сотрудников особых отделов самым необходимым показательно письмо начальника Отдела контрразведки НКО СМЕРШ 65-й Гвардейской стрелковой дивизии гвардии-майора Акимова Секретарю Омского обкома ВКП(б) М. А. Кудинову об оказании помощи в приобретении канцтоваров. Поясним, что дивизия была сформирована в 1943 г. на основе 75-й Сталинской добровольческой отдельной

стрелковой бригады омичей-сибиряков, и поэтому была тесно связана с Омском на протяжении всей войны. Обращаясь к главе областной партийной организации с фронта, чекист писал: «Товарищ Кудинов! Мы, чекисты-гвардейцы отдела контрразведки НКО «СМЕРШ» 65-й ГВАРДЕЙСКОЙ СТАЛИНСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ СИБИРСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ, ощущаем в данное время крепкий недостаток в канц[елярских]принадлелжностях, особенно в бумаге, у нас к Вам большая просьба, оказать нам помощь в этом и переслать с гвардии старшиной тов. СМИКОВСКИМ П.С. нам бумаги, карандашей и прочее. Надеемся, что в данной просьбе Вы нам не откажете» [8, Л. 101].

Как и большинство советских людей семьи воевавших с врагом на фронте чекистов испытывали крайнюю нужду в продуктах питания и не имели нормального медицинского обслуживания. В этом отношении показательно письмо, направленное в Омскую область из действующей армии в марте 1945 г. начальником особого отдела контрразведки СМЕРШ одной из гвардейских дивизий сразу в три адреса: в Тарский исполком, в Тарский райком ВКП(б) и в Омский облисполком. Это была просьба позаботиться о семье воевавшего сотрудника спецслужб. В обращении говорилось: «В городе Тара, Омской области, по улице Дзержинского, 20 проживает жена сотрудника вверенного мне отдела РУСИНОВА Сергея Андреевича – РУСИНОВА Мария Сергеевна, которая имея двух детей находится в весьма плохих материальных условиях /питание, топливо/ доказательством чего служит ее письмо от 18 января, в котором она сообщает о смерти сына 3-х лет по причине исключительно недостатка питания и холодной квартиры. Сама РУСИНОВА М. С. в настоящее время болеет, медпомощи никакой нет, т.к. на неоднократные ее обращения ни кто внимания не обращает. РУСИНОВА также неоднократно пыталась выехать в город Горький или Владивосток к своим родным, но пропуск не выдан. Сообщая об изложенном, прошу оказать содействие РУСИНОВОЙ М. С. В материальном отношении и выдать пропуск на выезд в город Горький или Владивосток по ее желанию. О результатах прошу сообщить»[9. Л. 15].

Возвращаясь к вопросу о героизме контрразведчиков на передовой на основе информации с ресурса «Подвиг народа» в качестве примера рассмотрим, как воевал оперативник С. А. Русинов. На сайте размещена информация, что он находился в составе РККА с 1936 г., и по крайней мере с 1942 г. был на фронте (участник Сталинградской битвы). Имел три боевых награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги». В качестве примера приведем одно из представлений на награждение этого чекиста: «За время службы в полку с большим знанием дела и энергией осуществлял контроль над правильным комплектованием подразделений полка по политическим признакам, предотвращая этим факты политических преступлений перед Родиной. В период с 14-го по 15-е Января 1945 года в наступательных боях по прорыву сильно укрепленной обороны противника на Магнушевском плацдарме /западный берег реки Висла/ в условиях исключительно упорного сопротивления противника, под интенсивным вражеским обстрелом находился в боевых порядках батальонов, с целью недопущения фактов измены или шпионажа, со-

действуя этим выполнению стоящих боевых задач. 1-го Февраля 1945 года на плацдарме /западный берег реки Одер/ в районе населенного пункта Кенниц /Германия/ в условиях непрерывных налетов вражеской авиации, противник при поддержке танков и самоходных орудий предпринял несколько яростных контратак с целью выбить наши подразделения с плацдарма. Ценой больших потерь противнику удалось вклиниться в оборону 1-го стрелкового батальона, ввиду чего часть личного состава заколебалась и стала отходить. В этот момент т.[оварищ] Русинов, находившийся на командном пункте батальона, выхватил пистолет, остановил отходящих, и с криком “За Родину”, увлекая за собой бойцов бросился вперед. В результате контратака была отбита» [10]. Приведенный документ отражает специфику задач выполняемых военным контрразведчиком на фронте и его непосредственное, героическое участие в боевых действиях. В то время, когда капитан С. А. Русинов честно сражался с врагом на том месте, куда его поставило государство, его семья на общих основаниях испытывала тяготы тыловой военной жизни. На наш взгляд, приведенное здесь типичное описание службы сотрудника советских спецслужб и жизни его семьи и должно быть основой для создания образа чекиста на фронте в современном историческом сознании россиян. Такой образ будет соответствовать исторической правде.

Результаты исследования. Таким образом, сегодня перед историками отечественных спецслужб стоит задача по борьбе с негативным и несоответствующим исторической действительности образом военного контрразведчика на фронте в годы Великой Отечественной войны в историческом сознании современных россиян. Она решается путем исследования исторических реалий и донесения исторической правды до сограждан. Большое значение здесь обретает публичная история и сотрудничество исследователей отечественных спецслужб с просветительскими площадками. И здесь имеется достойный внимания омский пример проведения тематической конференции и реализации выставочного проекта о создании региональных органов безопасности [См. обзор мероприятий: 11].

Структура образа военного контрразведчика должна отражать реалии военного времени и основываться на достоверных исторических фактах. Нам видится два взаимодополняемых структурных элемента положительного образа сотрудника особого отдела НКВД и СМЕРШ. Первый – это ответственное выполнение своих должностных обязанностей и героическое участие в вооруженной борьбе с врагом на фронте. Второй – это составляющая повседневной жизни: перенесение тягот и лишений войны в общем порядке чекистами в действующей армии и их семьями в тылу. Создание такого образа должно стать частью исторической политики государства и важным аспектом деятельности историка отечественных спецслужб.

Список источников и литературы:

1. Хлобустов О. М. Общественное мнение населения об органах государственной безопасности (конец 1980-х – 1990-е гг.) // Деятельность отечествен-

ных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат–лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2017. С. 233–241.

2. Плеханов А. М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.

3. Новікаў С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў. 2-е выд., выпраўленае і дапоўненае. Смаленск: Універсум, 2015. 434 с.

4. Новиков С. Е., Сушко А. В. Бобруйский рубеж обороны в конце июня 1941 года // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 2. С. 62–68.

5. Зданович А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.

6. И, значит, нам нужна одна Победа!: омские контрразведчики в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. док–тов и воспом. / сост. К. Э. Безродный. Омск: Тип. «Золотой тираж», 2020. 166 с.

7. Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49.

8. ГИАОО. Ф. П–17. Оп. 1. Д. 3746.

9. ГИАОО. Ф. Р–437. Оп. 23. Д. 43.

10. Подвиг народа. 1941–1945. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=1005228788&tab=navDetailManCard_ (дата обращения: 07.09.2022).

11. Петин Д. И. Омские архивисты — 100-летию образования ВЧК // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 121–122.

Для цитирования: Сушко А. В. К вопросу об образе военного контрразведчика периода Великой Отечественной войны в историческом сознании современных россиян // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 216–222.

Дата поступления статьи: 12.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 13.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Сушко А. В., 2022

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОГПУ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В 1920-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Мурат Касимович Теунов¹

¹ Кабардино-Балкарское региональное отделение Российского
военно-исторического общества, Нальчик, Россия

¹ teunov_murat@mail.ru, AuthorID: 497481 (РИНЦ)

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности органов ОГПУ в отношении мусульманского духовенства в 1920-е гг., носящих, в том числе, дискуссионный характер. Особое внимание уделяется государственно-конфессиональным отношениям в первые годы становления советской власти, вызвавшим необходимость привлечения сил и средств органов ОГПУ к борьбе с религией и использования чекистами многих взятых на вооружение форм и методов работы в среде мусульманского духовенства.

Ключевые слова: спецслужбы, религиозная политика, ОГПУ, атеизм, мусульманское духовенство, прогрессисты, репрессии.

Постановка проблемы. В последние десятилетия одной из «востребованных» к искажению проблем российской истории стала эпоха так называемых массовых репрессий и участия в них органов государственной безопасности СССР. Ряд исследователей, зачастую не историков, не до конца разобравшись в сущности деятельности данных структур в этот период, сводят их роль в основном к осуществлению ими единственной функции – карательно-репрессивной, не слишком углубляясь в суть вопроса – по отношению к каким категориям лиц она применялась (бывшим белогвардейским вожакам, отпетым бандитам, реакционному духовенству и т.д.). В этой связи представляется необходимым провести небольшой ретроспективный анализ проблемы, чтобы понять, как же на самом деле обстояли дела в это чрезвычайно тяжелое со всех точек зрения время.

«Сверхидея» пришедших к власти в 1917 г. большевиков заключалась в создании «нового мира» – никогда ранее не существовавшей «социалистической цивилизации». Она могла возникнуть только при условии теснейшего слияния всех народов СССР в единое целое. При этом в единый «плавильный котел» этносов должны были быть «влиты» и советские мусульмане. Для реализации этой идеи, по мнению большевиков, должны были созреть определенные исторические условия, а пока лояльное отношение к исламу было декларировано советской властью 20 ноября (3 декабря) 1917 года в Обращении СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Оно объявляло верования и обычаи российских мусульман, их культовые учреждения «свободными и

неприкосновенными» [1, С. 114–115]. Доказательством этого служило то, что в регионах традиционного проживания мусульман (прежде всего в Туркестане и на Северном Кавказе) повсеместно функционировали шариатские суды, исламские учебные заведения (медресе и мектебе), а служители мусульманского культа обладали правом регистрации рождений, браков и смертей.

Основная часть. Советская власть в этот период нуждалась в мусульманах, являвшихся в период царизма наиболее бесправной частью населения России, и в исламе в целом, как реальной идеологической силе в борьбе против господства мирового империализма. Эти обстоятельства и определили ту гибкую и осторожную политику большевиков и созданных ими органов власти, в том числе специальных служб, по отношению к исламским духовным лицам и в целом мусульманам.

Несмотря на то, что мусульманское духовенство и религиозные организации находились под пристальным контролем советских спецслужб, последние старались проводить по отношению к ним сдержанный курс. Так, Восточный отдел ОГПУ в своем письме, направленном в 1923 г. отделам ОГПУ на местах, было рекомендовано «в порядке надзора за деятельностью религиозных обществ не производить никаких вторжений в молитвенные дома во время собраний или совершения религиозных обрядов до окончания таковых» [2, С. 156].

Хотя советская власть и вынуждена была проявлять лояльность в отношении мусульманского духовенства, тем не менее, она уже с середины 1920-х гг. осуществляла систематические мероприятия по отчуждению духовенства от трудового народа, его изоляции от общественной жизни. В нарушение собственных ранее декларированных постулатов советская власть упраздняет шариатские суды, вводит социальные ограничения и лишает духовенство избирательных прав, облагает его непомерным налогом за осуществление религиозного культа [3, Л. 14–15].

В реальности меры административного давления, осуществляемые советской властью в отношении мусульманского духовенства, дали прямо противоположный результат: не ослабление, а усиление религиозности среди населения, которое по мере своих сил поддерживало служителей культа.

В связи с этим показательна справка за подписью заместителя заведующего Восточным отделом ОГПУ Волленберга, направленная в 1925 г. Ф. Э. Держинскому, где отмечалось: «Лишение мусульманского духовенства общегражданских прав не дает ему возможности приспособляться к новым общественным отношениям, и оно вынуждено вести с нами борьбу не на жизнь, а на смерть... Для того чтобы уяснить себе силу мусульманского духовенства, нужно усвоить, что оно веками руководило горцами в их борьбе за национальное освобождение и удельный вес такового этим, главным образом, и создавался. Мусульманское духовенство сейчас очень сильно во всех горных районах Северного Кавказа» [4, Л. 36].

Со второй половины 1920-х гг., как партийно-государственные отчеты, так и периодические издания были полны сообщениями о вредительстве и подрыв-

ной деятельности мулл и эфенди. Развернулась кампания по борьбе с религиозными пережитками, когда коммунистам, комсомольцам и прочим активистам было запрещено по идеологическим соображениям соблюдать религиозные обряды и ритуалы (совершать «дуа» (молитву), соблюдать «уразу» (пост) в месяц Рамадан и т.д.). В угоду партийной идеологии запрещалось праздновать главные мусульманские праздники: Ураза-байрам и Курбан-байрам.

Но вытравить из сознания северокавказских народов исламскую религию, которую они исповедовали несколько столетий, за короткий срок было задачей сверхсложной. К примеру, о слабости форпостов советской власти красноречиво говорили поступки курсантов Мало-Кабардинской сельскохозяйственной школы, бойцов воинских частей в Нальчике и работников окружной милиции, самовольно разъехавшихся по домам для празднования окончания уразы в 1930 г. [5, Л. 12].

Работники областного отдела ОГПУ, признавая работу партийных организаций на местах, а также советских и культурно-просветительских учреждений чрезвычайно слабой, констатировали, что «контрмеры, принимаемые ими против соблюдения поста и других религиозных предрассудков, оказались малоэффективными, приводили к оскорблению религиозных чувств верующих и осложняли работу в массах» [6, Л. 37].

Неумелые подходы в работе вышеуказанных организаций и учреждений подталкивали органы ОГПУ на конкретные решительные действия. В частности, в отношении наиболее «реакционной части мусульманского духовенства» применялись меры репрессивного характера, такие как административные высылки, аресты, привлечение к уголовной ответственности. Так, к концу 1920-х гг. в Кабардино-Балкарии репрессиям подверглись 88 мусульманских служителей культа [7, Л. 46–47].

Но так как репрессивные меры особенно в условиях Северного Кавказа могли дать лишь временный эффект, чекистами проводилась активная работа по привлечению к борьбе с реакционным мусульманским духовенством так называемых «прогрессистов» – умеренной части мусульманского духовенства, используя имеющиеся между ними противоречия. Это было прозорливой и эффективной мерой. С ее помощью усилия реакционного мусульманского духовенства перенаправлялись на борьбу с прогрессистами, и тем самым снижалась активность первых в борьбе с советской властью. Более того, чекисты использовали прогрессистов для снятия «напряженной атмосферы» в массах в ходе осуществления мер репрессивного характера в отношении реакционного мусульманского духовенства [8, Л. 31].

Операции по «изъятию контрреволюционного кулацко-мулльского элемента» стали еще одной причиной отрицательной динамики численности мусульманского духовенства в Кабардино-Балкарии. Толчком для этого послужили факты участия наиболее влиятельной их части в антиколхозных восстаниях, имевших место в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Справедливости ради отметим, что большинство из них все же пережило лагерь, но лишь немногие после этого вернулись к религиозной практике.

Опасаясь применения нормы статьи 58 УК РСФСР «за антисоветскую и контрреволюционную деятельность», многие представители мусульманского духовенства публично заявляли об отказе исполнять религиозные обряды. Так, по сведениям ОГПУ к октябрю 1928 г. в Кабардино-Балкарии оставалось 307 служителей мусульманского культа, из которых 153 уже отказались от своей профессиональной деятельности [9, Л. 56].

Тенденции к сокращению и вытеснению традиционного влияния мусульманского духовенства из многих сфер общественной жизни, а также лишению их общегражданских прав проявились в нарастании напряженной социальной атмосферы, о чем, например, свидетельствует письмо председателя Президиума ЦИК СССР М. И. Калинина наркому Рабоче-крестьянской инспекции Г. К. Оржоникидзе: «На местах царит полный произвол... Служителей культа стараются обложить по всем линиям и в таких размерах, чтобы они не смогли выполнить предъявленные требования. И тогда у них конфискуется все имущество, даже самое необходимое для семьи, а семья выселяется...» [10, С. 92–93].

Некоторое послабление по отношению к религии произошло, в частности, после принятия 15 марта 1930 г. знаменитого постановления ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» [11, Л. 18–20]. В нем осуждалась практика закрытия культовых учреждений без согласия трудящихся, а также подчеркивалось, что это затрудняет решение народно-хозяйственных вопросов, мешает освобождению трудящихся масс от влияния религии и усиливает позиции религиозных организаций.

Результаты исследования. Таким образом, возникла в определенной мере своеобразная ситуация: несмотря на неприятие большевиками религии и их откровенный атеизм, политика в отношении духовенства, по крайней мере, до начала процесса сплошной коллективизации, характеризовалась большой осторожностью и рациональностью.

В этом плане скрупулезная и кропотливая работа органов ОГПУ в отношении мусульманского духовенства в 1920-е гг. отличалась гибкостью и прагматизмом, а также многообразными по степени своей реализации мерами. Выверенные многолетней практикой приемы, как сотрудничество с прогрессистами, раскол в кругу реакционеров, внедрение информаторов в их среду, распускание нужных слухов для их дискредитации, применялись достаточно активно и вполне результативно.

Что же касается карательно-репрессивных мер, которыми были наделены органы ОГПУ в рассматриваемое время, то они применялись к представителям мусульманского духовенства сравнительно редко и лишь к наиболее реакционной его части. При этом органы ОГПУ, являвшиеся неотъемлемым инструментом партии в беспощадной борьбе с ее внешними и внутренними врагами, применяли данные меры, по сути, в качестве производной политического курса руководства страны в области государственно-конфессиональных отношений, и в целом, смогли сформировать у партийно-государственной номенклатуры желаемый внешний облик атеизма в стране.

Список источников и литературы:

1. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 626 с.
2. Емтыль З. Я. «Внимание на борьбу с так называемым прогрессивным духовенством...»: советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1920-е – начале 1930-х гг. (по материалам Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2010. № 1. С. 155–163.
3. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25.
4. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 353.
5. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 703.
6. УЦГА АС КБР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 16.
7. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115.
8. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88.
9. УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 10.
10. Власть и мусульманская религия в Дагестане (1917–1991): документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов, М. Д. Бутаев, М. М. Амирханова. Махачкала, 2007.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 779.

Для цитирования: Теунов М. К. О некоторых аспектах деятельности органов ОГПУ в отношении мусульманского духовенства в 1920-е гг. (на примере Кабардино-Балкарской автономной области) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 223–227.

Дата поступления статьи: 12.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Теунов М. К. 2022

БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ ПРОТИВ СССР: МНЕНИЕ ПРАКТИКОВ РАЗВЕДКИ РККА В КОНЦЕ 1920–Х ГГ.

Ирина Владимировна Федотова¹

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

¹ ivputintseva@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6268–4646

Аннотация: Исследуется содержание информационно-аналитического труда «Будущая война», подготовленного в 1928 г. специалистами армейской разведки Я. К. Берзиным, А. М. Никоновым и Я. М. Жигуром под руководством начальника штаба РККА М. Н. Тухачевского, в части, посвященной вероятной угрозе безопасности СССР со стороны представителей белой эмиграции. Цель предлагаемой работы – изучить информационные возможности указанного труда для исследования деятельности советских спецслужб по сбору сведений об антибольшевистском движении за границей. Теоретическая основа данной статьи – принцип системности и проблемный метод – позволяет рассматривать обозначенный вопрос как часть «заграничных» мероприятий органов ОГПУ и армейской разведки СССР, а также роли конкретных деятелей в аналитическое осмысление данного вопроса. В заключении подчеркивается ценность указанной монографии, как ориентированного на практику исследования, так и информационного источника, дающего представление о взглядах армейской разведки РККА на потенциальную угрозу СССР со стороны белой эмиграции.

Ключевые слова: историография, «Будущая война», военная аналитика, прогнозирование военных конфликтов, РККА, военная разведка, внешняя разведка, советские спецслужбы, Гражданская война, белая эмиграция, М. Н. Тухачевский, Я. К. Берзин.

Постановка проблемы. Современная напряженная ситуация в мире, в интересах национальной безопасности России, требует изучения исторического опыта наиболее крупных предвидений в области отечественной геополитики [1, С. 15]. Встает вопрос об изучении трудов по данной тематике, подготовленных советскими специалистами, в том числе, теоретиками и практиками разведывательных структур армии. Долгое время подобные наработки были недоступны исследователям. В данной статье мы рассмотрим информационно-аналитическую работу «Будущая война», созданную в 1928 г. в IV (разведывательном) Управлении штаба РККА по инициативе и под научным руководством М. Н. Тухачевского (тогда – начальника Штаба РККА) Я. К. Берзиным (начальником разведывательного управления штаба РККА), А. М. Никоновым (ответственным работником штаба РККА, начальником III отдела разведывательного управления) и Я. М. Жигуром (заместителем начальника отдела разведывательного управления штаба РККА). Ее опубликовали впервые только в 1996 г. в серии «Антология отечественной военной мысли» [2]. Так как на протяжении

1920-х гг. наряду с армиями иностранных государств – вероятных противников СССР, одной из основных целей разведки РККА была военная часть русской эмиграции [3], мы исследуем часть «Будущей войны», посвященную анализу взаимодействия потенциальных противников СССР с белоэмигрантскими военными организациями.

В изданиях советского времени труд «Будущая война» упоминался кратко [4]. При подготовке к публикации, ее общий обзор впервые был дан в предисловии Н. И. Дорохова [5]. П. В. Тулаев, в книге, посвященной проекту И. С. Даниленко «Антология отечественной военной мысли», упоминает работу «Будущая война» [6, С. 26–28], но, на наш взгляд, кратко, неоправданно критично и не раскрывая основных взглядов авторов. Упоминали об этой работе историки А. А. Зданович [7, С. 32], Л. Самуэльсон [8, С. 34–41], В. А. Арцыбашев [9].

Основная часть. В 1920–1930-е гг. шла острая дискуссия о строительстве РККА [10, 11, С. 34–48, 77–93; 12, С. 219–247] и характере будущей масштабной войны [11, С. 96–100; 12, С. 194–195], в которой активно участвовали сотрудники военной разведки. В РККА военная разведка организационно оформилась 5 ноября 1918 г., когда по приказу РВСР был утвержден штат Полевого штаба РВСР. Регистрационное управление штаба стало первым центральным органом агентурной разведки РККА [13, С. 21]. Приказом РВСР 10 февраля 1921 г. был создан Штаб РККА как единый орган управления вооруженными силами. В марте 1924 г. он был разделен на самостоятельные органы: Штаб РККА, Управление РККА и Инспекторат РККА. В состав Штаба РККА входило Разведывательное управление. В 1924–1935 гг. его возглавлял Ян Карлович Берзин – революционер, создатель советской военной разведки [3, С. 17; 14, 58]. В 1926 г. Разведывательное управление стало IV Управлением Штаба РККА [14, С. 58].

Приказом РВС СССР от 13 ноября 1925 г. начальником Штаба РККА был назначен видный советский военный деятель Михаил Николаевич Тухачевский [15, С. 3]. Вскоре он обнаружил фактическое изъятие из-под своего подчинения Разведывательного управления Штаба РККА, что создало трудности, на которые М. Н. Тухачевский указывал в докладе наркому по военным и морским делам СССР К. Е. Ворошилову 31 января 1926 г.: «Штаб РККА не может вести разработки планов войны, не имея возможности углубиться в разведку возможных противников и изучить их подготовку к войне по первоисточникам. В этих условиях Штаб и в первую очередь его начальник, ведя нашу подготовку к войне, не может отвечать за соответствие ее предстоящим задачам... Если, например, Штаб РККА подготовит наше стратегическое развертывание ошибочно, если все преимущества перейдут на сторону противника, то мы рискуем величайшими поражениями» [16, С. 357–358].

Несмотря на возникшие проблемы, М. Н. Тухачевский пытался ставить задачи подчиненным. 26 января 1926 г. вышла его специальная директива №20.030, требовавшая «в теоретическом плане исследовать один из существеннейших вопросов нашей подготовки к войне – вопрос об определении характера предстоящей нам войны и её начального периода, в первую очередь, конеч-

но, на Европейском театре». Эта директива дала начало системному изучению возможностей и характера будущих войн. Необходимо было подготовить труд с анализом условий будущей войны для СССР в её наиболее вероятном варианте [4, С. 12–13]. Тухачевский предостерегал, что подлежащая изучению проблема – чрезвычайно сложна, нова, и не решаема быстро. Аналогичных наработок тогда ещё не имелось. [2, С. 28]. Авторы «Будущей войны» следовали указаниям М. Н. Тухачевского: «Главнейшим основанием для определения характера войны является характеристика состояния производительных сил враждебных сторон, учет возможных коалиций и т.д. Со времени гражданской войны у многих создалось впечатление о будущей нашей революционной войне, как о чем-то молниеносном, основанном на революционном духе и т.д. <...> По существу, в таких положениях проявляется революционный идеализм, ничего общего с марксизмом не имеющий» [2, С. 29].

Фундаментальное исследование «Будущая война» появилось в июле 1928 г. Всего было напечатано лишь 80 экземпляров для ограниченного круга руководителей, разосланных по Центральным Управлениям РККА и Штабам военных округов [2, С. 21], а также в секретариат Политбюро ЦК ВКП(б), СТО, РВС СССР [4, С. 13].

Задачами авторов стали: анализ общей политической обстановки и установление наиболее вероятных вариантов будущей войны, определение ее вероятного размаха в отношении численности армий потенциальных противников СССР, рассмотрение экономического базиса и материального размаха, а также военной техники предполагаемых противников. Исследовались роль и значение политического фактора, оперативные проблемы (общий характер операций, вопросы о стратегическом развертывании, о позиционности и маневренности, о продолжительности будущей войны). При подготовке работы авторы опирались на секретные данные по иностранным государствам [2, С. 31–33].

В первой части работы «Общая обстановка» аналитики предположили, что будущая война произойдет, вероятно, без формального объявления как в форме новой военной интервенции империалистов в СССР, так и в виде «нашего самостоятельного выступления» в случае революции в одной из капиталистических стран или при подъеме революционного движения в одной из колониальных стран [2, С. 35]. Но свой анализ будущей войны авторы проводили, исходя из положения, что война СССР с капиталистическим миром возникнет по инициативе последнего, не рассматривая иные варианты как «совершенно особые» [2, С. 39–40]. Предполагалось, что в будущей войне против СССР создастся широкая коалиция буржуазных государств, из которых одни возьмут на себя финансирование, другие – составят военно-экономическую и военно-техническую базу, третьи – поставят «живую силу», четвертые будут распространять враждебную пропаганду, пятые – осуществлять экономическую блокаду [2, С. 42].

Политическую цель будущих интервентов авторы видели в стремлении к ликвидации советского строя и подчинении страны своему влиянию с целью использования русского рынка и превращения России в колонию. Эта цель бу-

дет достигаться, по мнению аналитиков, разными способами: 1) нападением на СССР, 2) экономической блокадой, 3) масштабной международной антисоветской пропагандой для политической изоляции СССР и предотвращения революций в лагере империализма [2, С. 54–55].

Наиболее вероятным вариантом для ситуации конца 1920-х гг. авторы считали нападение на западные границы СССР вооружённых сил западных соседей, при материальной и технической поддержке Англии, Франции и их союзников [2, С. 60]. При этом прибалтийские лимитрофы – сопредельные СССР европейские страны (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва) и Польша с Румынией должны были образовать непосредственно вооруженный фронт. Англия, Франция, Чехословакия и Италия предоставляли бы им военно-промышленную базу для проведения военных действий, Венгрия, Чехословакия и Балканские государства, а также, возможно, Германия – свои пути сообщения; финансировать войну должны были Англия и Франция, но для этого им понадобятся кредиты «богатых САСШ» (совр. США) [2, С. 61–62]. Авторы справедливо отмечали, что «самое осуществление интервенции в СССР немыслимо без вовлечения в орбиту антисоветского блока Германии и без урегулирования спорных вопросов между ней и Польшей. Хотя в настоящее время Германия связана с нами крупными хозяйственными и политическими интересами <...>, тем не менее, при нападении империалистов на СССР, концепция поддержки нас со стороны Германии должна фактически отпасть <...>. По мере возрождения германского империализма и укрепления хозяйственной мощи Германии, такая перспектива будет угрожать нам все более и более» [2, С. 63–64]. Этот прогноз оправдался в последующие десятилетия.

Авторы уделяли внимание анализу возможностей использования белой эмиграции потенциальными противниками СССР. Это было особенно актуально в то время, т.к. после Гражданской войны остатки белых армий, размещенные за рубежом, оставались одним из наиболее серьезных потенциальных противников советской власти [3, С. 13].

Сначала аналитики описали общее состояние белой эмиграции в 1927 г. При этом они опирались на данные штаба П. Н. Врангеля, производшего регистрацию всех русских беженцев. Штаб получал сведения от беженских организаций. Согласно им, больше всего беженцев из России проживало в Германии – 446 654 чел. (учитывались русские и представители иных национальностей), во Франции – 389 450, в Югославии – 38 865, Китае – 75 900, Польше – 89 854, Латвии – 33 252, Чехословакии – 28 959, Болгарии – 28 270, Испании – 18 925, Румынии – 7920. Всего в названных странах проживало 1 158 049 чел. Но исследователи оговаривали, что не все беженцы прошли через регистрацию и полагали, что за границей в то время проживало до 1,5 млн. русских беженцев, но «к белому лагерю следует отнести тех, которые прошли вышеуказанную регистрацию» [2, С. 75].

Далее авторы отмечали, что за границей существовало несколько военных белогвардейских организаций. Наиболее сплоченным и организованным считался Союз галлиполийцев во главе с генералом А. П. Кутеповым. Штаб Союза

располагался в Париже. Союз имел отделения во всех странах, где концентрировались представители русской эмиграции. Так, во Франции существовало около 20 отделений с количеством членов в 9000 чел. (половина – в Париже). Французские организации Союза состояли, в основном, из офицеров. Та же ситуация наблюдалась и в Сербии (4000 чел.). Солидная организация Союза (12 000 чел.) существовала в Болгарии и состояла из казаков (9000 донских казаков и терцев) и 3000 добровольцев. Отделения Союза были в Чехословакии, Польше, Румынии и других странах. Подводя итог, аналитики отмечали, что галлиполийцы были самой активной и непримиримой группой белых за рубежом [2, С. 76].

Другими типами военных белых организаций эмигрантов являлись союзы взаимопомощи бывших офицеров российской армии и флота (до 50 000 чел, но в них могли входить и галлиполийцы), а также казачьи союзы. Атаманы последних сохранили независимость и не подчинялись великому князю Николаю Николаевичу–мл., в то время – лидеру РОВС. Союзы казаков имели разный критерий для формирования: по территориальному принципу («по станицам и хуторам», 12 000 чел., большинство – в Болгарии и Сербии), по участию в событиях Гражданской войны (комитет помощи бывшим участникам походов генерала Шкуро, 7500 чел.), по политическим взглядам («группа казаков-республиканцев», 4000 чел., во главе с бывшим командующим Донской армией генералом В. И. Сидориным, куда входили, главным образом, представители казачьей интеллигенции и студенчества, большинство – в Чехословакии).

Резюмируя, авторы определили численность всех военных организаций около 60 000 чел. без учета союзов взаимопомощи. Оружия было «достаточно для того, чтобы в нужную минуту вооружить всех белых, могущих быть использованными для военных целей. Склады находятся в Сербии и Румынии. На руках оружия нет» [2, С. 77]. Рядовые члены жили на свои заработки, а руководящий состав подобных организаций поддерживался материально от великого князя Николая Николаевича, субсидируемого, в свою очередь, англичанами (в книге фигурируют единовременно выданные ему £ 100 000).

После данного анализа различных военных групп белой эмиграции, авторы «Будущей войны» перешли к анализу возможностей использования белогвардейцев в процессе подготовки вооруженной интервенции в СССР.

По сведениям агентуры, «со стороны Англии имеются намерения и ведется подготовка к организации активных выступлений белогвардейцев против нашей территории, в благоприятный для этого момент. В подготовке таких выступлений, кроме Англии, принимают также участие и некоторые другие иностранные государства: Польша, Румыния, Венгрия, Югославия, Болгария, Чжан Цзо-лин (Президент Китайской республики до 4 июня 1928 г. – авт.)» [2, С. 77]. По совокупности агентурных сведений о планах белогвардейцев в 1927 г., была сделана попытка определить характер возможных выступлений. В условиях «Военной тревоги» 1927 г. и конфликта СССР и Великобритании из-за событий в Китае, произошло оживление белогвардейских организаций за рубежом. В Париже в мае 1927 г. прошло совещание военных организаций П. Н. Врангеля. На нем Врангель сообщил о переговорах с правительством Венгрии о формиро-

вании на ее территории белых отрядов для переброски их через Румынию в СССР. За согласие Румынии Врангель признал ее «права» на Бессарабию. А представитель Врангеля в Лондоне добавил, что английское правительство готовит восстание на Украине и на Кавказе осенью 1927 г. (было отменено из-за недостаточности сил). Повстанцам должны были помочь отряды Врангеля из Венгрии, а Италия – содействовать выступлению демонстрацией своего флота в Черном море. Одновременно планировалось вторжение белых отрядов в Монголию и Сибирь, для чего в Китае велась соответствующая подготовка и ждалось подкрепление из Европы: «в мае 1927 года в Берлин прибыл специальный курьер из Шанхая и передал главе берлинских белогвардейцев ген.[ерал] фон Лампэ полномочия вербовать белых для отправки в Китай» через болгарский порт Варну [2, С. 78]. Также, по агентурным сведениям, П. Н. Краснов и английские агенты обсуждали возможность отправления 3000 бывших русских офицеров в Канаду под предлогом «охраны ее границ и лесов». А потом их хотели перебросить через Корею и Манчжурию в Сибирь. Авторы также подчеркивали, что с особой настойчивостью готовилось нападение на СССР смешанных русско-китайских отрядов хунхузов. По сведениям, поступившим в первой половине 1928 г., в Манчжурии существовала китайская организация «Союз 1000», связанная с Н. Д. Меркуловым (деятелем русских крайне правых организаций за рубежом). Штабом подобных русско-китайских отрядов должен руководить генерал-майор И. Ф. Шильников и один из «чжандзолиновских генералов». Их задачами являлись уничтожение отрядов РККА и различная диверсионная деятельность. В захваченных приграничных пунктах планировали организовать белую власть [2, С. 79]. Особо отмечалось, что параллельно с военными приготовлениями в Забайкалье ведется работа среди казачьего населения для подготовки антисоветского выступления.

Также акцентировалось внимание на оживление украинских и белорусских контрреволюционных групп. В частности, украинские группы петлюровского толка в Польше в 1927 г. проводили различные совещания, усиливая связь с польскими властями. Несколько участников петлюровских групп поступило в польскую военную академию. Ю. Пилсудский увеличил субсидии петлюровцам и поддерживал их деятельность. Польское правительство содержало кадры отрядов С. Н. Булак-Балаховича в несколько сотен человек в Беловежской пуще, Полесье и близ Барановичей.

Но, по мнению аналитиков Разведывательного управления, все описанные выше планы белогвардейцев «в значительной мере представляют пока что лишь мечтания, так как не соответствуют реальным возможностям. Одна, частичное осуществление этих планов, благодаря поддержке Англии, может иметь место, как предвестник новой интервенции». Действия групп белых будут иметь характер диверсий и терактов на окраинах СССР в сочетании с подготовкой внутренних восстаний (если их не получится организовать, белогвардейские отряды могут быть брошены через границу «без поддержки») [2, С. 79–80]. Поскольку военные организации белых были разбросаны по разным странам, это затрудняло их возможное использование для диверсионных действий в СССР. Под-

считывая количество военно-организованных белогвардейцев, авторы приводили следующие цифры: во Франции и Бельгии – 20 000, Югославии – 6000, Болгарии – 14 000, Чехословакии – 5000, Польше – 2000, Румынии – 1000, Китае – 8000. Наиболее реальным представлялось задействование, в первую очередь, военных групп белогвардейцев с Балкан, Румынии, Польши и Чехословакии (около 28 000), затем – дальневосточных белогвардейцев (около 8 000). А использование представителей подобных организаций из Западной Европы мыслилось лишь в рамках широко задуманной интервенции против СССР со стороны Англии и других держав [2, С. 80].

Далее авторы попробовали представить вероятную картину подобного выступления белогвардейцев. Сначала предполагалось скрытное сосредоточение отрядов к советским границам, с наибольшей концентрацией сил в Румынии (20 000–25 000 чел.). В осуществлении подобной операции авторы сомневались. Предполагалось, что вероятный план действий белогвардейцев в СССР может быть двояким: или вторжение на территорию Украины значительного количества небольших партизанских отрядов для диверсионной работы и облегчения поднятия восстаний (часть сил при этом варианте могла остаться в резерве в Румынии), или – переброска на территорию СССР в наиболее неблагоприятный для него момент максимально возможного количества сосредоточенных в Румынии белогвардейцев. Второй вариант считался менее вероятным (он приравнивался к объявлению войны СССР Румынией, что последней в то время было политически невыгодно). Полагалось, что во вторжение по первому варианту вмешается и Польша, где также происходила бы концентрация к украинской границе белогвардейских отрядов в несколько тысяч хорошо вооруженных человек для перебрасывания на советскую территорию. Ожидались действия в районе Минска и Советского Полесья отрядов С. Н. Булак-Балаховича. Не были исключены диверсии русско-китайских хунхузских формирований на Дальнем Востоке.

Подводя итог этой главе, авторы высказали предположения о вероятном использовании белогвардейцев в будущей войне. Оценивая численность белогвардейских вооруженных сил, авторы считали, что в начале войны она не превысит около 60 000 чел. В дальнейшем, численность белогвардейских формирований продолжила бы увеличиваться, но не более, чем до 120 000–150 000 чел. Ослабить белое движение должен был и моральный разброд, который не удастся преодолеть. Оперативно использовать силы белых эмигрантов, по мысли авторов, противники СССР, вероятно, могли для развертывания новых формирований в случае захвата значительной части советских территорий, в особенности на правобережной Украине. Но аналитики не исключали возможность, что на фронте появятся чисто белогвардейские части, которые будут действовать как ударные единицы. Но из-за малочисленности они не окажут серьезного влияния на соотношение сил [2, С. 82–83].

Результаты исследования. Интересно, что фигура М. Н. Тухачевского уже с начала 1920-х гг. привлекала большое внимание в русских военно-эмигрантских кругах. У «белогвардейской элиты» сложилось представление о

его лидирующей роли в РККА [16, С. 22–25], хотя при этом ему приписывалась, как бы в надежде на реванш за их проигрыш в Гражданской войне, роль «заговорщика», способного «низвергнуть советский строй». Легенду о «заговоре Тухачевского» использовали в «оперативной игре» ОГПУ против РОВС для внесения раскола в ряды белого военного зарубежья [16, С. 384]. Но именно под руководством М. Н. Тухачевского было создано исследование, где в числе ряда важных вопросов, касающихся защиты страны от потенциальных противников, рассматривались способы использования врагами СССР многочисленных белоэмигрантских военных организаций. Проведенная работа исследователей подтвердила, что в деле получения информации о белой эмиграции большую роль играла разведка РККА [13, С. 13]. В практическом плане авторы «Будущей войны» впервые разработали методологию анализа всех сторон военной деятельности государства [8, С. 35]. Они предложили систематизированное изложение основных проблем будущей войны, исходя из геополитической обстановки, сложившейся после «военной тревоги» 1927 г. Отметим, что необходимость всестороннего аналитического изучения работы советской разведки выделяется современными академическими специалистами как важная составляющая в деле осмысления событий Второй мировой войны [17–18].

Предвидение авторов «Будущей войны» об использовании белоэмигрантов подтвердилось уже через год: в ходе конфликта на КВЖД. А борьба против РОВС стала важным направлением деятельности как ИНО ОГПУ, так и Разведывательного управления Главного штаба РККА [19, С. 23]. Здесь подчеркнем, что впоследствии, в ходе массовых репрессий, органы НКВД активно использовали «причастность к РОВС» как обвинительную фабулу по отношению к бывшим офицерам и реэмигрантам, проживавшим в СССР. Тогда пострадали даже те, кто зарекомендовал себя, честно служа на благо советской власти. Здесь показательно трагичен опыт политического террора в Сибири, где начиная с 1933 г. органами НКВД «разоблачались» контрреволюционные (монархистские, офицерские, казачьи) «организации», «группы», «нацеленные» на свержение советской власти в случае нападения на СССР внешнего врага [См., подр.: 20, С. 249; 21, С. 126–146, 220–221; 22–27].

Самих авторов «Будущей войны» по таким же фабрикованным обвинениям репрессировали в 1937–1938 гг. К 1939 г. геополитическая ситуация кардинально изменилась. Но степень прогноза, представленная в труде, по многим направлениям оказалась высока, в том числе, и о сотрудничестве белоэмигрантов с противниками СССР во Второй мировой войне. Труд остался потомкам как важная веха в развитии отечественного военного прогнозирования.

Список источников и литературы:

1. Кокошин А. А. Методологические проблемы прогнозирования в интересах национальной безопасности России / Фак-т мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова; Ин-т социально-политических исследований РАН; Ин-т востоковедения РАН. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 98 с.

2. Тухачевский М. Н., Берзин Я. К., Жигур Я. М., Никонов А. М. Будущая война // Антология отечественной военной мысли. Кн. 11. М.: ВАГШ ВС РФ, 1996. 669 с.
3. Егоров Н. Д. Разведка Красной Армии против белой эмиграции (20-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1. С. 13–28.
4. Горчаков О. А. Ян Берзин – командарм ГРУ. СПб: ИД «Нева», 2004. 192 с.
5. Дорохов Н. И. Труд, достойный внимания историков и теоретиков // Тухачевский М. Н., Берзин Я. К., Жигур Я. М., Никонов А. М. Будущая война // Антология отечественной военной мысли. Кн. 11. М.: ВАГШ ВС РФ, 1996. С. 12–20.
6. Тулаев П. В. Антология отечественной военной мысли: опыт генерал-майора И. С. Даниленко. М.: Императорское Русское историческое общество; Изд-во «Слава!», 2019. 74 с.
7. Зданович А. А. Польская разведка против Красной армии. 1920 – 1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2007. № 10. С. 32–36.
8. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. 296 с.
9. Арцыбашев В. А. «Война между СССР и капиталистическими государствами становится неизбежной». По документам личного фонда Я. К. Берзина в Центральном Московском архиве – музее личных собраний // Вестник архивиста. 2009. № 4. С. 106–116.
10. Коротков И. А. История советской военной мысли (Краткий очерк. 1921 – июнь 1941). М.: Наука, 1980. 272 с.
11. Кокошин А. А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 годы. М.: Международные отношения, 1995. 228 с.
12. История военной стратегии России / Под ред. В. А. Золотарева. М., Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 592 с.
13. Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов / сост.: М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М.: Историческая литература, 2015. 603 с.
14. Сперанский А. В. Внешняя разведка в системе национальной безопасности России: трансформация органов и моделей управления // Органы государственной безопасности на защите Отечества. Одиннадцатые уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию УФСБ России по Свердловской области. Сб. науч. ст. Екатеринбург: Сократ, 2018. С. 54–64.
15. Приказ РВС СССР (по личному составу). № 698. 13 ноября 1925 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов. 14.11.1925. № 260 (2593). С. 3.
16. Минаков С. Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза; Эксмо. 2004. 640 с.
17. Плеханов А. М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.
18. Зданович А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой

Победе...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.

19. Цурганов Ю. С. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2010. 287 с.

20. Петин Д. И., Сушко А. В. Бывшие белые офицеры в раннем советском социуме: к анализу российской историографии // Омские социально-гуманитарные чтения – 2022. Мат–лы XV Междунар. науч.-практ. конф. Омск: ОмГТУ, 2022. С. 246–254.

21. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск : ОмГТУ, 2017. 280 с.

22. Уйманов В. Н. Карательная операция против бывших белых офицеров в Западной Сибири в 1933 году // Вестник ТГПУ. 2012. № 6. С. 238–246.

23. Аблажей Н. Н. «Ровсовская Операция» НКВД в Западной Сибири в 1937–1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 54–57.

24. Жукова Н. С., Петин Д. И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н. Е. Вараксин (1862–1937) – современник трагического века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 137–145.

25. Петин Д. И., Кузнецов Н. А. К биографии А. Э. Розенталя (1887–1941) – боевого офицера российского флота и участника освоения и изучения Арктики в 1920-х – 1930-х гг. // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 3. С. 111–130.

26. Петин Д. И. Капитан М. М. Поспеев: опыт реконструкции жизненного пути кадрового офицера топографической службы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 140–146.

27. Бодрова Л. А., Петин Д. И. Две России в одной судьбе: к биографии Ивана Гавриловича Галкина (1896–1937) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1. С. 55–66.

Для цитирования: Федотова И. В. Белая эмиграция против СССР: мнение практиков разведки РККА в конце 1920-х гг. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 228–237.

Дата поступления статьи: 19.08.2022

Дата одобрения после рецензирования: 27.08.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Федотова И. В., 2022

ХАРАКТЕРИСТИКА ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ЯНВАРЕ – ИЮНЕ 1945 Г. В ДОКУМЕНТАХ ВОЙСК НКВД СССР ПО ОХРАНЕ ТЫЛА 3-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Алексей Станиславович Ченцов¹

¹ Военный университет им. князя Александра Невского, Москва, Россия
¹ aschentsov@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 8393–4445

Аннотация: По документам войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта дается характеристика оперативной обстановки в период проведения Восточно-Прусской стратегической наступательной операции и после ее окончания. Новизна работы – анализ ранее не введенных в научный оборот источников из фондов РГВА и ЦАМО РФ, позволяющих выявить основные тенденции развития обстановки в ходе военной операции и факторы, влиявшие на деятельность войск НКВД СССР в Восточной Пруссии на заключительном этапе Великой Отечественной войны и после окончания боевых действий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, спецслужбы, НКВД, Восточная Пруссия, оперативно-служебная деятельность, оперативная обстановка, охрана тыла, разведка, контрразведка.

Постановка проблемы. В наши дни серьезное внимание историков уделяется событиям третьего периода Великой Отечественной войны и, особенно, действиям РККА на территории зарубежных государств. Этот интерес обусловлен, прежде всего, непрекращающимися попытками пересмотреть роль СССР в достижении победы над нацизмом, а также характер освободительной миссии РККА в Европе. Вместе с тем, как в отечественной, так и зарубежной историографии ряд вопросов не получил должного раскрытия; одним из них – деятельность войск НКВД за пределами СССР.

Анализ литературы по этому вопросу, показал, что в ней с опорой на документы, введенные в научный оборот еще в 1960–1970-х гг. [1; 2], фрагментарно описывается лишь участие отдельных частей и подразделений в боевых действиях по ликвидации групп солдат и офицеров противника в тылу того или иного фронта [3, С. 273; 4, С. 300–301, 375–379]. Подобный подход не позволяет в полной мере увидеть многогранную деятельность войск НКВД СССР в прифронтовых районах при подготовке и проведении крупных наступательных операций РККА и, тем самым, оценить их вклад в достижение победы над врагом.

В настоящей работе автором сделана попытка рассмотреть оперативную обстановку на территории Восточной Пруссии – первой провинции Германии, куда советские войска вступили еще в октябре 1944 г. Анализ оперативной обстановки, представленный в различных отчетных и распорядительных документах войск НКВД СССР по охране тыла действующей РККА (оперсводки,

отчетные карточки и объяснительные записки к ним, докладные записки о состоянии прифронтового режима, распоряжения и донесения), позволяет выявить факторы, влиявшие на деятельность войск НКВД СССР по стабилизации обстановки в освобожденных от противника районах в ходе и после окончания Восточно-Прусской стратегической операции.

Основная часть. Прорыв глубокоэшелонированной обороны противника и стремительное продвижение РККА к Кенигсбергу в январе 1945 г. привели к тому, что под контролем советских войск оказалась большая часть территории Восточной Пруссии. Вместе с тем, при отступлении немецким командованием в населенных пунктах было оставлено большое количество агентуры, которая вела как разведывательную деятельность, так и совершала диверсионно-террористические акты в отношении советских военнослужащих. Так, в конце января 1945 г. в городах Гумбиннен и Инстербург из состава военнослужащих вермахта были оставлены одиночки, которые, скрываясь на чердаках и в подвалах, совершали нападения на одиночно следующих солдат и офицеров Красной армии [5, Л. 63об., 65]. Задержанный 22 января 1945 г. в городе Гумбиннен разведывательно-поисковой группой 7-й заставы 132-го Минского пограничного полка ефрейтор Вилли Шейнбейн на допросе в оперативной группе НКВД СССР показал, что был оставлен в городе командиром роты с заданием поджога домов и промышленных предприятий [6, С. 90].

Но большая часть разведывательно-диверсионных групп была сформирована германским командованием еще осенью 1944 г. из активных членов НСДАП, нацистских молодежных организаций, членов фольксштурма, которые, оставаясь при отступлении немецких войск в своих населенных пунктах, получали задания разведывательного и диверсионного характера. Так, разоблаченный разведывательным отделением 132-го Минского пограничного полка диверсант Рудольф Плевка (член НСДАП с 1933 г.), получил задание от коменданта города Прейсиш-Айлау остаться в тылу РККА для совершения диверсионно-террористических актов [7, л. 110].

Активная террористическая деятельность в отношении военнослужащих РККА со стороны диверсионных отрядов противника в отчетных документах войск НКВД СССР отмечалась с начала февраля 1945 г., что, очевидно, было связано со стабилизацией фронта в районе Кенигсберга. В это время в оперативных сводках штаба войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта зафиксированы следующие факты нападений на военнослужащих РККА: в ночь на 1 февраля 1945 г. в деревне Скандау (административный район Гердауен) неизвестными убит старший лейтенант, 4 февраля 1945 г. в городе Фридланд обнаружены 3 трупа советских военнослужащих, а в ночь на 5 февраля 1945 г. в городе Коршен убиты офицер и сержант РККА [5, Л. 87, 92об.]. Нередко случаи убийств носили массовый характер. Так, 27 февраля 1945 г. на хуторе Хазенберг (административный район Хайльсберг) были обнаружены 18 трупов красноармейцев, 2 из них имели ножевые, а 16 – пулевые и осколочные ранения [8, Л. 40].

Вместе с этим фиксировались и факты уничтожения немецким населением домов, сельскохозяйственных и промышленных построек. Так, 2 февраля 1945 г. в городе Фридланд комендантский патруль задержал немку, совершившую поджог дома, а 4 февраля 1945 г. в деревне Удерванген (административный район Прейсиш-Айлау) служебным нарядом 331-го пограничного полка задержано 4 мужчин, готовящихся совершить поджог хозяйственных построек [5, Л. 88об., 94об.].

В крупных городах немецким командованием нередко оставлялось несколько групп из числа активистов нацистской партии или фольксштурма для ведения разведывательной или диверсионной работы. Так, в городе Бартенштайн противником было оставлено 5 диверсионно-террористических групп по 6–7 чел. каждая [5, Л. 150]. В районе города Хайльсберг в конце февраля 1945 г. действовали несколько групп, состоящих из членов фольксштурма, численностью до 50 чел. [9, Л. 14].

Значительное внимание немецким командованием уделялось формированию диверсионно-террористических групп, состоящих из членов молодежных нацистских организаций. Впервые сведения об участии подростков в диверсионных группах зафиксированы в оперсводке штаба войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 4 марта 1945 г. В ней указывалось, что 26 февраля 1945 г. при проверке деревни Воринен (административный район Прейсиш-Айлау) разведывательно-поисковая группа 2-й заставы 86-го пограничного полка обнаружила на чердаке одного из домов подростка 1928 г.р. В ходе обыска изъята принадлежащая ему винтовка с 30 патронами. В ходе допроса было выяснено, что он оставлен германским командованием с целью убийства военнослужащих РККА [5, Л. 139об.].

Отчетные документы войск НКВД СССР за март 1945 г. отмечают значительное количество задержанных диверсантов из числа членов организаций «Гитлерюгенд» и «Юнгфольк». Наибольшая активность подобных формирований отмечалась в населенных пунктах административного района Хайльсберг. Так, 11 марта 1945 г. служебным нарядом 217-го пограничного полка в городе Хайльсберг были задержаны 5 подростков, у них был изъят ящик пороха и бикфордов шнур. В марте 1945 г. разведывательным отделением 13-го Виленского пограничного полка в деревне Ливенберг была разоблачена диверсионно-террористическая группа, в состав которой входили 19 подростков в возрасте 14–16 лет, действовавшие в районах населенных пунктов Штернберг, Штольцхаген и Восседен. При их задержании изъяты 3 ручных пулемета, 8 автоматов, 47 винтовок, 4 пистолета, 11 охотничьих ружей, 2 малокалиберные винтовки, 12 гранат и 2000 патронов [5, Л. 181об., 194об.]. В начале апреля в деревне Цехерен вскрыты две диверсионно-террористические группы, состоящие из 11 членов организации «Гитлерюгенд», которые совершали убийства одиночных военнослужащих Красной армии и совершали поджоги хозяйственных построек. При аресте у членов групп изъято 2 ручных пулемета, 2 автомата, 11 винтовок, 5 карабинов, пистолет, 3 ручные гранаты и 6000 патронов. В соседней деревне Вернегиттен задержаны 6 подростков из организации «Юнгфольк», кото-

рые убили красноармейца, следующего по дороге. При задержании и обыске у членов группы изъяты станковый пулемет и 4 коробки патронов к нему, а также 700 г тола [10, Л. 137об.].

Одновременно с развертыванием крупномасштабного диверсионного подполья на подконтрольной РККА территории Восточной Пруссии германское командование продолжало направлять в тыл советских войск специально подготовленные диверсионные и разведывательные группы. Так, в середине марта 1945 г. в 10 км южнее Инстербурга с самолетов была выброшена диверсионная группа в количестве 18 чел., экипированная в форму военнослужащих РККА [5, Л. 181об.]. Поиск диверсантов, осуществленный 102-й отдельной маневренной группой и подразделениями 217-го пограничного полка, результатов не дал. Примерно в это же время в район деревни Гросс Розинско (административный округ Иоганнисбург) была заброшена диверсионная группа под командованием капитана Густава Шенка в количестве 6 чел., ликвидированная в ходе операции 5-й стрелковой ротой 371-го стрелкового полка 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР, находящейся в оперативном подчинении Управления войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта [10, Л. 145].

С середины марта 1945 г. в тылу 3-го Белорусского фронта в документах войск НКВД СССР стали фиксироваться диверсии на железных дорогах. 15 марта 1945 г. в трех местах были уничтожены железнодорожные пути в районе станции Пушдорф (административный район Инстербург) [5, Л. 165об.]. Не раз совершались обстрелы проходящих поездов на участке железной дороги Ротфлисс – Алленштайн [5, Л. 179]. 22 марта 1945 г. на перегоне Мушакен – Грюнфлисс (административный район Найденбург) диверсантами были заложены мины под рельсы железной дороги, в результате чего произошел подрыв товарного поезда. 26 марта 1945 г. на этом же участке подорван эшелон с немецкими гражданами, мобилизованными в рабочие батальоны [8, Л. 70].

Следует отметить, что начиная со второй половины января 1945 г. по всей территории Восточной Пруссии отмечается масштабное перемещение, как жителей СССР, так и граждан иностранных государств, насильно угнанных на работы в Германию и освобожденных в результате наступления РККА. Немецкое командование нередко использовало этих лиц в качестве агентов разведывательных органов. Так, 9 февраля 1945 г. дозор 9-й заставы 331-го пограничного полка в Инстербурге были задержаны 2 белоруса, а на следующий день – 2 поляка, возвращавшиеся к местам своего проживания и имевшие задания шпионского характера от немецкого командования [7, Л. 133]. Кроме того, под видом лиц, угнанных на работы в Германию, в тыл фронта проникали члены РОА [5, Л. 143об.].

Стабилизация фронта в Восточной Пруссии на протяжении почти двух месяцев вызвала увеличение числа дезертиров из соединений и частей РККА. Часть из них, используя различные ухищрения (движение под видом конвоя, наряда, лица, насильно угнанного в Германию на работы), продвигалась к месту своего жительства. Отдельные группы дезертиров оседали на жительство в хуторах, находящихся в отдаленных районах, и занимались грабежом местного

населения. Подобная группа, состоящая из 13 чел., была ликвидирована 18 февраля 1945 г. в деревне Троутенау (административный район Хайльсберг) служебным нарядом 3-й заставы 217-го пограничного полка [9, Л. 17об.].

Отдельные банды совершали нападения и на войсковые наряды. Так, 7 апреля 1945 г. РПГ 3-й заставы 132-го Минского пограничного полка в районе Людвигсвальде (административный район Тройбург) при проческе лесного массива Ротебудер-Форст была задержана банда вооруженных дезертиров, которой руководил К. – бывший сержант РККА. Банда производила грабежи местного немецкого населения, совершила нападение на патруль военного коменданта города Тройбург и на конвой 217-го пограничного полка. У бандитов изъяли 2 автомата ППШ, карабин, пистолет «Парабеллум», 20 гранат Ф-1 и 1500 патронов [10, Л. 128, 129].

После штурма Кенигсберга и последующей ликвидации восточно-прусской группировки противника оперативная обстановка в провинции продолжала оставаться сложной. В Кенигсберге продолжалась деятельность диверсионных групп, состоящих как из подростков, так и из бывших военнослужащих германской армии. Так, 21 апреля 1945 г. в районе Кведнау (пригород Кенигсберга) разведывательно-поисковой группой 4-й заставы 132-го Минского пограничного полка были задержаны 2 солдата вермахта, вооруженные автоматами, которые были оставлены командованием для совершения диверсий в тылу РККА [5, Л. 268].

Следует отметить, что для диверсионной деятельности в Кенигсберге германским командованием заранее были подготовлены крупные склады с оружием и боеприпасами. В конце апреля 1945 г. служебным нарядом 3-го стрелкового батальона 86-го пограничного полка в подвале одного из домов в специально оборудованной комнате обнаружена специально оборудованная комната, в которой находились 10 ручных пулеметов, 110 винтовок, 150 гранат, 10200 патронов и 30 противотанковых мин [5, Л. 245об.].

Продолжалась диверсионная деятельность членов молодежных нацистских организаций. 9 мая 1945 г. на перегоне Кенигсберг – Тильзит в районе железнодорожной станции Хайнрихсвальде (административный район Эльхнидерунг) был подорван железнодорожный мост. В ходе операции, проведенной истребительным отрядом 217-го пограничного полка и подразделений РККА, было задержано 79 чел., 8 из них – члены «Гитлерюгенда», объединенные в диверсионную группу, получившую задание подрывать железнодорожные и шоссезные мосты, а также совершать нападения на одиночных военнослужащих РККА [5, Л. 298, 311об., 313об.].

Диверсионные группы продолжали совершать нападения и на военнослужащих РККА. Так, 11 июня 1945 г. в д. Зоколлен (административный район Иоганнисбург) группой подростков 14–17 лет были убиты 13 советских солдат [11, Л. 82].

С окончанием боевых действий в Восточной Пруссии широко распространился бандитизм. Как и ранее, значительное количество бандгрупп состояло из дезертиров РККА. Но теперь стала проявляться новая тенденция – сращивание

групп дезертиров и уголовного элемента из числа местных жителей для совершения нападений с целью грабежа. Характерный пример подобной банды – группа, действовавшая под руководством К., бывшего капитана РККА в районе города Ортельсбург. В ее состав входили 4 красноармейцев, поляк, немец и 4 немки-пособницы. При задержании у бандитов изъято 10 винтовок, пистолет, 12 гранат и 20 кг взрывчатых веществ [9, Л. 143–143об.].

Начиная с мая 1945 г. в южных районах Восточной Пруссии активизировались польские банды, занимавшиеся грабежом польского населения и нападениями на отряды РККА, осуществлявшие охрану ценностей, вывозимых из провинции в СССР. Так, 17 мая 1945 г. 7 поляков совершили ограбление 6 немецких семей в деревне Талак (административный район Алленштайн), а 25 мая 1945 г. в районе города Вилленберг (административный район Ортельсбург) была задержана польская бандгруппа в количестве 11 чел., пытавшаяся отбить гурт скота, следующий в СССР [11, Л. 11].

Результаты исследования. Проведенный на основе документов войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта анализ оперативной обстановки позволяет выявить ряд факторов, влиявших на оперативно-служебную деятельность войск на территории Восточной Пруссии. В первую очередь, необходимо отметить активную разведывательно-диверсионную деятельность противника в тылу фронта, направленную на дестабилизацию обстановки. При этом широкое распространение получило формирование диверсионных групп из числа активистов НСДАП и членов молодежных организаций, которые были оставлены германским командованием в местах своего проживания с целью ведения террористической деятельности в отношении военнослужащих РККА. Активно привлекались к ведению разведывательной деятельности в тылу 3-го Белорусского фронта и лица, угнанные противником на работы в Германию. Немаловажное значение на деятельность войск НКВД СССР на территории Восточной Пруссии имело и распространение бандитизма, направленного как против местных жителей, так и против военнослужащих РККА. Основным источником пополнения банд являлись дезертиры, однако после окончания боевых действий в Восточной Пруссии стали появляться и смешанные бандгруппы (дезертиры и уголовники из числа местного населения).

Указанные факторы оказали серьезное влияние на специфику деятельности войск НКВД СССР по охране тыла действующей РККА по стабилизации обстановки в освобожденных от противника районах Восточной Пруссии. Основное внимание командованием войск НКВД СССР уделялось вопросам противодействия активной диверсионной деятельности, выявлению и нейтрализации активных членов нацистской партии и нацистских организаций, которые являлись не только участниками диверсионных формирований, но и базой для террористического подполья. Только за период с февраля по апрель 1945 г. служебными нарядами войск было задержаны и в результате проверки разоблачены 1 резидент-террорист, 383 агентов-диверсантов, 80 агентов-террористов, 32 агента-разведчика, 3 резидента контрразведывательных органов, 266 агентов

контрразведывательных органов, 28 руководителей и 4736 членов нацистских организаций [12, л. 27–28, 36–37, 48–49].

Список источников и литературы:

1. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сб. документов. М.: Наука, 1968. 708 с.
2. Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1942–1945. Сб. документов и материалов. М.: Наука, 1976. 978 с.
3. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.). М.: Граница, 2004. 712 с.
4. Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Военно-исторический труд: в 2 т. Т. 2. Органы и войска НКВД СССР во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны и советско-японской войне (1942–1945). М.: Редакция журнала «На боевом посту» ВНГ РФ, 2020. 456 с.
5. ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861.
6. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. VI: Победа (1 января – 9 мая 1945 г.). М.: Кучково поле, 2014. 560 с.
7. РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 174.
8. РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 136.
9. РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 137.
10. РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 123.
11. РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 175.
12. РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 171.

Для цитирования: Ченцов А. С. Характеристика оперативной обстановки на территории Восточной Пруссии в январе – июне 1945 г. в документах войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 238–244.

Дата поступления статьи: 14.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 14.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Ченцов А. С., 2022

**ДОКУМЕНТЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АРХИВОВ
КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК
В ИЗУЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЧК–ОГПУ–НКВД
ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

Наталья Алексеевна Шабельникова¹

¹ Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД
России, Владивосток, Россия

¹ nhistorik@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6636–5032

Аннотация: В статье рассматривается роль архивных источников в изучении деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД по борьбе с бандитизмом на Дальнем Востоке России. Цель работы – выявить своеобразие и информационный ресурс государственных и ведомственных архивов по истории дальневосточных правоохранительных органов. Акцентируется внимание на том, что анализируемый источниковый материал имеет значительный потенциал для дальнейшего исследования деятельности отечественных спецслужб по противодействию бандитизму.

Ключевые слова: исторический источник, архивы, советские спецслужбы, ВЧК, ОГПУ, НКВД, бандитизм, Дальний Восток.

Постановка проблемы. Защита национальной безопасности государства является основой его стабильного развития. Борьба с преступностью имеет приоритетное значение в качестве стратегических национальных задач. Одним из наиболее опасных, подготовленных и организованных видов преступности, связанных с вооруженным нападением на организации и граждан, является бандитизм. В современный период наблюдается неблагоприятная тенденция качественного изменения преступности – рост в ее структуре организованной преступности. В связи с этим возникает необходимость обращения к изучению истоков возникновения бандитизма.

Основная часть. Одними из ключевых событий отечественной истории стали революционные потрясения 1917 года и Гражданская война в России, оказавшее значительное влияние на дальнейшее развитие государства. В этот нестабильный кризисный период наблюдается не только резкое возрастание количества преступных деяний, но и активное проявление такого социально-опасного явления как бандитизм. Органами советской власти предпринимались решительные меры по борьбе с бандитизмом в самых различных его проявлениях. Противодействие бандитизму оказывали ЧК. После окончания Гражданской войны – органы НКВД и ОГПУ.

Системный анализ бандитизма, его особенности и проявления чрезвычайно интересно рассмотреть в условиях Дальнего Востока – региона с особым экономическим развитием и геополитическим положением, этноконфессиональным составом.

Основным источником в изучении деятельности ВЧК–НКВД–ОГПУ по борьбе с бандитизмом на Дальнем Востоке России являются материалы отечественных архивов: государственных – федеральных (РГАСПИ, ГАРФ, РГИА ДВ), региональных (ГАЗК, ГАХК, ГАПК, ГААО); ведомственных – ЦА ФСБ России, архивов УМВД РФ краев и областей Дальнего Востока.

Одно из важнейших мест в исследовании противодействия бандитизму занимают документы РГАСПИ.

Фонд 5 – Председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона В. И. Ленина (1917–1923 гг.) содержит сведения о политической и социально-экономической ситуации в стране, в том числе, в Сибири и на Дальнем Востоке. Значительный интерес представляют протоколы заседаний коллегий ОГПУ и НКВД, информационные сводки Главного политического управления [1].

Руководящую роль в политической и социально-экономической жизни государства в послереволюционный период играла коммунистическая партия (большевиков). В связи с этим необходимо знакомство с документами и материалами фонда 17 (ЦК РКП(б)). В протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) и заседаний Совета ЦК РКП(б), документах бюро Секретариата (1918–1926 гг.) и Секретного отдела ЦК ВКП(б) (1926–1934 гг.) и др. отложились протоколы Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), отчеты спецслужб о борьбе с бандитизмом, сведения о военном и политическом положении в дальневосточном регионе страны [2]. Сохранились документальные свидетельства о намечаемых мерах по подавлению волнений, в том числе, и поддерживаемых белой эмиграцией [3, Л. 1–3]. Рассматривались вопросы о чрезвычайных мерах «в отношении кулачества» [4, Л. 60].

В фонде 76 представлены докладные записки основателя и руководителя ВЧК Ф. Э. Держинского, руководителей Народного комиссариата внутренних дел в ЦК и ЦКК РКП(б); служебные письма Ф. Э. Держинского в Политбюро ЦК РКП(б), Г. Г. Ягоде. К документам внутриведомственного характера принадлежит письмо наркома внутренних дел А. Г. Белобородова Ф. Э. Держинскому о борьбе с контрреволюционными выступлениями в городах и сельских поселениях, о необходимости принятия мер против преступлений террористической направленности в отношении сотрудников советских учреждений; письмо В. Р. Менжинскому о ситуации в сибирском и дальневосточном регионах [5].

Фонд 372 содержит резолюции партийных конференций, протоколы Дальневосточного бюро (Дальбюро) – специального органа ЦК РКП(б), который руководил организациями большевиков в период Дальневосточной республики. В данных документах нашли отражение не только горизонтальные связи на региональном уровне, но и вертикальные – с центральными органами власти. Помимо сведений об обстановке в губерниях и уездах, встречаются данные о штатной структуре органов НКВД. Информацию о состоянии и видах преступности можно получить из протоколов по задержанию преступников. Ценные сведения по противодействию бандитизму содержатся в разведывательных и

оперативных сводках, протоколах заседаний областных троек [6].

Механизм реализации принятых в государстве решений исследователь может проследить исходя из документов ВЦИК и СНК, содержащихся в ГАРФ. Документальные источники раскрывают сведения о деятельности спецслужб по ликвидации бандитских формирований, данные о восстаниях крестьян на территории дальневосточного региона [7; 8]. Значимую роль в изучении проблемы противодействия бандитизму имеют материалы фонда 393 – НКВД РСФСР, в котором представлены наиболее полные сведения об оперативной деятельности органов милиции и уголовного розыска [9]. Интерес для исследователей представляют также материалы аналитического характера, содержащие информацию о численном составе, об особенностях ликвидации бандгрупп уголовной и политической направленности.

Документальные материалы ЦА ФСБ России, в частности, фонд 2 содержит недавно рассекреченные обзоры и сводки ГПУ–ОГПУ о состоянии и движении бандитизма на территории нашей страны (боевое расписание банд, их численность, фамилии лиц, возглавлявших банды) [10].

В фондах РГИА ДВ хранится наиболее полное собрание документов, позволяющее исследовать геополитическую и социально-экономическую обстановку в дальневосточном регионе, выявить основные тенденции противодействия преступности региональными правоохранительными органами. Материалы фондов Дальневосточного революционного комитета (Ф. Р-2422), Дальневосточного краевого исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся (Ф. Р-2413) располагают документами, позволяющими проанализировать взаимодействие органов НКВД с партийными и государственными органами [11; 12].

Ценная информация содержится также в материалах губернских, городских, уездных и волостных управлений НКВД Дальнего Востока: Иманской рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-531), Владивостокской городской милиции (Ф. Р-548), Ольгинской уездной милиции (Ф. Р-560), Никольск-Уссурийской народной милиции ДВР (Ф. Р-583), Сучанской районной рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-611), Ольгинской уездной рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-741), Тетюхинской волостной рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-840), Петропавловской уездно-городской милиции (Ф. Р-1398), Амурской областной народной милиции (Ф. Р-1007), Благовещенской городской народной милиции (Ф. Р-1705), Завитинской уездной рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-1907), Нижне-Тамбовской волостной рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-2005), губернской рабоче-крестьянской милиции Приамурского губисполкома (Ф. Р-2246), Анадырской уездной рабоче-крестьянской милиции и др. [13–25].

Учитывая взаимосвязь различных видов преступности и преобладание по целям, задачам и методам деятельности уголовно-политического бандитизма над политическим (белобандитизмом) в дальневосточном регионе, следует обратить внимание на ряд статистических данных, которые сохранились в документах районной комиссии Хабаровска (Ф. Р-4514) и Амурской губернской комиссии (Ф. Р-1842) по борьбе с контрабандой [26; 27].

В сложных условиях восстановительного периода после революций 1917 г. и Гражданской войны на Дальнем Востоке России высокие показатели имел специфический вид преступности – преступность несовершеннолетних. Согласно архивным данным, количество рецидивной преступности среди взрослого населения дальневосточного региона было в два раза ниже, чем среди несовершеннолетних. Кроме того, беспризорники становились легкой добычей для бандитов и контрабандистов. Документы Амурской окружной комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей (Ф. Р–2672) и Свободненской уездной комиссии по делам несовершеннолетних преступников (Ф. Р–2812) содержат сведения о мерах борьбы с беспризорностью и безнадзорностью в регионе [28; 30].

Важнейшими статистическими сведениями о деятельности правоохранительных органов по противодействию бандитизму, хунхузничеству, конокрадству, контрабанде располагают фонды государственных архивов краев и областей дальневосточного региона. В материалах партийных организаций: Амурского областного комитета ВКП(б), Приморского краевого комитета ВКП(б), Далькрайкома ВКП(б), Забайкальского губернского исполнительного комитета содержатся сведения о работе партийных организаций по руководству противодействия бандитизму. Вопросы охраны транспортной и производственной инфраструктуры обсуждались на заседаниях Дальбюро ЦК РКП(б) и Далькрайисполкома. Проблемы борьбы с бандитизмом и хунхузничеством выносились в повестку дня партийных конференций, пленумов и совещаний [31–34].

Большой фактический материал о разбойных грабежах, вооруженных нападениях и налетах представлен в материалах отделов милиции дальневосточного региона: Первичной организации Благовещенского городского отдела милиции (Ф. П–2151), Амурского областного управления милиции (Ф. 186), Хабаровского краевого управления НКВД (Ф. 384), Главного управления народной милиции ДВР (Ф. Р–402) и др. В рапортах сотрудников НКВД, донесениях начальников пограничных отрядов, имеются данные о численном составе и районах распространения бандитских групп [35–38].

В фондах ведомственных архивах УМВД России по Амурской области и Приморскому краю сохранились документы о действии банд под руководством Ивана и Александра Космыниных, Соснина, Березнова, Коростылева, Тарабанько, Хекова и др., часть из них получала поддержку из Маньчжурии и держала в страхе население региона. Значительную опасность, согласно архивным данным, имели хунхузы – бандиты преимущественно из китайцев. Банды Лау, Ким-Ин-Сели и др. незаконно переходили государственную границу и практически ежедневно совершали грабительские налеты на населенные пункты. Общественная опасность хунхузничества заключалась не только в том, что бандиты совершали грабежи и убийства мирных жителей, но и в том, что численность отрядов хунхузов могла достигать более десятка тысяч человек [39; 40]. О масштабах разрушительной активности банд, руководителями которых являлись Овечкин и Литвинцев свидетельствует, то, что документы и материалы об

их действиях собраны в отдельные дела – «Банда Овечкина», «Банда Литвинцева» [41; 42].

Результаты исследования. Таким образом, документы по истории противодействия бандитизму, имеющиеся в государственных и ведомственных архивах, являются основным, но не исчерпывающим всю полноту данных массивом. Учитывая то, что феномен бандитизма как предмет исследований обладает особой актуальностью, в современный период необходимо дальнейшее изучение не однородного по характеристикам общественного развития периода 1917–1930-х гг. с учетом привлечения законодательных и статистических видов источников, периодической печати. Тем не менее, именно документы, хранящиеся в архивах, обладают значительным потенциалом для дальнейшего исследования деятельности отечественных спецслужб по противодействию бандитизму, являются основой реализации комплексных научных проектов по истории дальневосточных правоохранительных органов.

Список источников и литературы:

1. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3, 84, 85, 112.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162/5. Д. 9.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8.
5. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49, 119, 237, 294, 338, 353, 358, 395.
6. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 152, 159, 188, 255.
7. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 66А.
8. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1.
9. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 59, 66, 73.
10. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1.
11. РГИА ДВ. Ф. Р–2413. Оп. 4.
12. РГИА ДВ. Ф. Р–2422. Оп. 1.
13. РГИА ДВ. Ф. Р–531. Оп. 1.
14. РГИА ДВ. Ф. Р–548. Оп. 1, 2.
15. РГИА ДВ. Ф. Р–560. Оп. 1, 2.
16. РГИА ДВ. Ф. Р–583. Оп. 1.
17. РГИА ДВ. Ф. Р–611. Оп. 1, 2.
18. РГИА ДВ. Ф. Р–741. Оп. 1.
19. РГИА ДВ. Ф. Р–840. Оп. 1.
20. РГИА ДВ. Ф. Р–1398. Оп. 1–3.
21. РГИА ДВ. Ф. Р–1007. Оп. 1.
22. РГИА ДВ. Ф. Р–1705. Оп. 1, 2.
23. РГИА ДВ. Ф. Р–1907. Оп. 1, 2.
24. РГИА ДВ. Ф. Р–2005. Оп. 1.
25. РГИА ДВ. Ф. Р–2246. Оп. 1–3.
26. РГИА ДВ. Ф. Р–4514. Оп. 1.
27. РГИА ДВ. Ф. Р–1842. Оп. 1.

28. РГИА ДВ. Ф. Р–2672. Оп. 1.
30. РГИА ДВ. Ф. Р–2812. Оп. 1.
31. ГААО. Ф. П–1. Оп. 1.
32. ГАХК. Ф. П–2. Оп. 1, 2.
33. ГАЗК. Ф. Р–110. Оп. 1.
34. ГАПК. Ф. П–67. Оп. 1.
35. ГААО. Ф. П–2151. Оп. 1.
36. ГААО. Ф. 186. Оп. 1.
37. ГАХК. Ф. 186. Оп. 5.
38. ГАЗК. Ф. Р–402. Оп. 1.
39. АУМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1.
40. АУМВД России по Амурской области. Ф. 9. Оп. 43–р.
41. АУМВД России по Приморскому краю. Ф. 64. Оп. 4. Д. 2.
42. АУМВД России по Приморскому краю. Ф. 64. Оп. 4. Д. 3.

Для цитирования: Шабельникова Н. А. Документы отечественных архивов как основной источник в изучении деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД по борьбе с бандитизмом на Дальнем Востоке России // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 245–250.

Дата поступления статьи: 29.08.2022

Дата одобрения после рецензирования: 31.08.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Шабельникова Н. А., 2022

**«ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ» РЕШАЛИСЬ
«ВЕЛИКИЕ ВОПРОСЫ» СОВРЕМЕННОСТИ.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕКИСТОВ В ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ
(1920–1933 ГГ.)**

Александр Петрович Шекшеев¹

¹ Хакасская республиканская ассоциация жертв политических репрессий,
Абакан, Россия

¹ Turan47@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 3130–0793

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению функционирования органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ на территории сельских анклавов Енисейской Сибири, современных Красноярского края и Республики Хакасия, на этапе от их создания с завершением Гражданской войны и вплоть до участия чекистов в осуществлении массовой коллективизации. В самом кратком виде его содержание можно охарактеризовать приведенным в названии этой статьи известным крылатым высказыванием немецкого канцлера Отто фон-Бисмарка «Железом и кровью...». Автор впервые в обобщенном виде и с использованием большого количества архивных документов показал основные направления и итоги деятельности спецслужб, заключавшиеся в подавлении контрреволюции, крестьянского сопротивления, ликвидации уголовных элементов, инакомыслия и т.д. Это обобщение свидетельствует о том, что действовавшие, согласно политике Коммунистической партии, органы жестокими средствами способствовали созданию советского общества.

Ключевые слова: деревня, коммунисты, крестьянство, советская власть, советское общество, чекисты, политические репрессии.

Постановка проблемы: В советское время литература, написанная по истории органов госбезопасности, представляла «заповедник героических мифов», а созданная, начиная с 1990-х гг., характеризовала их уже в качестве беспощадной политической полиции. Применительно к последнему времени все более частыми стали публикации, где изучение репрессий сочетается с демонстрацией положительного облика чекистов. Но изучение этой темы вряд ли когда-нибудь станет свободным от политики и полностью объективным хотя бы потому, что немалая часть «контрреволюционных» деяний, по мнению некоторых историков, была «высосана из пальца» [1, С. 104, 107–108] и исследуется по документам советских органов. Вероятно, актуальным становится освещение красного террора как вынужденного, решающего проблемы ускоренной модернизации страны с предварительной реконструкцией фактической канвы этого процесса, в частности на региональном уровне.

Основная часть. Енисейская Сибирь, как и вся территория за Уралом в целом, считалась регионом, глубоко пораженным контрреволюцией, изобиловавшим белогвардейцами и кулачеством, а позднее – краем широкого промышленного освоения, который обеспечивал страну материальными и трудовыми ресурсами. Поэтому на удаленной от центра огромной территории, населенной миллионным крестьянством, зачастую ограниченным общинными и личными интересами, разным по степени зажиточности и вовлечения в политические процессы, организация и функционирование органов ВЧК обретали высокую значимость. В январе 1920 г. в Красноярске была создана Енисейская губЧК, а в феврале – апреле того же года – уездные уголовно-следственные комиссии, названные затем политбюро. В своей специфической деятельности они подчинялись ПП ВЧК Сибири, оставляя такие функции, например, как разоружение и расформирование созданной из бывших партизан Енисейской стрелковой дивизии и наблюдение за поведением их вожаков сотрудникам особого отдела 5-й армии.

Несмотря на проблемы в обеспечении надлежащими кадрами, налаживании деловых отношений с партийно-советскими органами и организации на местах сети агентуры, чекистские органы постепенно распространяли свой контроль на деревню. Командированные и сопровождаемые отрядами, уполномоченные изымали у крестьян брошенное белыми оружие, «вычищали» селения от сторонников прежней власти, налаживали наблюдение за положением в губернии, сводки о котором предоставлялись ее руководству. Уездные органы в Ачинске и Канске выносили смертные приговоры бывшему белому офицерству, в Минусинске – дружинникам и инородческим общественно-политическим деятелям. С весны 1920 г. органы все чаще ликвидировали т.н. «контрреволюционные организации», якобы готовившие антисоветские восстания. Судя по заявлениям чекистов, в мае под Красноярском была уничтожена «белогвардейская организация» «атамана» Каверина, состоявшая из военнопленных-поляков, в сентябре – декабре в Минусинском уезде задержанию подверглись участники «контрреволюционного заговора» и члены ряда «банд», в частности, хорунжего Занина [2, Л. 14; 3, Л. 68; 4, Л. 6; 5, Л. 28].

Между тем работники ЧК не смогли предупредить начавшееся осенью 1920 г. крестьянское повстанчество, обусловленное дискриминацией властями населения, мобилизацией его в РККА и принудительным изъятием продовольственной разверстки. С выступлением мятежников чекисты стали назначаться в состав организуемых штабов или специальных групп, направляемых непосредственно на борьбу с ними. Тогда же «центром тяжести» в работе губернской чека стал «продовольственный фронт»: её сотрудники не только расследовали такие протестные дела, как коллективное выступление против разверстки балахтинских крестьян [6, Л. 63, 74, 76], но и во главе продотрядов заставляли население выполнять заготовительные задания.

Начиная с января 1921 г. чекисты продолжали выявлять и ликвидировать «контрреволюционные организации». Так, некое «бюро зеленой партии», мешающее хлебозаготовкам, было раскрыто среди крестьян Шалаболинской волости Минусинского уезда. Совершенные весной того же года спецслужбами аресты до 300 «заговорщиков» сорвали якобы намеченное ими «контрреволюционное» выступление в Красноярске и его окрестностях [7, Л. 120; 8, Л. 39]. В Туруханском крае, в пограничных селениях Минусинского уезда, в Ачинском, Канском и Енисейском уездах выявлялись и арестовывались лица, заподозренные во враждебном отношении к советской власти.

К весне 1921 г. с очагами повстанчества в Красноярском, Канском и Ачинском уездах было покончено, оно сместилось на юг, в Ачинско-Минусинский район, заселенный инородцами, которые активно поддерживали своих «бандитов». В этой обстановке осведомленные чекисты всячески старались завязать отношения с повстанцами, склонить их к сложению оружия и принимали на себя обязанности вести с ними переговоры. Для выявления причин живучести инородческого «бандитизма», наказания лиц, совершавших здесь преступления, и организации перехода его участников к мирной жизни действовали образованные губернским руководством две комиссии, в составе которых находились чекисты. Однако попытки ликвидировать повстанчество переговорным путем оказались неэффективными. С осени 1921 г. преобладающими стали боевые действия 26-й дивизии и ЧОН, а также агентурные разработки спецслужб.

Состоявшееся 30 августа 1921 г. в Красноярске собрание ответственных работников высоко оценило деятельность губернских чекистов, успешно справившихся «с изъятием и уничтожением карателей и контрразведчиков». С введением нэпа они нацеливались на разоблачение и ликвидацию уже не явных «контрреволюционеров», а скрытых врагов советской власти [9, Л. 79].

С целью наблюдения за поведением монархистов, социалистов-революционеров и меньшевиков они были поставлены на учет в чекистском ведомстве. Затем их стали склонять к оговорам и распаду ячеек. Используя чекистскую информацию, власти «очищали» свои органы от земцев, «старых» кооператоров и бывших партизан-сепаратистов. Чекисты занимались расследованием случаев красного бандитизма, в частности по поручению ВЦИК от 29 августа 1921 г. Шарыповского дела – самосудов, осуществленных милицией в отдельных местностях Ачинского уезда [10, Л. 50], а также осуществляли борьбу с иностранными разведками. Внимание чекистов привлекало и «склочное», «антисибовское» поведение руководящих партийцев.

Одновременно спецслужбы не оставляли в покое и организованную «контрреволюцию». В Минусинском уезде, к примеру, были обнаружены и уничтожены мелкие группы, которые осуществляли «разведывательные» действия в пользу «банд» и хранили награбленное имущество. Перейдя к массированному охвату своим воздействием деревню, чекисты запугивали крестьян путем разоблачения якобы действовавших среди них антисоветских организаций.

Так, согласно их информации, в октябре 1921 г. была раскрыта группа из 40 служащих и «кулаков», нанесших существенный урон военным и коммунистическим властям на ст. Ужур Ачинского уезда, а в апреле следующего года – в д. Ивановка, находившейся на границе с Томской губернией. Ликвидации подверглась организация в Подсосенской волости Красноярского уезда, состоявшая из 150–200 «бывших офицеров» и «кулаков», выступавших якобы под лозунгом «Бей жидов, спасай Россию» [11, Л. 93; 12, Л. 161]. Уничтожена была и «контрреволюционная» организация, возникшая на территории ряда волостей Ачинского уезда. Целью её являлось свержение коммунистического режима и создание республики с президентским правлением или властью Учредительного собрания. С гибелью нескольких «заговорщиков» и арестом 36 крестьян двое обвиняемых затем подверглись расстрелу, а пр. – заключению. Более значительную по численности членов «монархическую организацию» под руководством бывшего полковника Глассона обнаружили чекисты в г. Красноярске и Канском уезде. Она якобы готовила вооружённое выступление крестьян, назначенное на весну 1922 г. [13, Л. 142; 14, Л. 2, 4, 7, 105–108, 121–122; 15, Л. 83, 214].

Создание в феврале 1922 г. ГПУ вместо ВЧК на время сузило права чекистов. Вместо губЧК в Красноярске был создан Енисейский губернский отдел ГПУ (ГО ГПУ). С принятием Конституции РСФСР и образованием СССР ГПУ было реорганизовано в ОГПУ при СНК СССР, а, в связи с упразднением губерний, на местах возникли окружные отделы ПП ОГПУ по Сибирскому, затем Западно-Сибирскому и Восточно-Сибирскому краям. На территории енисейских округов действовали Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский и Хакасский органы ОГПУ.

Весной 1922 г. в связи с организацией боевых районов и участков ЧОН уполномоченные ГО ГПУ были прикреплены к территориальным штабам и усилили агентурную работу среди населения и мятежников. Порой переговоры заканчивались выходом из тайги целых повстанческих групп. В обязанности чекистов входило наблюдение за поведением воинских командиров и участие в деятельности органов специфического назначения. Происшедшее летом объединение повстанцев под руководством казака Соловьева и обретение ими политических лозунгов заставило власти подчинить борьбу с «бандитизмом» губернскому и уездным Военно-политическим совещаниям, а для осуществления карательных мер создать Чрезвычайную тройку. Согласно её приговорам, назначенные ответственными за повстанческие налеты, 40 чел., в основном женщин и детей, были расстреляны [16, Л. 89; 17, Л. 81–83].

При этом чекисты реально оценивали состояние деревни. Так, выступая на прошедшем 30 сентября 1922 г. пленуме Енисейского губкома РКП(б), руководство ГО ГПУ информировало ответственных коммунистов о «суровом» характере прошедшей продовольственной кампании и наступившем в ряде мест голоде [18, Л. 191].

С осени 1922 г. военные власти, благодаря агентурным разработкам, стали получать более достоверную информацию о сущности повстанчества. Наладив ее поступление непосредственно из местности, где находилось зимовье «банды» Соловьева, чекисты своими действиями способствовали ее разгрому. Признав работу Чрезвычайной тройки «удовлетворительной и законченной», состоявшееся 23 декабря 1922 г. губернское Военно-политическое совещание передало оставшийся «преступный элемент» на рассмотрение выездной сессии ревтрибунала, а 169 заложников – под надзор чекистов [19, Л. 40]. Переход к нэпу и образование в 1923 г. Хакасского уезда окончательно лишили повстанчество массовой поддержки со стороны коренного населения и привели его к затуханию.

Осознание обществом бесперспективности сопротивления и произошедшее введение советской властью политики «лицом к деревне» способствовали умиротворению крестьянства с последующим его вовлечением в советское строительство. Демонстрируя отрицательное отношение к «старому режиму», граждане с. Белоярское Минусинского уезда в 1925 г. писали И. В. Сталину, что «население с отвращением думает о прошлом – возврата к прошлому нет даже здесь, за тысячи верст от центра» [20, С. 109]. Либерализация государственной политики была благожелательно воспринята значительной частью населения, но неготовыми к ней оказались местные партийные и советские работники, продолжавшие осуществлять управление испытанными методами военного коммунизма, недовольство выражала и деревенская беднота.

Существенные изменения произошли в облике, направлениях и методах деятельности самих органов ОГПУ. Составляя обвинительные заключения, спецслужбы тем самым оказывали влияние на исход судебных процессов. Но при этом наблюдалось снижение числа осужденных за политические преступления, приговоренных к расстрелу и, напротив, большое место в деятельности чекистов стало занимать расследование крупных растрат и хищений, а также должностных преступлений. Общему усилению политического сыска служило тотальное наблюдение органов за настроениями и поведением населения. Их сводки отслеживали осуществление правительственных мероприятий и реакцию на него всех категорий деревенского сообщества. Именно чекисты сообщали властной верхушке о беззакониях, жестоком и насильственном характере деятельности низовых работников. Большую работу по ознакомлению с письмами людей проводили сотрудники военно-цензурного отдела ГО ГПУ–ОГПУ.

Вслед за сбором на общество компрометирующей информации спецслужбы переходили к преследованию лиц, в прошлом состоятельных или не согласных с политикой новой власти. Например, непереносимым стало одобряемое органами ОГПУ лишение избирательных прав бывших офицеров. Под надзором чекистов находились и административные ссыльные, водворенные в 1925 г. на жительство в Приангарье и Туруханский край. Весной следующего года среди них возникли антисоветские группировки, пользующиеся поддержкой зажиточного крестьянства, грабившие кооперативы и будто бы установившие связь

с белогвардейскими кругами в Монголии. Мятеж был предотвращен арестом 11 руководителей и введением дополнительного отряда милиции [21, Л. 3; 22, С. 182; 23, С. 125].

В те же годы группы авторитетных среди населения «антисоветских элементов», состоявшие из бывших эсеров, офицеров, кооператоров и интеллигенции, были выявлены в Курагинском, Ермаковском и Бейском районах Минусинского округа. Выступая на районных съездах советов, сходах и собраниях с критикой работы руководящих органов и коммунистов, они высказывались за улучшение положения на местах. Но после прений с большинством собравшихся они, как правило, прекращали свои обвинения [24, Л. 44; 25, Л. 12; 26, Л. 38, 44; 27, Л. 192]. Контролируя политическую ситуацию, чекисты запугивали таких людей и тем самым подавляли инакомыслие. По инициативе органов только в том же Минусинском округе к 1927 г. лишению избирательных прав подверглись 546 человек, в т. ч. 355 административно-ссылных и 20 бывших офицеров [28, Л. 29–46].

С самого начала воцарения советской власти происходили гонения на Русскую Православную церковь, которая считалась среди чекистов «контрреволюционной организацией». Начав свою антицерковную деятельность со смены епархиального руководства, местные спецслужбы контролировали процесс изъятия ценностей, закрытие или переход храмов к «обновленцам» и способствовали размежеванию приходов. Чекисты сосредоточили антирелигиозную деятельность на разложении «сектантской» среды, раздроблении её на отдельные группы и обострении внутренней борьбы. Однако полностью подчинить религиозную сферу своему влиянию спецслужбам не удавалось. Более того, началось возвращение в лоно канонической церкви религиозных общин. Такое развитие событий, заставило чекистов прибегнуть к арестам и осуждению епископа Красноярского и группы священников. Будучи не в силах бороться в плоскости духовного развития, власти перешли к административному преследованию хакасских шаманов.

Происшедшая криминализация общества заставила советскую власть обратиться к борьбе с нею путем привлечения чекистских органов, наделенных правом внесудебной расправы. Постановлением от 16 октября 1925 г. ЦИК СССР объявил Сибирь с 1 декабря на 2 месяца «районом, неблагополучным по бандитизму». Местными органами прокуратуры дела рецидивистов по ст. 76, 183 и 184 УК РСФСР стали передаваться в отделы ОГПУ, которые с соответствующим оформлением затем направляли их на рассмотрение тройки ПП ОГПУ. Чаще всего обвиняемые приговаривались ею к расстрелу. Постановлениями ЦИК СССР и ВЦИК от 1 и 9 декабря 1926 г. данная акция была повторена. По мнению краевого прокурора, это была «временная, чрезвычайная, но полезная мера общего предупреждения деревенского бандитизма» [29, Л. 133]. Вместе с тем она вызвала лишь временное затишье с последующим оживлением преступности.

Снижение темпов хозяйственного становления страны обусловило обострение политической борьбы внутри самой правящей партии. В результате подавления фракционной борьбы столичных коммунистов в городах Енисейской Сибири появилась целая колония, где по постановлению и под контролем ОГПУ отбывали ссылку видные сторонники разгромленной оппозиции. Искоренение инакомыслия в партии вылилось в общую «чистку» ее организаций. Контролировали чекисты настроения местного казачества, бывших дружинников и красных партизан, нередко выражающих недовольство властью. Наряду с иными слоями общества, спецслужбы наблюдали за настроениями коренного населения юга региона, особенно его интеллигенции, которая порой являлась источником сепаратизма.

Известным чекистам было, например, такое высказывание административно-ссылного, сделанное 15 января 1927 г. в с. Ново-Курское Бейского района Минусинского округа: «Близок тот час, которого мы так ждем, только получим известие, что в России восстали ... так я ... первый беру винтовку и пойду ... против коммунистов...» [30, Л. 67]. Осенью того же года в деревне стало заметно больше проявлений антисоветской агитации, осуществляемой такими лицами и представителями духовенства [31, Л. 1]. Деревенское общество, подверженное ею и разлагаемое различными государственными льготами бедноте и переселенцам, раскалывалось. Наряду с советскими активистами, организационные начала демонстрировали и их противники. Так, накануне выборов в правление кооперации агитацию по домам проводила группа, состоявшая из священника, бывшего офицера и ссыльных, в с. Фаначет Тасеевского района. В с. Галактионово Идринского района состоялось собрание 12 «кулаков», обсуждавших меры по сокрытию объектов налогового обложения [32, Л. 35; 33, С. 584]. В Ачинском округе участились случаи ограбления кооперации, обстрелов проходящих поездов бандитами, которым помогали местные крестьяне. К концу 1927 г. были выявлены «правоэсеровские элементы» в лице секретаря сельсовета, счетовода общества потребителей, учительницы и, которые в с. Кекур Сухобузимского района пользовались поддержкой даже коммунистов. Но в иных местностях партийцы считали интеллигенцию «контрой», по возможности обновляя состав, например, учительства [34, Л. 502; 35, Л. 292].

Повышение уровня антисоветских настроений и проникновение в советы зажиточных крестьян вызвали опасения со стороны ОГПУ и местных партийных организаций. Сложившаяся политическая обстановка, порождавшая конфликтные ситуации в деревне, требовала усиления контроля и жестких мер со стороны государства. Присущие нэпу хозяйственные противоречия начали, ухудшая экономическую обстановку, тормозить развитие страны. Развернувшееся после XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) наступление государства на деревню выражалось в усилении налогового пресса, продовольственных заготовок, а также в ущемлении религиозных чувств и ограничении избирательных прав населения.

Ответное сопротивление крестьян, заключавшееся в «разговорчиках», распространении слухов о войне и падении советской власти, деревенских выступлениях на выборах, скупке товаров в кооперации и недостаточном выбросе сырья на рынок, характеризовалось некоторыми прокурорскими работниками, как не опасное [36, Л. 33]. Но власти сочли саботаж хлебозаготовок 1927/28 г. настолько сильным, что 13 января 1928 г. ПП ОГПУ и краевой прокурор направили окружным органам прокуратуры и ОГПУ директиву об использовании их сил для его упразднения. Предлагалось «кулаков»-саботажников арестовывать и, как злостных спекулянтов, судить по 107 ст. УК РСФСР [37, Л. 172; 38, С. 52]. В основном чекисты были привлечены к расследованию массовых, с жертвами или политически окрашенных беспорядков на почве взимания налога.

Между тем начавшаяся в январе-феврале 1928 г. кампания самообложения и подписки на государственный заем показала способность крестьян отдельных местностей к самоорганизации. Объясняя неудачный исход своей деятельности, лица, ответственные за неё, отмечали, что «таких собраний сроду не было», имелась связь между селами, крестьяне «оповещали из села в село». Появляясь на сходах в селениях Минусинского, Идринского, Каратузского, Курагинского и Ермаковского районов, крестьянские уполномоченные договаривались с местными обществами о совместном протестном поведении. На съезде празднике в с. Никольское Идринского района священник и «кулаки» рассказывали о восстаниях и голоде в городах и наказывали крестьянам прятать хлеб. «Характерным и не единичным» случаем назвали власти организованное выступление зажиточных и середняков, голосовавших целыми семьями и победивших на выборах в Больше-Муртинский сельский совет Красноярского округа [39, Л. 51; 40, Л. 29; 41, Л. 6; 42, Л. 3].

Государственные кампании сопровождались ростом антисоветской агитации. Представители духовенства, например, говорили о скорой поддержке «русской религии» со стороны зарубежных стран и гибели советской власти. На апрельском 1929 г. собрании в с. Чернышево Ачинского округа, обсуждавшем принятие плана вывоза хлеба в государственные закрома, бывший коммунист доказывал крестьянам не делать этого: «Ничего они с нами не сделают». Усиленной агитацией со срывом бедняцкого собрания, разбрасыванием по деревням прокламаций с призывом уничтожать активистов занимался в Новоселовском районе некий приезжий фотограф [43, Л. 321; 44, Л. 22; 45, С. 100]. Вследствие такой агитации крестьяне отказывались от вступления в создаваемые колхозы и выполнения хлебозаготовок.

Будучи грозной и удобной для властей силой, чекисты «вычищали» деревню от лиц, способных организовать крестьянское сопротивление. Так, 2 января 1929 г. аресту подверглась группа середняков, в прошлом дружинников, в с. Галактионово Минусинского округа, бывших угрозой для местных коммунистов и сорвавших самообложение. В феврале того же года была выявлена ячейка в составе пяти крестьян и священника в д. Ульяновка Канского округа, меч-

тавших разграбить кооперацию и отравить уполномоченного окружкома ВКП(б). В д. Кузьминка и Некрасовка Ачинского округа была выявлена группа из девяти «лишенцев» во главе с бывшим полным Георгиевским кавалером, наметившая убийство местных руководителей и ограбление мельницы. Осенью того же года готовившая восстание «контрреволюционная организация» во главе с бывшим офицером и начальником колчаковской милиции с подразделениями в с. Троицко-Заозерново, Успенское и Рыбинское была ликвидирована в Канском округе. В этом случае аресту органами подверглись 58 человек [46, Л. 325, 342, 351; 47, Л. 42; 48, Л. 2].

Объявление непомерных государственных заданий, не выполнение которых грозило крестьянам применением к ним 61 и 58 ст. УК с арестами, конфискации имущества и даже расстрелами, обострили положение и заставили их бежать в тайгу. Прямым следствием государственной политики стало расширение масштабов политического и уголовного бандитизма. Для его ликвидации 26 октября и 1 ноября 1929 г. постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР Сибирь еще раз была объявлена «неблагополучной по бандитизму». Чекисты сразу же перешли к бескомпромиссной расправе с участниками, например, неудавшегося мятежа на Сисиме или «банды» Пимщикова–Озерных в Ачинском округе.

Инспирированная идеологическими установками большевиков и политико-экономической ситуацией в стране, массовая коллективизация, начавшись с конца 1929 г., приобрела форму «раскулачивания». Осуществляемое местными активистами, оно было «стихийной» кампанией, которая, по мнению наблюдавших ее чекистов, имела характер «штурма, партизанского налета, граничащего с грабительством» [49, С. 83]. Властями для упорядочения и придания своим действиям в глазах крестьян государственной значимости, выполнение решающей акции, направленной на «очищение» районов сплошной коллективизации от «кулаков», было возложено на чекистов. Действуя в соответствии с приказом ОГПУ от 3 февраля 1930 г., органы задерживали их и, согласно приговорам Особой тройки при полпредстве, отправляли в распределители и отделения СибЛАГа, наиболее «злостных» и «махровых активистов» расстреливали. Совместно с местными властями чекисты проводили массовую депортацию «кулаков» 2-й и 3-й категорий с семьями за пределы создаваемых колхозов, а с 15–20 марта – расселение внутри округов «кулаков» 3-й категории. Сменившее грабительское «раскулачивание» массовое выселение крестьян осуществлялось для получения дешевой и универсальной рабочей силы и освоения необжитых территорий. Такой, к примеру, была прошедшая летом 1931 г. ссылка «кулаков», в которой чекисты принимали участие созданием на местах сборных пунктов, ведавших вопросами их приема, учета и отправки.

Массовые и жестокие репрессии, проводимые с целью создания нового общества, выстраивания идеологических и духовных основ советского строя, накалили социально-политическую обстановку в деревне и вызвали крестьянский протест. Он выражался в формах «пассивного» и активного сопротивле-

ния, верхом которого являлось повстанчество. Вызвав многочисленные, но разрозненные и локальные «контрреволюционные» выступления, вроде «Крестьянского эха», «Черных партизан», «Князюковщины» и Таймырского восстания, чекисты применили внесудебные методы расправы, осуществили ликвидацию и изоляцию сопротивлявшегося крестьянства. Вскоре партийно-советское руководство стало ориентировать отделы ОГПУ на полную ликвидацию категории крестьян-единоличников. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., чекисты усилили поиски и разоблачение лиц, наносивших ущерб государственному и общественному имуществу. Органы были вынуждены вмешиваться и устранять множество прорывов, возникавших в социально-экономической сфере.

Результаты исследования. В итоге коллективизация стала теми жерновами, что перемололи енисейскую деревню, и в то же время – большевистской попыткой прорыва в решении российского аграрного вопроса. Вместо разрозненного и слабо управляемого крестьянства была создана стабильная и гарантированная система продовольственного обеспечения страны, состоявшая из колхозов и совхозов. Другим итогом «великого перелома» явилось построение империи принудительного труда, которая создавала промышленный потенциал Красноярья. Сформировалась мобилизационная система экономики, а власти, расправившись с многочисленным крестьянством, смогли перейти к трансформации общества путем развязывания нового и «большого террора». Массовые репрессии являлись закономерными, т.к., по мнению одного из видных современных политиков, «были обусловлены системой, созданной Лениным и Сталиным» [50, С. 8].

Следовательно, образованные в условиях послевоенной разрухи и наделенные особыми правами чекистские органы на Енисее являлись орудием коммунистической власти, существовавшим для подавления контрреволюции и повстанчества, профилактики политических настроений в обществе и быстрой расправы над инакомыслием. Действуя согласно политике Коммунистической партии и советского государства, органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ боролись с действительными и мнимыми врагами пролетарской власти, наблюдали за обществом, преследовали «антисоветские элементы» и, терроризируя людей, навели советские порядки в енисейской деревне.

Осуществляя построение общества по своим канонам, большевики раскалывали крестьянство, натравливали бедноту на «кулаков» и, устраняя возникший хаос, прибегали к использованию спецслужб. Провоцируя крестьянское сопротивление и создавая, судя по документам реабилитации, мифические «контрреволюционные организации», чекисты испытанными и жестокими средствами подавляли бунтарские потенции деревни. С их участием сопротивление определенной части общества становлению и укреплению советской власти постепенно вырождалось и заменялось приспособлением к новому политическому устройству.

Список источников и литературы:

1. Кузнецов И. С. Народное сопротивление тоталитаризму в 1930-е годы: проблемы изучения // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1996. С. 100–109.
2. ГАКК. Ф. П–7. Оп. 1. Д. 158.
3. ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 186.
4. Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова. Ф. 1. Оп. 4. Д. 70–71.
5. ГАКК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 82.
6. ГАКК. Ф. Р–448. Оп. 2. Д. 342.
7. МКУ «АГМ». Ф. Р–25. Оп. 1. Д. 225.
8. ГАНО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 281.
9. ГАКК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 105.
10. ГАКК. Ф. Р–448. Оп. 2. Д. 256 б.
11. ГАКК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 170.
12. ГАКК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 141.
13. ГАКК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 141.
14. ГАКК. Ф. Р–12. Оп. 3. Д. 18.
15. ГАНО. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 156.
16. ГАНО. Ф. П–302. Оп. 1. Д. 369.
17. ГАНО. Ф. П–302. Оп. 1. Д. 374.
18. ГАКК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 264.
19. ГАНО. Ф. П–302. Оп. 1. Д. 369.
20. Кузнецов И. С. Массовая психология сибирского крестьянства и политическая жизнь деревни в 20-е гг. // Актуальные проблемы истории советской Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1990. С. 107–123.
21. ГАНО. Ф. Р–20. Оп. 3. Д. 44.
22. Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск: Наука, 1973. 518 с.
23. Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне, 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск: Наука, 1987. 330 с.
24. МКУ «АГМ». Ф. Р–115. Оп. 1. Д. 28.
25. МКУ «АГМ». Ф. Р–115. Оп. 1. Д. 104.
26. МКУ «АГМ». Ф. Р–119. Оп. 1. Д. 104.
27. ГАНО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2107.
28. МКУ «АГМ». Ф. Р–115. Оп. 1. Д. 458.
29. ГАНО. Ф. Р–20. Оп. 2. Д. 152.
30. МКУ «АГМ». Ф. Р–119. Оп. 1. Д. 458.
31. ГАРФ. Ф. Р–1235. Оп. 140. Д. 798.
32. ГАНО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 21.

33. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Док-ты и мат-лы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
34. ГАНО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2050.
35. ГАНО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2022.
36. ГАНО. Ф. Р–20. Оп. 1. Д. 178.
37. ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68.
38. Гущин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 157 с.
39. ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 698.
40. ГАКК. Ф. П–60. Оп. 1. Д. 612.
41. ГАКК. Ф. П–60. Оп. 1. Д. 614.
42. ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 62.
43. МКУ «АГМ». Ф. Р–369. Оп. 1. Д. 35.
44. ГАНО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 7.
45. Бушуев В. Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск: Буква, 2000. 397 с.
46. МКУ «АГМ». Ф. Р–369. Оп. 1. Д. 35.
47. МКУ «АГМ». Ф. Р–369. Оп. 1. Д. 60.
48. ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 114.
49. Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 гг. / Отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск: Наука, 1992. 286 с.
50. «Память короткая? Мы поможем!» Беседа с В. Р. Мединским, помощником президента РФ // Аргументы и факты. 2020. № 42. С. 8.

Для цитирования: Шекшеев А. П. «Железом и кровью» решались «великие вопросы» современности. Деятельность чекистов в Енисейской Сибири (1920–1933 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 251–262.

Дата поступления статьи: 01.09.2022

Дата одобрения после рецензирования: 13.09.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Шекшеев А. П., 2022

Научное издание

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ
В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ**

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной памяти историка отечественных спецслужб
Александра Михайловича Плеханова
и 105-летию образования ВЧК
(Омск, 19–20 октября 2022 г.)

Для дизайна обложки использованы фотографии
из личного архива А. А. Плеханова и открытых интернет-источников

Ответственность за содержание материалов несут авторы

Печатается в авторской редакции

Мнения авторов материалов могут не совпадать
с мнениями членов редколлегии издания

Компьютерная верстка *Ю. П. Шелехиной*

Подписано в печать 05.10.22. Формат 60×84_{1/16}. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе. Усл. печ. л. 16,50. Уч.-изд. л. 16,50.
Тираж 100 экз. Заказ 347.

Издательство ОмГТУ. 644050, г. Омск, пр. Мира, 11; т. 23-02-12.
Типография ОмГТУ